

Алексей БЫЧКОВ

КИЕВСКАЯ РУСЬ

СТРАНА, КОТОРОЙ НИКОГДА НЕ БЫЛО?

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ

УДК 94(093)
ББК 63.3(2)
Б95

Серийное оформление и
компьютерный дизайн *Сергеев А. С.*

Подписано в печать 18.01.05. Формат 84×108^{1/2}.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 5000 экз. Заказ № 311.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

Бычков, А. А.

Б95 Киевская Русь. Страна, которой никогда не было?; легенды и мифы. / Алексей Бычков. — М.: Олимп: АСТ: Астрель, 2005. — 443, [5] с.

ISBN 5-17-028317-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7390-1438-7 (ООО «Агентство «КРПА Олимп»)
ISBN 5-271-1U25-3 (ООО «Издательство Астрель»)

Новый взгляд на историю государства, которое мы привыкли называть Киевской Русью, предлагает нам эта книга. Опираясь на ныне утерянную «Моравскую хронику» (датированную примерно XIV веком), скандинавские саги, иранские сказания, свидетельства немецких историков, а также книги греческих и латинских авторов. Алексей Бычков делает поразительный вывод: никакой Руси не было! А заученная нами из школьных учебников «истина» — это не более чем легенды и сказки...

УДК 94(093)
ББК 63.3(2)

ISBN 5-17-028317-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7390-1438-7 (ООО «Агентство «КРПА Олимп»)
ISBN 5-271-11125-3 (ООО «Издательство Астрель»)

© ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2005
© оформление ООО «Издательство АСТ», 2005

От автора

Эта книга посвящена истории Киевской Руси, страны, которой, с моей точки зрения, никогда не существовало. Однако это утверждение можно воспринять как бездоказательное, поэтому я решил предоставить право читателю во всем разобраться самому. Я анализирую здесь чужие исследования и делаю из них выводы, с которыми читатель может и не согласиться. Поэтому правильнее было бы сказать, что перед вами не монография, а хрестоматия.

Эта книга не для профессионалов, которые и без меня могут разобраться во всем, если захотят, а для широкого круга читателей, которые не имеют возможности проводить массу времени в архивах и читальных залах центральных библиотек. Не будучи уверен в хорошем знакомстве всех читателей даже с официальной версией нашей истории, я привожу и общепринятую точку зрения. В этом случае я обращаюсь к книге А. Нечволодова «Сказания о Русской Земле», которая содержит без малого 2000 страниц, посвященных нашей истории. Из нее же взята часть иллюстраций (к сожалению, Нечволодов не всегда указывает их первоисточник). Также иллюстрации печатаются по Большой государственной книге 1672 года — так называемому «Титулярнику» (СПб., 1903) и

¹ Нечволодов А. Сказания о Русской Земле. СПб., 1913.

Радзивилловской летописи — древнерусскому своду, который принадлежал литовскому князю Радзивиллу, а в середине XVIII века поступил в Петербургскую Академию наук.

Я намеренно не унифицирую имена персонажей, и если в разных источниках упоминается, например, «Игорь», «Ингорь», «Ингвар», то я оставляю это написание. Унификация в данном случае может создать у читателя представление, что речь идет об одном и том же персонаже, в чем я вовсе не уверен. Весьма возможно, что это совершенно разные люди. Их идентичность требуется доказать.

Итак, перед вами не оригинальное исследование, а подборка сведений из разных источников. Моя заслуга лишь в систематизации того, что ранее было рассыпано по многим специальным и малодоступным изданиям.

Иностранцы мало что сообщают о нашей истории. И они в том невинны, когда того и у нас нет.

В. Н. Татищев

И хотя сами мы не знаем, являются ли правдой эти рассказы, но мы знаем точно, что мудрые люди древности считали их правдой.

Снорри Стурлусон

Здесь летописец сообщает нам многие подробности, взятые, без всякого сомнения, из народной сказки, но и самые басни древние любопытны для ума внимательного.

Н. М. Карамзин

Вместо введения: Легенды и факты нашей истории

Научные дисциплины бывают точными и гуманитарными. В точных дисциплинах дважды два всегда четыре. При этом ответ вовсе никак от нас не зависит. Это скучно.

Дисциплины гуманитарные ведут себя гораздо гуманнее. Здесь от перемены мест слагаемых сумму может сильно поколебать. К таким «гуманным» дисциплинам относится история, в которой факты всегда подтверждают именно то, чего от них ожидают заказчики. Если нужно доказать, что Россия была православной страной 1000 лет назад, — нет проблем! Православия еще не существует, а Русь становится православной. Если надо сделать Русь страной мусульманской, то и здесь препятствий не будет. Надо — сделаем! Докажем, ссылаясь на археологию, сфрагистику, нумизматику и исторические документы. В том-то и прелесть Истории.

Мы со школьной скамьи читали о Рюрике и Ольге, Святославе и Владимире, о Самозванце и Иване Сусанине, но даже не задумывались над тем, как в науку попали эти сказки.

Многие считают, что с незапамятных времен сохранились древнейшие рукописи, так называемые «летописи», из которых и почерпнуты эти сведения. Да, летописи действительно есть, и их, к сожалению, очень много. Именно к сожалению, так как их анализ показывает, что это документы не исторические, а литературно-политические. В них собраны предания и рассказы, противоречащие друг другу, переведенные с разных языков, при этом одни и те же исторические персонажи живут и действуют в разные эпохи, как бы вне времени и пространства, общаясь в том числе и с персонажами сказок.

Чтобы показать читателю, насколько фантастичны многие из событий, описываемых в наших летописях, начнем с того, как могла бы выглядеть «Всемирная история», написанная по русским летописям.

«От Адама до Гостомысла»

Русские летописи начинают свой рассказ от Адама, прародителя всех людей.

Адам — первый на Земле человек, созданный самим Богом из глины. И вдохнул в него Господь душу, и ожил Адам. Из его ребра была создана Ева — первая в мире женщина.

Прожил Адам 930 лет и умер. Похоронен он на холме Голгофе, на месте, которое раньше называли Раем, в XIV веке — Пожаром, а ныне — Красной площадью. Сохранилась могила Адама и до сего дня — напротив Храма Небесного Иерусалима. Это так называемое Лобное место, то есть место, где лежит лоб (череп) Адама.

Само слово «голгофа» переводится как «череп», по-старорусски «лоб». Отсюда и название Лобное место, что является переводом слова «голгофа».

Каждый москвич может хоть ежедневно приходиться в Рай и видеть «могилу первого в мире человека». Правда, самого холма Голгофы уже не существует — сровняли с землей, дабы не мешал проводить парады. Под горкой течет река, в рождественские праздники там прорубали огромную прорубь, которая называлась Иорданью (как известно, в Иордании Иоанн Креститель крестил Иисуса, распятого впоследствии на Голгофе). Ограда могилы Адама уже не та, что была на ней не-

Красная площадь, Лобное место. С гравюры XVIII века

посредственно после смерти Адама. Лобное место в настоящем виде соорудили лишь в 1598 году.

На русских иконах и крестах часто можно видеть «крест на Голгофе» и по краям буквы «М Л Р Б» — «Место лобное Рай бысть».

На лобном месте лбов не брили и голов не рубили. Лобное место — церковная святыня.

А вот как излагает этот период русской истории Яков Рейтенфельс¹.

«Русские летописи говорят, что Московскому государству было положено начало позднее близ Новгорода Великого, Белой Церкви и Изборска братьями-варягами: Рюриком, Синеусом и Трувором. Из них Рюрик избрал местопребыванием царя город Ладогу и Ладожское озеро, Святослав же перенес отсюда столицу всего государства в Переяславль.

Впрочем, далеко не безосновательно мнение, что этим городам предшествовал Киев, так как не припомним никакого другого города, более древнего. Кий, царствовавший, по словам Кромера², в 800 году, считается, как это вообще принято, его основателем. По-видимому, город существовал еще задолго до него, но, после того как Кий чрезвычайно украсил его, он очень долго был местопребыванием первых русских князей, хотя с некоторым перерывом, когда находился последовательно во власти литовцев и поляков.

Всидется этот город над Борисфеном на расстоянии 30 миль от Понта и блаженствует от обилия рыбы и богатых урожаев плодов — полевых и древесных. Жители его некогда были до того привержены к утехам любви, что девочки на восьмом году жизни уже бесстыдно занимались прелюбодеянием. В настоящее время они исправились от этого порока и усердно предаются плаванию и гребле на веслах.

О том, что Киев служил местопребыванием царей, свидетельствуют множество преданий, их памятников, а также и развалины храмов и дворцов. Он делится на старый и новый город; последний, весьма мало населенный, расположен наверху горы, подошву которой омывает Борисфен, и, кажется, те сухие поля, что находятся внизу, были некогда морем, ибо местами на них находят якоря. Новый город заключает следующие замечательные древние храмы: храм Святой Софии, который знаменит своими мозаиками и царскими надгробиями; Святого Василия, с греческими надписями, вырезанными

¹ Рейтенфельс Яков. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии. Падуя, 1680. М., 1905.

² Martini Cromeri de origine rebus gestis Polonorum? Libri XXX... Basileae, 1558.

на мраморе 1400 лет тому назад, но все-таки еще не вполне стершимися от времени; и Святого Златоверхого, названного так от позолоченных железных листов, в котором поклоняются мощам святой Варвары, покоившимся здесь, по словам русских, со времен Никомидийской войны.

Из прочих же древностей города заслуживают вполне упоминания громадные подземные ходы, которые, кроме того, что стоили громадных трудов, еще, как говорят, достойны удивления потому, что действительно сохраняют внутри себя человеческие тела, нисколько от времени не потерпевшие. На некоторые из них, превышающие человеческие размеры, нельзя смотреть без ужаса: это, вероятно, либо исполины, либо образцовые представители племени. Особенно же славится громадными пещерами, искусственно ли или природою созданными — это не решено окончательно, — гора, находящаяся на расстоянии полумиллиария от города, близ Печерского монастыря. Здесь находятся тела святой Елены, или Ольги; монаха святого Иоанна и других знаменитых людей, совершенно сохранившиеся и как бы поныне еще дышащие.

На расстоянии шести дней пути от этого места, говорят, поляки во времена Стефана Батория по расследованию Войнуцкого, мужа, отлично знающего многие языки, нашли надгробный памятник Овидия со следующей надписью: «Здесь покоится вещий певец, которому разгневанный цезарь Август приказал покинуть землю Лациума. Часто, несчастный, желал он почить на родных нивах, но тщетно! Рок ему здесь приготовил место».

В другом же близлежащем городе они видели сочинение Цицерона о государстве (к Аттику), написанное золотыми буквами. Между тем около 930 года, как мы уже упомянули выше, Святослав Игоревич перенес княжеский престол из Киева в Переяславль, знаменитый своею рыбою, которую переяславцы и поныне имеют обыкновение по старинной привычке представлять к царскому столу во время венчания на царство. Немного лет после сего Владимир, первый христианский князь на Руси, построил город со своим именем — Владимир, определил ему быть царским местопребыванием, находя, что здесь средоточие всего царства и земля богата плодами всякого рода, хотя в 1001 году, при Ярославе, царский дворец снова

как бы после временного изгнания вернулся в Киев. Наконец, с 1300 года и до настоящего времени Москва сделалась и пребывает благодаря заботам и попечению великого князя Ивана Даниловича блестящим местом жительства царей. Более подробному рассказу о ней нам еще представится ниже обширнейшее поприще.

О древнейших царях и событиях у вышеназванных народов, занимающих столь обширное пространство земли, до нас не дошло почти ни одного известия за весь древний период или, по меньшей мере, эти известия неясны и недостоверны.

Поэтому и мы, не желая прибегать к каким-либо измышлениям, будем продолжать рассказ, употребляя названия то готов, то русских, то скифов и другие, обильно сообщаемые местными летописцами-очевидцами, до тех пор, пока не достигнем времен, уже более близких к нам, когда все это получает более прочное основание, яснее видна последовательность событий и когда мы будем следить исключительно только за тем, что действительно может касаться Московского государства и его древних повелителей. Но так как все его области в древности были различно разделены и границы их были разно означены, причем не сохранилось остатков каждой из них в отдельности, то я счел достаточным подробно изложить события то у восточных племен, то у западных, то — какого-либо племени отдельно, то события, касающиеся их всех вместе, и назову имена князей, дабы, по крайней мере, последовательно обнаружилось бы, что за столь долгий промежуток времени совершила та или другая часть русских нередко на славу другим племенам. Первоначально же сталкивались враждебно готы и русские, главным образом, однако, так, что чаще первые были принуждаемы признать власть последних.

В 2400 году от сотворения мира, не касаясь здесь событий более удаленных и затемненных отчасти вымыслом, отчасти же отсутствием сказаний в готских летописях, упоминается некий Веспасан, царь западных россиян, который, говорят, имел пребывание в городе Ротеле и вел войны со скандинавами. В 2418 году от сотворения мира во времена Моисея и Девкалиона, Свафурлам, царь русских, лишился дочери Ливоры, хищнически увезенной царем упсальским в Ингрию. В 2493 го-

ду от сотворения мира Берих, царь шведов, впервые привел войска через море на противоположный берег и, разбив ульмеругов, куретов и эстов, угрожал оружием даже русским. С 2620 года от сотворения мира русские начали понемногу смешиваться с гепидами, частью готов, отделившейся от прочих и поселившейся в Валахии. В 2640 году от сотворения мира Гадарик, царь готов, одержав победу над гепидами, обратил скифов в рабов, а вандалов в союзников за то, что те помогали гепидам. В 2660 году от сотворения мира Филимер, царь готов, прогнав киммерийцев с их места жительства, привел войска к Меотидскому озеру и, переправив их посередине озера через него, покорил спалов, скифов.

В 2747 году от сотворения мира Танаузий, или Таргитай, царь гетоскифов, сын Юпитера и дочери реки Борисфен, прогнал Везора, египетского царя, из Оказии до самого Нила, и хотя египетские болота помешали ему идти дальше, однако он в течение многих лет заставлял большую часть Азии платить ему дань. Сыновья этого Танаузия — Липоксайс, Арпоксайс и Калаксайс — разделили царство между собою, и во время их царствования, говорят, упали с неба золотые пылающие плуг, секира и чаша, которые впоследствии постоянно глубоко чтились у скифов. В это же время приблизительно, когда тщетные усилия Троянской войны и безрассудный поход аргонавтов неустанно волновали честолюбивой борьбой столь многие племена, говорят, гетоскифские цари близ Понта — Сагилл (или Апенон), Пенаксагор, Телеф и Евтифил — вместе с амазонками оказывали помощь Трое¹.

Тогда же, говорят, в Скифии начальником готов был философ Зевт, преемником коего в деле преподавания наук был немного спустя Дикиней. Кроме того, в это же приблизительно время, говорят, и Агафирс, Гелон и Скиф, сыновья Геркулеса, основали колонию в Сарматии, и знаменитая волшебница Цирцея вышла замуж за некоего сарматского царя, но так как она извела своего мужа ядом и жестоко обращалась со своими подданными, то была лишена власти и бежала в

¹ Троянской истории из-за большого количества информации, касающейся истории этого «русского» города, посвящен отдельный раздел.

Италию. В 2866 году от сотворения мира скифы снова вторглись в Азию, и их примеру последовали фракийцы, месы, геты и бобрики и заняли в 2978 году почти всю Вифинию, создав в Азии военные поселения. В 3031 году от сотворения мира Регнер, царь Швеции, совершал разбойные нападения с моря на владения западных рутенов. В 3132 году от сотворения мира Готеброт, царь готов, царствовал на всем протяжении от Эльбы до Танаиса.

В 3174 году от сотворения мира Боус, предводитель рутенов, успешно воевал с Готером, царем шведским, и вся Финляндия тогда перешла к русским, но Родерик, сын Ротера, снова подчинил русских себе. В 3200 году от сотворения мира скифы предприняли поход против ионийцев. В это время скифами повелевал, кажется, Ариант, который, с целью узнать количество своих воинов, велел каждому из них принести по наконечнику стрелы. Из них слили медный котел, вмещающий в себя 600 амфор, и Ариант поставил его в память о себе потомству между Борисфеном и Гипанисом¹. В 3300 году от сотворения мира в царствование Проботиса, отца Мадия, над скифами был построен милетийцами в Понте у реки того же имени город Борисфен. В 3315 году от сотворения мира во времена Киаксара Лидянина скифский царь Мадий, двинувшись вдруг от Борисфена и преследуя киммерийцев, племя у Меотидского озера, захватил на 28 лет в свои руки власть над Азией, но затем большая часть скифов, сильно напоенная вином, была обманным образом предана Галиартом, царем лидийским, и умерщвлена этим же Киаксаром. Кажется, об этом избиении упоминает пророк Иезекииль (гл. 32, стих 26).

Во время пребывания в Азии скифы стремились перейти в Египет, но царь египетский Псамметих в 3320 году от сотворения мира мольбами и деньгами склонил их к возвращению в Скифию. Когда остатки их направились домой в 3344 году от сотворения мира, их рабы, вступившие тем временем в брак с женами своих господ, преградили им путь, выкопав ров между Кавказом и Меотийским озером, пока, наконец, не были из-за рабских свойств своего духа побеждены дубинами (ору-

¹ Между Днепром и Бугом.

Изображение скифов на золотом кувшине из царского кургана скифского времени (найден близ Керчи в так называемом Кулобовском кургане). Из книги А. Нечволодова

жием ничего нельзя было сделать) и снова подчинены прежней власти. В 3380 году от сотворения мира в области Гилея, близ Ахиллова Бега¹ особенно, пред остальными упоминается скифский царь Савлий, пронзивший стрелой Анахарсиса, скифского философа, по его возвращении из ученого путешествия домой за то, что тайно у себя совершал жертвоприношения по греческому образцу. Об этом Анахарсисе весьма подробно и много говорят Гомер и другие писатели, что он переложил скифские законы в стихи и в Афинах славился у Солона своей ученостью. Между многими учеными изречениями по справедливости достопримечательно то, что форум, по его определению, есть место, назначенное для обмана и способствующее скупости, а также и то, что виноградная лоза приносит тройной плод: вожделие, пьянство и печаль. В 3387 году от сотворения мира упоминается о Кальвиде, царе скифов, когда Абарид, гиперборейский жрец Аполлона, при-

¹ Ныне Тендровская коса, Украина.

был по поручению своего народа в Грецию исполнить обет, данный его отечеством за избавление от чумы. Почитая здесь Пифагора за Аполлона, он ему принес чудодейственную стрелу, благодаря которой он переплывал реки и освобождал от чумы и делал много другого чудесного, по словам Геродота.

В 3421 году от сотворения мира царица Томирида (сына которой, Спаргапита, персы убили раньше) разбила Кира, отправившегося с войском против скифов, живших по Волге, и у обоих морей, и по реке Оксу, и бросила голову его в кожаный мех, наполненный кровью. Отправившись отсюда в Мизию, она выстроила там город Тамер и назвала всю эту область Малой Скифией. В 3427 году от сотворения мира Камбиз, сын Кира, отправился против скифов, к которым на помощь пришли жители города Борисфена, через Босфор и Дунай, построив через каждый из них по мосту при неблагоприятных предзнаменованиях.

В 3493 году от сотворения мира Дарий Гистасп, не получив в жены дочь готоскифского царя Янкира (или Идантира), или, как другие сообщают, Антина (или Индатирса), был завлечен с войском восемью скифскими царями в пустыню и там совершенно обезоружен голодом и утомительными переходами. Поэтому он с немногими из своих вернулся из Скифии во Фракию по прошествии 60 дней и терпя нужду во всем. Между прочими, говорят, присоединились к войску Индатирса в этой войне Таксакис, предводитель скифов, или массагетов, и Скопасис, начальник савроматов.

Немного времени спустя Скила, царь скифов, был лишен Царства и жизни братом своим Октомасадом за то, что принял

Сарматский воин (с колонны Траяна). Рисунок из книги А. Нечволодова

греческие верования. Этот Скила, обученный греческому языку и нравам своей матерью-истрианкой, повел войско на город борисфенитов, где и подготовил сам себе гибель, принимая в противовес обычаю предков участие в вакхических празднествах в своем великолепном дворце из белого камня, окруженном изображениями сфинксов и грифов. Он же написал полезное для здоровья наставление на своих изображениях: должно обуждывать язык, чрево и срамные части.

В 3500 году от сотворения мира готоскифы изгнали из Скифии франков, или германцев, число коих было почти невероятно. В 3600 году от сотворения мира Атей, или Атней, царь скифов, хорошо знающий Фракию, отправившись с Филиппом, сыном Аминты, был побежден обманным образом. Он же сам утверждал, что ему кажется более приятным резкое ржание коней, нежели музыка флейтистки из Фив, так что послы, отправленные Филиппом, сообщили, что Атней в конюшне чистит, убирает и накрывает попоной лошадей и занимается этим неподобающим царям делом на глазах у всех. В это время Медампа, дочь Готилы, готоскифского царя, вышла замуж за Филиппа. В 3621 году от сотворения мира, когда Александр Великий отправился против парфян и в Гирканию, Зопирион, начальник над Понтом, и все войско его погибли от скифского оружия. Александр потом хоть и видел, но не победил их, отправившись уже за Вакховы грани¹.

Тогда же и Фалестрида, царица амазонок, желанная гостя, явилась к нему, он, преследуя Бесса, едва не был засыпан кавказскими снегами. Отправившись отсюда к Танаису (по мнению других, это была Волга), Александр построил город Александрию. Царь скифов, владения которого находились тогда по ту сторону Танаиса, послал своего брата Харкасипа разрушить этот город. Здесь, когда во время сражения с небольшим отрядом врагов Александр потерял своего коня Буцефала, скифы, чрезвычайно уstraшенные его угрозами, возвратили ему его. Раньше же всего этого пришли в Бактриану 12 скифских послов, начальник которых обратился к македонянину с изящной и убедительной речью. «В лице нас, — сказал он, — ты имеешь сторожей Азии и Европы. Если бы Та-

¹ Вакховы грани — ныне область Балк в Южном Туркестане.

наис не отделял нас, то мы бы соприкасались с Бактрой, а по ту сторону Танаиса мы населяем землю вплоть до Фракии». Когда же Александр немного спустя возвратился в город Мараканду, то Бердес, посланный им к живущим выше Борисфена, вернулся с послами от этого народа, предлагающими Александру в супруги дочь их царя. Отсюда явствует, что по всей Руси и Скифии уже в то время слава об Александре была весьма распространена, хотя он сам поставил как бы предел себе на границе этих стран.

В 3600 году от сотворения мира готы, занимающие часть Скифии, взяли в плен преемника Александра Пердикку, побежденного царем Ситалком, но некоторое время спустя с честью отпустили его домой, вновь начали войну и опустошили всю Македонию. За Ситалком в ряде царей следовал Танабонт, а за ним Бороист, во времена которого Дикиней-философ преподавал физику и законоведение у готов и оставил потомству некоторое сочинение, называемое «Биллагинес», ибо он в одно и то же время был избран царем и верховным жрецом готов, каковой род сановников они называли зарабасами, тереосами (то есть героями), а также и «носящими шапки», и к таковым, говорят, принадлежали Етеспомат, Ганала, Фридигерд, Видикул и другие. Над восточными скифами в это время, кажется, владычествовал царь Скилур, который, будучи отцом восьмидесяти сыновей, ввиду близкой своей кончины, показал им на связанном пучке копий (которые, будучи взяты каждое порознь, так же легко ломались, насколько не было возможности переломить их, когда были связаны вместе), что согласие есть самая прочная опора власти.

В 3740 году от сотворения мира эстонцы в соединении с русскими сражались в море с Линдормом, царем готов, который, по словам Корнелия, Плиния и других, отослал индийских купцов, попавших через Ледовитый океан в Германию, к Целеру Метеллу, наместнику обеих Галлий. В 3760 году от сотворения мира Фротон, царь Дании, покорил Дорниона и Траннона, царей куретов и русских, и подчинил себе русские города Ротолу и Палтиссу.

В 3775 году от сотворения мира Персей, царь македонский, призвал бастарнов, дабы истребить дарданов. В 3668 году от сотворения мира скифы с самого Борисфена помогали

*Монета с изображением
Митридата. Рисунок из книги
А. Нечволодова*

Митридату, царю понтийскому, против римлян, ибо Аппиан говорит, что царские скифы, язиги, кораллы, фракийцы, а также и все потомки Пелопса, живущие по Танаису, Истру и Меотидскому озеру, были дружны с ним и союзниками; к ним Страбон прибавляет еще именно мосхов и киркитов, или черкесов. Из тех же скифов, которые сражались против Митридатовых войск, более всего прославились

роксоланы, которым скифский царь Палак послал помощь под начальством Тазия; в конце концов, Митридат, убив из них 50 000, победил их через своего посланного Диофонта. Фарнаку же, сыну Митридата, в 3917 году от сотворения мира подал помощь Спадин, царь аорсов, живущих у Танаиса, коему современником был Абеан, царек ситаков и бродячих скифов. Около этого же времени и Асандер, царь этих народов, укрепил Херсонесский перешеек у Меотидского озера стеною в 360 стадий.

Между тем готы, проникая постепенно в Грецию из Скифии, приуготовили вместе с тем как бы путь и прочим скифским народам. Ибо те, тревожимые до сей поры различными внутренними междоусобицами, стали вдруг как бы с некоего рокового согласия высылать бесчисленные вереницы войск против римлян и греков. В первые годы по рождении Спасителя рода человеческого, при императоре Августе, далматы с сарматами и бастарнами (против коих успешно воевал Красе) безбожно терзали Римскую империю, хотя, по словам Флора, скоро затем скифы и сарматы, а равно и геты и индийцы, живущие на самом юге, отправили послов к Августу, прося о дружбе. По свидетельству Светония, Август Цезарь просватал свою дочь Юлию за Коммозита, царя гетов, а сам, в свою очередь, просил у него руки его дочери; вследствие этого со-

юза готы отступили из области Транссистрана во Фракию на 50 миллиариев.

Тем временем Фротон III, царь Дании, одержал победу над западными русами и гуннами. По словам Саксона, уже в первый день битвы реки русские были наполнены трупами так, что по ним можно было удобно пройти, как по мосту. Бой продолжался семь дней, и во время его было убито 170 мелких царьков, гуннских или союзных с ними. Посему Фридлов, сын этого Фротона, некоторое время властвовал над русскими, между тем на Русь напал кулачный боец Старкатер и, победив царя Флока, отнял у него много сокровищ.

В 72 году по Рождеству Христову, в то время как роксоланы при Веспасиане опустошали Мизию, Гервит, царь западных русов, был разбит в кровопролитном бою Филмером из Швеции с помощью самогитов, ульмеругов и куретов. Дело в том, что готы по совету героя Старкатера, надев деревянные сандалии, обезопасили себя совершенно от тех колючек, которые были разбросаны русскими, а Старкатер победил Визинна, кулачного бойца русских, в единоборстве. Но по смерти Филмера Гервит, в свою очередь, сверг сына его Нордиана и подчинил себе при этом большую часть Швеции, откуда, впрочем, немного времени спустя Гервит Младший был снова изгнан.

В 85 году Гапт, или Дорпаней, по прозванию Анз, или Полубог, царь готов, принудил императора Домициана платить ему дань и умертвил его посла Фуска со всем легионом. В 119 году император Адриан, предприняв поход в Мизию против роксоланов и сарматов, одержал над ними верх благодаря коннице из батавов, которую он имел при себе и которая их весьма устрасала. В 179 году они снова восстали, и император Марк Аврелий успешно победил их. В 242 году готы и сарматы, живущие между Танаисом, Евксинским Понтом и Данубием, стали тревожить окраины империи и тем принудили императора Гордиана платить им ежегодную дань. Когда же император Филипп, более храбрый, отказал им в ней, то они в 248 году вторглись в Мизию и Паннонию. Особенно славился тогда царь скифов Аргунт. В 254 году, после того как в болоте погиб сражавшийся противготов и скифов император Деций, римский народ, дабы заключить мир, обя-

зался уплатить врагам 200 000 драхм. Тем не менее они подвергли Фракию, Дарданию и Македонию жестокому опустошению, между тем как западные русы вели упорную войну с Аттилой III, королем шведским. Мало того: отсюда готы нанесли страшное поражение и всяческий урон Понту и Азии, расхитили сокровища храма Дианы Эфесской, обратили его в пепел и вернулись домой с богатейшей добычей.

В 269 году при императоре Клавдии они, проходя мимо Византии, разграбили Халкедонию, Никомидию, Никею и другие города. Тогда именно, говорит Свидя, у реки Тира собралось до 320 000 скифов, к коим присоединились герулы, певчесты и готы; с 900 кораблями они явились в Понте и сперва тщетно пытались взять города Томень и Марциополис. Попав же в тесный пролив Пропонтиды, корабли их разбились о скалы, и большая часть их погибла. Остальные же, доплыв до Кизика и обогнув гору Афон на исправленных судах, тщетно осадили Кассандрию и Фессалонику. Отсюда они спустились в Средиземное море, все порассеялись и различным образом погибли. Уцелевшие же примкнули к римлянам и обратились к земледелию. В 379 году Ерманарик, царь готов, победивший герулов и славянов, будучи уже стариком ста десяти лет, был убит ударом кинжала в бок двумя братьями (Саром и Аммием) из гуннского рода россоманов, мстящими ему за сестру. Ибо Ерманарик, покорив, как передает история Швеции, скифов, герулов около Меотийского озера, венетов, вандалов и эстонцев, незадолго до сего приказал растерзать лошадьми Суниель, женщину благородного происхождения, но развратную, муж которой тайно перешел на сторону гуннов. В 280 году император Проб победил в битве сперва сарматов, бастарнов и других варваров, вторгшихся в Иллирию, а вскоре после сего переселил 100 000 из них на римскую землю.

В 319 году Константин Великий, разбив царя сарматов Равзимода, заключил мир с врагом с тем условием, чтобы 40 000 сарматов воевали за императора каждый раз, когда в этом будет нужда. Вследствие сего они, нуждаясь дома в войнах, так как скифы угрожали им войной, вооружили своих рабов, которые потом обратили оружие на них самих (что, говорят, у этого народа происходило неоднократно) и при-

своили себе даже в отсутствие своих господ их жен и дочерей. Когда герои возвращались домой, то они их не пустили туда и, прогнанные дубинками, обратились в количестве 300 000 человек к Константину Великому, который и расселил их по Скифии, Фракии, Македонии и Италии.

Здесь, кажется, будет уместным привести рассказ из Новгородских летописей, излагающий событие совершенно схожее с этим, ибо, говорит летопись, в то время в Угличе, одном из княжеств России, часть рабов возмутилась, и немедленно выстроился город Хлопийград, то есть «город рабов», существующий и поныне.

В 341 году Дагер II, король шведский, также покорил русов, убив Ретона, их морского разбойника; а также и данов; когда первые снова восстали, то Аларих и Ингемар, наследники Дагера, снова подчинили их себе. В 369 году император Валент купил за деньги мир у Атанарика, царя остроготов, после трехлетней войны. В 376 году гунны, живущие по ту сторону Меотидского озера, напали на алан, заселивших пустые места у скифов, но, будучи ими отброшены, проникли через Истр в те области, откуда бежали готы. Тогда Винитарий, царь готов, прозванный скифами аланом, то есть собакою, был побежден Валамиром, царем гуннов, и убит им же. Император же Валент, сторонник учения Ария, как предсказал ему святой Исаакий, был осажден в Константинополе теми готами, коим он разрешил поселиться во Фракии, и заживо сожжен в сельской хижине, в которой он заперся.

Силы гуннов между тем все росли, и в 395 году часть их впервые двинулась через Кавказские ворота от Танаиса и Меотидского озера в Армению, другая же часть с каждым днем все шире и шире захватывала часть Европы, меж тем как готы, которые до тех пор занимали большую часть России, аланы, гунны и гепиды вели кровопролитнейшие войны между собою. В этих и других войнах многим из московских племен неизбежно пришлось также участвовать, между тем как весь скифо-сарматский север управлялся бесчисленными мелкими царьками (как это всем, конечно, известно). В 409 году, когда гунны овладели большей частью московских областей, Гульдин и Сар, предводители гуннов и гепидов, просили помощи у римлян против Радагайса, самого жестокого из всех готов.

*Аттила. Рисунок из книги
С. Мюнстера «Космография»
(Базель, 1550)*

В 437 году подчинил себе русов в незначительной и некровапролитной битве Ингемар II, король Швеции, вождь, который пользовался громадной славой безупречности, так что даже враги бывали рады подпасть под его власть. В 451 году после поражения Аттилы на Каталаунской равнине, против него тогда сражались вместе с римлянами вожди аланов (Сангипан), остроготов (Валамир) и гепидов (Ардарики), северные племена, как бы совершенно сбросив с себя всякие оковы и цепи, снова стали захватывать

прежние свои владения. В 460 году по смерти Аттилы Дуридий, предводитель гуннов, разбитый остроготами Валамиром и Теодемиром, бежал в Скифию с остатками гуннов.

В 469 году, так как большая часть народов уже освободилась от страха перед гуннами, то равным образом и гепиды, будгары и те из остроготов, которые двинулись из Месии к землям Италии, мало-помалу сбросили с себя это иго. В 499 году булгары из северных стран, племя раньше неизвестное, проникли вплоть до Фракии, но, умиловленные дарами императора Анастасия, немного отступили, имея в виду снова вернуться впоследствии.

В 522 году, пока гунны владовали над Херсонесом, славяне (также скифское племя) напали на Истрию, булгары же в 539 году на Месию. В это же самое время братья Лех и Чех, отделившись от славян с двумя дружинами ради занятия новых земель, положили, как говорят, основание двум знаменитым королевствам — Польскому и Чешскому, которые до тех пор были густо заселены вандалами, ведущими свое начало от германцев. В 552 году русы вспоминают в своих летописях, что они выступили против императора Юстиниана в ка-

честве союзников царя Тотилы вместе с соседями-готами из Скандинавии. Это подтверждает и Димитрий, посол московский к Папе Клименту VII, прибавляя, что готы и скифы тогда жестоко обращались со своими врагами, истязая их таким образом, что прогоняли сквозь их растянутые тела кольца, пока, наконец, Нарзес в последнем и кровавопролитнейшем сражении, где особенно храбро вели себя лангобарды, не победил Тотилу. В 582 году, между тем как хаган, царь аваров, вместе со славянами сильно тревожил Фракию, значительная часть русов сделалась данниками Алгота II, короля шведского, победившего их вождя Ротера. Этот же Алгот присоединил к своему владению и меннингов, или живущих на севере сатиров или пигмеев, то есть лапландцев. В 608 году Артус, король шведский, встревожил мосхов тяжелой войной.

В 679 году булгары снова тронулись на запад из северных прибрежий Евксинского Понта и, пройдя с победоносным оружием в руках громадное пространство, заставили императора Константина заключить против желания мир с уплатой дани. Император отдал им для поселения Малую Месию, где ныне находятся Сербия и Болгария.

В 685 году Бюргер, король Швеции, выстроил Выборг, сильное укрепление против русов, и отнял у них Карелию с частью Финляндии (называемую финнами Веная, то есть страна венедов). В 703 году булгары, поселившиеся в Месии, подкрепленные новыми силами из московской родины, вывезли снова богатую добычу из Фракии. В 728 году при греческом императоре Льве Исавриянине впервые упоминаются в русских преимущественно источниках, конечно, насколько сами русские смогли припомнить столь отдаленные дошедшие до них сведения, первые русские князья, три брата: Кий, Щек и Хорев, с сестрой Лебедью. Из них Кий либо впервые основал, либо обустроил Киев, Щек — Щековицу, Хорев — Хореву, впоследствии прозванную Вышеградом, и, наконец, Лебедь на одноименной с нею реке — город Лыбедь, каждый совершенно самостоятельно. В те времена русы держали вождей прочих мелких народов у себя в подчинении. По имени Хорева, без сомнения, на древнем вандалском языке, и поныне еще употребляемом крестьянами у нас в Курляндии, мосхи и до сей поры зовутся кривингами, Россия — Кривазе-

мьем. Засим в 744 году полчища гуннов снова вторглись в Паннонию на пастбища римлян, причем нельзя отрицать того, что с ними вместе пришло немало людей из областей, подчиненных Московии, так как под иго гуннов раньше подпали русские племена. В 810 году император греческий Михаил Куропалат вел с переменным успехом войну с болгарами, поддерживаемыми русскими. Те же русские помогали Крунну, царю болгарскому, при взятии им богатейшего города Мезембрии, когда он нанес императору страшное поражение. В 840 году Витзерк, сын датского короля Регнера и вместе с тем царь Востока, то есть Руси, отвоевал многое у шведов, был под конец сожжен Даксоном, другим князем русским.

В это же время Инго, король шведский, оттеснил русских, ищущих новых земель на севере. Остальные же русские у озера Ильмень просили совета относительно выбора вождя у Гостомысла, который тогда уже сильно возвысил свою родину, город Новгород, давно прославившийся могуществом и судопроизводством. Не имея потомства мужского пола, последний, обладая необыкновенным умом и благородством души, посоветовал русским избрать себе князей из чужестранцев. Таким образом были чрез посланных от народа призваны приблизительно в 860 году для управления Западной Русью братья Рюрик, Синеив, или Синав, и Трувор, родом варяги, то есть князья вандалские и венетские, из области Вария, коих Гостомысл знал за соединяющих в себе мудрость с ловким обращением; в Южной же Руси властвовали в это время Аскольд и Дир. При этом Рюрик, положивший в России начало царскому роду, называемому Беалым, или, вернее, Биалым, взял в свое управление Новгород и основал свою царскую столицу на Ладожском озере, Синеив, или Синав, основал город на острове в озере Белоцеркве. Трувор, взяв себе Псков, сел в Изборске. Братья, как говорят, вели свой род от римских императоров. В это же время, по словам Кедрина, восточные русы от самых Таврических гор осадили Константинополь на бесчисленных кораблях, большая часть коих была, однако, уничтожена бурями. Немного спустя, вероятно в 867 году, император Василий Македонянин отправил архиепископа для обращения русских в христианскую веру, но эта попытка не имела успеха. По смерти же братьев Рюрик рас-

пределил перед собственной кончиной все области между своими военачальниками, однако так, что представил главную власть все-таки сыну своему Игोरю».

Прервем рассказ Якова Рейтенфельса и посмотрим, что говорят о том же периоде русской истории дошедшие до нас летописи.

У сына Адамова Яфета был внук Скиф, от которого и произошли племена Русской равнины.

Рус. Рисунок из «Титулярника»

В 3085 году от сотворения мира два брата — Словен и Рус — из-за тесноты места своего проживания у Черного моря (так как людей стало слишком много) отделились от своих братьев Болгара, Комана и Истора и ушли на север.

Пространствовав 14 лет, пришли они, наконец, на озеро Ильмень, и здесь волхование подсказало им обрести родину. И заложен был город, названный в честь старшего брата Словенск Великий, на месте, где ныне Новгород Великий. А Рус заложил другой город, по нему названный Старой Русой. С этих пор вновь прибывшие поселяне стали называться уже не сарматами или скифами, но словенами¹.

Если дата упоминания строительства Новгорода и Старой Русы точна, то новгородцы вправе справлять праздник пятого тысячелетия существования своего города. Кроме того, летописец твердо знал, что славяне произошли от обрусевших сарматов. Это значит, что русские — близки по происхождению осетинам.

Река, вытекавшая из озера Ильмень, в то время называлась Мутною. И был у Словена старший сын по имени Вол-

¹ 3099 год — начало народа русского и обретение родины. Это от Адама, а до Рождества Христова 2409 лет.

хов, младшего же звали Волходец. Старший же сын Словена Волхов был бесоугодником и чародеем. Чародейством мог превращаться в зверя лютого крокодила и перекрывал путь по реке Мутной, которая по имени этого чародея стала больше известна как Волхов, и неугодных ему людей пожирал, а иных топил. Поэтому люди, в то время малосведущие, ему жертвы приносили и богом его считали. И в свою честь поставил бесоугодный Волхов городок малый на месте, ныне называемом Перынь, по имени бога грома Перуна. Идола Перуна поставил на этом месте Добрыня при князе Владимире, приказавшем статую Волхова уничтожить, а статую Перуна, защитника Владимирова, установить.

И приходили сюда словене, и поклонялись Волхову-крокодилу как богу рыболовства и мореплавания, и жертвы ему приносили, дабы не топил их корабли и даровал уловы великие. По окончании дней своих был он погребен на том месте Перыни, и справляли по нему великую языческую тризну, и насыпали, по обычаям того времени, курган великий, но спустя три дня просела земля и пожрала мерзкое тело крокодилово, а могила просыпалась на дно Адово — и доныне яма, там оставшаяся, еще не сровнялась с землею.

Настолько сей Волхов-Крокодил был во всем противен, что даже когда его статую сбросили в реку, то она поплыла не по течению, а против течения вверх по реке.

К сведению. В 30-м томе Полного собрания русских летописей можно найти удивительную запись, датированную 1582 годом: «В лето изыдоша коркодилы лютии звери из реки и путь затвориша, людей много поядаша, и ужасошася людие и молиша Бога по всей земле; и паки спряташася, а иных избиша».

Вот еще одна запись того времени. Она сделана агентом Английской торговой компании Джеромом Горсеем¹. В 1589 году он в очередной раз ехал в Россию и в Польше стал свидетелем невероятного происшествия. Горсей пишет: «Я выехал из Варшавы вечером, переехал через реку, где на берегу лежал ядовитый мертвый крокодил, которому мои люди разорвали

¹ Джером Горсей. Записки о России. XVI—начало XVII в. М., 1990.

брюхо копьями. При этом распространилось такое зловоние, что я был им отравлен и пролежал больной в ближайшей деревне, где встретил такое сочувствие и христианскую помощь, что чудесно поправился...»

Неведомый крокодил, получивший на этот раз имя «Арзамасский монструз», вновь объявился в России в начале XVIII века. Свидетельство об этом странном событии было обнаружено в архиве города Арзамаса. Вот краткая выдержка из найденного документа: «Лета 1719 июня 4 дня. Была в уезде буря великая, и смерч, и град, и многие скоты и всякая живность погибли... И упал с неба змий, Божьим гневом опаленный, и смердел отвратно. И, помня Указ Божьей милостью государя нашего Всероссийского Петра Алексеевича от лета 1718 о Куншткаморе и сбору для ся диковин разных, монструзов и уродов всяких, каменьев небесных и разных чудес, змия сего бросили в бочку с крепким двойным вином...»

Подписана бумага земским комиссаром Насилием Штыковым.

Согласно описанию, монстр, упавший с неба, имел четыре короткие лапы и огромную пасть, полную острых зубов. Возможно, где-то в густых тогда еще российских лесах текли реки, в которых оставались таинственные крокодилы, упоминавшиеся в новгородской хронике XVI века.

Последний раз «рептилию» видели в 1871 году в городе Тельшах на берегу озера Мастис, «вблизи бани мешанина Мончинского вода выбросила его еще живого».

Но вернемся к Истории и приведем сведения Иоакима о том же периоде.

Из древних российских летописателей Иоаким, первый епископ Новгородский и Псковский, родом курсунянин, живший при Владимире Святославиче и скончавшийся в 1030 году, писавший лет за 120 до Нестора, о начале славяно-русского государства сообщает следующее: «По разделении сынов и внуков Яфетовых, один из князей, Словен, с братом Скифом, многие имея войны на Востоке, обратились к Западу и тут многие земли по Черному морю и Дунаю покорив, народ прозвали по своим именам славянами и скифами. Потом Словен, оставя во Фракии и Иллирии сына своего князя Бастарна, пошел на Север, где построил Великий Город, назвав его в свою

честь Словенск, не в дальнем расстоянии от Новгорода, у озера Ильмень находящегося. По построении сего великого города он умер, оставив сынов и внуков, коих род 14 поколений продолжался (около 350 лет) и народом владел, а последний из этого рода, князь Вандал, ходя походом на соседние народы, многие земли завоевал и, покорив себе многие народы, вернулся в свой великий град Словенск¹.

Через некоторое время он послал подвластных ему князей и свойственников Гордорика и Гунигара на Запад с большим войском славян, руси и чуди, которые, многие земли завоевав, к нему не возвратились, чем Вандал был весьма раздосадован. Тогда он пошел на ослушников и покорил себе все ими завоеванные земли, разделив их между сыновьями своими Избором, Владимиром и Столпосвятом. В их честь были построены города Изборск, Владимир и Столпосвятов, из коих два первых находятся в Псковской области. Изборск и поныне сохраняет каменную стену на великом холме. А Владимир обратился уже в село Владимирец, где, однако же, древний вал и ныне виден. О месте же, где находился Столпосвятов, точно не известно. Но известно, что город Осташков ранее назывался Столбовым. Сам же Вандал жил в Словенске до своей кончины, когда власть перешла к Избору, а по смерти его и Столпосвята наследовал Владимир. После него княжили сыновья его и внуки до князя Буриовой (в девятом поколении от Владимира)².

¹ Славен построил город в 3099 году от Адама, стало быть, Вандал жил около 3450 года от Адама. Воины Вандаля, как гласит римское предание, захватив Рим, так варварски расправились с ним, что понятия «вандалы» и «вандализм» стали синонимами бессмысленного уничтожения памятников культуры.

² Надо заметить, что Буриовой — отец Гостомысла — должен был жить в IX веке после Рождества Христова, а стало быть, получается, что девять поколений от Владимира до Буриовой правили в течение 29 веков, примерно с 3450 по (примерно же) 6300 год.

Буриовой

Об отце Гостомысла, князе Буриовой, русские летописи вовсе ничего не сообщают. Известно лишь, что он «имел тяжкую войну с варягами и, многаяжды их побеждая, владел всей Бярмией, то есть Корелией до реки Кюмени, напоследок же при сей реке быв побежден и, все почти войско потеряв, ушел в город Корелу, нынешний Кексгольм, и тут умре, а по нем nasledовал сын его Гостомысл».

В иностранных известиях имеются сведения о некоем Буриовой, но он явно не российский князь, ибо правил у западных славян. Вот что сообщает Козьма Пражский: «Гостивит породил Буриовя, который первый из князей был крещен до-стопочтенным Мефодием, епископом Моравии, во времена императора Арнульфа и короля Моравского Святоплука. Год от воплощения Господа 894. Крестился Буриовой, первый князь святой католической веры»¹.

Ему наследовал сын его Гостомысл, Рюриков дед, муж храбрый и мудрый. Гостомысл имел четырех сыновей и трех дочерей, но сыновья погибли еще при жизни отца. А власть перешла к Рюрику, сыну средней дочери Умилы.

¹ «Gostivit autem genuit Borivoy, qui primus dux baptizatus est a venerabili Metudio episcopo in Moravia sub temporibus Arnolphi imperatoris et Zuatopluk eiusdem Moravia regis.

ADI DCCCLXXXIV. Borivoy baptizatus est primus dux sancte fidei catholicus».

По немецким источникам, Гостомысл был князем славян-ободритов и погиб в бою с немцами в 844 году.

Под натиском немцев часть племени по морю ушла в Ладогу и потом поселилась у озера Ильмень.

Вновь вернемся к тексту Иоакима.

«Однако с бегом времени из-за болезней и войн запустел и исчез град тот Словенск Великий — заросло все лесом, а насельники разошлись по всем местам».

И жили каждый, как хотел, и не имеем мы вести о том времени до времен Александра Македонского. Во времена же Александра Македонского, сына Филиппова, княжили у словен три князя: первый — Великосан, второй — Асан, третий Авенхасан. И послал Александр Македонский к князьям словенским грамоту, желая владеть словенским народом.

333 год до Рождества Христова. Золотыми буквами писано:

*Под державою моею и богов наших Аполлона,
Марша и Юпитера, такожде и богинь Вендеры,
Венусы и Артемиды, великому князю Асану и
славному князю Афесхасану и премудрому князю
Великосану, самодержцем Российским: Аще Богом
и Богиням нашим и мне не покоритесь, и аз
пришед, землю вашу поплению, а вас мечем моим
под высокую мою руку подклоню.*

Князья же русские не захотели преклониться пред Александром и не захотели ему подчиняться, но прислали ему в помощь отряд для завоевания мира. Прислали свои отряды также поляки и чехи. И в 324 году до Рождества Христова Александр выдал народу словенскому фирман, написанный на латинском языке, о предоставлении славянам всех прав на занимаемые ими земли от Балтики до Черного моря:

«Мы, Александр, Филиппа короля Македонского, монарх, в образе козла изображаемый, сын Юпитера, чрез Нектанаба предзнаменованный, собеседник брахманов и деревьев, Солнца и Луны, покоритель королевств Персов и Мидян, повелитель мира от восхода и до захода Солнца, от юга и до севера. Просвещенному роду славян и их языку от нас и наследников наших, которые после нас будут править миром, милость, мир и приветствие.

За то, что вы нам всегда надежно помогали, искренни в верности и в бою решительны были, помощники наши, воинственные и крепкие, мы даем и жалуем вам свободно и на вечные времена все пространство земли от севера до пределов Италии на юге, чтобы никто не смел здесь пребывать, поселяться или оседать, кроме ваших родичей. И если кто-нибудь другой будет здесь обнаружен, то будет вашим рабом и потомки его рабами ваших потомков.

Дано во вновь основанном нами городе, основанном на великом Ниле, реке Египта, в 12-й год правления нашего, с согласия наших великих богов Юпитера, Марса и Плутона и великой богини Минервы. Свидетелем чего были наш знаменитый Аналектус, наш локотер, и другие 11 князей, которые, если мы умрем без потомства, будут наследовать нам и повелевать всем миром»¹.

К русскому же народу грамота была послана отдельно в 310 году до Рождества Христова по окончании службы русского отряда в войсках Александра Македонского.

Из-за дальности расстояния и тяжести похода по степям и делям Александр предпочел походом на Русь не идти, а дал следующую грамоту:

¹ «Nos Alexander, Philipi regis Macedonum, hircus monarchie figuratus, Grecorum inchoator, Jovis filius, per Nectanabum nunciatus, alocutor Bragmanorum et arborum, solis et lune, conculcator Persarum et Medorum, dominus mundi ab ortu solis usque ad occasum, a meridie usque ad septentrionem.

Ilustri prosarie Sclauorum et lingue eorum gratiam, pacem atque salutem a nobis et successoribus nostris succedentibus nobis in gubernatione mundi. Quoniam nobis afuistis semper in fide veraces, in armis strenui, nostri adiutores, bellicosi et robusti, damus et conferimus vobis libenter et in perpetuum totam plagam tere ab aquilone usque ad fines Italie meridionales, ut nullus sit ausus ibi remanere, residere aut vise locare possit, nisi vestrates.

Et si aliquis ibi inventus fuit manens, sit vester servus et sui posterorum posterorum. Datum in civitate nove nostre foundationis, fundata super magno Nili fluvio Egipti, anno XII regnorum nostrorum, asidentibus nobis magnis dominis Jove, Marte et Plutone, et maxima dea Minerva.

Testes huius rei fuerunt illystrissimus Anacletus, lecotera noster, et alii principes XI, quos nos nobis sine prole descendantibus relinquimus vestros et totius orbis dominos».

«Александр, царем царь и над цари бич Божий, презвитяжный рыцарь и всего света обладатель, к непокоривым яростный меч и страх, всего света честнейших над честнейшими в дальном расстоянии и незнаемом крае вашем от нашего величества честь и мир и милость вам и по вас храбросердому народу словенскому, князем и владельцем от моря варяжского и даже до моря Хвалимского, дебелим и милым моим: храброму Великосану, мудрому Асану, счастному Авесхасану вечно поздравляю, яко самих вас любезно лицом к лицу целую сердечне приемлю, яко други по сердцу моему, и сию милость даю вашему величеству, аще каковый народ вселится в пределах вашего княжения от моря Варяжского и до моря Хвалимского, да будет вам и роду вашему подлежими вечной работе, во инья же пределы отнюдь да не вступит нога ваша. Сие же достохвальное дело замкнено нашим листом и подписано царскою высокодержавною правницею и за природным нашим государским златокованным гербом привешенным.

Дано нашей чести в вечность в месте нашего предела в велицей Александрии изволением великих богов Марша, Юпитера и богини Минервы и Венусы, месяца примоса начальнейшего дня».

Поверх же основного текста шла собственноручная надпись:

«Мы, Александр, царь царем и над царьми бич, сын великих богов Юпитера и Венуса на небе, земски же Филиппа сильного царя и Алимпиады царицы, нашею высокодержавною правницею утвердил вечно».

Получив столь ценную грамоту, князья наши повелели повесить ее в храме на золотой нитке по правую сторону от идола Велеса. «И грамоте той поклонялись до земли и целовали ее как величайшую святыню»¹.

Пропустив последующие три столетия, о которых никаких сведений в русских летописях мне найти не удалось, приступим к делам 5508 года от сотворения мира — году рождения Иисуса.

¹ Грамота эта до наших дней не сохранилась, как и тот храм Велеса, в коем она висела.

О Боге и летосчислении

Это событие я решил выделить особо, так как современное летосчисление считается от этого события, хотя ранее на Руси счет времени шел от Адама. Год начинался с 1 марта, начала летнего периода, лета и считались. Так было вплоть до 6999 года от Адама, затем перешли на счет по сентябрьскому календарю, то есть год стал начинаться с сентября.

И лишь при Петре Окаянном введено было «западное» исчисление времени — от Иисуса.

Древнерусская литература сохранила много сказаний об Иисусе и его матери. Особенно интересно «Сказание Афродитиана о бывшем в Персидской земле чуде»:

«В Персиде впервые узнали о Христе: ничто не остается скрытым от тамошних законников, которые прилежно занимаются всем. Ведь, как вырезано на золотых досках, лежащих в царском храме, так и скажу, что имя Христа впервые услышали тамошние жрецы. Есть кумирница Иры, которая находится за царским домом. Эту кумирницу устроил царь, как знаток всякого благочестия, и в ней поместил он золотые и серебряные статуи богов и украсил камнями драгоценными. Но чтобы не говорить об убранстве, продолжим свою речь. В те дни, как значится в досках, когда царь вошел в кумирницу, чтобы получить разгадку сна, жрец Пруп сказал ему:

— Порадуюсь вместе с тобою, владыко. Ира во чреве зачала.

Царь, засмеявшись, говорит ему:

— Имеет ли что-либо во чреве мертвая?

Жрец сказал:

— Нет! Мертвая ожила и жизнь рождает.

Царь сказал:

— Что такое? Объясни мне.

Жрец сказал:

— Поистине, вовремя застал ты то, что здесь происходит. Всю эту ночь пребывали в ликовании статуи мужские и женские, говоря друг другу: «Сегодня порадуемся вместе с Ирой».

И говорят мне:

«Пророк, иди, радуйся вместе с Ирою тому, что она возлюблена».

Я же сказал:

— Как может быть возлюблена та, которая не существует?

Они тотчас говорят мне:

— Ожила она и называется не Ира, но Урания: великое Солнце возлюбило ее.

Женские изображения говорили мужским, умаляя сделанное:

— Возлюбленная — источник, а не Гера: ведь Гера за плотника помолвлена.

И говорят мужские изображения:

— Мы соглашаемся с тем, что по справедливости называется она источником: Мария имя ей, которая в своем чреве, как в море, носит корабль, имеющий 1000 вьюков. А если она и есть источник, пусть так:

Лунная Дева с младенцем. Рисунок из книги «Мифы народов мира» (М., 1998)

источник воды вечно рождает источник духа. Но одну только рыбу имеет этот источник, рыбу, уловляемую божественною удою, питающую своей плотию весь мир, как будто в море находится он. Вы верно сказали: «За плотника помолвлена она». Ведь она имеет плотника, но не от совокупления с ним — тот плотник, которого она рождает. Ведь этот рождаемый ею плотник, сын старейшины плотников, создал премудрым искусством трипостасный небесный покров, составил, укрепив словом это покрывало трех небес.

Итак, пребывали изображения в споре об Ире и источнике и единогласно сказали:

— Когда кончится день, мы все, мужчины и женщины, узнаем истину. Поэтому, господин, пробудь здесь остаток дня, потому что, во всяком случае, дело получит полнейшее обнаружение.

Царь остался здесь и увидел, что статуи, имевшие в руках кинюра, сами собой начали ударять в них, музы стали петь. И все, сколько их там ни было, четвероногие, птицы, золотые и серебряные, начали петь каждый на свой голос. Так как царь задрожал, исполнился страха и хотел уйти (он не мог вынести самопроизвольной суматохи), то жрец сказал ему:

— Останься, близко уже конечное обнаружение, которое бог богов соблагволил нам открыть.

После этих слов раскрылась крыша, и сошла вниз блестящая звезда и стала над кумиром-источником. И был слышан голос, сказавший:

— Госпожа-источник! Великое Солнце, совершившее непорочное зачатие, послало меня возвестить тебе и вместе с тем и служить при рождении, о мать первого из всех чинов, невеста триименитого единства. Дитя, зачатое без семени, зовется Начало и Конец, начало спасения, конец погибели.

Лишь только раздался этот голос, все кумиры пали ниц, а стоял один только кумир-источник, на котором очутилась царская корона, а над нею звезда, составленная из драгоценных камней анфракса и смарагда. Над короною остановилась звезда. Увидев это, царь тотчас же приказал привести всех, сколько их было в царской земле, мудрецов, занимающихся разрешением знамений.

По звуку труб герольдов сошлись все во дворец и, когда

увидели звезду над источником, венец из звезд — драгоценных камней, статуи, лежащие на полу, сказали:

— Царь! Род божеский и человеческий склонился, принеся образ небесного и земного царя.

Когда пришел поздний вечер, в этом самом храме явился Дионис с сатирами и сказал кумирам:

— Источник не есть один из нас, но над нами предвозвещает. Рождает свыше нас некоего человека, являющегося зачатием божественной воли. Жрец Пруп! Чего ты сидишь? Достигло до нас то описанное дело, и мы имеем быть уличенными во лжи от лица, облеченного властью... и не даем предсказаний. От нас отняли честь, бесславными и лишенными почетных даров стали мы; один только из нас есть, взявший себе почесть.

«Не бойся, — сказали они, — не требуют больше персы дани от земли и воздуха. Ведь учредивший их находится здесь, собираясь принести дань пославшему его, преобразуя старый образ, сводя изображение с изображением и непохожее делая похожим». Небо радуется с землею, а земля похвалами превозносится, принимая небесное прославление. То, чего не случилось вверху, произошло внизу. Несчастный род увидел того, кого не знал блаженствующий чин; тем пламя грозит, а на этих роса падает. Но какова радость источника быть небесной возлюбленной и зачать благодатью благодати? Расцвела Иудея, а сейчас сохнет. Язычникам и другим народам пришло спасение и увеличивается успокоение несчастных. Женщины, достойным образом ликуя, говорят:

— Госпожа, источник, сделавшийся матерью небесного светоча, облако, орошающее от зноя мир, вспомни о нас, твоих рабынях, дорогая Урания!

А царь, нимало не промедлив, отправил под путеводительством звезды с дарами находившихся в его царстве магов. Когда маги вернулись, они рассказали случившимся тогда людям, и рассказ этот был записан на золотых листах так:

— Когда мы прибыли в Иерусалим, то знамение звезды, сопровождавшей наш приход, всех смутило.

«Что означает, — говорили, — приход персидских мудрецов вместе с появлением звезды?»

И спрашивали нас старейшины иудейские:

— Что будет и ради чего вы пришли?

И мы сказали им: «Родился тот, кого вы называете Мессией». Они смутились и не смели нам воспротивиться.

«Скажите нам, что вы узнали?» — спросили старейшины. И мы сказали им: «Неверием больны вы, и вы не веруете ни с клятвою, ни без клятвы, а следуете своему неразумному желанию. Ведь родился Христос, сын Вышняго, который разрушит закон ваш и собрания. Поэтому, став мишенью своего прежнего безумия, вы без удовольствия слушаете об этом имени, которое внезапно явилось перед вами».

Они же, посоветовавшись между собою, предложили нам принять дары и молчать об этом деле в этой стране, чтобы не случилось восстания против них.

Мы сказали ей:

— О мать матерям! все боги персидские ублажили тебя, великое твое прославление, ибо ты стала выше всех цариц.

А дитячко на земле сидело, по второму без малого году, по ее словам, с лицом, отчасти похожим на лицо матери. А росту она была такого, что должна была смотреть снизу вверх, а тело имела нежное, а волосы на голове цвета пшеницы. А мы, имея с собою юношу-живописца, их изображения положили в том храме, в котором было проречение. Надпись же следующая: «В храме богу Солнцу великому царю Иусу положила персидская держава».

Взяв же дитя и понянчив его каждый на своих руках, мы дали ему золото, ладан и смирну, сказав:

— Тебе — твое воздаем, небесный Иус! Никаким другим образом не было бы упорядочено беспорядочное, если бы ты не пришел. Никак иначе не смешалось бы вышнее с нижним, если бы ты не пришел. Не тогда поспеет служба, когда кто раба пошлет, а только тогда, когда сам совершит эту службу, и не тогда успеет царь, когда посылает на войну полководцев, а тогда, когда отправится туда сам. А дитя радовалось нашей ласке и нашим речам. Когда мы поклонились матери, когда она почтила нас, и мы, как подобало, отдали ей почести».

Теми знаменитыми волхвами, первыми поведавшими иудеям о рождении Иусу, были Валтасар, Мельхиор и Каспар. И хотя они были язычниками и никогда не принимали

христианского крещения, их не только объявили святыми, но даже в их честь построили в Кёльне собор, в котором ныне хранятся мощи сих «святых язычников».

Вот что писал об этих волхвах Марко Поло¹:

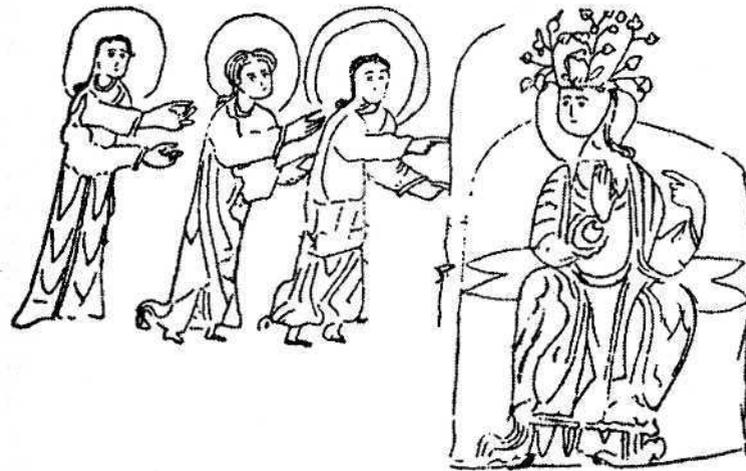
«Большая страна Персия, а в старину она была еще больше и сильнее, а ныне татары разорили и разграбили ее. Есть тут город Сава, откуда три волхва вышли на поклонение Иисусу Христу. Здесь они и похоронены в трех больших прекрасных гробницах. Над каждой могилой квадратное здание, и все три одинаковы и содержатся хорошо. Тела волхвов совсем целы, с волосами и бородами. Одного волхва звали Белтазаром, другого Гаспаром, третьего Мельхиором».

Марко спрашивал у многих жителей города, кто были эти волхвы. Никто ничего не знал, и только рассказывали ему, что были они царями и похоронили их тут в старые годы.

Но вот еще что узнал он все-таки: «Впереди, в трех днях пути, есть крепость Кала Атаперистан, а по-французски «крепость огнепоклонников», и это правда. Тамошние жители молятся огню, и вот почему почитают они огонь: в старину, говорят, три тамошних царя пошли поклониться новорожденному пророку и понесли ему три приношения: золото, ливан и смирну; хотелось им узнать, кто этот пророк: бог ли, царь земной или врач. Если он возьмет золото, говорили они, то это царь земной, если ливан, то — бог, а если смирну, то — врач.

Пришли они в то место, где родился младенец; пошел посмотреть на него младший волхв и видит, что младенец на него самого похож и годами, и лицом; вышел он оттуда и дивуется. После него пошел второй и увидел то же: ребенок и летами, и лицом такой же, как и он сам; вышел и он, изумленный. Пошел потом третий, самый старший, и ему показалось то же самое, что и первым двум; вышел он и сильно задумался.

Сошлись все трое вместе и порассказали друг другу, что видели; подивились, да и решили идти всем трем вместе. Пошли вместе и увидели младенца, каким он был на самом деле, а было ему не более тринадцати дней. Поклонились и поднесли ему золото, ливан и смирну. Младенец взял все три прино-

Волхвы и Мария. Рисунок из Сирийской псалтыри

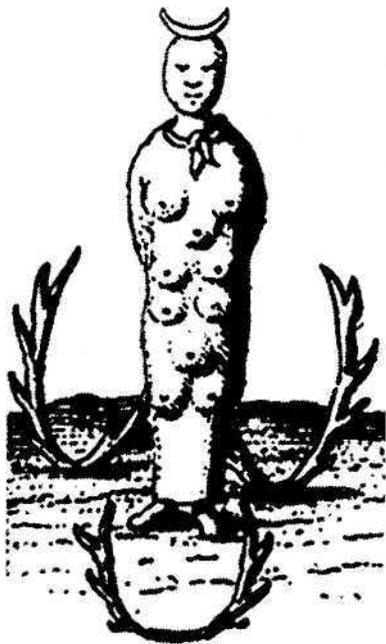
шения, а им дал закрытый ящичек. Пошли три царя в свою страну...

Проехали они немного дней, и захотелось им посмотреть, что дал им младенец; открыли они ящичек и видят, что там камень. Дивились они, что бы это значило. А младенец дал им камень в знамение того, чтобы вера их, которую они восприяли, была тверда, как камень. Как увидели три царя, что младенец принял все приношения, тут все и сказали, что он бог, царь земной и врач. А младенец знал, что все трое одной веры, и дал он им камень в знамение того, чтобы были тверды и постоянны в своей вере.

Взяли три царя тот камень да бросили его в колодезь, не понимали они, зачем он им был дан, и как только бросили они его в колодезь, с неба снизошел великий огонь прямо в колодець, к тому месту, куда был камень брошен. Увидели цари то чудо и диву дались; жалко им стало, что бросили они тот камень; был в нем великий и хороший смысл.

Взяли они тогда от этого огня и понесли в свою землю, поставили его в богатом, прекрасном храме. Поддерживают его постоянно и, как Богу, молятся ему; этим огнем совершают они все жертвы и вожжения. Если случится, что огонь тут

¹ Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб., 1999.

Герта. Рисунок из книги
*Westphalen E. Monumentum
eneditum verum Germanorum.
Lipsiae, 1740*

потухнет, идут они к тем, кто держит тот же огонь и также молится ему; у них, из их церкви, просят они огня и возжигают свой; возжигают только от того огня, о котором я вам рассказывал; иной раз, чтобы найти такой огонь, ходят по десяти дней. Так-то здешние люди молятся огню. Много людей рассказывало Марко Поло и об этом, и о замке, и все это правда. Один из трех волхов, скажу еще, был из Савы, другой из Авы, а третий из того замка, где огню поклоняются»¹.

Из русских и западноевропейских источников мы узнаём, что Герта — лунная богиня земного плодородия, кормилица всего живого на земле.

Некоторые утверждают, что она была женой Солнца, ибо от Солнца она становится плодоносной.

Другие ее имена: Ира, Гера, Артемида, Божуня, Мария. От бога Солнца она родила солнечного бога Исуса-Митру.

¹ Сава, Саве — село к юго-западу от Тегерана. Аве — недалеко от Савы. Город огнепоклонников — Кала аль-Магус (недалеко от Кума).

В IV веке, как гласит предание, останки волхов были из Персии перевезены в Константинополь. Оттуда мощи попали в Милан. И уже по просьбе архиепископа Рейнальда фон Дасела Фридрих Барбаросса в 1164 году доставил кости волхов из Милана в Кельн.

Ясли осла Святого семейства хранятся в базилике Санта-Мария Маджоре.

В Риме бытовала легенда о рождении у некоей женщины из Египта необычного, божественного младенца, которого она родила от осла, на котором ехала в сопровождении старого мужа, неспособного иметь детей. Правитель страны, узнав от предсказателей о рождении божественного младенца, приказал перебить всех новорожденных. Но мать спасла свое чадо, завернув его в попону и положив в ясли в хлеву, рядом с ослом.

Солдаты, выполнявшие приказ об истреблении младенцев, обыскивали всю страну. Зашли они и в хлев, но увидели лишь

Папирус с изображением Сэты. Рисунок из *Краткой Еврейской Энциклопедии (Иерусалим, 1976)*

Митра. Рисунок из книги Cartari Vincenso. Le immagini de i dei de Gli Antichi (Venetia, 1580)

германцев, кельтов, славян, греков и италиков. Наднациональная религия.

М. В. Довнар-Запольский (Песни пинчуков. Киев, 1895. С. 196) перечисляет имена Иисуса Христа: Иисус, Отец, Творец, Саваоф, Святой Дух, Солнце, Христос, Создатель, Пророк, Бог, Троица Неразделимая.

Родился Иисус 25 декабря 6 года до Рождества Христова в 23.37, как о том сообщает Аапо Рейнет¹.

Сообщив об Иисусе, без упоминания имени которого ни одна летопись не обходится и со времени рождения которого мы ведем современное летосчисление, приступим к изложению дальнейших событий русской истории.

Итак, спустя много лет в словенском народе начали править два князя: Халох и Лахерн, которые первыми стали вое-

возносится на небо. Но и с Небес он продолжает помогать благочестивым.

Среди славян и их соседей бытовали легенды об Усладе, молодом боге воскресшего, весеннего Солнца. Услад рисовался с крестом (символом солнца) в руке. Все эти сказания о божествах войны и солнца постепенно объединились в один массив верований в Спасителя — Бога, который придет на благо людям.

И родилось христианство — религия, вобравшая в себя мифы иудеев, персов,

вать против греков. Они ходили под самый Царьград и много зла причинили грекам. Там, близ моря, и был убит младший брат — Лахерн. На месте его гибели возведен монастырь Влахернской Божьей Матери.

Халох, раненый, возвратился с оставшимися в живых воинами и с огромной добычей на родину.

Прирастить богатства можно тремя способами:

— тяжким трудом (трудоу много — богатства мало, ибо «от трудов праведных не наживешь палат каменных»);

— торговлей (путь, ведущий к благосостоянию, но медленный и опасный);

— грабежами и войнами (самый быстрый способ разбогатеть). Не надо «горбатиться», не надо долго ждать. Украл или ограбил — и живи в свое удовольствие. «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах».

По третьему пути и пошло общество, ибо «риск — дело благородное, а кто не рискует — тот не пьет шампанское». А первыми искателями чужого и были братья Халох и Лахерн.

При их потомках Диюлисе и Дидалакхе приходил на Русь и впервые крестил словен апостол Андрей.

Услад рисовался с крестом в руке. Со старинной гравюры

¹ Наука и религия. 1996. № 12.

Андрей Первозванный

Вот что об Андрее сообщает «Повесть временных лет»: «Ондрею учащу в Синопии и пришедшу ему в Кореунь, уведe, яко ис Корсуня близь устье Днепрское, и въсхоте поити в Рим, и проиде в вустье Днепрское, и оттоле поиде по Днепру горе. И по приключаю приде и ста под горами на березе. И заутра встав и рече к сущим с ним учеником: «Видите ли горы сия? — яко на сих горах восияет благодать божия; имать град велик быти и церкви многи бог воздвигнути имать». И вшед на горы сия, благослови я, и постави крест, и помолився богу, и слез с горы сея, идеже послеже бысть Киев, и поиде по Днепру горе. И приде к словени, идеже ныне Новгород, и виде ту люди сушая, како есть обычай им, и како ся мыють и хвощются, и удивися им. И иде в варяги, и приде в Рим, и исповеда, елико научи и елико виде, и рече им: «Дивно видех Словеньскую землю идучи ми семо. Видех бани древены, и пережгутъ е рамяно, и совлокуться, и будучи нази, и облеются квасом уснянним, и возмуть на ся прутье младое, и бьются сами, и того ся добьютъ, одва вылезут ле живи, и обольются водою студеною, и тако оживуть. И то творят по вси дни, не мучимы никимже, но сами ся мучать, и то творят мовение себе, а не мучение». Ты слышаще дивяхуся. Ондрей же, быв в Риме, приде в Синопию».

Ф. Страленберг в своей книге «О религии и нравах русского народа»¹ сообщает: «Русские хвалятся, что апостол Андрей явился в Киев, тогдашнюю столицу Руси, и проповедовал, обращал, крестил и научал всю Русь, осеняя себя крестным знамением. Оттуда направился в Новгородское княжество, где также проповедовал».

Однако Новгородские летописи отрицают это, приписывая эти деяния святому Антонию, приплывшему к ним на жернове.

Тем не менее известно, что именно Андрей «в шестидесяти верстах вниз по реке от Новгорода жезл свой в землю погрузи, оттоль место сие Грузино, знак того, что просветится земля русская».

Так что несправедливо приписывать проповедь христианства одному Антонию, Андрей там тоже был и праведную веру пропагандировал. К сожалению, год этого события не указан.

Жил же Андрей Первозванный в I веке от Рождества Христова.

Олеарий сообщает, что Андрей в Новгороде не только учил отправлению истинного богослужения, но и наставлял в постройке церквей и монастырей.

«Антоний, преподобный, римлянин, новгородский чудотворец, родился в Риме в 1067 году. В 1106 году прибыл он из Италии в Великий Новгород, в княжение Мстислава Владимировича, и основал монастырь Рождества Богородицы... В Прологе августа 3 сказано, что Антоний, находясь еще в Италии, положил в делву церковные сосуды и разные драгоценные вещи и бросил ее в море, а сам чудесным образом приплыл на камне в Новгород; и что рыбаки, им нанятые, закинув сети, вытащили оную из реки Волхова, где существует его обитель (в двух верстах от Новгорода)... В паперти соборной церкви Рождественского монастыря показывают вделанный в стену камень, на котором Антоний, по преданию, приплыл

¹ Чтения Общества Истории и Древностей Российских. 1873. № 2. С. 1.

Андрей Первозванный на горах Киевских. В верхнем правом углу нарисована не ракета, на которой прибыл святой, как можно подумать, а фрагмент солнечного диска с тремя лучами — символ хорошей погоды. Рисунок из Радзивилловской летописи

из Рима. На этом камне находится изображение святого угодника¹.

Но это XII век. Как известно, церкви в Новгороде стояли уже при князе Владимире. Ян Вышатич при уничтожении идола Перуна, поставленного по приказу Владимира, по приказу Владимира же шедший свергнуть Перуна и ввести христианство, устроил пожар; и погорела церковь.

Так что христианство в Новгороде было еще до прибытия Антония.

Однако возможно, что именно Антоний приводил ко Христу Новгород, а Андрей — не Великий Новгород, а Новгород Северский, как на том настаивает Георгий Каниский в «Истории Русов»².

Христианство легко могло привиться на Руси, так как соседи Руси — сарматы — были христианами, как о том сообщает Тертуллиан, «но от частых войн вера пропала».

Рассказы о русских князьях

А. Нечволодов (традиционная версия) излагает историю этого времени следующим образом.

«К половине девятого века почти везде уже в Европе жили не разрозненные племена, а были образованы государства.

Через два года после призвания князей брата Рюрика, Синеус и Трувор, умерли, и он стал единовластно править над новгородскими славянами, кривичами и над финскими племенами — весью, мерей и муромой, сажая во все города своих посадников из старших витязей прибывшей с ним русской дружины.

Хотя Синеус и Трувор ничего на Руси сделать не успели, притом вызывает сомнение даже сам факт их существования, в русской топонимике имеются места, связанные с этими персонажами. Это так называемые Курган Синеуса вблизи Белоозера и Труворово городище. Имеется даже «Труворов камень».

Два мужа из этой дружины, не получившие в управление городов, Аскольд и Дир, отпросились у Рюрика идти искать счастье в Царьград. Следуя по великому пути из варяг в греки, они дошли по Днепру до Киева. Здесь, узнав, что Киев не имеет своего князя, а платит дань хазарам, и полюбив это бойкое и богатое место, Аскольд и Дир решили остаться; к ним присоединилось много варягов, и они стали владеть Киевом и всей Полянкой землей, причем освободили ее от платежа

¹ Словарь исторический о русских святых. СПб., 1862. С. 26—27.

² Чтения Общества Истории и Древностей Российских. 1846. № 2. С. 4.

*Труворово городище. Современный вид. Фотография из книги
А. Нечволодова*

дани хазарам и успешно воевали со степными хищниками и некоторыми соседними племенами.

Через четыре года Аскольд и Дир настолько уже вошли в силу, что могли привести в исполнение заветное желание русов отомстить коварным и высокомерным грекам за все обиды и унижения, которые претерпевали от них наши предки во время хазарского ига¹.

К этому еще представился и подходящий случай: греки убили в Царьграде нескольких русских провевальщиков зерна по ничтожному поводу.

И вот в 866 году Аскольд и Дир решили совершить смелый набег на Царьград, как хаживали на него в старину смельчаки с устьев Днепра и Дона. Они собрали двести ладей, то есть больших лодок с мачтами и парусами, посадили на каждую от сорока до шестидесяти человек и настолько скрытно совершили свой переход по Днепру и Черному морю, что до самого их появления у Царьграда никто и не подозревал об этом набеге.

¹ Интересно, когда это хазары держали под игом новгородских славян?

Патриарх Фотий был в это время в Константинополе и оставил подробное описание происшедшего. По его словам, русский набег случился в один из прекрасных летних дней, под вечер, при совершенно тихом море. В этот прекрасный летний вечер царьградские горожане любовались красотами своего любимого моря не только из великолепных палат, но и из бедных хижин, со своих улиц и площадей, из бесчисленных садов и даже со стен самого города, которые опоясывали его со всех сторон по берегу моря.

Император Михаил отсутствовал со всем своим войском, так как двинулся против арабов, и спокойный и беспечный город вовсе не ожидал ничего чрезвычайного, как вдруг в проливе из Черного моря обозначилось что-то невиданное, которое скоро превратилось в целую кучу русских ладей. Весь город обезумел от страха. Все в один голос с ужасом воскликнули: «Что это? Что это?» А русы подплывали все ближе и ближе, навевая на всех своим видом что-то свирепое, дикое и убийственное; скоро они стали сходить на берег и угрожать городу, простерши свои мечи.

«Мрак объял все трепетные умы, — говорит Фотий, — слезы и рыдания распространились во всем городе; крайнее отчаяние объяло всех; со всех сторон разносилась одна весть, один крик: «Варвары перелезли через стены! Город взят не-

Курган Синеуса близ Белоозера. Фотография из книги А. Нечволодова

*Осада русами во главе с Аскольдом и Диром Константинополя.
Радзивилловская летопись*

приятелем!» Неожиданность бедствия и нечаянность набега заставили всех воображать и слышать только это одно».

По свидетельству Фотия, русы из-за загородных ворот напали на красивые предместья города и опустошили их огнем и мечом до самой крепости, или царьградского кремля, стоящего на выдающемся в море высоком холме. Они огнем и мечом опустошили и морские пристани, распределив их между собой для разгрома по жребию.

Это показывает, что русы хорошо обдумали все подробности своего нападения; они внезапно пришли вечером, во время отсутствия царя с войском, чтобы поразить неожиданностью врага, а затем совершить нападение под покровом ночи, дабы скрыть свою малочисленность; при этом, чтобы не было никакого беспорядка, заранее определили жребием, кто в какой части города будет действовать.

После опустошения морских пристаней русы быстро окружили городские стены и стали валить к ним земляную присыпь, намереваясь скорее перелезть в сам город. При этом «трусость дрожью пробежала по всему телу и обессилила даже и тех, которым предоставлено было распоряжаться в опасное время», — говорит Фотий.

Народ, лишенный всякой помощи и защиты, теперь помышлял только о молитве и наполнил все храмы. Повсюду

всю ночь совершалась служба: с воздетыми руками воссылались усердные и слезные моления о помиловании. Общее несчастье заставило раскаяться в грехах, образумиться и приняться за добрые дела.

Не встречалось благодатнее часа, как этот, для проповеди и поучения к народу о грехах, о всеобщем покаянии, об исправлении своей жизни добрыми делами.

И святитель Фотий начал в соборе Святой Софии свою проповедь: «Что это? Откуда поражение столь губительное? Откуда гнев столь тяжкий? Откуда упал на нас этот дальнесеверный страшный Перун! Откуда нахлынуло это варварское, мрачное и грозное море! Не за грехи ли наши все это ниспослано на нас? Не обличение ли это наших беззаконий и не общественный ли это памятник им? Не доказывает ли эта кара, что будет суд страшный и неумолимый?.. И как не терпеть нам страшных бед? — продолжал святитель. — вспомните, как греки несправедливо обижали в Царьграде приезжих россов, когда мы убийственно рассчитались с теми, которые должны были нам что-то малое, ничтожное... Мы получали прощение и не миловали ближнего... Сами обрадованные, всех огорчали; сами прославленные, всех бесчестили; сами сильные и всем довольные, всех обижали; безумствовали, утолстели, разжирели, расширились... Вы теперь плачете, и я с вами плачу. Но слезы ваши напрасны. Кого они могут умолить теперь, когда перед нашими глазами мечи врагов, обогранные кровью наших сограждан, и когда мы, видя это, вместо помощи им бездействуем, потому что не знаем, что делать, и только ударились все в слезы...

Часто внушал я вам: берегитесь, исправьтесь, обратитесь, не попускайте отточиться Божью мечу и натянуться его луку... Не лукавьте с честными людьми. Горько мне оттого, что я дожид до таких несчастий; оттого, что мы сделали поношением соседей наших... Оттого, что поход этих варваров счтен был так, что и молва не успела предупредить нас, дабы мог кто подумать о безопасности. Мы слышали о них уже тогда, когда их увидели, хотя и отделяли нас от них столькие страны и народоначальства, судоходные реки и пристанищные моря. Горько мне оттого, что я вижу народ жестокий и борзый, смело окружающий наш город и расхищающий его предместья. Они разоряют и губят все: нивы, жилища, пажи-

ти, стада, женщин, детей, старцев, юношей, всех поражая мечом, никого не милуя, ничего не щадя. Погибель всеобщая! Как саранча на ниве... или страшнее, как жгучий зной, наводнение, или не знаю, что и сказать, этот народ явился в стране нашей и губил ее жителей.

О, город-царь! Какие беды столпились вокруг тебя! О, город — царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается над тобою, как над рабом! Необученное и набранное из рабов! О, город, украшенный делами многих народов! Что за народ вздумал взять тебя в добычу? О, город, воздвигший многие победные памятники после поражения ратей Европы, Азии и Ливии!.. А слабый и ничтожный неприятель смотрит на тебя сурово, пытается на тебе крепость своей руки и хочет нажить себе славное имя! О, царица городов царствующих! О, храм мой, святилище Божие, Святая София, недреманное око вселенной! Рыдайте, девы... Плачьте, юноши... Горюйте, матери... Проливайте слезы, дети... Плачьте о том, что умножились наши несчастья, а нет избавителя, нет печальника».

Святитель закончил свое обращение к народу воззванием: «Наконец настало время прибегнуть к Матери Слова, к Ней, единой надежде и прибежищу. К Ней возопием: Досточтимая, спаси град Твой, как ведаешь, Госпоже!»

После этого, при стечении трепетавшего от ужаса народа, с горячей мольбой о спасении из Влахернского храма была

Патриарх Фотий и император Михаил III касаются Покровами Богоматери поверхности моря. Радзивилловская летопись

поднята риза Божьей Матери и крестным ходом обнесена вокруг стен города и погружена в воду.

И Царица Небесная вняла мольбам своего грешного, но раскаявшегося народа и во второй раз, подобно тому как это было в 628 году, во время набега аваров и славян, она явила свою чудесную помощь и отвратила неминуемую гибель от города!

Вид православного крестного хода с патриархом и духовенством в полном облачении, множество хоругвей, стройное пение и несомая впереди чудотворная риза — все это представляло совершенно необычное зрелище для язычников-русов: они настолько были уstraшены им, что повсюду, как только видели приближение к себе крестного хода, поспешно бросали работы по ведению приступа и спешили к своим ладьям, после чего оставили город.

Так заступничеством Божьей Матери был чудесно спасен Царьград от полного истребления. Русы же возвратились из своего смелого набега в Киев с богатейшей добычей и огромной славой.

Чудесное заступничество Богоматери произвело сильнейшее впечатление на русских, и они убедились в неизбежном преимуществе христианской религии.

И просили греков просветить их в христианской вере¹.

¹ Али-Вячеслав Полосин о празднике Покрова сообщает: «Два византийских гражданина увидели во Влахернской церкви в Константинополе Богородицу, простирающую покров над греками. Согласно переписанному на славянский и русский языки греческому объяснению этого праздника, увиденная двумя греками Богородица спасала Константинополь... от наших прадедов — русичей, осаждавших ненавистный им вражеский город! Ее покров — символ защиты не русских людей, а их врагов-греков, причем от русских воинов!»

После того как, согласно греческому преданию, данный покров был опущен в Босфор константинопольским патриархом, русские войска потерпели поражение, много наших прадедов было убито, и флот отступил. Тем самым подлинный смысл греческой интерпретации Покрова — это радость по поводу убийства русских воинов, овдовения их жен, сиротства их детей и поражения русского оружия. Греки имели, конечно, повод для радости, однако что здесь праздновать русскому народу?

Любопытно, что у греков такого праздника сегодня уже не сохранилось».

Замечание автора:

УА. Нечволодова поход Аскольда и Дира описан с большим пафосом. Но — увы! — такого похода не было. На Константинополь напали не русские ладьи, а варяжские ладьи россов, приплывшие из Фризии по Средиземному морью через Атлантику, вокруг Европы.

Но важно не это, а то, что Фотий крестил народ русский вместе с их князем... Владимиром Святым! Именно с Владимиром, как отом сообщают греческие источники и русские летописи. Но так как это произошло в 862 году, то А. Нечволодов постеснялся назвать Владимира, поэтому продолжим рассказ об Аскольде и вернемся к официальной версии А. Нечволодова.

И столько воспламенна их любовь к вере, что и епископа, и пастыря, и христианское богослужение с великим усердием и тщанием приняли.

По преданию, когда назначенный Фотием епископ прибыл в Киев, то Аскольд принял его на народном вече, где стали рассуждать о вере своей и христианской и спросили епископа: чему он хочет учить их. Епископ открыл Евангелие и стал говорить им о Спасителе и о Его земной жизни, а также о разных чудесах, совершенных Богом, что описано в Ветхом Завете. Русы, слушая проповедника, сказали: «Если мы не увидим чего-нибудь, подобного тому, что случилось с тремя отроками в огненной печи, мы не хотим верить». Служитель Божий не поколебался; он смело отвечал им: «Мы ничтожны перед Богом, но скажите, чего хотите вы?» Они просили, чтобы брошено было в огонь Евангелие, и обещала обратиться к христианскому Богу, если оно останется невредимым. Тогда епископ воззвал: «Господи! Прославь имя Твое перед сим народом» — и положил книгу в огонь. Евангелие не сгорело. После этого многие из присутствовавших, пораженные судом, крестились¹.

Спустя четырнадцать лет после Аскольдова крещения Рюрик, сидевший в Новгороде, умер, передав правление родственнику своему Олегу, так как сын Рюрика, Игорь, был еще очень мал. Это было в 882 году.

¹ Уверовав, что христианская религия лучше, русские потребовали это доказать! Удивительная нелогичность поступков наших предков!

Три года ничего не было слышно в Киеве про нового князя, а в 885 году Олег, собрав большую рать из варягов, новгородских славян, кривичей, чуди от Изборска, веси от Белозера и мери от Ростова, пошел водой на Киев.

Княжеская дружина была в кольчугах, или железных чешуйчатых рубашках, в железных же шлемах, с секирами, мечами, копьями и дротиками. В руках у каждого воина был большой деревянный щит, обтянутый кожей, выкрашенной в красную краску, и окованный железом. Ратные же люди от земли, или вои, как их называли, одевались попроще. Мало кто из них носил кольчуги, и многие шли в одних портах; вооружены они были копьями, топорами, стрелами, мечами и ножами. Почти все были пешие.

Двигаясь на Киев, Олег по пути занял Смоленск, в котором поставил посадником мужа из своей дружины, а затем занял и город Любеч, где тоже оставил своего посадника. Таким образом он завладел днепровским путем до самого Киева.

Подойдя к Киеву, Олег укрыл всю свою силу в лодках и засадах, а сам с маленьким Игорем на руках вышел на берег и послал с вестью к Аскольду и Диру, что пришли гости, идут в Грецию от Олега и Игоря княжича и желают повидаться с земляками-варягами. Не подозревавшие ничего Аскольд и Дир пришли к берегу, но не успели они вступить в разговор с Олегом, как из лодок и засад повыскакивала дружина, и Олег сказал киевским владыкам: «Вы владеете Киевом, но вы не князь и не княжеского рода; я есть княжеский род, а это сын Рюрика» — и вынес вперед маленького Игоря. После этого Аскольд и Дир были тут же убиты, а Олег, избавившись таким образом от киевских вождей, уже без труда завладел городом. Аскольд же и Дир были похоронены на горе близ города. Впоследствии на могиле Аскольда была поставлена церковь Святого Николы; могила эта сохранилась и до сих пор, и каждый православный человек, посещающий Киев, заходит помолиться за упокой души великого витязя, здесь лежащего.

Замечание автора:

О семье Аскольда известно, что женат он был на дочери владаваца Волжской Болгарии Алмаза Васильевича, чьим подданным он и являлся, служба хазарскому кагану, женатому на другой дочери владаваца.

*«Аскольдова могила». Киев.
Современный вид*

Причина, почему Олег поступил так жестоко с Аскольдом и Диром, совершенно понятна. Богатый Киев лежал на том же большом пути из варяг в греки, у начала которого стоял и Новгород, где сидели русские князья. Аскольд и Дир были их дружинниками, и не из старших, так как не получили от Рюрика в управление городов, почему и отпросились у него идти искать счастья

к Царьграду. Осев в Киеве, эти витязи освободили его от уплаты дани хазарам, подчинили себе соседние племена и, кроме того, прославились славным набегом на Царьград. Все это сделало их сильными и могущественными, а потому и опасными для природного княжеского рода, сидевшего в Новгороде. Поэтому Олег задумал объединить Русскую землю, для чего он и собрал большую ратную силу, конечно, прежде всего должен был овладеть Киевом, лежащим к тому же в самом важном месте великого водного пути из варяг в греки.

Кроме того, нет сомнения, что язычник Олег и его языческая новгородская дружина с большим неудовольствием смотрели, что отделившиеся от них варяги с Аскольдом и Диром мало того что приобрели значительную силу, но еще вдобавок и приняли ненавистное для закоренелых язычников христианство.

Что же касается того, что Олег избавился от Аскольда и Диры путем хитрости, то это показывает, конечно, только их большую силу, почему он и не желал вступить с ними в открытый бой; надо при этом сказать также, что употребленный им обман по языческим понятиям не только не был плохим делом, но, наоборот, молодецким; и слово «хитрец», или

«хитрок», считалось похвальным для тех людей, которые искусно обманывали своих врагов.

Поход Олега на Киев показывает, что, действительно, он был очень искусно соображен. Начавши после Рюрика княжить, Олег целых три года оставляет Аскольда и Диру в Киеве в покое и ничем не показывает своего намерения напасть на них. Сидя эти три года, по-видимому, бездейственно в Новгороде, он между тем старательно готовится к походу, собирает большую рать из всех северных племен, вооружает ее и строит ладьи для похода, на что новгородцы, отличные плотники, были всегда мастера; при этом все свои замыслы против Аскольда и Диры и все сборы к походу Олег держит до того скрытно, что киевские витязи о них вовсе и не догадываются, несмотря на то что по большому пути из варяг и греки много народу из Новгорода перебывало за эти три года в Киеве.

Наконец, выступив со своей ратью и ладьями к Киеву, Олег сумел и тут тоже так скрытно пройти по водному пути, что совершенно незаметно подошел к Киеву и выманил из него Аскольда и Диру, которые сами были весьма опытные и искусные воины.

Такое искусное приготовление Олега к скрытному походу и самое его совершение должно и в наши времена, несмотря на то что с тех пор прошло уже более тысячи лет, служить примером, достойным подражания, как следует изготовляться, чтобы внезапно напасть на врага.

Покончив с Аскольдом и Диром, Олег перенес свой княжеский стол из Новгорода в Киев. «Это будет мать городам русским» — вот первое слово, которое сказал Олег про Киев. В Новгороде же он посадил своего посадника. Затем он сейчас же стал строить в занятых землях городки и посылать в них своих мужей правителями.

Вместе с тем он решил начать покорение и тех соседей, от которых Киев и поляне терпели притеснения. В первое же лето он отправился походом на древлян, постоянно нападавших на полян из своих дремучих лесов. Олег обошелся с древлянами сурово, «примучил их», как говорит летописец, и обложил их данью по черной кунице с дыма. На следующее лето он пошел на северян и возложил на них дань легкую, чтобы не

платили хазарам. «Я хазарам недруг, а не вам», — сказал он им. На третье лето Олег спросил радимичей: «Кому дань даете?» Те отвечали: «Хазарам». — «Не давайте хазарам, но мне давайте». Так радимичи и поступили.

Объединив таким образом под своей рукой соседние к полянам племена и владея уже большим путем из варяг в греки, Олег стал укреплять княжескую власть во всех собранных им воедино славянских племенах; вместе с тем он стал готовиться к большому походу против Царьграда, чтобы подтвердить грекам, что и после Аскольда и Диры Русь осталась такой же грозной и могучей для Византии, как и во времена этих витязей.

В этих занятиях по управлению землею и приготовлениях к большому походу на Царьград прошло 23 года. За эти 23 года в летописях упоминается о двух важных событиях, имевших место в Русской земле.

В 897 году прошла мимо Киева и, переправившись через Днепр, направилась дальше к западу орда азиатского кочевого народа угров, или венгров.

Столкновений у венгров с русскими не было; очевидно, русские были настолько грозны, что венгры и не помышляли напасть на них, а просили только разрешения пройти по их земле, чтобы найти дальше на западе свободное место, где можно было бы осесть.

Пройдя Карпатские горы, венгры потеснили некоторые жившие в этих горах и южнее западнославянские племена и сели в широкой равнине по Среднему Дунаю, к югу и западу от Карпат.

Замечание автора:

Кстати о венграх. Венгры были народом грамотным, в отличие от наших предков. Свой древний алфавит они сохраняли вплоть до XVII века.

В Стамбуле сохранилась венгерская руническая надпись XVI века. Надпись выполнил кто-то из членов посольства короля Ласло. Перевод надписи: «В 1550 году было написано это. Послов короля Ладислава заставили ждать здесь. Бэла из Барнабас два года здесь находились. Ничего не делал император. Кетей из Секель Томас отписал отсюда по-турецки императору. Пала сотня лошадей».

Венгры — потомки тех угров, которые, покинув Урал, переселились в Центральную Европу. Та часть угров, которая осталась на родине, в Западной Сибири, стала хантами и манси. Как заявил один мой знакомый-венгр: «Умные ушли в Европу, остальных ждала Сибирь!»

В Европе венгры, по наущению греческих императоров, сейчас же начали воевать с соседними славянскими племенами, особенно же с моравами. Вообще, прибытие угров, или венгров, в Европу и расположение их по среднему течению Дуная было весьма неблагоприятно для всего славянства, так как с появлением их на Дунае южные славянские племена были отрезаны совершенно чужим для них народом от своих северных, восточных и западных братьев, причем отрезанность эта продолжается и по сей день.

Указав в летописи о проходе венгров, летописец рассказывает затем, что князь Игорь, успевший подрасти и начать помогать Олегу в управлении государством, женился в 902 году на природной русской славянке, уроженке села Выбуты, лежащего в 12 верстах от Пскова. По красоте своего лица и редким душевным качествам она была прозвана Прекрасой. После замужества Прекраса приняла имя Ольга, в честь Олега.

К 906 году приготовления Олега к походу на Царьград были закончены.

Оставив князя Игоря в Киеве управлять делами на время своего отсутствия, Олег выступил в поход на греков, собравши множество варягов, новгородских славян, чуди, кривичей, мери, полян, северян, древлян, радимичей, хорватов, волынян, или дулебов, и тиверцев. Вся эта славная рать двинулась к Царьграду на кораблях, ладьях и конях. Кораблей было две тысячи, причем в каждом помещалось по 40 человек; водой, стало быть, шло восемьдесят тысяч, да по берегу шла конница.

Когда Олег подошел к Царьграду, греки затворили город железными цепями и заперли городскую гавань. Олег высадился на берег, творя большое опустошение; при этом он выволок свои корабли на берег, поставил их на колеса и ждал попутного ветра; когда же такой ветер подул, он поднял паруса, и рать его поехала на кораблях к самому городу по суше,

как по воде. Увидев такую беду, греки перепугались и вышли к Олегу с покорным словом: «Не губи город: дадим тебе дань, какую пожелаешь». Олег остановил поход. Греки, по обычаю, вынесли ему угощение — пищу и вино; но мудрый русский князь не принял угощения, ибо знал, что вероломные греки непременно устроят его с отравой. С ужасом воскликнули тогда греки: «Это не Олег, это сам святой Димитрий, посланный на нас от Бога!» И заповедал Олег потребовать с греков огромную дань: на все две тысячи кораблей по 12 гривен на человека; в каждом же корабле, как мы знаем, сидело 40 человек. Греки соглашались на все и просили только мира. Отступив немного от города, Олег послал к царям творить мир. Утвердив сказанную дань по 12 гривен на каждое весло, Олег установил также, чтобы греки платили дань или уклады и русским городам: Киеву, Чернигову, Переяславлю, Полоцку, Ростову, Любечу и прочим, находившимся под рукой Олега.

Брать дань было делом обычным у каждого победителя, но Олег не за тем поднимался в поход. Главное, что сказали его послы грекам, было следующее: «Да приходят русь-послы в Царьград и берут посольское (хлебное, столовый запас), сколько хотят; а придут которые гости (купцы), пусть берут месячину на полгода: хлеб, вино, мясо, рыбу, овощи, и да творят им баню, сколько хотят. А поедут русь домой, пусть берут у вашего царя на дорогу съестной запас, якоря, канаты, паруса, сколько надобно».

Таким образом, главное требование Олега было: чтобы каждый русский человек имел право приходить в Царьград и чтобы там принимали его как доброго и уважаемого гостя. Олег требовал при этом хорошего угощения именно для купцов-гостей, и, по крайней мере, на полгода, пока они не устроят свои торговые дела; затем он требовал, чтобы вдоволь можно было париться в бане, так как для доброго и далекого гостя это было первое угощение; наконец, он требовал, чтобы, как поедет русь домой, ее отпускали тоже как всякого доброго гостя, давали бы съестное и все, что подобало заезжему человеку в далеком пути. Иначе говоря, чтобы в Царьграде с русскими людьми обращались так, как исстари обращались на Руси с чужими гостями.

Требование это показывает, что напрасно греки называ-

ли русских варварами и смотрели на них свысока, так как, наоборот, русские люди были тогда гораздо ласковее и обходительнее со своими гостями, чем греки, и требовали для себя такого же вежливого обхождения и от греков.

Замечание автора:

Одним словом, прибил Олег свой щит к их воротам на память и — домой!

Читая этот пассаж, гордостью переполняюсь за нашего Олега, которого, к сожалению, в природе не существовало. Ибо ни один автор, кроме нашего летописца, ни о каком походе Олега на Царьград и слыхом не слыхивал.

В 913 году после 32 лет княжения Олега не стало. «И плакали все люди плачем великим, хороня Олега».

После Олега на княжеский стол сел Игорь, сын Рюрика. Это было в 913 году. Первым его делом было усмирение древлян, которые по смерти Олега отказались платить дань. Игорь победил их и наложил дань больше Олеговой. Затем он усмирил и непокорное славянское же племя уличей, которые жили в низовьях Днепра близ нынешнего города Алешек; во время этого усмирения долго не покорялся город Пересечен, так что Игорев воевода сидел около него три года и едва взял. Тогда уличи совсем перебрались с Днепра и сели между Бугом и Днестром. После их ухода весь великий путь от варягов в греки был уже вполне в руках великого князя.

Но от варягов, по Русской земле, существовала еще дорога в иной морской угол на далекий восток, к богатому тогда Каспийскому морю.

Тут, как известно, сидели хазары. Конечно, много обидчилось русским людям во время хазарского ига как от самих хазар, так особенно от народов, населявших, под властью арабов, кавказские берега Каспийского моря, куда постоянно хаживали наши торговые люди.

И вот пришло время, чтобы Русь и здесь показала свою силу и отплатила за долголетние обиды.

После усмирения древлян в 914 году русские ратные люди на 500 кораблях, в каждом по 100 человек, спустились вниз по Днепру в море: затем, обогнув с юга Крымский полуостров,

они вошли в Азовское море; отсюда они послали просить хазарского царя пропустить их в Каспийское море, чтобы отомстить кавказским народам за долголетние обиды. Хазарский царь согласился, вероятно не считая себя достаточно сильным, чтобы отказать, а русские обещали ему отдать за это при возвращении половину своей добычи.

Получив согласие, русские из Азовского моря поднялись по Дону до перевала в Волгу вблизи хазарского города Саркела, у теперешней станицы Качалинской. Отсюда они, так же как Олег под Царьградом, должны были перевезти свои корабли на колесах в Волгу и по ней спуститься в Каспийское море.

Здесь наши удалцы распространились отрядами по всем богатым приволжским и закавказским берегам и начали свою жестокую месть за все прежние обиды. «Русы проливали кровь, — говорит арабский писатель, — брали в полон женщин и детей, грабили имущество, распускали всадников для нападений, жгли села и города». Народы, обитавшие около этого моря, с ужасом возопили, а русские, разгромив этот богатый берег, отошли к нефтяной земле у города Баку, где до сих пор еще живут огнепоклонники, и поселились для отдыха на близлежащих островах.

Тогда, опомнившись от удара, жители вооружились, сели на корабли и купеческие суда и отправились к островам. Но русские не дремали и встретили врага таким отпором, что тысячи нападавших были изрублены и потоплены. После этой победы русские, обремененные богатейшей добычей, стали собираться домой и по уговору с хазарским царем за пропуск их в Каспийское море послали ему половину всего добытого. Однако хазары решили поступить с нашими предками самым предательским образом. Они собрали в Итиле большую силу и напали на возвращающихся русских. Жестокая битва продолжалась три дня, и, наконец, наши были почти все перебиты. Тысяч пять из них спаслось и направилось вверх по Волге, но там финское племя буртасов и камские болгары добились их окончательно. Много ли воротилось отважных мореплавателей домой — неизвестно. Но нет сомнения, что кто-нибудь принес на родину вести о том, сколько русской крови было пролито изменническим образом на Волге. Кровь же рус-

ская никогда и нигде даром не пропадала без жестокого мщения: надо было только выждать для этого удобное время¹.

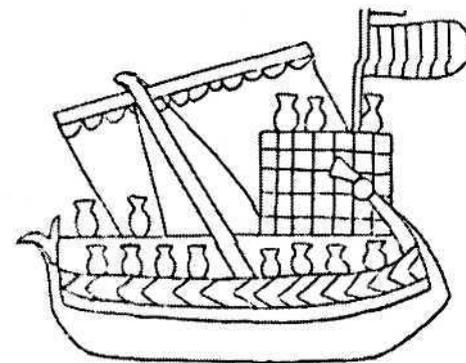
Вслед за этим несчастьем случилось и другое несчастье. Из Средней Азии пришли в 915 году печенеги.

Из-за них русские лишились свободного доступа к Черному морю. И вот в 920 году Игорь начинает с ними продолжительную борьбу.

Иногда борьба сменялась непродолжительным миром, и тогда русские снова имели доступ к морю.

После занятия печенегами выхода из Руси к Черному морю греки мало-помалу скоро стали опять обижать в Царьграде русских людей и относиться к ним пренебрежительно, так как считали, что нам уже невозможно будет повторить набег на Константинополь, как это было во времена Аскольда и Олега. Однако греки ошиблись в своих расчетах. Заключив с печенегами мир, Игорь в 941 году поднялся на Царьград с большой силой. У него было не меньше тысячи кораблей. Он, по русскому обыкновению, быстро подошел к городу, высадился по обоим берегам Царьградского пролива и жестоко опустошил все побережье, производя обычные по тому времени ратные дела, сжигая села, церкви и монастыри и без пощады убивая жителей.

Вскоре выступил греческий флот; он был вооружен приспособлениями, из которых пускали на врагов знаменитый в то время греческий огонь. Эти приспособления были установ-

Судно с греческим огнем, заключенным в глиняные сосуды. Из древней арабской рукописи (рисунок из книги А. Нечволодова)

¹ Игорь — первый действительно существовавший персонаж русской истории. Вот только поход в Закавказье он вряд ли совершил. Да и буртасы — племя не финское, а «осетинское».

лены на корме, на носу и по бокам каждого корабля. Византийский флот встретил ладьи Игоря у маяка, стоявшего к северу от Босфора на скале.

Русь, конечно, сама выманила греков в открытое море, где надеялась с полным успехом не только разбить, но и захватить своих врагов живьем. На море стояла полнейшая тишина, что, по-видимому, было благоприятно для русских; но на самом деле именно эта тишина и оказалась для них пагубной, так как в ветер греки не могли бы добрасывать со своих судов греческий огонь в наши корабли; при наступившей же тишине огонь этот действовал без всякой помехи. Главным его составом была нефть, которая горела даже и на воде. Как только приблизились друг к другу корабли, огонь был пущен греками во все стороны. Облитые нефтью русские корабли, и люди, и вся поклажа мгновенно воспламенились и производили сильнейший пожар. Спасаясь от огня, русские стали бросаться в море, желая лучше утонуть, чем сгореть. Иные, обремененные кольчугами и шлемами, тотчас шли ко дну, иные, плывя, горели в самих волнах морских. Ушли от гибели только те, которые успели отплыть к азиатскому низменному берегу, в мелководье, куда греческие огненосные суда не могли пройти вследствие своей величины.

Однако оставшиеся русские были еще очень многочисленны и потому, высадившись на малоазиатском берегу, распространили свои набеги далеко по побережью, а также углублялись и вовнутрь страны для сбора всякой добычи. Когда с сухого пути их выбивали собравшиеся сухопутные греческие полки, тогда русские отходили на своих малых кораблях на мелководье и, воюя таким образом, успешно держались против греков в течение всего лета. Мелкая вода была для них своего рода крепостью, так что во все это время они жили и ночевали в своих лодках. Наконец настал сентябрь. Запас съестного истощился, и русские порешили отправиться домой, для чего в одну темную ночь и тронулись в путь. Но греческий флот ожидал их ухода и зорко следил за морем. Утром наши были настигнуты большими греческими судами, и произошло второе морское сражение, из которого немногие русские ушли домой; большинство же участников похода погибло, а некоторые взяты в плен. В Царьграде всем русским плен-

никам торжественно, в присутствии иноземных послов, были отрублены головы.

Так неудачно окончился поход Игоря против Царьграда в 941 году.

Возвратившиеся домой русские рассказывали, что случившееся с ними горе произошло от неведомого доселе греческого огня, который был «...как есть молонья, что на небесах. Эту молонью греки и пушали на нас и пожигали. Оттого нам и нельзя было их одолеть», — говорили они. Конечно, простить грекам нашу неудачу было невозможно, и, чтобы их тяжело наказать, Игорь, по прибытии домой, стал сейчас же собирать новую большую рать и послал за море приглашать варягов. Военные сборы русских продолжались три года.

В это самое время, когда по всей стране и даже за морем разносился военный клич, у Игоря родился в 942 году сын Святослав, будущий мститель за все обиды русским, причиненные в княженье его отца. Вся русская сила и варяги из-за моря собрались к 944 году. Кроме варягов Игорь приманил и печенегов, а для укрепления соглашения взял у них заложников. После этого его огромное войско двинулось в поход на ладьях и конях.

Корсунцы первые узнали об этом походе и послали в Царьград сказать, что «идут русские корабли и нет им числа, покрыли все море кораблями». Болгары, дружившие тогда с греками, тоже со своей стороны дали весть, что «идут русские, наняли себе и печенегов». Видя неминуемую беду, греческий царь Роман поспешил послать навстречу русским не войско, а отправил лучших бояр со словами к Игорю: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, придам и еще к той дани». И к печенегам послал Роман много паволок и золота, разумеется подкупая их отстать от Руси. Игорь в это время дошел уже до Дуная. Он созвал дружину, и начали думать. Дружина решила: «Если царь говорит о мире и дает дань, еще и с большой прибавкой, то чего же и думать больше». Игорь послушал дружины, взял у греков золото и паволоки на все войско и воротился домой, а печенегам велел воевать болгарскую землю.

На другое же лето греческий император прислал в Киев просить снова построить мир такой, какой был построен при Олеге.

«Говорите, что сказал ваш царь?» — спросил Игорь, когда греческие послы явились перед его лицом, «Наш царь рад миру, — отвечали греки. — Мир и любовь хочет иметь с князем русским. Твои послы водили нашего царя к клятве, и наш царь послал водить к клятве тебя и твоих мужей». — «Хорошо», — сказал Игорь. Утром, на другой день, он вышел с послами на холм, где стоял Перун. Там Русь положила перед истуканом свое оружие: щиты, мечи и прочее, а также золото (запястья с рук и гривны с шей). И клялся Игорь и все люди, сколько их было некрещеных; а христианская Русь клялась в своей соборной церкви Святого Ильи. Утвердив мир и выгодный договор с греками, Игорь на отпуск одарил греческих послов русскими товарами: дорогими мехами, челядью, воском.

Посчитавшись таким образом с греками за тяжелую неудачу на море, понесенную три года тому назад, князь Игорь послал в набег часть дружины и в Каспийское море — отомстить за старое унижение, которое претерпели русские в 914 году. Арабы и армяне сохранили рассказы об этом набеге. «В это время, — говорит один армянский писатель, — с севера грянул народ дикий, чуждый, рузики. Они, подобно вихрю, распространились по всему Каспийскому морю, и не было возможности сопротивляться им. Предали город Бердаа мечу и завладели всем имуществом жителей. Туземный воевода осадил их в городе, но не мог нанести им никакого вреда, так как они были непобедимой силой. Женщины города, прибегнув к коварству, стали отравлять рузиков; но те, узнав об этой измене, безжалостно истребили женщин и детей».

«Только один враг, — говорит другой писатель, араб, — мог выжить русских из города — это чрезвычайное изобилие в стране всякого рода садовых плодов, от употребления которых между русскими распространилась повальная болезнь, еще более усилившаяся, когда русские заперлись в крепости. Смерть опустошала их ряды в течение нескольких месяцев. Когда же выпал снег, а осада со стороны туземцев не прекращалась, то русские, видя неминуемую погибель от повальной болезни, решили пробиться и уйти домой. Ночью они перебрались с захваченной добычей на свои корабли и удалились в свою страну». Поход этот, несмотря на успешное возвраще-

ние домой, был все-таки не особенно благополучным для нас ввиду множества умерших от повальной болезни.

В Киеве тоже настало общее горе. Игорь с наступлением осени отправился, как обычно, в полюдье за сбором дани и для совершения суда и расправы. Прибыв в древлянскую землю и получив дань, он отпустил дружину и направился с небольшим отрядом к городу Искоростеню, чтобы потребовать дани лично для себя. Древляне стали думать и гадать со своим князем Малом, как быть, и решили убить Игоря. Они напали на него, перебили всех его слуг, а самого привязали к двум нагнутым деревьям и заживо растерзали пополам, распустивши связанные деревья. Так несчастливо кончил свою жизнь князь Игорь в 945 году.

Вообще вся жизнь его была не очень удачной: неудачный первый поход за Каспий, приход в южные русские степи печенегов, а затем и неудачный большой поход на кораблях к Царьграду в 941 году¹».

Но отступим от официальной версии и рассмотрим сведения из наших летописей.

430 год. Тремя братьями — Кыем, Чехом и Хоривом — был на Дунае у устья реки Морава заложен град Киев, существующий и до сих пор. Он и ныне стоит там, где стоял — в Венгрии, и называется у венгров Кеке.

Кый стал родоначальником куявов, Чех (Щек) — чехов, а Хорив — хорват. Чех прожил долгую жизнь и умер в 661 году.

470 год. У них был еще один брат — Лех, но он Киева не основывал, а пошел дальше — на Вислу — и там стал родоначальником полян-ляхов.

Это заселение Висло-Одерского междуречья произошло в 470 году, спустя 40 лет после основания Киева.

557 год. В это время из дальних восточных стран напали на наши земли обры (авары). И примучили дулебов. Чтобы сберець лошадей, брали обры нескольких дулебских женщин и впрягали в повозку и на такой упряжке ездили по своим делам.

¹ Почему бандитский налет осетин на Азербайджан надо приписывать себе? Мне это непонятно! Не виноватые мы! Это — не наше!

Обрин едет в повозке, запряженной славянскими женщинами.
Миниатюра из русской летописи

Ныне дулебов называют рязанцами, как о том сообщают Воскресенская и Никоновская летописи¹.

Обры (авары) имели письменность. Сохранилась руническая надпись на утесе реки Чарыма (Алтай) с просьбой даровать им благодатную землю для поселения:

41^8#Q
 X^8^T^8^E^T^E^J^H^E^I^Q^T^9^I^N^k^H^I^I^X
 T^I^T^8^T^9^I^M^8^1^1^T^Y^T^8^I^I^E^T^

¹ Археологи почему-то не желают признавать дулебами рязанцев. Не соглашаясь с русскими летописями, они утверждают, что дулебы (пражско-корчакская культура V—VII веков) — потомки «пшеворцев», которые населяли земли от Верхней Эльбы и Среднего Подунавья до правобережья Киевского Поднепровья. Иордан именно их называет «склавени». Территория «пограничных контактов» между венедами-балтами, германцами и сарматами-антами. Кроме того, в них влились представители «культуры карпатских курганов».

Перевод:

«Мы, пять аваров.

Источник высокого благосостояния, Земля, пошли вечное благо, дружеских героев, добычу!

Мужественный наш народ, теперь пошли героев! Приблизив мужей, товарищ моего отца даст землю».

Похоже, Бог прислушался к их молитве и подарил им земли дулебов в Европе.

570 год. «В лето по рождеству Христову 570 пришельцы и обитатели суть седоша по Днепру; старейшина же у них в то время бе именем Полемон, и во имя того старейшины прозвашася «полемоняне», а оттуду паки начаша зватися «поляне», потом «поляцы» (Рукопись ПБ F IV № 218, л. 90)».

854 год. «В лето 6362 бяху три брата, единому имя Кый, второму Щек, а третьему Хорив, а сестра у них бе именем Лыбедь... Беяху же неверии и много тшание имуще к идолом».

Итак, в 854 году появились три брата: Кий, Щек и Хорив, которые вместе с сестрой своей Лыбедью пришли на Украину и поставили малый городок Киевец, как гласит предание. Они же поставили в IX веке и город Киев.

982 год. «В то время быша в Великом Новгороде три брата кижики Кий, Щек и Хорив и сестра их Лыбедь. И се братеники и с сестрою их люти разбойницы великую пакость новгородцем творяще. Новгородцы же яша их 30 человек, вси храбри и мочни вельми, осудиша их повесити. Кий же с бра-

¹ «Славяне, живущие по Днепру, зовомии поляне и горяне, утесняеми бывши от казар, иже град их Киев и протчии обладаша, емлосче дани тяжки и поделиями изнуряюсче, тии прислаша к Рюрику преднии мужи просити, да послет к ним сына или ина князя княжити. Он же вдеде им Оскольда и вои с ним отпусти. Оскольд же повоевав первое казар и иде к Царюграду в лодиях, но буря разби на море корабли его» (Иоакимова летопись // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. М.; Л., 1962. Т. 1).

«Повесть временных лет» утверждает, что поляне названы так потому, что живут в полях. Однако вся территория полян находится на горах киевских, где они живут «в бору на горах». Вероятно, автор «Повести временных лет» считал, что бор на горах — это степной ландшафт.

тию своею моляша князя Ольга со слезами, дабы их отпустил, и обещастася ити, иде же несть вотчины и державы.

Олег же умилосердесе над ними, отпусти их. Они же идоша от Великого Новаграда два месяца и приидоша на реку Непр... и нача землю пахать своими руками и славно жить, и к ним прихожашу многие и трудихуся тут. И потом созда град, имя ему Киевец. В лето 6490 по убиении Кия великий князь Олег пришед и заложи град Киев Великий и по начальному имени и»¹.

Из приведенных фактов понятно, что было три состава братьев со схожими именами. Первый состав — Кий, Чех и Хорив (основатели западнославянских племен, поставивших первый Киев-Кёвё). V век.

Второй — Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь (основатели городка Киевец, жили спустя четыре столетия после Кия, Чеха и Хорива). IX век.

И третий — Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь (разбойники, изгнанные из Новгорода Олегом, но позже им же убитые, жили спустя еще одно столетие). Они поставили на Украине городок Киевец, на месте которого Олег поставил Великий Киев — столицу Украины. X век².

Как называлось государство, столицей которого был Киев? На этот вопрос отвечает Адам Бременский: «Киев —

¹ Рукопись СБ № 908, л. 31 об. — 32.

² Легенда о трех братьях известна не только среди славян Поднепровья. Нечто подобное есть и у армян. Мовсес Каланкатвази сообщает, что гунны поклонялись богу молний Куару. Второе божество — Тенгри-хан (Небесный господин) или Аспандиант («аспа» — на иранском наречии означает «конь»).

«История Тарона» о Куаре и его братьях сообщает: «Три брата — Куар, Мелпей, Хореван — основали три города в стране Поллуни, а через некоторое время создают город на горе Керкей, где был простор для охоты и обилие трав и деревьев, и ставят там двух языческих идолов». Вероятно — Куара и Аспандиата.

Легенда о Кие и его братьях — явно аланская. Сестра Кия, Щека и Хорива не Лебедь, а Лыбедь. Если опираться на греческие сведения, которые ссылаются на венгерские источники, она была мужчиной — воеводой угров, Лебедием, по имени которого назван регион Лебедия или Левадия.

Распространение топонимов, производных от слова «Киев» (по О. Н. Трубочеву): 1 — Киев, Киево; 2 — Кieveци, Kievicци

соперник царствующего Константинополя, славнейшее украшение Греции»¹.

Напомню, сам Константинополь — славнейшее украшение Византии, которая называлась в то время «Ромеей».

¹ «Kioba — aemula scepti Constantinopolitani, classimum decus Graeciae».

Получается, что на Днепре было несколько Киевов. Первый поставил Кий-2, еще один поставил Олег на месте городка Кия-3. Но после Кия-2 и до Олега в Киев пришел и стал там править Рюрик, погибший в 879 году, задолго до строительства Киева Кием-3 и до закладки Киева Олегом. Выходит, Киев трижды закладывали Кии и один раз Олег, притом в каком-то из Киевов сидел Рюрик, хотя украинцы сей факт почему-то замалчивают.

Известно 16 мест с названием Киев (Киев, Киево)¹.

Родоначальник русский Гостомысл и Рюрик

Фульденские анналы¹ сообщают о гибели князя славянского племени ободритов Гостомысла и начавшейся у славян смуте и распри в 844 году. Никаких других сведений там нет. Но по русским летописям известно, что у Гостомысла было четыре сына и три дочери. Старший сын — Вадим, предводитель новгородцев, убит Рюриком. Младший, Словен, отошел от отца в Чудь и там основал город Словенск. Все сыновья умерли еще при жизни Гостомысла.

Сообщение Иоакима, епископа Новгородского, о Гостомысле и его детях: «Гостомысл имел четыре сына и три дочери. Сынове его ово на войнах избиени, ово в дому измроша, и не остася ни единому им сына, а дочери выданы были суседним князем в жены. И бысть Гостомыслу и людем о сем печаль тяжка, иде Гостомысл в Колмогард вопросити богу о наследии и, возшед на высокая, принесе жертвы многи и весчуны угобзи.

Весчуны же отвесчаша ему, яко боги обесчают дати ему наследие от ложеси его. Но Гостомысл не ят сему веры, зане стар бе и жены его не рождаху... Единою спячу ему о полудни виде сон, яко из чрева средние дщере его Умилы произрасте древо велико плодовито и покры весь град Великий, от плод же его насысчахуса людие всея земли,

¹ Об этом см.: Брайтчевский М. Ю. Когда и как возник Киев. Киев, 1964. С. 92—93.

² *Annales Fuldensis // Monumentum Germaniae Scriptorum Hannoverae*, 1826. Т. 1. Р. 364.

Востав же от сна, призва весчуны, да изложат ему сон сей. Они же реша: «От сынов ея имать наследити ему, и земля угобзится княжением его». И вси радовахуса о сем, еже не имать наследити сын большия дщери, зане негож бе»¹.

Заметим, радовались, что не будет править сын старшей дочери, который «негож бе». Из некоторых русских летописей выясняется, что сын старшей дочери — великий князь Святослав.

«Негож бе»?

Сравним сон Гостомысла и сон Рагнхильд.

«Рагнхильд снились вещие сны, ибо она была женщиной мудрой. Однажды ей снилось, будто она стоит в своем городе и вынимает шип из своего платья. И шип этот у нее в руках вырос так, что стал большим побегом. Один конец его спустился к земле и сразу пустил корни, другой же конец его поднялся высоко в воздух. Дерево чудилось ей таким большим, что она едва могла охватить его взглядом.

Оно было удивительно мощным. Нижняя его часть была красной, как кровь, выше ствол его был красивого зеленого цвета, а ветви были белы, как снег. На дереве было много больших ветвей, как вверху, так и внизу. Ветви дерева были так велики, что распространялись, как ей казалось, над всей Норвегией и даже еще шире.

Рагнхильд родила сына. Мальчик был окроплен водой и назван Харальдом. Он скоро стал статным и очень красивым. Так он рос и рано стал человеком во всем искусным и умным.

Мудрые люди говорят, что Харальд Прекрасноволосый был самым красивым, могучим и статным из всех людей, очень щедрым и горячо любимым своими людьми. В юности он был очень воинствен. И люди думают, что это предвещалось тем, что нижняя часть того большого дерева, которое его мать видела во сне перед его рождением, была красной, как кровь. А то, что выше ствол этот был красивым и зеленым, знаменовало расцвет его государства. А то, что верх дерева был белым, предрекало, что он доживет до глубокой старости. Сушня и ветки дерева указывали на его потомство, которое рас-

¹ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. М.; Л., 1962. Т. 1.

пространится по всей стране. И действительно, с тех пор конунги Норвегии всегда были из его рода»¹.

Таково первое совпадение между русскими и шведскими легендами.

А вот что сказано в «Изборнике» А. Н. Попова по списку хронографа 1679 года «О пространстве земли Руссия и о княжении князя Гостомысла»: «И тако нача расширяться страна Руская вельми и общим именем прозывахуся старейшаго князя Гостомысла сына его младшаго Словена. Сей убо отъиде от отца своего в Чудь и тамо постави град во имя свое над рекою на месте, нарицаемом Ходницы, и нарече имя граду Словенск, и княжи в нем три лета и умре. Сын же его Изборзмием уяден умре. Земля же русская тогда сверже с себе ризы сетованныя и паки облечеса порфиру и виссон, и к тому уже не вдовствуя, ниже сетуя, но паки по сем и дети расплоди, и на многа лета опочивая пребывши с премудрым Гостомыслом. Егда же сей в глубоку старость прииде и не могий уже разсуждати, ниже владети таковыми многочисленными народы, ниже уменшити многмятежных кровопролитий в роде своем; тогда убо сей премудрый муж, седый умом и власы, призывает к себе вся властеля русския, иже под ним, и рече к ним ослабленным лицом: «О мужи и братие единокровницы, се аз уже состарился вельми, крепость моя исчезает, и ум отступает, но токмо смерть приближается.

А се вижу, яко земля наша добра и всеми благами изобильна, но не имать себе властодержца и государя от роду царскаго; сего же ради в вос мятеж велик и неутешен и междуусобица зла; молю убо вас: по смерти моей идите за море в Прусскую землю и молитесь тамо живущих самодержцев, иже от рода Кесаря Августа, кровницы суще, да идут к вам княжити и владети вами; несть вам срама таковых покоритися и в поддании у них быти». И возлюбиша вси речь старейшинску, и егда сей умре, то всем градом проводиша до гроба честно, до места, нарицаемаго Волоотово, и погребоша его. По смерти же Гостомысла послаша всею русскою землею послы своя в Прусскую землю; они же шедше и обретоша тамо курфистра или князя великаго, именем Рюрика, рода суца Августа, и моли-

ша его, да идет княжити к ним; и умолен бысть князь Рюрик и поиде на Русь с двема братами с Трувуром и с Синеусом, а третий с ними Олег, и от того времени начаша княжити первый великий князь Рюрик».

К празднованию официального юбилея 1862 года «Тысячелетие Земли Русской» была издана одноименная книга, в коей указывалось, что Рюрик был сыном финской королевы Умилы.

«Имел Рюрик неколико жен, но паче всех любяше Ефанду, дочь князя урманского, и егда та роди ему сына Ингоря, даде ей обесчанный при море град с Ижорою в вено.

Славяне, живущие по Днепру, зовоими поляне и горяне, утесняеми бывши от казар, иже град их Киев и протчии обладаша, емлюще дани тяжки и поделиями изнуряюще, тии прислаша к Рюрику преднии мужи просити, да послет к ним сына или ина князя княжити. Он же вваде им Оскольда и вой с ним отпусти. Оскольд же повоевав первое казар и иде к Царюграду в лодиях, но буря разби на море корабли его» (Иоакимова летопись, по В. Н. Татищеву).

У Кс. Мармье¹ приведена так называемая мекленбургская легенда, которую я пересказываю по книге В. Чивилихина «Память» (1984).

«Другая традиция Мекленбурга заслуживает упоминания, поскольку она связана с историей великой державы.

В VIII веке племенем ободритов управлял король по имени Годлав, отец трех юношей, одинаково сильных, смелых и жаждущих славы. Первый из них звался Рюриком Кротким (Rurik-paisible), второй — Сиваром Победоносным (Sivar-victorieux), третий — Трувар Верный (Truvar-fidele). Три брата, не имея подходящего случая испытать свою храбрость в мирном королевстве отца, решили отправиться на поиски сражений и приключений в другие земли. Они отправились на восток и прославились в тех странах, через которые проходили. Всюду, где братья встречали угнетенного, они приходили ему на помощь, всюду, где вспыхивала война между двумя правителями, братья пытались понять, кто из них прав, и принимали его сторону. После многих благих деяний и страшных боев братья, ко-

¹ Стурлусон Снорри. Круг Земной. М., 1980.

¹ M a g m i e r X. Letters sur le Nord. Paris, 1857.

Рюрик. По «Титулярнику»

торыми восхищались и которых благословляли, пришли в Россию. Народ этой страны стонал под бременем долгой тирании, против которой больше не осмеливались восставать. Три брата, тронутые его несчастьем, разбудили в нем усыпленное мужество, собрали войско, возглавили его и свергли власть угнетателей.

Восстановив мир и порядок в стране, братья решили вернуться к своему старому отцу, но благодарный народ упрямил их не уходить и занять

место прежних королей. Тогда Рюрик получил княжество Новгород, Сивар — Плесков, Трувор — Билэзеро, спустя некоторое время, поскольку младшие братья умерли, не оставив детей, Рюрик присоединил их княжества к своему и стал главой династии, которая царствовала до 1598 года».

Известен Рюрик и по германским источникам — как Hrorekr Raungvanbaug. Геррауд-Сокол Людбрандович Победоносный Заслуживающий доверия¹, родился (по русским летописям) в 780 году. У немцев он несколько моложе. Вот что рассказывают о Рюрике германские источники.

Рюрик происходил из скандинавского рода Скъелдунгов. Отец Рюрика, Людбрант Бьёрн, был изгнан из Ютландии и стал вассалом Карла Великого, от которого получил в лен Фрисландию (это произошло около 782 года).

Людбрант Бьёрн женился на Умиле, дочери ободритского князя, от которой имел сыновей: первенца Харальда и младшего сына — Херрауда-Рюрика.

¹ Herraud-Hrorekr Ludbrandson Signjotr Thruvar.

В 826 году Людбрант умер, и лен переходит к старшему брату Харальду. Харальд принимает в этот год крещение в Ингельхейме около Майнца вместе со всем родом.

После крещения Харальд переходит под покровительство Людовика Благочестивого и получает другой лен — Рустинген во Фрисландии. По смерти брата этот лен достается Рюрику, но в 843 году лен переходит к Лотарю.

Рюрику около 40 лет, и он не у дел. Тогда Рюрик становится вольным разбойником, викингом, участвуя в набегах на север Франции (845 год). В 850 году 350 кораблей грабят английское побережье. Затем нападают на устье Рейна и на Фрисландию.

Лотарь вынужден пойти на компромисс и передает Рюрику Фрисландию на условиях защиты его земель от остальных викингов. Теперь уже Рюрик не мог грабить побережье Европы и начал посматривать на восточное побережье Балтики. Было известно о том, что в 850 году датский отряд напал на Ладогу и получил от князя Ладоги большой выкуп. Было подозрение, что в этом набеге на Ладогу участвовал и Олег, прибывший свой белый щит на врата Ладоги (символ того, что город сдается без боя). После этого подвига Олег становится приятелем Рюрика¹, на дочери которого он женится. В 854 году Лотарь заменяет лен и вместо Фрисландии дает Рюрику Ютландию. Вскоре происходит «призвание» Рюрика на княжение в Ладогу, где он правит до 867 года, когда Рюрик совершает неудачную попытку возвратить свой лен во Фрисландии. Ладога ему явно не нравится, его тянет в Европу. В 869 году умирает Лотарь, и Рюрик обращается к Карлу Смелому с предложением своих услуг. В 873 году он получает лен, но уже в следующем, 874 году умирает.

По русским летописям, умер Рюрик в 879 году в возрасте около ста лет в Корелах: «Ходил князь великий Рюрик с племянником своим Олегом воевати лопи и корелу. Воевода же у Рюрика Валет¹. И повоеваста и дань на них возложиша... Лета

¹ Этот Валет Корелянин передаст в 1337 году город Кексгольм (Корелы) сначала немцам, а затем новгородцам. Стало быть, проживет он полтысячелетия!

6387 (879) умре Рюрик в Кореле в войне; тамо и положен бысть в городе Кореле, княжил лет 17, у него же остался князь Игорь млад, 17 лет»¹.

Валим Храбрый

По легенде, Вадим — внук Гостомысла, князь новгородских славян.

863 год. «Того ж лета оскорбишася новгородцы, глаголюще, яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того ж лета уби Рюрик Вадима Храброго, и иных многих изби новгородцев съветников его»².

По смерти братьев своих Рюрик «пришед ко Ильменю, и сруби городок над Волховом, и прозва и Новгород, и седи ту княжа»³.

Через пять лет (то есть в 867 году) «нача владети Суждальским княжением от рода Августа Кесаря Римского великий князь Рюрик Африканович».

«Первый убо от тех князей варяжских Рюрик... сотвори себе единовладетеля. Роксоланию или Русу всю раздели на Великую, еже стольный град Новгород Великий, на Малую, еже стольный град Киев, на Красную, еже столица город Галич, на Белую и Черную, их же столица град Мстислав. И сподоблся века своего близ ста лет, наследника по себе остави сына Игоря или Георга»⁴.

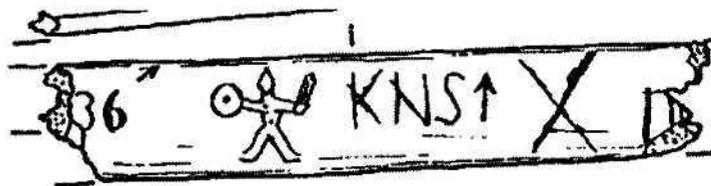
Еще в XII веке новгородские славяне поддерживали связи с городом Волин в западнославянских землях. Да и язык новгородских берестяных грамот указывает на их западнославянские корни. Придя из земель ободритов, они принесли с собою и руническую письменность, общую для ободритов и датчан.

В. Н. Татищев писал: «Шведский писатель Лакцений в главе 40 показывает, что славяне из Вандалии в Северную Русь око-

ло 550 лет по Христе пришли. Всю Европу повоевав, безумненно письмо имели и с собою в Русь принесли»¹.

Минский археолог Людмила Владимировна Дучиц на раскопках у села Масковичи (Витебско-Полоцкое порубежье) обнаружила более сотни костей с руническими знаками. По большей части это либо имя человека, либо часть алфавита, и лишь одна надпись читается как фраза: «князь то», написанная к тому же алфавитом, состоящим из латинских букв с добавлением руны. Рядом нарисован князь в шлеме со щитом и мечом.

Ясно, что это именно славянский текст:

Вещий Олег и Одд-Олег

Так как о Вещем Олеге по русским источникам известно лишь то, что было с этим князем на Руси, а о юности его нам ничего не известно, то в этом месте я решил привести факты из его истории, сохранившиеся не только в русских, но и в скандинавских преданиях.

Начнем с Кетиля, сына Альфтролля, деда Одда-Олега².

Альфтроль — отец Кетиля — был получудовищем, сам же Кетиль Лосось в юности был домоседом: целыми днями он ничего не делал, лишь сидел у очага, одной рукой подпирая голову, а другой — подбрасывал поленья в огонь. Все над ним смеялись. Однако в отличие от Иванушки-дурачка он

¹ Рукопись РМ № 249, л. 11.

² Новгородская 1-я. 16.

³ Город построен после убийства его жителей! Уметь надо!

⁴ Рукопись ПБ Q IV № 111, л. 2 об.

¹ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 96.

² Сага о Кетиле взята из книги К. Тиандера «Поездки скандинавов в Белое море» (СПб., 1906).

умел работать — мог и стул прекрасный сделать, и сено в стог сложить. Бьёрн, один из соседей, называл его дурачком из Рафниста. Однажды на рыбной ловле Бьёрн начал над ним насмехаться. Кетиль запустил в него рыбой, Бьёрн упал за борт и утонул. Как-то раз отправился Кетиль на север и недалеко от дома встретил дракона, похожего не то на рыбу, не то на птицу. Хвост как у змеи, а крылья как у дракона. В упорной борьбе Кетиль убил чудище. На расспросы отца ответил, что убил лосося. «Если ты такое чудище считаешь мелкой рыбой, то назову тебя Лососем», — заявил отец. С тех пор за юношей закрепилось прозвище Кетиль Лосось.

Однажды, в 11-летнем возрасте, он вместе с отцом отправился на рыбную ловлю. Отец был в хижине, а Кетиль — на лодке. К нему подошли два человека — Хангр и Рафн — и потребовали отдать им улов. Ударом дубины Кетиль выбросил с палубы в море Хангра, а Рафн ретировался. После этого случая отец зауважал сына.

Как-то в Галаголанде начался большой голод. Кетиль отправился на север и в Среднем фиорде нашел большой дом, в котором никого не было. Там он увидел большие ямы, полные мяса кита, медведя, тюленя, моржа и других животных. На дне же лежало соленое человеческое мясо. К вечеру приехал хозяин дома, Сурт, просунул голову внутрь, но Кетиль, который стоял за дверью, тут же отрубил ему голову. Великан упал мертвым. А Кетиль нагрузил мясом лодку и возвратился домой.

На следующий год Кетиль отправился еще дальше на север и обнаружил место, где рыбу можно было ловить прямо руками. Но ночью весь улов исчез. Подкараулив вора, великана Кальдрани, Кетиль ударил его топором, топор остался в ране, а раненый великан бросился в горы и скрылся в пещере. Кетиль пробрался в пещеру, назвав себя лекарем и пообещав великанам вылечить раненого. Но, вырвав топор из спины раненого, Кетиль добил врага. Дома на расспросы отца ответил, что ничего необычного не было.

Осенью Кетиль опять отправился на ловлю рыбы, но был застигнут штормом. Ему помог кит с человеческими глазами, защитив своим телом лодку Кетилия от волн. Но лодка все же разбилась, и Кетилия выбросило на берег острова. Невдалеке

была видна большая земля. Отдохнув, Кетиль отправился туда и у хижины увидел Бруни, который принял его очень радушно. Кетиль провел у Бруни зиму. Между Кетилем и дочерью Бруни Рафнгильдой завязался роман. Весной Бруни проводил Кетилия до фиорда, подарив ему стрелы и палку с железным наконечником. Но Кетиль не хочет покидать эти места. Он идет в лес и встречает там предводителя финнов Гуси, убивает его в бою палкой с железным наконечником и забирает его меч Драгвендиль. Кроме меча он забирает у поверженного врага три волшебные стрелы, названия коих Флог (Летун), Ремсу (Коготь) и Фифи (Пух).

Бруни, бывший вторым по значению после Гуси, завладел всей властью в этой стране. Расстались друзьями. Кетиль возвратился домой, где по нему собирались уже справлять тризну. Пробыл дома три года, и тут к нему приехала Рафнгильда с сыном Гримом. Лицо у нее было широкое, поэтому она не понравилась отцу Кетилия. Рафнгильда оставила сына отцу, сама же возвратилась домой, пообещав приехать через три года. Отец женит Кетилия на Сигриде, дочери местного помещика Барда. У них рождается дочь, которую Кетиль называет Рафнгильдой. Отец же к этому времени умирает, и Кетиль становится самым богатым в этой местности.

Вскоре к нему приезжает, согласно обещанию, Рафнгильда, но, узнав, что Кетиль женат, не соглашается остаться с ним и вновь уезжает.

Когда сын немного подрос, Кетиль вместе с ним собрался посетить Бруни и Рафнгильду, но недоброе предзнаменование заставило его возвратиться.

Когда настал очередной голодный год, отправился Кетиль в местность, которая называлась «В скалах». Там он увидел на мысу ведьму по имени Форат, черную как смоль. Он выстрелил в нее волшебной стрелой, но ведьма превратилась в кита и бросилась в море. В этот момент стрела настигла ведьму, и она умерла. Наловив рыбы и проведя ночь среди ведьм, Кетиль возвратился домой.

Затем к нему приезжает конунг Фрамар, которого Один с помощью волшебства закалил так, что его нельзя было ранить ничем железным. Фрамар сватается за дочь Кетилия, но получает отказ.

Начинается поединок. В поединке меч не ранит Фрамара. Несколько раз переворачивая меч, Кетиль все же убивает Фрамара и выдает дочь за Бедмоду.

У Кетилия был талисман — попутный ветер. Стоило Кетиллю поставить парус, как начинал дуть попутный ветер.

А теперь перейдем к отцу Одда-Олега, которого звали Грим Бородатая Щека. Он сватается за Лоптгену, дочь Гаральда, крупного бонда в Вике. Грим был прозван Бородатой Щекой, потому что от рождения одна щека у него была покрыта волосами. Мать Лоптгены уже умерла, а у отца была другая жена, финка по имени Гримгильда. За семь дней до свадьбы Лоптгена исчезает без вести. Из-за неурожая Грим вместе с товарищами покидает родину. Едет он на север — в Финнмарк (в Лапландию), а оттуда на восток — в Гандвик. В этом заливе водилось огромное количество рыбы. Выйдя на берег, путешественники обнаружили хижину, развели огонь. Ночью разразилась буря. На следующее утро они обнаружили, что весь их улов исчез.

Наши герои провели из-за плохой погоды весь день в хижине. Ночью Гриму не спалось. Услышав на дворе смех, он вышел, захватив топор, и увидел двух ведьм, намеревавшихся разрушить корабль. Тогда Грим вынул волшебные стрелы и убил одну из ведьм, другую ударил топором, но топор застрял у нее в спине.

Ведьма вместе с топором убегает. Следуя за ней, Грим падает в высокие горы.

При лазании по горам топор выпадает из раны в спине ведьмы. С помощью этого топора Грим добирается по крутому склону до пещеры, в которой горит яркий костер, около огня сидят старик со старухой, родители ведьм. Узнав о несчастье, они проклинают Грима и желают ему, чтобы он никогда не видел Лоптгены, несмотря на то что находится весьма близко от нее. Тогда Грим врывается и убивает великанов.

Имена ведьм — Фейма и Клейма. Имя отца их — Римнир. Имя его жены — Хирья (Кирия). Местность эта называлась Хафйалл («Высокие горы»). Сестрой Римнира и была Гримгильда.

На следующий день море выбрасывает на берег кита, но на него претендуют двенадцать пришедших откуда-то воинов.

Завязался бой, в котором все погибли, кроме свалившегося без сил израненного Грима. К нему подходит женщина отвратительной наружности, предлагая Гриму спасти жизнь, берет его, как ребенка, за куртку и уносит в пещеру. Здесь под угрозой смерти она требует супружеской ласки и заставляет лечь вместе с собою спать. Но, проснувшись, Грим видит рядом с собою чудесную красавицу. У кровати валяется одежда ведьмы, которую Грим сжигает в огне. Избавленная от колдовства красавица — его невеста Лоптгена, заколдованная мачехой с условием разрушения чар, если кто-либо согласится взять ее в жены. Грим возвращается в Вик с богатой добычей, так как китов попало много, и дома, в Вике, справляет свадьбу. Гримгильде же надели на голову мешок и забили ее камнями.

Мы рассказали о деде и отце Одда-Олега, потому что «слава героя отбрасывает отблеск славы на предков». Теперь пора перейти к самому Одду-Олегу.

В детстве нашего героя звали вовсе не Вещим Олегом — не был он тогда ни нашим князем, ни вещим (то есть мудрым), а был простым мальчишкой, и звали его иначе. В скандинавских сагах он известен под именем Одд Многостранствовавший.

Одд — сын зажиточного поселенца с острова Рафнисти, ныне Рамстад. Тесть его отца умер, и отец с матерью поехали на похороны в Вик (Христиания).

В Берурьйоде, между Экерзундом и Ставангером, жена родила мальчика.

Землевладельцем этого места был Ингйальд, который предложил оставить новорожденного у него в знак дружбы и породнения. Родители назвали сына Рольвом, а приемный отец — Оддом.

У Ингйальда был свой сын — Асмунд.

Когда Одду исполнилось 12 лет, Ингйальд пригласил колдунью по имени Гейда. С ней был хор из 15 девушек и 15 юношей. Она предсказывала судьбу, и погоду, и все, о чем бы ее ни спрашивали. Приехав ночью, она вышла и приступила к гаданию. Утром она сообщила Ингйальду о погоде и будущей зиме. Затем он спросил ее о своей судьбе.

— Ты будешь жить в большом почете до старости.

Потом подошел Асмунд.

— Далекий твой путь на земле. Не измучит тебя преклонный возраст, и станешь ты добрым молодцом.

Одд же не хотел подходить, а запрягался под шкуры. Но Гейда заметила его и спросила, кто там спрятался под шкурами. Вылез Одд и сказал, что это он, но он прикажет ей замолчать и не думать о его судьбе, так как он не верит ее словам, а иначе он обещает шелкнуть палкой ее по носу.

— Не боюсь я твоих угроз. Широки фиорды, которые ты переедешь. Проживешь ты долгий век — 300 лет, но сожгут тебя здесь, умрешь же ты от своего коня Факси (имя это означает Грива)¹.

— Рассказывай сказки, старая карга! — закричал Одд, ударил ее палкой по носу и разбил его до крови. Колдунья приняла подарки от Ингйальда и уехала, обидевшись на такое отношение к ней Одда.

Чтобы не дать свершиться предсказанию, Одд с Асмундом повели коня в долину, убили его и труп бросили в яму, которую завалили огромными камнями и замазали щели между камнями глиной, так как они считали, что в Факси вселился злой дух. Насыпав над захоронением курган, тем самым они обезвредили злой дух, который теперь не мог вредить людям, вставая по ночам.

— Я думаю, это будет работа троллей, если Факси выйдет оттуда, и еще, кажется мне, что я избегну того, что Факси принесет мне смерть, — сказал Одд².

Придя домой, Одд заявил:

— Никогда больше не возвращусь сюда!

Воспитатель ответил:

— Это будет прискорбно для меня.

— И поделом тебе, зачем надо было приглашать колдунью?! — сказал Одд.

¹ Сага о Кетиле взята из книги К. Тиандера «Поездки скандинавов в Белое море» (СПб., 1906).

² Торфеус сообщал, что еще в его время жители той местности, где лежит Беруриод, рассказывали, что, для того чтобы спастись от предсказанной смерти, Одд утопил своего коня в болоте, но болото это со временем пересохло, и, в конце концов, много лет спустя, Одд все-таки не ушел от своей судьбы.

И Одд уехал с побратимом к своим родителям. Здесь он узнаёт, что его младший брат Гудмунд и племянник Сигурд собираются в набег на Биармию.

Одд просит взять и его. Но те не соглашаются, говоря, что не намерены ждать, пока он соберется в путь. Однако в течение двух недель им не удается отплыть, и тогда они сами уже предлагают Одду идти с ними, отдав ему один из двух кораблей. Отправляя сыновей в путь, отец дает Одду три волшебные стрелы, которые всегда возвращаются обратно к пустившей их тетиве.

Братья отправились в путь. И вот как-то затемно прибыли они к берегам Финляндии. Из-за отсутствия ветра, которого не было три дня, пришлось задержаться здесь. На берегу были лишь землянки финнов. Утром Гудмунд со своими людьми отправился грабить землянки. Грабили и насиловали женщин, так как мужчин не было в стойбище — все они ушли на охоту. Одд отказался грабить землянки, заявив:

— Никакой славой не кажется мне насилловать женщин. Вы же еще поплатитесь за ваши поступки. Завтра утром я отплываю.

И как только поднялся ветер, корабли ушли в устье Двины. Поднявшись вверх по Двине, причалили верстах в 30 выше современного Архангельска и увидели большую избу, из окон которой струился яркий свет. Причалили в темноте, и Одд подкрался к избе, в которой шел пир горой. Виночерпий постоянно выходил на крыльцо, где стояла бочка с хмельным напитком. Одду показалось, что виночерпий не финского племени, а норвежец. Тогда, дождавшись, когда виночерпий снова вышел за напитком, Одд схватил его и утащил на корабль. На корабле его допросили. Он действительно оказался норвежцем, уже семь лет живущим в этих местах. Одд потребовал, чтобы тот указал добычу. И пленник поведал, что выше по реке есть курган «Холм обетов». За каждого покойника и за каждого народившегося ребенка полагалось отнести туда горсть земли и горсть серебра. Одд послал Гудмунда грабить курган, сам же остался стеречь корабли и пленника. К вечеру возвратился Гудмунд, неся серебро на специально смастеренных носилках. На следующий день Гудмунд и Сигурд остались стеречь корабли и пленника, а Одд и Асмунд пошли с

людьми к кургану. Там они спешно стали набивать деньгами вперемешку с землею заплечные мешки. Набрали столько, сколько могли свободно нести, и не более, так как боялись прихода местных жителей.

А пока они шли к кургану, Гудмунд и Сигурд на корабле пили и рассуждали о добыче.

Воспользовавшись их невнимательностью, пленник прыгнул в воду и поплыл к берегу. Гудмунд бросил в него копье, ранив в ляжку, но пленнику удалось уйти. Он обо всем сообщил местным жителям, которые и напали на викингов¹.

Но корабли успели сняться и уйти, а отряд Одда был вынужден принять бой.

Перед боем Одд предупредил своих соратников, что, если кто-либо будет убит, того немедленно надо будет бросить в воду, ибо если труп попадет к врагу, то их всех заколдуют. Они в это время были на берегу реки, на косе, которую они и перегородили своим строем. Начался бой, и победили викинги местных воинов, не показавших большого умения в бою. После этого забрали оружие павших, отделили серебро от земли, ибо торопиться и бояться кого-либо уже было не нужно, и пошли к кораблям.

Придя на место стоянки, обнаружили, что кораблей нет. Тогда Одд поджег дерево, загоревшееся как огромная свеча. Увидав сигнал, корабли вернулись и подобрали отряд Одда. Оба корабля, захватив добычу, пошли к берегам Финляндии.

Здесь им пришлось остановиться в той же гавани, где они ранее грабили землянки. Потом отсюда они пошли домой, но финны, в отместку, завязали на ремешке три узла, произнесли проклятие и развязали один узел — поднялся ветер. Затем финны развязали второй узел — и поднялся сильный ветер. Затем развязали третий узел — начался ураган. 20 дней не прекращалась буря, и все думали о своей гибели. Так финны отомстили за своих женщин².

¹ Викингами называли морских разбойников, грабивших жителей побережья. Их сухопутных коллег называли варягами.

² В силу финских колдунов верили и на Руси. О покупке у финнов ветра сообщают, например, источники XVII века.

Тогда Одд сказал брату:

— Выброси за борт все награбленное у финнов, иначе нас ждет смерть.

— Зачем выбрасывать то, что после этого никому не пригодится?

— Выброси, ибо иначе ветер не стихнет.

И выбросил брат его все награбленное в землянках. Все выброшенное собралось в одну кучу и понеслось навстречу ветру — к родным берегам.

И в тот же день буря прекратилась, а корабли оказались далеко от родных берегов, в стране Ризаланд (Стране Великанов)¹.

Как только туман рассеялся, увидел Одд берег. Все выбились из сил, и лишь Одд и Асмунд еще держались. Асмунд помогал Одду во всем и делил с ним все опасности.

«Судя по рассказам мудрых людей, — подумал Одд, — это Страна Великанов, Ризаланд. Но наши люди столь утомлены, что нам ничего другого не остается, как добраться до берега, чтобы отдохнуть».

Приблизившись к берегу, увидели они то ли выступающий в море мыс, то ли большой остров. Одд велел кораблям пристать. Нашлась и удобная гавань.

После того как устроились, Одд решил проплыть вдоль берега, чтобы лучше сориентироваться на месте. Они убедились, что пристали к большому острову, плодородному, но невозделанному. В лесу было много зверей, у самого острова множество китов и моржей, а также птиц. Одд приказал своим людям быть настороже.

— 12 человек каждую ночь должны нести караул на острове. Охотой мы добудем себе припасов и, по возможности, подкрепимся.

На острове они выстроили себе хижину. Однажды в лесу они встретили огромного бурого медведя. Одд выстрелил и убил его. Затем он велел набить шкуру и поставить ее так, чтобы можно было стрелять через рот чучела, стоя сзади. В рот ему положили каменную плитку, чтобы там мог гореть

¹ Ризаланд располагали либо в Гренландии, либо на севере Западной Сибири.

огонь. Потом поставили чучело на прибрежную скалу, а голову медведя повернули так, чтобы она смотрела в сторону материка.

Обитателей острова было мало, однако они были такого большого роста, что походили на великанов, хотя и мелких.

Однажды вечером Одд увидел, что толпа великанов собралась на мысу на противоположном берегу, по другую сторону пролива. Одд и Асмунд решили разведать их замыслы и тихо погребли к тому берегу. И услышали, как разговаривают великаны.

— Вы знаете, какие-то дети прибыли на наш остров и убивают наших зверей и дичь. Я вас пригласил сюда, чтобы посоветоваться, как истребить приплывших. Вот это кольцо я дам тому, кто их убьет, — говорил их царь по имени Бади¹.

Женщина по имени Гнейп ответила:

— Мы обязаны исполнять все твои приказы, но приятнее делать это за вознаграждение.

Вдруг Бади сказал:

— Видите, как эти двое бородатых детей на лодке здесь, под горой, прислушиваются к нашему разговору? Вот я им пошлю поклон!

И бросил в них огромный камень. Одд приказал скорее отгребать от берега.

Затем полетел другой камень,¹ от падения которого пошла большая волна. И Одд приказал спешить к острову. Немного спустя Гнейп стала перебираться на остров. Она была в кожаной юбке, большого роста и очень свирепа.

Гнейп подошла к кораблям и начала трясти их с такой силой, что чуть было не сломались мачты. Одд подкрался к чучелу медведя, разжег огонь в его пасти и пустил в женщину стрелу. Женщина подставила руку, и стрела отскочила от нее, как будто рука была из камня. Тогда Одд достал подарок отца — волшебные стрелы. Опять женщина подставила руку, но стрела проникла через кисть и, попав в глаз, вышла из затылка, после чего возвратилась к своей тетиве. Гнейп сказала:

— Это нехорошо, но я должна идти вперед.

¹ Бади не мог принять участие в уничтожении пришельцев, так как у него в это время были раздоры с его братом — Бйюлем.

Одд выстрелил во второй раз, и произошло то же самое со второй рукой и вторым глазом. Ослепнув, она удалилась. Одд решил пойти за ней и посмотреть, где она живет. Долго шли по горам. Наконец он увидел огонь и забрался в пещеру. Над огнем висел огромный котел. Сидело много народа, а на почетном месте — страшное чудовище. Оно было все черное, кроме глаз и зубов. Нос был большой, горбатый и загибался вниз над ртом. Губы толстые — нижняя свисала над грудью, а верхняя скручивалась под носом. Волосы жесткие, как ус кита, и покрывали всю его грудь. Глаза были как две кадки. Такого же вида была и жена его.

Чудовище сказала:

— Убить нам Одда не удастся, так как ему суждено прожить гораздо дольше, чем другим людям. Я знаю также, что финны пригнали его сюда, чтобы мы его убили. Но так как это невозможно, я ему дам, пожалуй, попутный ветер, ничуть не меньший, чем тот, какой финны дали для пути сюда. А за то, что он стрелял в мою дочь, я дам ему прозвище Одд-Острие Стрелы¹.

Услышав это, Одд выстрелил и в говорившего великана. В суматохе люди повскакивали со своих мест и стали убивать друг друга, а Одду удалось благополучно скрыться в темноте. Пока он добирался назад, к кораблям, великаны опять собрались на мысу обсудить, почему им не удалось убить пришельцев.

— У них зверь, который дышит стрелами и выпускает пламя изо рта. Не могу понять, кто их послал к нам. Впрочем, я хочу спать и ухожу.

«Страшные чудовища» на русской монете. Рисунок из книги П. Гайдукова «Медные русские монеты конца XIV—XVI веков» (М., 1993)

¹ Oddr Oervar.

Великаны бросили камни в возвращавшихся на лодке Одда и Асмунда и разошлись.

Одд рассказал ожидавшим все то, что с ним произошло, и велел поднять парус, так как ветер усилился.

Началась страшная буря, закружилась метель, ударил такой мороз, что волны, вздымаясь, замерзали в виде гор. 20 дней они плыли, постоянно выкачивая воду, и, наконец, снова оказались в Финляндии, где нашли гавань и отдых. Это была та же гавань с землянками. В отместку за козни финнов опять грабили землянки. После этого отправились домой.

Вернувшись на родину из Страны Великанов, Одд с братьями всю зиму пировали, а весной пошли в новый поход — на Балтику.

С этого времени история Одда связана с материком.

Итак, Дания. В Дании Одд помогает датскому королю Омунду в борьбе с королем Рингом, на дочери которого он женится. И хотя побежденный король Ринг ранен, но благословляет этот брак. В 852 году Одд, по всей видимости, участвует в набеге на Альдейгьюборг¹, где и «прибывает свой щит на врата» в знак того, что город сдается без боя. Получив богатый выкуп, возвратились в Данию. В этот период Одд три года владел Ирландией, воевал с английским королем Ятмундом. В Ирландии Одд потерял побратима Асмунда, с которым был по-братски близок. Когда Одд начал грабить страну, жители удалились в лесные дебри. Одд зашел в покрытую лесом страну так далеко, что следовать за ним мог только Асмунд. Вдруг неведомо откуда прилетевшая стрела пронзила грудь Асмунда, и он умер. Одд решил отомстить за смерть Асмунда. Вскоре он встретил группу людей. Король, которого можно было узнать по одежде, еще держал лук. И Одд убил стрелой Гуси его и еще шесть человек. Остальные обратились в бегство. Преследуя их, Одд попал в чашу. Чтобы пробраться сквозь чашу, он вынужден был вырывать кусты с корнем. В одном месте куст вдруг выдернулся свободно. Всмотревшись, Одд заметил дверь, ведущую под землю. Спустившись в подземелье, Одд увидел семь прекрасных женщин. Вид их сразу очаровал его.

¹ «Город на Нижней речке» — Ладога.

Схватив самую красивую, Одд хотел ее увести. Но та стала грозить ему карами небесными и пообещала сшить ему волшебную сорочку, которая предохраняет от ранения железом.

Одд дал клятву своему товарищу Гиалмару не насиловать в Ирландии женщин, поэтому возмущение эльфы было законным.

Женщина-эльф обещала сделать такую сорочку за год. Одд отвозит Асмунда на родину для захоронения и потом, в назначенный срок, к возвратившемуся в Ирландию Одду приезжает в карете эльфы и привозит подарок.

В Ирландии Одд сразу по приезде женился на дочери ирландского короля и жил с нею три года. Затем возвратился в Норвегию, где сразился с конунгами Иваром и Хлодвером.

Сохранились сведения, что Одд посещал Гренландское море и достигал берегов Америки.

Затем Одд решает совершить поездку на Ближний Восток в Святую землю. Сев на корабль, едет он мимо Аквитании и пристает к берегам Сицилии, где его радушно встречают норманны, владевшие в это время островом. Аббат местного монастыря оказывает Одду гостеприимство. Игумен просит Одда наказать морских разбойников. Одд преследует корсаров до греческих островов.

Возвратившись в Сицилию, Одд принимает крещение вместе со всеми своими воинами и получает христианское имя Феодор.

Германские археологи обнаружили в Болгарии интересный камень, служивший в свое время в качестве пограничного знака. На камне упоминается и сербский князь Олег-Тракан, так что камень подтверждает, что часть легенды об Олеге имеет какие-то правдивые черты.

Из Сицилии Одд-Феодор отправляется в Иерусалим, но буря разбивает его корабль.

Держась за обломки, Феодор достигает берега и, после посещения Иерусалима, где он искупался в Иордане, он морем попадает в Сирию.

На обратном пути из Иерусалима Феодор попадает в Гуналанд (вероятно, через Византию и Болгарию).

ҲТОУСЛПОМТЕК,СУІВІНЪ
 ОРОСРΩМАІΩНК,ВΩЛГАР
 ҲПІСУМЕΩНЕКΘΥАРВΩЛГАР

ҲПІΘЕОДΩРΩОЛГΩБРАКАН
 ҲПІДРІСТРΩКОМІТΩУ

Надпись на камне, выполненная в 904 году, с упоминанием
 Феодора-Олега Тракана:

«В год от сотворения мира 6412 индикта 7.

Граница Ромей и Болгарии

Во времена Симеона божьей милостью царя болгар.

Во времена Феодора-Олега-Тракана.

Во времена Дристра комита».

Сразу по прибытии в Гуналанд¹ встретил Феодор у небольшой избы Иольфа, который рубил дрова, и Иольф пригласил Олда-Феодора переночевать у него. За ужином Одд подарил Иольфу красивый нож. Когда Одд проснулся, Иольфа не было дома. Возвратился он лишь к полудню, принеся в дар Одду три прекрасно сработанные стрелы с каменными наконечниками. Приняв их в дар, Одд отправился к местному королю Геррауду (Рюрику) и попросил позволения остаться у короля на зиму. Чтобы его не узнали, Одд ходит, укутавшись в плащ, почему и получает прозвище Кофлмадрин, то есть Человек в

¹ Страна гуннов, ныне эта земля называется Саксонией и Венгрией,

плаще. Его посадили у самых дверей, на наименее почетном месте. Одд говорил, что ни на что не способен, так как долго жил в лесу. Поэтому его назначили подбирать убитых на охоте зверей. Но на первой же охоте он добыл больше всех. Король заподозрил, что это не простой человек. Двое приближенных короля вызвали его на состязание в плавании, но Одд победил их. Тогда решили подпоить Одда и выведать, кто он такой. Оба молодца по очереди подходят к Одду с рогом вина и поют славу своим подвигам.

Хвалит себя в ответ и Одд, перечисляя свои подвиги и каждый раз осушая рог. (А что скажут о тебе другие, если ты сам о себе ничего сказать не можешь? И если тебя никто не хвалит, ты правильно поступишь, сам восхвалив себя!)

Король же записывал все, сказанное Оддом, на дощечку и убедился, что перед ним знаменитый герой Одд. Изобличенный таким образом, Одд сбросил с себя плащ и предстал перед королем в пурпуре (одежде царей), со светлыми волосами, убранными на челе золотым обручем. Его посадили на самое почетное место, и он посватался за дочь короля — Силькизиф.

Геррауд обещал свою дочь тому, кто покорит ему Бьялкаланд, король которой отказывается платить ему дань.

Одд совершает поход на Бьялкаланд, где он как христианин разрушает языческие храмы и жертвенники. В бой с ним вступают королева бьялков Гида и ее сын Видгрип. Одд убивает Гиду стрелами Иольфа, так как стрелы с железными наконечниками ей не страшны. Первая же стрела пробивает руку королевы и попадает в глаз, вылетев из затылка. Вторая пробила второй глаз, а третья вонзилась в туловище колдуньи, и та погибла. Затем Одд убивает и ее сына. Наутро король Бьялкаланда с остатками войска отступил в свой город.

Одд громадным колом разбивает ворота и им же наносит удар по голове короля Бьялкаланда Альфа Бьялки. Завладев страной, Одд привозит к Геррауду несметные сокровища.

Вскоре Геррауд умирает. Одд женится на его дочери, становится королем Гунландии и владеет славянскими землями к северу от Дуная.

Став королем Гуналанда, Одд-Феодор получает титул Хельги (в русском произношении — Олег).

А теперь обратимся к «новгородским событиям».

844 год. В результате военного натиска немцев на земли славян-ободритов и гибели их князя Гостомысла начались раздоры. Часть племени с Вадимом, сыном Гостомысла, переселилась на земли вокруг озера Ильмень, в страну Кюльфингланд¹.

Здесь, на севере современной России, в городе Альдегья (Ладога), проживали выходцы из Упсалы — шведы-колбяги. В деревнях жило местное финноязычное население — чудь. Пришельцы же из славянской земли племени ободритов поставили новый город — Новгород.

О Ладоге надо сказать, что по легенде город был основан самим богом Одним. В VII веке город был покорен королем Ингваром и с тех пор находился в зависимости от Упсальского короля.

В конце IX века Ладогу захватывает конунг Эйрек, в дружине которого находился берсерк² Грим Эгир, известный как Великан Моря, Морской Змей; по силе и удали он превосходил своего господина. При захвате Ладоги Эйреком от руки Грима Эгира погибает ладожский конунг Реггвид («Древо бури»), великий и мудрый правитель. Над его телом насыпают курган, вокруг которого происходят чудеса. Грим Эгир убивал людей, исторгая невыносимую вонь, изрыгая яд, и никто не мог устоять перед ним. Против Эйрека и его берсерка выступил Рольф-Одд-Феодор, подойдя к Ладоге с юга по течению реки, пройдя через земли Смоленские. Происходит ужасная битва между Рольфом и берсерком. Если отбросить сказочные черты битвы, то результат боя следующий: Рольф-Одд убил Морского Змея, проткнув его мечом. Умирая, Грим Эгир потребовал, чтобы его похоронили в большом кургане у моря, при этом он произнес заклинание: «И каждый, кто высадится в том месте, погибнет». Рольф и его люди насыпали три кургана. В третьем кургане у моря был захоронен Грим

¹ В русских источниках эта страна называется Колбягией. Кюльфинги — значит «копейщики», основным оружием местных жителей были копья, у варягов же — топоры.

² Берсерк — воин, неистовый в бою. Говорят, что в пылу битвы берсерки превращались в волков.

Эгир. Место было выбрано так, чтобы туда не могли подойти корабли.

После победы над Гримом Эгиром и смерти Эйрека Рольф Пешеход¹ женился на дочери конунга Реггвида и стал правителем Гардарики². Но его резиденция уже не в Ладоге, а в Новгороде, политическое влияние которого начинает быстро расти с середины X века. Женившись на дочери конунга³, Рольф получает законное право называться князем. Но на Руси он больше известен как «Мудрый предводитель» — по-шведски Хельги, по-славянски Ольг, или Олег.

Земли, подвластные Олегу: Словения (земля сербов и ободритов), Польша (земля лендзян), Белоруссия (земля кривичей), Ладожская и Новгородская земля (которая полностью перешла к Олегу после убийства Вадима Гостомысловича).

Известно, что Хельги-Одд участвует в сватовстве к сестре датского короля Ингелуса Хельге (Ольге), будущей княгине Ольге-Елене. Сватали ее за Хельги Ингвара (Предводителя Младшего), якобы сына Рюрика, но гораздо более вероятно, что он был не Рюриковичем, а Олеговичем. И объясню почему. Не будем особо указывать на имя Олег — Хельги и на то, что его подопечный — Хельги Младший. Хотя и это, возможно, неспроста. Но интереснее другое: на руку Хельги было два претендента — Хельги Ингвар и Ангантир. За обладание девушкой произошла дуэль — «божий суд». Но на поединок с Ангантиром вышел не подросток Ингвар, а опытный воин Хельги-Одд. И Ангантир проиграл поединок. Так Ольга досталась Ингвару, или Ингорю. За этот бой Одд получил еще одно прозвище: Стерк Одд, то есть Сильный Одд. От своей

¹ Рольф был прозван Пешеходом потому, что из-за крупной комплекции тела конь не мог его носить на себе, из-за чего Рольфу приходилось передвигаться пешком.

² Гардарики — слово, состоящее из двух корней. Первый — «гарда» (арда) — земля, страна. Так хазары называли свои владения. Второй — «рики», в современном немецком произношении «райх», то есть «государство». Существует ошибочное мнение, что Гардарики — это «страна городов». Однако город по-шведски и по-немецки «бург», а не «гарда».

³ Германское слово «конунг» в русском языке стало произноситься как «князь».

жены, Силькизиф, Одд имел двух сыновей: Асмунда и Геррауда, которые были названы так в честь сводного брата и тес-тя (имя Рюрик — это не имя, а прозвище, означающее «Сокол», настоящее же его имя — Геррауд).

Говорят, что это сватовство Ингоря-Ингвара произошло в 883 году. Почему вместо Ингоря на бой выходит не Рюрик, а Хельги? Возможно, из-за весьма преклонного возраста Рюрика. Но, будучи при смерти, Рюрик поручает Хельгу всех своих многочисленных сыновей — и ни об одном в истории ни слуха ни духа. Куда же они делись? Вероятно, сгинули как ненужные претенденты. Карамзин же утверждает, что даже старшего Рюриковича — Аскольда—Олег постарался уничтожить. С чего бы это, имея своих сыновей, Олегу заботиться о чужом?

Но продолжим наш рассказ.

Власть над Восточной Германией, Польшей, Белоруссией и Новгородской Русью перешла к Олегу. С ним правит Хельги Ингвар. Соседями Хельги являются на западе немцы, на севере — шведы, на юго-востоке — хазары, на юге — венгры. Территория славян-сербов, Лужица, постоянно подвергается набегам немцев. Территория Новгородская подвергается набегам шведов. Белоруссия — страна лесистая и малопродуктивная. Чтобы кормить дружину, нужны деньги. А на юге — богатая Византия, путь к которой контролируется Хазарией.

Хазария — государство многоэтническое. Основное население — осетиноязычные ясы и тюркоязычные булгары. Ясы имели свое государственное образование: Русьяска («рухс яс» — «светлые, или степные, ясы»), главный город — Саркел («Белый город»).

Границы государства Русьяска: все правобережье Оки до Смоленска, отсюда к югу до Киева по левобережью Днепра.

Южнее Киева земли правого берега принадлежали тюркам-печенегам. В самом же Киеве, который в то время был еврейской торговой факторией Хазарии, жили как ясы, так и печенеги.

Сюда Олег вместе с Игорем и направляет свою экспансию, вначале захватив Смоленск, а потом и Киев.

После захвата власти дуумвиратом Игорь сидит в Киеве, а Олег в Смоленске и Новгороде. И постоянно воюет Олег, примучивая то северян, то радимичей, то вятичей.

Но вот наступил 911 год. И запечалился Олег, желая увидеть на старости родные места. Взял он дружину из 80 человек и отправился на родину — в Норвегию. Жена отговаривала его: «Зачем тебе остров Рафниста, когда тебе принадлежит огромное королевство?»

Но что может быть милее родины?

И ушел Олег-Рольф в Норвегию. Приплыв в Вик, высадился на берег и, чтобы прокормить дружину, забил чужой скот, пасшийся на лугу. Хозяева скота пожаловались королю, и тот приказал объявить дружину Рольфа вне закона.

И Рольф бежит во Францию, где нанялся со своей дружиной к французскому королю, получив во владение земли, которые и заселил своими норманнами. С тех пор эта область Франции называется Нормандией, а сам Рольф стал основателем Нормандской династии, а стало быть, и династии английских королей.

Есть две версии его смерти. Первая версия гласит: «Рольф-Ролло (Неистовый Роланд) погиб в войсках Карла Великого в Испании от рук сарацинов»¹.

А вторая версия такова: «Он возвратился на родину и, бродя по родным местам, рассказывал, как здесь он учился метать копьё, там любил играть с Асмундом. И так, бродя и вспо-

¹ Вообще историку весьма трудно разобраться с именами. В первых документах сохранились на разных языках. В одних документах имя пишется как Рольф, в других — Хрольв, в третьих Ролло, Роланд. Но к этому надо добавить, что человек часто имел имя, данное родителями, и имя, данное воспитателями (в нашем случае Одд). Кроме того, имена часто менялись при опасной болезни, чтобы запутать духа болезни и смерти, и при крещении (в нашем случае — Феодор). Кроме того, человек часто получал прозвища (в нашем случае — Стрела, Сильный, Мудрый, Предводитель, Пешеход). И все это то в подлинном звучании, то в адаптированном на какой-либо иной язык (в нашем случае — Хельги, Ольг, Олег). Эти имена могли принадлежать не одному человеку, а нескольким. В противном случае получается путаница, и объединенный персонаж действительно может «прожить» не одно столетие.

В «Песне о Роланде» сказано, что Роланд погиб в Пиренеях от рук сарацинов. Согласно песни басков, этот подвиг принадлежит им, жителям этих гор. Я не стал спорить ни с той, ни с другой версией. В нашем случае это безразлично.

миная, оказался он на том месте, где был похоронен его конь Факси. Протекавший там ручей подмыл берег, и кости коня оказались на поверхности земли. Увидав череп, Олег-Одд сказал, обращаясь сам к себе: «Не моего ли коня Факси этот череп?» И с силой ударил по черепу копьем. Череп отлетел прочь, а из-под него метнулась потревоженная змея и укусила Олега чуть выше щиколотки. Старый организм уже не мог справиться с ядом, нога начала опухать. И тогда Олег-Одд заявил своей дружине: «40 человек отправляйтесь за хворостом и дровами, а 40 останьтесь при мне, я хочу сложить песню о своих подвигах и хочу, чтобы вы записали песнь, перед тем как я умру». Так и поступили: одни стали собирать дерево для погребального костра, другие же записывать сказание о жизни славного витязя. И когда песнь была сложена, Олег сам взобрался на кучу дров, лег и тихо скончался.

Там, в Норвегии, он и был предан огню, по обычаю викингов.

С тех пор пошла поговорка: «Не верь коню, даже висящему на шесте»¹.

Последним датированным событием русских летописей, связанным с Олегом, является сообщение Новгородской первой летописи о походе Олега на Царьград в 922 году.

Но русская хронология не совпадает с хронологией скандинавской. Одд, по хронологии саги, умирает через четыре года после начала правления в Норвегии Олава Трюгвасона, то есть около 999 года. Княжение Одда на Руси, таким образом, отнесено автором текста к концу X века (Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 549).

В Киеве было две могилы Олега: одна у Жидовских ворот, другая — на Шековице. Обе они приписывались Олегу Вещему, однако на самом деле одна могила принадлежит Олегу-Александру, сыну Олега Вещего.

А вот что сообщает о нашем герое Д. С. Лихачев:

«Вещий Олег считался родоначальником русских князей и служил объектом языческого культа. «И прозваша Олга — вещий: бяху бо людие погани и невеиголоси». В. Л. Комаро-

¹ «Dem Ross soll man nicht trauen, auch wenn es auf der Stangehaengt».

вич обратил внимание на особый оттенок прозвища Олега — Вещий. «В позднейшей практике древнерусского исповедника слово «вещий» имело почти столь же широкое распространение, как и «волхв» или «кудесник»; это были синонимы, лишь с незначительными, неуловимыми теперь оттенками значений. «Есть ли за тобою вещество, рекше ведание некоторое, иль чары?» — спрашивал духовник¹. А покаянный номоканон, то есть сборник правил о церковно-дисциплинарных взысканиях, говорил о вещах: «Вещица, аще покается, лет 9, поклонов 500». Та же самая девятилетняя епитимия, с пятьюстами поклонами на день, положена в том же сборнике «жене обавающей туждих своих», то есть уличенной в наговорах чародейке. «Вещица», очевидно, и есть название такой чародейки. И подобно тому как женская форма «волховь» или «волхва» (из тех же памятников) предполагает однозначную, более распространенную в древности мужскую форму «волхв», так, конечно, и «вещица» в памятниках XV—XVII веков предполагает однозначную древнюю форму «вещий». Прозвище Олега, данное ему невегласами, говорило о сверхъестественной силе и знаниях этого князя-кудесника».

К этим наблюдениям В. Л. Комаровича следует прибавить следующий текст Псковской второй летописи: «Псковичи сожгоша 12 жонок вещей» (1411 год). Эти предположения В. Л. Комаровича находят себе подтверждение и в археологических данных, на которые указывает Б. А. Рыбаков: «При насыпке Черной Могилы (близ Чернигова) люди, руководившие погребальным обрядом, не заботились о том, чтобы вытащить вверх все оружие; много оружия они оставили на кострище. Но зато они очень внимательно отнеслись к тому, чтобы богаче представить связь погребенных с культом. Здесь мы видим и два турьих рога, обязательные атрибуты славянских божеств, два жертвенных ножа и, наконец, бронзового идола. Современники покойных дали нам понять, что под насыпью Черной Могилы лежат люди, облеченные правами не только военачальников, но и жрецов, люди, которым могут понадобиться на том свете и ножи для заклания жертв, и священные ритоны для провозглашения благоденствия соплемен-

¹ Алмазов А. И. Тайная исповедь. Одесса, 1894. Т. 3. С. 166.

никам. Такое сочетание военного и жреческого могло быть только в лице князя. Во многих славянских языках князь и жрец звучат почти одинаково (по-польски: князь — ксенж, жрец — ксендз). Мы знаем, что у славян князья нередко выполняли функции верховных жрецов¹. Вот, следовательно, почему летописец, рассказав о том, что Олега прозвали Вещим, обратил внимание своих читателей на то, что люди тогда еще были язычниками».

Если все вышеизложенное кажется вам слишком трудным, то достаточно знать то, о чем сообщают учебники.

Общепринятая легенда, записанная в «Истории государства Российского» (М., 1996), гласит:

«Следующий герой русской истории, казалось бы, действительно историческое лицо... Его реальность подтверждается документально, в частности договорами с греками 907 и 911 годов. В то же время домыслов, легенд, преданий, связанных с этим именем, более чем достаточно.

Первое летописное упоминание об Олеге относится к 879 году. После смерти Рюрика власть переходит к воеводе Олегу, так как сын Рюрика Игорь еще мал. Когда родился Олег, кем он был по происхождению — определенно сказать нельзя, но размах его политической деятельности был поистине княжеский.

Он покорил земли древлян, северян, радимичей, оградив их от набегов хазар, и соединил Киев с Новгородом. Завоевав Север, князь обратил свое оружие к Югу, на берега Днестра и Буга. И там счастье сопутствовало Олегу. В 882 году князь провозгласил Киев «матерью городам русским» (то есть столицей).

Согласно «Повести временных лет», Олег захватил Киев хитростью, переодев воинов купцами и спрятав их в ладьях. Вызвав на переговоры Аскольда и Дира, правивших тогда в Киеве, он именем Игоря убил их. Киев стал официальной столицей складывавшегося Древнерусского государства. Он принадлежал к числу крупнейших городов Восточной Европы и обладал немалыми преимуществами перед Новгородом. Вероятно, это понимал князь Олег.

¹ Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 11. С. 34.

Народная память долго хранила воспоминания о том, что с именем Олега связаны важные события в истории Руси и ее столицы. Возникали даже легенды об основании Олегом... Москвы.

Благодаря тому что князь встал во главе огромного объединенного войска почти всех славянских племен, ему удалось совершить удачные походы на Царьград в 907 и 911 годах. Древнерусское государство укрепило свою военную мощь, а Византия почувствовала в нем достойного противника. За политическую мудрость и прозорливость народ прозвал Олега «вещим».

Смерть князя овеяна легендами. Вот наиболее распространенная: кудесник предсказал Олегу смерть от коня его, и князь расстался со своим любимцем на много лет. Но, вернувшись в Киев и узнав, что конь умер, Олег посмеялся над предсказанием и решил посмотреть на его кости. Когда князь наступил на конский череп, из него выползла змея и ужалила Олега в ногу, отчего он вскоре умер и был похоронен в Киеве. Но это лишь легенда, имеющая отголоски в варяжских сагах. Историки считают, что умер Олег в 912 году, прокняжив 33 года и сделав очень много для объединения и укрепления государства.

Начинал Олег свою деятельность как норманнский конунг, даже не князь, а регент при князе. Но постепенно становился фигурой европейского значения. Славянские племена, затем хазары, наконец, греки — все отступали перед ним; все покорялись ему. Он — «вещий» для язычников и «святой» для греков.

Сведения, касающиеся личности и деятельности князя Олега, обширны и противоречивы. Очень убедительным кажется подробное и доказательное описание «Повести временных лет». Некоторые исследователи замечают эпичность изображенного летописцем образа. А. А. Шайкин считает, что деятельность князя Олега вошла в фольклор, многие эпизоды его биографии, в частности легенда о смерти, указывают на народно-поэтическую обработку. Анализируя летописи, Н. Ф. Котляр приводит различные версии о происхождении Олега: варяг, «князь Урманский» (норманнский), шурина Рюрика, дядя Игоря по матери. Один из летописцев связывает появление

Олега в Новгороде с легендой о призвании варягов, называя его племянником Рюрика.

Н. И. Костомаров, обращая внимание на особенность характеристики Олега в летописи, писал: «Личность Олега является в нашей первоначальной летописи вполне личностью предания, а не истории». Современный исследователь Б. А. Рыбаков, глубоко изучивший фольклорные и письменные источники об Олеге, должен был признать, что он больше похож на литературного героя, чем на исторического деятеля.

Многие историки XIX — начала XX века не сомневались в реальности Олега. Н. М. Карамзин полностью доверяет «Повести временных лет». Не считает нужным подвергать сомнению сведения летописца и С. М. Соловьев. Он еще больше подчеркивает значение Олега как собирателя племен. Практически повторяют мнение своих предшественников В. О. Ключевский, Д. И. Иловайский, В. Д. Сиповский. О внешнеполитической деятельности князя и его походах в Византию подробно рассказано в работе В. Т. Пашуто.

Современные исследователи ставят под сомнение достоверность древнерусских летописей. «Я не решаюсь дать сколько-нибудь однозначное заключение о личности Олега, который предстает на страницах «Повести...» скорее литературным, нежели историческим персонажем, вобравшим в себя черты нескольких прототипов», — пишет А. Никитин. Он считает, что Олег реален только в договоре 911 года, но эта «реальность» порождает новые вопросы.

Повествование о походе огромного войска под предводительством Олега на греков заимствовано из устного эпического источника, которым могла быть дружинная поэзия. Таково мнение Н. Ф. Котляра. Параллели к рассказу Нестора о прикреплении Олегом щита к воротам Царьграда Е. А. Рызевская находит в ирландской саге о норвежском конунге Олаве (X век) и в древней датской легенде о богатыре Гуно, известной в записи XVII века.

Исследователи самой знаменитой легенды о смерти Олега от своего коня возводят ее к древнеисландской саге об Одде. Эта сага подробно анализируется в работах А. Никитина, Е. А. Рызевской, Н. Ф. Котляра. По их мнению, именно легенда о смерти доказывает, что Олег не был народным лю-

бимцем. В ней прослеживается мотив судьбы, рока, может быть, возмездия за нечестные дела, хотя в памятниках народного творчества Олег выступает как удачливый и хитроумный военачальник.

Дата смерти князя тоже вызывает многочисленные суждения. Традиционно ей считается 912 год, но Б. А. Рыбаков обратил внимание на то, что, в соответствии с летописной легендой, князь умер на пятый год после похода на Византию, то есть в 916 году. Возможно, это и есть год смерти Олега.

А. Никитин так писал о Вещем Олеге: «Пожалуй, именно теперь, проникшись пророчествами и неясностью слухов о гибели Олега, мы начинаем ощущать его эпический характер, сюрреальность его образа, сотканного из многих, по-видимому, реальных исторических личностей. Но именно в этот момент оказывается, что у «нашего» древнерусского героя, новгородского воеводы и киевского князя, есть двойник, окруженный в северных сагах не меньшим ореолом героизма и таинственности — «Одд со стрелами».

А. Никитин заметил лишь одного, скандинавского, двойника. На самом деле их гораздо больше.

Например, Ольг-Феодор, князь придунайских славян-сербов. По всей видимости, именно он заключал с Византией летописные договоры, изначально написанные именно по-сербски, о чем сообщал еще академик Д. С. Лихачев.

Игорь Отважный

861 год. Новгородцы изгнали варягов за море, и поселились варяги-россы в Абовѣ¹, где в 861 году родился у Рюрика Африкановича и жены его Ефанды сын, названный Ингорем (то есть Младшим).

По другой летописи: «Сии первый князь русской три из немец пришли: Рюрик, Синеус, Трубор и вероваша идолом. А Рюрик седе в Киеве и роди Игоря»².

¹ Абов — возможно, современный Турку.

² Рукопись СБ № 687, л. 47.

Игорь. По «Титулярнику»

В 862 году по смерти Гостомысла, прадеда Ингоря, произошло «призвание варяг на княжение», и прибыл Рюрик с семьей в Старый город (то есть в Ладогу). Через два года Рюриком построен был город Новгород, куда и перебирается вся семья. Здесь, в Новгороде, и проходит юность Ингоря. Как-то раз, будучи еще юным, был он в Псковской области на охоте. И по какой-то оплошности его рабы оставили его одного. И увидел он на другой стороне реки желанную добычу, но не было ему возмож-

ности переправиться на ту сторону реки. И тут увидел он лодку, идущую по реке. И приказал переправить себя на другой берег. Когда же он сел в лодку, то обратил внимание на красоту и юность девицы, ибо на веслах была юная девушка. И разгорелось в нем желание, и стал он ей делать некие непристойные намеки, на что девушка ответила: «Что попусту себя смущаешь, князь! Произносишь ты постыдные речи, позорящие меня. Не прельщайся, видя меня юной и одинокой, не надейся меня одолеть, лучше мне утопиться, чем оказаться тобою поруганной!»

Видно, не силен был еще в то время князь, раз не смог добиться желаемого, но встреча эта глубоко запала ему в душу.

879 год. Прошло какое-то время, и в 879 году умирает Рюрик, оставив на попечении своего сродственника Олега детей своих, «коих было у него много».

Аскольд, старший сын Рюрика, поступивший на службу к хазарам, правит в Киеве. Ингорь вместе с Олегом правит в Новгороде, присматривая за многочисленной семьей Рюрика, и вскоре от всей семьи Рюрика в живых не остается никого

(кроме Ингоря, если он был все-таки Рюриковичем). Последним погибает Аскольд, убитый Ингорем. А дело было так: после упрочения своей власти в Новгороде пошел Ингорь с Олегом к Смоленску...

882 год (Игорю 21 год). «И пришли к Смоленску и стали выше города, и шатры поставили многие разноцветные. Увидав это, вышли старейшины города и спросили человека из свиты: «Кто это пришел? Царь ли какой или князь в великой славе?» И вышел из шатра Олег, «держа на руках у себя Ингоря», и говорит смолянам: «Вот Ингорь, князь Русский». И весь город признал себя подвластным Ингорю».

Так все просто — вынес на ручках парнишку лет двадцати, и целый город тут же сдался и обязался платить им дань!

Но один вывод сделать можно: по комплекции Ингорь был негрозен, толстого и большого на руках носить было бы невозможно.

И принял Ингорь город под свою руку и посадил там «мужи своя».

А жили в Смоленске кривичи, говорившие на кривичском диалекте. Ранее на балтском-литовском, затем на славянском-белорусском.

Когда кривичи-балты перешли на славянский язык, точно никто не знает. Неточно — тоже. Думаю, веке в XIV.

После присоединения к своим землям Смоленска направился Ингорь к Киеву, где в это время правил Оскольд, сводный брат его по отцу, но от разных матерей. Имя «Аскольд» переводят со шведского как «золотогосый». Придя к Киеву, спрятались воины в лодках. И послан был вестник к Оскольду и воеводе его Диру с сообщением: «Мы, мол, купцы, идем в Грецию от князя Ингоря и от князя Олега, заболели, мол, потому просим вас прийти к нам, к родственникам своим».

Так как Ингорь действительно был его родственником, Оскольд считал себя не вправе отказать в просьбе и вышел к лодкам без дружины, с одним только Диром. Тут выскочили спрятавшиеся воины и окружили Оскольда...

Вероломство — черта не только русских князей. Ингорь убил и Оскольда, и Диру, сказав им, что только ему, Ингорю, подобает быть князем. И сел Ингорь на княжеский престол в Киеве, оставив Олегу Смоленск и Новгород. Так после смер-

ти Оскольда князь Ингорь «единовластен». И был он храбр и мудр¹.

883 год. Вспомнил Ингорь о той девице, что встретила ему на реке на Псковщине, и послал он к ней и обручился с нею в 883 году. Ингорь сидит в Киеве, а Олег в этом же году совершает поход на древлян «и примучил их, получив с них дань по чёрной кунице».

На древлянах остановимся подробнее. Кто такие древляне? Какого рода-племени? Посмотрим, что об этом говорит русская летопись.

Летопись сообщает следующее: древляне при Ольге жили на Днепре южнее порогов, куда их переселил Ингорь, но при Олеге они жили на Волге, где назывались иначе, а именно уличами, или угличами. Их главный город — Углич — стоит и до сих пор. О построении Углича известно следующее: «Игорь послал для построения города Углича княжича некоего, именуемого Яном, родом плесковитина суца, который прибыть с княгиней Ольгою, юже приведе за жену князю великому российскому Игорю в лето 6453 года... В то же время приходит и до означенных по берегу Волги жительствующих оный княжич Ян частнорасселенных при Волге углян... при углу Волги... и поселил в нем жителей в 6460 (952) году, потребный и лепотный град прекрасен во славу Божию создав. В сей год Ян крестился вместе с Ольгой и назвался Иоанном» (Рукопись РМ № 934).

Итак, о древлянах мы знаем следующее:

1. «Древляне не славяне же» (Рукопись СБ № 793, л. 12 об.).

¹ Масуди указывает, что «первый из славянских царей есть царь Дир, он имеет обширные города и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами. Подле этого царя из славянских царей живет Ифранджи (франки), имеющий города обширные области... Затем с этим царем граничит царь Турка. Это племя красивейшее из славян лицом, по количеству больше, а по силе храбрейшее». Страна Дира граничит с франками и венграми. Если он и киевский князь, то Киев тот где-то в Центральной Европе. К славянам Масуди относит как франков, так и венгров. То есть «славяне» у него — это просто население Центральной Европы, независимо от племенной принадлежности.

2. Древляне имеют еще одно наименование: угличи (город Углич был взят, жители переселены на Днепр южнее порогов).

3. Там они стали называться печенегами, а их князь, Малдит Нискинин, убил Игоря.

4. Сохранилось выражение «наш бог» по-древлянски: «NOS GLЦLGA»¹.

5. Население территории вокруг Киева в VIII—IX веках — сплошь балтское, о чем свидетельствует топонимика Правобережья Днепра. Эти балты, которых историки собственно и называют древлянами, были народом грамотным. Найден горшочек для краски с надписью: «УСКАТЗИМИС»²:

> Z X ° K ≠ | M I Z

6. Но «Повесть временных лет» утверждает, что древляне — это славяне.

Вероятно, летописцы плохо понимали, кто такие славяне и кто такие древляне.

Но вернемся к нашим героям.

884 год. В этом году идет Олег на северян и предлагает им не платить дань хазарам, а платить эту дань ему не более того, что платят хазарам. Какая разница северянам, кому платить, но хазары там, а Олег с войском здесь. Согласились. Куда ж деваться?

Ясно и то, что граница с Хазарией проходила к северу от северян, подданных хазарских³. Хазарскими подданными были и радимичи, и вятичи.

¹ Нос Леля — по-латышски «наш ясный, наш сияющий».

² Литовцы уверяют, что это литовское слово «ужкайтимас» (киноварь).

³ Северяне — народ яский, говоривший в то время по-осетински, вероисповедание — мусульмане, проживали от Днепра до Дона. Северянами их прозвали славяне, сами себя они называли саварсами — черными аорсами, черными асами. «Черный» — значит живущий в тени, в лесной части (в отличие от рохасов/руссысов — светлых, степных асов, или «полян»). Название племени «радимичи» про-

885 год. Послал Олег к радимичам с вопросом: «Кому дань даете?» На современном жаргоне: «Есть ли у вас крыша?» Те отвечают: «Хазарам». Тогда Олег заявляет: «Не давайте хазарам, но мне давайте». И дали по шелягу¹. Оплата производилась в «твердой валюте», так как славяне между собою при торговле пользовались старыми изношенными шкурками, которые были валютой, в иных странах неконвертируемой. Неконвертируемая русская валюта называлась «рухлядь».

Игорь же проводил время более приятно — вероятнее всего, пиры, охота и женщины. Дело-то молодое. Однако благодаря Олегу территория, контролируемая дуумвиратом, расширилась. Теперь от Волги и до Эльбы, от Ладоги и до Северского Донца можно было ходить с войском и собирать дань — есть, пить, веселиться.

Им платили дань ильменьские славяне и лужицкие сербы, поляки-лендзяне и белорусские кривичи, финноязычная чудь и ираноязычные северяне, поляне, радимичи. А уличи-древляне дань отказывались — их постоянно приходилось за это наказывать, уж очень непослушные были.

903 год. «Привели Ингорю² жену из Плескова именем Ольгу, дочь Гостомыслову».

Да и пора уж жениться. 20 лет, чай, прошло с момента обручения, да и лет ей уже порядочно, если не сейчас, то потом может быть поздно. Ведь раз она дочь Гостомысла, родившаяся еще при жизни отца, умершего в 844 году, то ей уже за 60!

907 год. Ингорь сидит в Киеве с «молодой» женой, а Олег решает пойти пограбить греков. Набрал он войско из подвластных ему племен: взял с собою варяг (шведов и датчан, служивших за деньги кому попало), словен, русь (либо фрис-

исходит от иранского «пратамас» — «первые», они жили севернее всех остальных иранских племен. «Вятичи» — от «йетек» — «люди вождя». Вятичи были племенем, смешанным из асов и местной мордвы, проживавшей в верховьях Дона.

¹ Монета в 1 шиллинг. По «курсу» того времени 1 шиллинг соответствовал 12 динариям.

² Как я уже писал в самом начале книги, в разных летописях имя князя пишется то Ингорь, то Игорь. Беря цитату, не исправляю имен — вдруг это в летописях не случайное явление.

Поход Олега на Царьград. Радзивилловская летопись, л. 14 об.
На знамени Олега надпись по-арабски «дин» — «религия», «вера»

ландцев, либо придунайских славян Австрии и Венгрии, либо донских русь-ясов), чудь, кривичей, мерю, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорват и дулебов (словаков и чехов), а также и тиверцев (кто такие — неизвестно, но похоже, осетины, проживавшие на Тибре-Днестре).

И отправились они на конях и на лодках, коих было у них 2000. Лодки, как уверяют историки, были выдолблены из ствола дерева. Длина каждой около 20 метров при ширине 2 метра. Вот такие гигантские деревья росли на Украине того времени. Выше эвкалиптов. В каждой лодке по 40 воинов. И пришли к Царьграду. И приказал Олег поставить лодки на колеса, и под парусами пошли они к городу посуху. И запросили греки мира. И прибил Олег свой щит к воротам города, как символ того, что город сдается без боя. И выставил охрану, дабы предотвратить грабежи и разбой. Любили его людишки пошалить немного. И потребовал Олег по 12 гривен на корабль, то есть всего (12 x 2000) 24 000 гривен, что составляет 128 тонн серебра.

Получив откуп, а по дороге еще немного пограбив, возвратился Олег на Русь. Так как в походе участвовало 80 000 человек, то на каждого (если разделить по-братски) приходилось бы по 1,6 килограмма серебра.

912 год. С этого времени стал единодержавно править Игорь, так как Олег отправился в родные места «принять

Рисунок святого на стене печенежского храма в Басараби. Рисунок из журнала *Dacia*. 1962. № 6

именем Олгу, дочь князя Тмутаракана Половецкого»¹.

914 год. Узнали древляне, переселенные Игорем на Днепр южнее порогов, что неугомонный Олег сгинул без следа, и отказались платить Игорю дань, закрыв перед его людьми ворота. И пришлось Игорю, вероятно обидевшемуся на них за сей недружелюбный акт, идти на древлян войной.

И покорил их и наложил дань больше прежнего — «науки для». И лишь один город Пересечен (на Днепре) не сдавался, и отдал его Ингорь своему новому воеводе, Свенельду, который три года осаждал город и еле одолел. И взял с них дань Свенельд по черной кунице и отдал все своей дружине за труды.

920 год. В этом году воевал Ингорь с печенегами, на землях которых он посадил древлян.

Как ни странно, но печенеги тоже были народом грамотным, притом они исповедовали христианство.

921 год. Хотел Ингорь пойти на греков, однако так и не собрался. Некогда было.

смерть от коня своего». Некоторые считают, что Олег умер в Киеве, некоторые говорят о его смерти в Ладоге. Скандинавы утверждают, что он умер на родине — в Норвегии, немцы и франки сообщают о его смерти в Испании. Но нас это сейчас не интересует. Факт тот, что с этого времени на Руси правит Игорь, взявший в жены Ольгу, поя за себя княжну,

941 год. Посылал Игорь к грекам «по дань», но греки почему-то денег давать не захотели. Тогда пошел Ингорь на греков войной, идя на 10 000 ладьях. Много пожгли сел и церквей, грабя и разоряя страну. Собрав большое войско, вступили греки в бой и били русских воинов, бежавших с поля боя. Разбитые на суше, решили русы взять реванш в море, но греки применили «греческий огонь» и сожгли многие ладьи русские. И возвратились русские без победы.

Вот как описываются события 941 года в «Продолжателе Феофана» (СПб., 1992): «Одиннадцатого июня четырнадцатого индикта на десяти тысячах судов приплыли к Константинополю росы, коих именуют также дромитами, происходят же они из племени франков. Против них со всеми дромонами и триерами, которые только оказались в городе, был отправлен патрикий. Он снарядил и привел в порядок флот, укрепил себя постом и слезами и приготовился сражаться с росами. Когда росы приблизились и подошли к Фаросу (Фаросом называется сооружение, на котором горит огонь, указующий путь идущим в ночи), патрикий, расположившийся у входа в Понт Эвксинский (он назван «гостеприимным» по противоположности, ибо был прежде враждебен для гостей из-за постоянных нападений тамошних разбойников; их, однако, как рассказывают, уничтожил Геракл, и получившие безопасность путешественники переименовали понт в «госте-

Печенежские надписи на христианском храме в Басараби. Рисунок из журнала *Dacia*. 1962. № 6

¹ Синописис Ундольского, № 1110, л. 83 об. — 84.

приимный»), неожиданно напал на них на Иероне, получившем такое название из-за святилища, сооруженного аргонавтами во время похода. Первым вышедший на своем дромоне патрикий рассеял строй кораблей росов, множество их спалил огнем, остальные же обратил в бегство. Вышедшие вслед за ним другие дромоны и триеры довершили разгром, много кораблей потопили вместе с командой, многих убили, а еще больше взяли живыми. Уцелевшие поплыли к восточному берегу, к Сгоре (место на вифинском побережье). И послан был тогда по суше им наперехват из стратегов патрикий Варда Фока с всадниками и отборными воинами. Росы отправили было в Вифинию изрядный отряд, чтобы запасть провиантом и всем необходимым, но Варда Фока этот отряд настиг, разбил наголову, обратил в бегство и убил его воинов. Пришел туда во главе всего восточного войска и умнейший доместик схол Иоанн Куркуас, который, появляясь то там, то здесь, немало убил оторвавшихся от своих врагов, и отступили росы в страхе перед его натиском, не осмеливаясь больше покидать свои суда и совершать вылазки. Много злодеяний совершили росы до подхода ромейского войска: предали огню побережье Стена (то есть Босфора), а из пленных одних распинали на кресте, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в голову железные гвозди. Немало они сожгли и святых храмов. Однако надвигалась зима, у росов кончалось продовольствие, они боялись наступающего войска доместика схол Куркуаса, его разума и смекалки, не меньше опасались и морских сражений, и искусных маневров патрикия Феофана и потому решили вернуться домой. Стараясь пройти незаметно для флота, они в сентябре пятнадцатого индикта ночью пустились в плавание к фракийскому берегу, но были встречены упомянутым патрикием Феофаном и не умели укрыться от его несусыпной и доблестной души. Тотчас же завязывается второе сражение. И множество кораблей пустил на дно, и многих росов убил упомянутый муж. Лишь немногим удалось спастись на своих судах, подойти к побережью Килы и бежать с наступлением ночи. Патрикий же Феофан, вернувшийся с победой и

великими трофеями, был принят с честью и великолепием и почтен саном паракимомена».

Автор хроники «Продолжатель Феофана» называет росов «дромитами» и указывает на их «франкское», то есть западноевропейское, происхождение.

Об участии русских соединений в войнах Византии в 950—960-х годах при императорах Романе II (959—963) и Никифоре Фоке (963—969) сообщает «Продолжатель Феофана», который так повествует об отвоевании Крита у арабов: «Самодержец Роман, узнав о нужде, затруднениях и недостатке провианта в войске, тотчас по доброму совету паракимомена Иосифа отправил им продовольствие. Наши немного воспряли духом. Уже почти восемнадцать месяцев, а то и больше вели они осаду, критяне израсходовали запасы продовольствия и деньги и, доведенные до крайности, ежедневно перебежали к магистру; и вот доместик схол в марте шестого индикта по велению всем управляющего Бога призвал войско к битве и приготовил к сражению отряды, щиты, трубы. Приготовив все это, он приказал начальникам тагм и фем, армянам, росам, славянам и фракийцам наступать на крепость. Одни теснили, другие оттесняли, схватились друг с другом, метали камни и стрелы, а когда продвинулись к стенам и бойницам гелеполы (осадные орудия), напали на наглецов страх и ужас. И после короткого сражения наши взяли город».

В дальнейшем, уже в правление Никифора Фоки, у арабов отвоевывается Кипр, Киликия, Антиохия (969). Дружина росов участвовала и в неудачной экспедиции византийского флота на Сицилию в 964 году.

Но наши летописи ничего об этом не сообщают.

942 год. В этот год родились два знаменитых князя — первенец Игоря и Ольги Святослав и сын новорожденного Святослава — Владимир Святославич¹. Но были ли они двойняшками или же родились от разных матерей, судить не берусь. Только известно, что оба эти рождения пришлись на первую половину года — с марта по июнь.

¹ О том, что в этом году родились и отец, и сын, сказано в разных летописях, не синхронизировавших свои сообщения. Но если мы верим летописям, то должны поверить и в это.

Помочь в выяснении этого вопроса могут саги. Там ясно сказано, что Владимир был сыном великой княгини Ольги, а стало быть, братом Святослава... и Игоря.

944 год. Желая отомстить за свое поражение, собрал Игорь воинов из варягов и руси, полян, словян, кривичей, тиверцев и печенегов, нанятых Игорем и взявшим у них заложников, и пошел на греков.

Узнав о новом походе, греки предложили не ходить на них, а взять дань, откупаясь от Игоря, и, выбрав мир, возвратился Игорь в Киев, предоставив печенегам свободу действий. Вероятно, подсчитав, во сколько обойдется казне уничтожение огромного количества варваров, греки поняли, что лучше заплатить меньшую сумму без дополнительных хлопот, тем более что сумма была мизерная, о чем можно судить по тому положению, в каком оказался Игорь в следующем, 945 году.

945 год. Доставили послы из Царьграда обещанную дань и заключили письменный мирный договор.

И заявила дружина Игорю: «Отроки Свенельдовы разодеты, мы же нагие. Идем с нами на древлян, чтобы и мы могли приодеться». И послушал их Игорь и пошел на древлян. Собрав положенное и заплатив дружине (стало быть, дани греческой и на выплату задолженности по зарплате не хватило), Игорь дружину распустил, оставив при себе лишь небольшой отряд телохранителей. И захотел еще немножко пограбить. Возмутились древляне, перебили всю его банду, а Игоря привязали к двум наклонным березам и разорвали его на две части. Так погиб князь Игорь, так и не совершивший ни одного настоящего подвига. Из его черепа древлянский князь Мал Нискинин сделал себе чашу для питья, оковав лбину серебром.

Уточненные данные можно прочесть у Петра Петрея: «Имея большое расположение к войне, Игорь сделал смотр своей войску и двинулся с ним на Гераклею и Никомидию. Однако ж все его войско было разбито и прогнано, и он принужден был бежать в печенежскую землю.

Там его тотчас узнали, и князь этой земли Малдитто отрубил ему голову на месте, называемом Хоресто (Хорстово, Хорсово), где и похоронил его». О том же сообщает и Мауро Орбини: «Игорь убиен был от Малдитта, князя древлян, на

месте, называемом Корест, где и погребен труп Игорев, которого сын Вратислав еще сый младенец».

Лев Диакон¹ рассказывал, что Игоря привязали к верушкам двух нагнутых деревьев и разорвали на две части.

Последние годы жизни Игоря рисуются арабами и хазарами совершенно иначе.

Приведем цитаты из «иудейско-хазарской переписки»:

«С того дня напал страх перед казарами на народы, которые живут кругом них... А византийский император Роман послал большие дары Хельгу, царю Руси, и подстрекнул его на его собственную беду. И пришел он ночью к городу Самкерц² и взял его воровским способом, потому что не было там начальника, раб-Хашмоная.

И стало это известно... досточтимому Песаху... И оттуда пошел он войной на Хельга и воевал несколько месяцев, и Бог подчинил его Песаху. И нашел он добычу, которую тот захватил из Самкерца.

И говорит Хельг: «Роман подбил меня на это». И сказал ему Песах: «Если так, то иди на Романа и войю с ним, как ты воевал со мной, и я отступлю от тебя. А иначе я здесь умру или же буду жить до тех пор, пока не отомщу за себя».

И пошел Хельг против воли и воевал против Константинополя на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили его огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали русы подчинены власти казар».

«Житие Василия Нового» сообщает о сражении войск Игоря с греками: «и брани межю ими бывши, побежени быша русь, и биша их грецы бежащих».

Русские ладьи сожжены были «греческим огнем».

О греческом огне известно следующее. При Константине, сыне Константия, некто Киллиник из Илиополя, перебежавший к ромеям, первым приготовил жидкий огонь, благодаря которому греки, сожегши флот сарацинов, одержали победу (о чем сообщил Константин Багрянородный).

¹ Лев Диакон. История. М., 1988.

² В русских источниках этот город именуется Тмутараканью.

Вопрос: надо ли отряды Игоря считать сарацинами?

Придя в Хазарию, Хельг-Игорь набрал войска из местных племен: ясов, северян, бургасов — и напал на Закавказье, разграбив город Бердаа. Там в сражении эмир Игорь и погиб, но в Киеве было сразу две могилы Игоря. На момент гибели Игоря визирем Хазарии был сын Кия, основателя Киева, — Ахмад бен Куйя (годы правления 930—950).

Итак, в 944 году отряды русов напали на Закавказье и разграбили город Бердаа (в Карабахе).

Вот как это описывает ибн-ал-Асир в своей книге «Тарих-ал-Камиль»: «В этом 332 году хиджры отряд русов вышел к морю и направился в некоторые стороны Азербайджана. Сев на корабли в море, они поднялись по реке Куре — это большая река — и дошли до города Бердаа. И вышел к ним наиб Марзбана в Бердаа во главе многих дейлемитов и добровольцев, числом более 5000 человек. И они встретились с русами. И не прошло часа, как мусульмане обратились в бегство перед ними и все дейлемиты были перебиты. И погнались за ними русы до города, и убежали те, у кого были верховые животные, и покинули город, который заняли русы и объявили в нем аман и повели себя хорошо.

И пришли мусульманские войска со всех сторон, и русы вступили с ними в сражение, но мусульмане не в силах были противостоять им.

И выходил городской люд и бросал в них камнями и кричал на них. Русы запрещали им делать это, но те не воздерживались, за исключением рассудительных из них, которые сдерживали себя, тогда как простой народ и чернь не сдерживали себя. Ввиду того что это дело продолжалось, глашатай русов объявил, чтобы жители города через три дня покинули город и не оставались в нем. И вышли из него те, у кого было на чем выехать, но большинство осталось после указанного срока.

Тогда русы начали их рубить и убили много народу из них и взяли в плен, кроме убитых, несколько тысяч человек, а остальных собрали в мечети и сказали им: «Выкупайте себя, иначе мы вас уьем».

За них, мусульман, заступился какой-то христианин и определил взять с каждого мужчины 20 дирхемов. Это условие приняли только разумные из них.

Но, увидев, что от них, мусульман, ничего не получается, русы перебили всех их, за исключением тех, кто бежал, и захватили имущество их, и сделали рабами пленных, и выбрали из женщин тех, кто им понравился.

После того как русы поступили с жителями так, как мы упомянули, мусульмане нашли это ужасным; они начали призывать друг друга к войне против русов. И собрал Марзбан ибн Махаммад людей и предложил им выступить в поход. И дошло число собравшихся у него в войске до 30 000.

И выступил он во главе их, но не был в состоянии противостоять русам.

Он сражался с ними по утрам и по вечерам, но всегда возвращался разбитым. Так продолжалось много дней. Русы направились было к Мараге, и так как они поели много фруктов, то заболели какой-то болезнью, и среди них распространились болезни и смерть. И так как дело затянулось для Марзбана, то он прибег к хитрости: он решил устроить им засаду, а затем выступить против них во главе своих войск и делать вид, что бежит от них, но, когда выступит засада, повернуть против них. И предложил он это своим войскам. И устроил засаду, а затем встретился с ними, и они сразились. И сделал Марзбан и его войска вид, что они бегут перед ними. И русы погнались за ними и перешли место засады, но войска Марзбана продолжали бежать без оглядки.

«И я закричал на войска, — рассказывал Марзбан — чтобы они вернулись, но они не сделали этого из-за охватившего еще раньше их страха перед русами, и я убедился, что если войска будут продолжать бежать, то русы убьют большинство их, а затем возвратятся к засаде и, догадавшись, где она, перебьют всех до последнего, сидевших в ней. И я вернулся, — говорил он, — один, а за мной последовал мой брат и мой сахиб. Я решил умереть мучеником за веру; тогда большинство дейлемитов, устыдившись, повернули обратно, и мы сразились с ними и вызвали засаду условленными между нами знаками. И вышла засада сзади них, и мы мужественно сразились с ними и многих из них убили, в том числе и их эмира, а остальные бежали в городской замок, называемый Шахристаном, куда они перевезли до этого много провианта и взяли с собою пленных и имущество».

*Изображение Александра Македонского на стене дома в Помпеях.
Рисунок из книги А. Нечволодова*

И осадил их Марзбан и состязался с ними в терпении.

С наступлением зимы лишь небольшой отряд был оставлен биться с русами. И усилилась болезнь среди русов, и так как они зарывали вместе с умершим его оружие, то мусульмане извлекли из могил много его после ухода русов.

Затем русы ночью выступили из замка и понесли на своих спинах сколько пожелали денег и другого имущества. И направились они к Куре и сели на свои корабли и ушли, и так как войска Марзбана были не в силах преследовать их и отнять что бы то ни было, они их оставили, и Бог очистил страну от них».

О русах в Бердаа сообщает и ибн Мисхавейх: «Слышал я от очевидцев удивительный рассказ о храбрости росов и пренебрежении их к собравшимся против них мусульманам. Один из таких рассказов был распространен в той стране, и я слышал его от нескольких человек.

Пять русов собрались в одном из садов Бердаа, и среди них был один безбородый юноша, чистый лицом, сын одного из их вождей, и с ними несколько плененных женщин. Мусульмане узнали об этом и окружили сад. Собралось много дейлемитов и других, чтобы сразиться с этими пятью. Они стара-

лись хотя бы одного из них взять в плен, но не могли к ним подступиться, так как ни один из них не сдавался.

И не могли их убить до тех пор, пока они не прикончили в несколько раз больше мусульман. Последним оставался безбородый. И когда он понял, что его возьмут в плен, он взобрался на дерево, которое было рядом с ним, и не переставал наносить себе удары кинжалом в разные смертельные места, пока он не упал мертвым».

Для окончательного изгнания русов жителям пришлось обратиться за помощью к Александру Македонскому, как о том сообщает Низами Гянджеви.

Об Александре Македонском, завоевателе Вселенной, написано очень много. Были популярны эти истории и в России. Рукописи с рассказами о нем и его изображениями отнюдь не редкость. Книги о нем известны в русской литературе как «Александрия».

*«Нектанав в виде крокодила лобызает Олимпиаду на пиру».
Русский летописный свод XVI века*

О родителях его известно следующее: матью его была царица Олимпиада. Отец же его — греческий царь Филипп, но, как говорят, родила Олимпиада Александра не от мужа, а от египетского царя Нектонава, который являлся к ней в образе крокодила.

У Александра был любимый конь, по имени Букефал (то есть «Быкоголовый»). История этого коня такова. Однажды к Филиппу привели удивительного коня — Букефала (то есть коня с бычьей головой). И был этот конь людоедом (наподобие Минотавра), поэтому Филипп приказал сбрасывать ему осужденных на казнь преступников. И как-то раз, проходя мимо, увидел этого коня Александр, подошел к нему, конь же преклонился перед Александром, демонстрируя покорность. Запряг его Александр и начал объезжать коня, и подчинился конь беспрекословно. С тех пор Александр ездил только на этом коне¹. Затем, когда стал Александр правителем Греции после смерти Филиппа, ходил походами на многие страны.

На берегу Океана он убил Выргонь, змееволосога демона. В Средней Азии в степях воевал с кентаврами, в Индии встречался с безголовыми людьми, с птицеголовыми людьми, с псоглавцами.

А с Русью дружил, пока наши предки не нарушали его грамоты и не вторгались на его территорию.

В 945 году русы напали на Закавказье, захватив город Бердаа, этим они нарушили грамоту Александра, к нему за помощью против русов и обратились местные жители.

Вот что сообщает Низами Гянджеви, чьи слова приведем в пересказе.

Александр Македонский прибыл с войсками Китая и Армении, Йемена и Абхазии, Ирака и Ирана, Египта и Греции, Германии и Сирии. И вся эта масса воинов встала против от-

¹У Владимира Мономаха, рассказывают русские, был конь, ведший свой род, через длинный ряд поколений, от Александрова Букефала, который обыкновенно двигался опустив голову и развесив уши, когда же чувствовал, что на нем сидит его господин, то на глазах всех он, воспрянув духом, неся во весь опор, потрясая землю топотом своих копыт, и отважно стремился навстречу врагу. Кроме того, он, занимая почетное место в конюшне, выгонял других лошадей, кусая их и брыкаясь (Яков Рейтенфельс).

Букефал пред Александром. Рисунок из летописного свода XVI века

ряда русов, предводителем которого (после гибели Хельга-Ингваря) стал Кинтал, расположивший свои войска следующим образом: посредине он поставил русов, по правую руку — хазар, слева — буртас. Позади — аланов, а по крылам — весь. Как видим, все племена Хазарского каганата участвовали в бою. Начался бой поединками. Первым вышел Буртас, но был убит Хинди из Рея.

*«Увидав, как играют бойцы булавою,
бык небесный вопил над бойцов головою».*

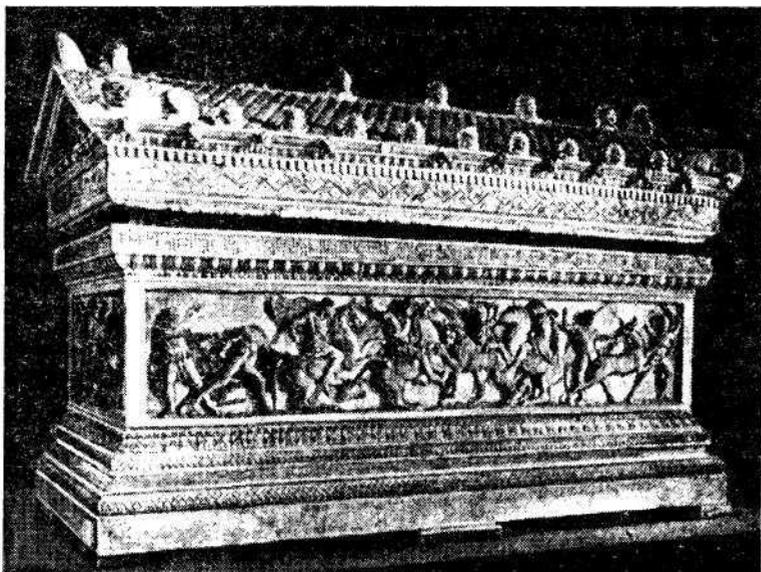
Я не буду пересказывать все рассказанное Низами Гянджеви в «Искандер-намэ», скажу только, что после упорных боев предводитель русов Кинтал был разгромлен и пленен, после чего отпущен при условии уплаты дани. Царица же Бер-

даа красавица Нушабе, взятая русами в плен, была освобождена Александром и возвратилась в свой город для его восстановления. После изгнания русов и разгрома отряда Кинтала Александр совершает поход на север за живой водой. По пути он на реке Волге строит две башни в тех местах, где река резко меняет направление течения. В этом походе он достиг Урала, где встретил народы Гога и Магога, против которых построил великую стену, сами же народы Урала загнал под землю.

Дойдя до Кенугардии (Страны Женщин), Александр увидел амазонок.

Из Кенугардии он отправился на Запад, но в Польше был встречен князем Лешеком Краковичем, воины которого смогли разбить уставшие войска Александра. А на пути в Рум умер и сам Завоеватель Мира. Узнав о смерти своего мужа, его жена Роксана взяла меч и заколола себя.

Так закончилась жизнь великого полководца, современника Святослава Игоревича. Но встретиться в бою им уже не пришлось. Разминулись как-то.

Саркофаг Александра. Фотография из книги «Мифы народов мира» (М., 1998)

Похоронен Александр в Сидоне, где до наших дней существует его саркофаг¹.

952 год — дата последнего упоминания о князе Игоре как о живом. В этом году Игорь послал для построения града Углича на Волгу некоего князя Яна, который город и поставил. «Игорь неверный аще... церквей видимых по градом ставити не позволяя».

События начала XI века описаны в «Саге об Ингваре Путешественнике».

Возмужав, Ингвар собирает отряд и получает от своего родича, шведского короля Олава Шётконунга (умершего, вероятно, в 1021 году), 30 оснащенных кораблей, на которых отправляется на восток в Гардарики (на Русь) и, в соответствии с традицией, принимается Ярицлейвом «с великой честью». Ингвар проводит на Руси три года и «ездит по всему Восточному государству». Узнав, что «три реки текут по Гардарики на восток, и самая большая та, которая находится посередине», он расспрашивает всех, куда течет эта река, и, не получив ответа, намеревается «выяснить, насколько длинна эта река».

Цель, приписываемая Ингвару автором саги, совершенно необычна для мотивировки похода викинга и не имеет параллелей в других сагах. Рунические надписи определяют ее иначе и значительно прозаичнее: «Они отважно уехали далеко за золотом и на востоке кормили орлов», то есть, как и других викингов, Ингвара привлекала на востоке возможность обогатиться. Вторая часть надписи указывает на многочисленные сражения, в которых участвовал его отряд. Очевидно, автор саги руководствовался какими-то особыми соображениями, предлагая крайне необычную цель похода Ингвара.

Далее Ингвар собирается в поход по этой «самой большой реке», протекающей по Гардарики. В повествовании о

¹ На самом деле саркофаг неизвестно чей, но, так как он действительно неплох, стали считать, что он мог принадлежать Александру. Потом слово «мог» было отброшено, и получилось, что саркофаг принадлежит самому Александру. Пустячок, но приятненько. Согласно же историческим фактам, Александр умер и похоронен в Александрии, в Египте. Но там нет саркофага.

сборах в поход обнаруживаются чрезвычайно интересные подробности.

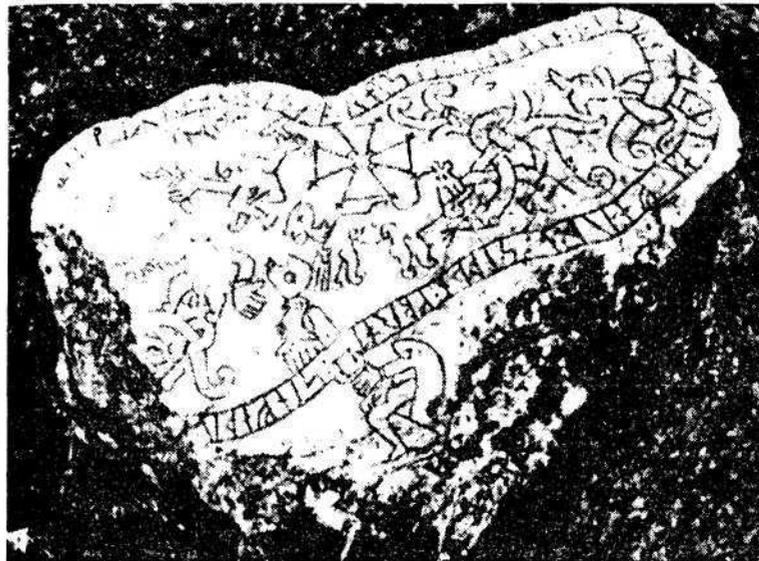
«Тогда Ингвар снарядился в путь из Гардарики и намеревался выяснить, насколько длинна эта река. Он попросил епископа освятить секиры и кремни. Называют четырех человек, поехавших с Ингваром: Хьяльмвиги и Соти, Кетиль, которого звали Гарда-Кетиль, он был исландец, и Вальдимар».

Особую проблему составляет маршрут Ингвара. «Самая большая река» Руси, занимающая срединное положение между двумя другими реками, — характеристика субъективная, которая может относиться к ряду рек, текущих в южном направлении. Названные в саге реки, по которым плыл Ингвар, и города, в которых он останавливался, не могут быть идентифицированы, а упоминание Красного моря как места впадения «самой большой реки» не имеет географического смысла, поскольку Красным морем в то время называли южную часть окружающего мир океана. В данном случае имелся в виду Каспий. Принципиально важным, вероятно, является не определение этой реки, а упоминание в заключительной части рассказа о возвращении викингов домой после смерти Ингвара: «И после того как они проплыли некоторое время, возникло несогласие о том, каким путем плыть, и они разделились, потому что ни один не хотел следовать за другим. Кетиль знал правильное направление и пришел в Гарды, а Вальдимар с одним кораблем достиг Миклагарда»¹.

Возможность попасть на корабле и в Константинополь, и в Новгород уже сама по себе говорит о том, что корабли на обратном пути поднялись по Волге до Волго-Донского волока и здесь разделились. Одни пошли на Дон и на Византию, другие — вверх по Волге, скажем, на Волок Дамский и в Новгород.

То, что наши путешественники посетили Прикаспийские земли, станет абсолютно понятно, если мы присмотримся к руническому камню с изображением верблюда. Где в России мог викинг видеть двугорбого верблюда?

При возвращении на родину варяги Вальдимара должны были воспользоваться волоком в том месте, где ныне Волго-

Рунический камень из Гёкстена. Рисунок из книги Е. А. Мельниковой «Скандинавские рунические надписи» (М., 2001)

дон, а варяги Ингвара могли воспользоваться, скажем, Волоком Дамским. В противном случае они должны были плавать не по Волге и Дону, а по карте XVI века. На ней Ока соединяет Волгу с Доном (путь на Царьград), а плывя вверх по Волге — на Витебск и в Западную Двину, далее в Балтику и на Новгород.

Так что либо плавание в Хорезм, либо вымысел географов XVI века. Решайте сами.

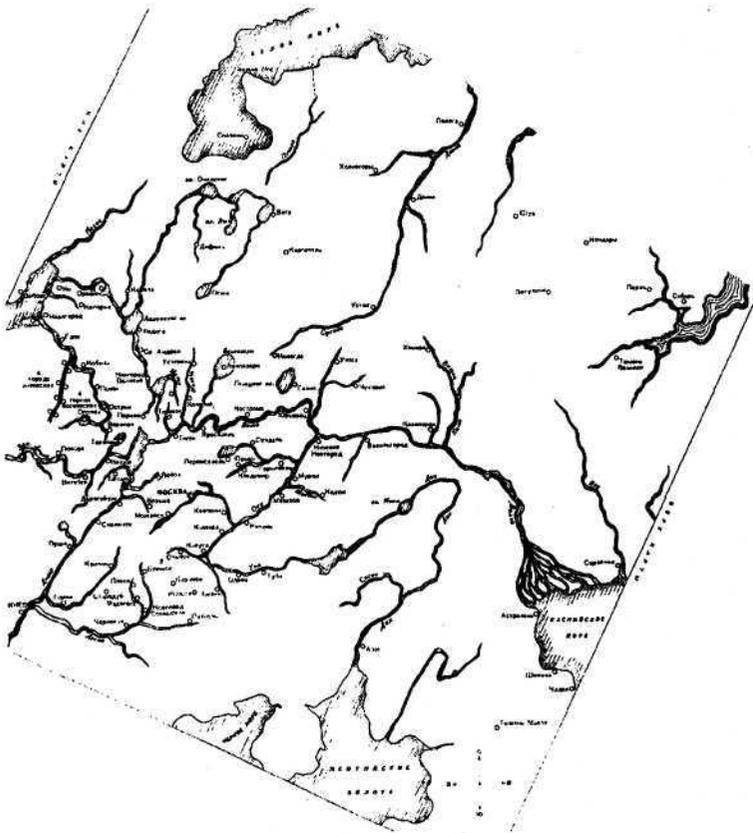
Историки же считают, что плавание происходило по Днепру. Из Новгорода? И притом, что при Ярославе Мудром Днепр был рекой неизвестной? Если это правда, то никакого пути из варяг в греки не было. Как принято говорить: без комментариев.

В 1041 году великий путешественник умер.

Судьба варягов Владимира и Ингвара, отправившихся в Царьград, была плачевна. В Царьграде они познакомились с «греческим огнем».

Сохранилось красочное описание «греческого огня» —

¹ Миклагардом скандинавы называли Константинополь.

Карта XVI века (из книги Herberstein S. Rerum Moscoviticarum Commentarii, 1556), на которой Дон соединен с Волгой рекой Окой, вытекающей из того же озера, что и Дон. Сама же Волга вытекает из одного озера с Днепром

специального устройства, устанавливаемого византийцами на кораблях, для метания горючей смеси, которая поджигала корабли противника: «...они увидели пять шевелящихся островов и поплыли к ним. Ингвар велел своим людям вооружиться... Вдруг один из островов подплыл к ним и начал забрасывать их градом камней; а они укрылись и стали стрелять. Но когда греки (нападавшие на Ингвара) обнаружили, что им не уступают, принялись они раздувать огонь горном в разожжен-

ной печи, и было от этого много шума. Также там стояла медная труба, и из нее вылетало большое пламя на один из кораблей. Через некоторое время он загорелся, так что все превратилось в золу».

«Греческий огонь» играл большую роль в морских победах византийцев и производил ошеломляющее впечатление на противника. Не раз встречались с ним и скандинавские наемники. Его описание в «Саге об Ингваре» — кстати, единственное в древнескандинавской литературе — основано, по всей вероятности, на впечатлениях очевидца. Однако трудно сказать, был ли очевидец участником похода Ингвара или какого-либо столкновения с византийцами. Данный эпизод не является сюжетообразующим, поэтому он мог быть легко включен в повествование на любом этапе его развития. Тем не менее присутствие в саге описания этой специфической реалии вполне уместно, лишь если речь идет о походе на Византию. Более того, если описание восходит к рассказам участников данного похода, то оно исконно присутствовало в устных рассказах о нем. Если же оно было заимствовано автором саги из каких-то других источников и включено им в повествование, то, вероятно, автор связывал поездку Ингвара с Византией, отчего и внес в текст византийскую реалию.

Возможно, именно из этой саги рассказ о «греческом огне» перешел в легенду о походе русского князя Игоря на Царьград.

О князе Ингваре «Сага о Стурлауге Трудолюбивом» сообщает.

Ингвар — конунг на востоке в Гардах, правит в Альдегьюборге (Ладогe) и считается мудрым человеком и большим хёвдингом. К его дочери Ингибьёрг сватается известный викинг Франмар. Не получив согласия, он уходит в Швецию, откуда вместе с конунгом Стурлаугом приходит снова в Гардарики. «Когда они пришли в страну, пошли они по земле, совершая грабежи, сжигая и паля везде, куда бы они ни шли по стране. Убивают людей и скот». Ингвар вступает в сражение и в результате трехдневного боя погибает от руки Стурлауга. Затем Стурлауг отдает в жены Фрамару Ингибьёрг и делает его правителем этой страны.

«Резким контрастом эпизодам, демонстрирующим победу истинной веры, выступает рассказ о походе Ода на Русь,

фактически завершающий повествование о странствиях героя. Сага сообщает, что, уже будучи обращенным в истинную веру, герой женится на дочери конунга Хольмгарда (Новгорода) и после его смерти становится номинальным властителем всей Руси. Однако в действительности Русью правит злейший враг Одда, викинг и колдун, а следовательно, язычник Эгмунд, наделенный от рождения сверхъестественными способностями. С девятью десятками кораблей Одд выступает против многочисленного вражеского войска, собранного колдуном со всей Руси, но победы не приходит. Не смог Одд выиграть бой, выйдя один на один с врагом. Силы противников равны. Язычник правит Русью, но, в конце концов, власть в стране переходит к христианину Одду и его потомкам.

Косвенное объяснение рассказа о языческом правлении на Руси мы находим здесь же в тексте. Одд, по хронологии саги, умирает через четыре года после начала правления в Норвегии Олава Трюггвасона, то есть около 999 года. Княжение Одда на Руси, таким образом, отнесено автором текста к концу X века¹.

Сам Ингвар умирает в 1041 году, спустя 26 лет после смерти Владимира.

Придется предположить, что наши летописи смешали сведения о разных Олегах и Игорях в одну кучу, из-за чего разобратся, какой из них когда и что совершал, весьма проблематично.

Что касается Хельги, то первоначально цикл песен о нем возник, вероятно, на территории Бранденбургской марки. Там около 600 года главную роль играла некая знатная жрица, Хельга. Для службы она выбирала себе помощника — Хельги, который становился правителем на определенный срок, по прошествии которого его приносили в жертву богам. И выбирался новый Хельги. Таким образом обеспечивалось вечное благосостояние народа. Так что у Ольги могло быть много Хельгов.

Адам Бременский слышал от датского короля Свейна Ульссона (1047—1076), что после 891 года, после разгрома скандинавов, правил Данией Хейлиго (Хельго) — человек, кото-

¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 549.

рого все любили за справедливость и святость. После него — Олаф, который пришел из Швеции, оружием покорив Датское королевство. Вероятно, после поражения последнего короля назначили Хельги, дабы упросить богов смилостивиться.

По «Саге о Стурлауге Трудолюбивом» Аки был хёвдингом (военным предводителем) в Упсале. Он хотел взять в жены дочь короля Упсалы Эйрика Сигрели (957—995). Однако получил отказ из-за незнатности рода. Девушку же отдали принцу из Гардарики. Когда молодые путешествовали из Швеции на родину принца, Аки из засады убил соперника и бежал с девушкой. У них родился сын — Эймунд Хрингсон (хрингр — кольцо), тот самый, что, помогая Ярославу, убил Бориса. Его сын и был Ингвар-Путешественник, совершивший поездку в Хорезм. Но... В XII веке Ингоря считали сыном шведского короля Эмунда (умершего в 1060 году) и внуком Олава Скаутконунга. Об Ингваре Эмундсоне свидетельствуют камни из Упланда и Сёдерманланда. На момент смерти Ингвару было около 25 лет.

Прицак считает, что Ингвар послан был своим дядей Ярославом в 1035 году в Хорезм в помощь своим союзникам огузам. Проведя в походе шесть лет, он, вероятно, погиб в кровавой битве под Асибом.

«Венецианская хроника» Иоанна Диякона (X—XI века) сообщает: «В это время народ норманнов на трехстах шестидесяти кораблях осмелился приблизиться к Константинополю. Но так как они никоим образом не могли нанести ущерб неприступному городу, они дерзко опустошили окрестности, перебив там большое множество народу, и так с триумфом возвратились восвояси».

Заметим кстати, что этот рассказ в деталях заметно отличается от основанной на византийских источниках «Повести временных лет», согласно которой «русский» флот состоял из двухсот кораблей, а поход окончился не «триумфом», а гибелью кораблей от бури.

Равным образом и у известного писателя и дипломата X века Лиудпранда, епископа Кремонского, в качестве посла дважды побывавшего в Константинополе в 949 и 968 годах, в подробном рассказе о походе киевского князя Игоря на столицу Византийской империи в 941 году читаем: «Ближе к северу

обитает некий народ, который греки по внешнему виду называют **русиями** (ученый Лиудпранд имеет в виду греческое слово «русиос» — «рыжий»), мы же по местонахождению именуем **норманнами**. Ведь на немецком языке «nord» означает «север», а «man» — человек; поэтому-то северных людей и можно назвать норманнами».

Лиудпранд был не только ловким политиком, но и талантливым писателем. В частности, он оставил отчет о своем посольстве в Константинополь в 968 году, полный язвительных выпадов против греков, но при том — неоценимый источник информации о внешней политике, дипломатической практике, церемониалам византийского двора. Процитированный фрагмент взят из другого, более раннего сочинения Лиудпранда, которое автор назвал по-гречески «Антаподосис», то есть «Возмездие», в нем отразились впечатления дипломата от посольства в Византию в 949 году. Пространное описание Лиудпрандом по воспоминаниям греков-очевидцев недавнего нападения «русского» флота на столицу Византийской империи представляет собой интересную параллель с рассказами об этом событии в древнерусских и византийских источниках и позднее (хотя и в сокращении) неоднократно заимствовалось другими западноевропейскими авторами, например французским хронистом начала XI века Сигебертом из Жамблу, откуда, в свою очередь, попало в ряд более поздних сочинений. Вот как выглядит у Лиудпранда продолжение приведенного выше фрагмента: «Королем этого народа (руси) был некто по имени Ингер (Inger), который, собрав тысячу и даже более того кораблей, явился к Константинополю. Император Роман¹, услышав об этом, терзался раздумьями, ибо весь его флот был отправлен против сарацинов и на защиту островов. Пока он пребывал в раздумьях, а Ингер разорял все побережье, Роману сообщили, что у него есть только 15 полуполоманных хеландий, брошенных владельцами вследствие их ветхости. Узнав об этом, он велел призвать к себе корабельных плотников и сказал им: «Поспешите и без промедления подготовьте оставшиеся хеландии, а огнеметные машины поставьте не только на носу, но и на корме, а сверх того — даже по бортам».

¹ Роман I Лакапин.

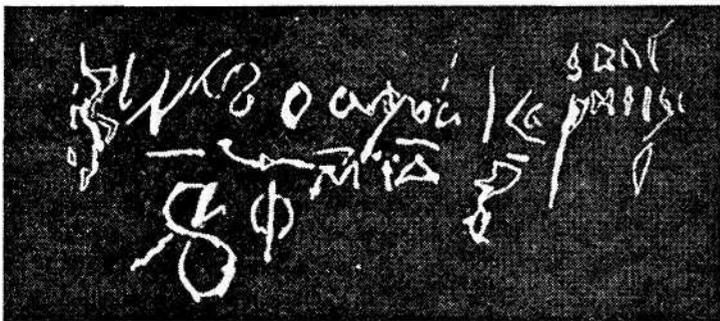
Когда хеландии по его приказу были таким образом подготовлены, он посадил на них опытнейших воинов и приказал им двинуться против короля Ингера. Завидев врагов, расположившихся в море, король Ингер повелел своему войску не убивать их, а взять живыми. И тогда милосердный и сострадательный Господь, который пожелал не просто защитить почитающих Его, поклоняющихся и молящихся Ему, но и даровать им победу, сделал так, что море стало спокойным и свободным от ветров — иначе грекам было бы неудобно стрелять огнем. Итак, расположившись посреди русского флота, они принялись метать вокруг себя огонь. Увидав такое, русские тут же стали бросаться с кораблей в море, предпочитая утонуть в волнах, нежели сгореть в пламени. Иные, обремененные панцирями и шлемами, шли на дно, и их больше не видели, некоторые же, державшиеся на плаву, сгорали даже посреди морских волн. В тот день не уцелел никто, кроме спасшихся бегством на берег. Однако корабли русских, будучи небольшими, отошли на мелководье, чего не могли сделать греческие хеландии из-за своей глубокой осадки. После этого Ингер в великом смятении ушел восвояси; победоносные же греки, ликуя, вернулись в Константинополь, ведя с собой многих оставшихся в живых русских пленных, которых Роман повелел всех обезглавить в присутствии моего отчима, посла короля Хуго (король Италии в 926—947 годах)».

Это рассказы о каком Ингоре и о скольких Ингорях? Ясно, что не об одном.

В том, что Ингорь связан с XI веком, нет ничего удивительного. Ведь Олег-Одд умер около 999 года.

В книге «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу» Ибн-Фадлан пишет о князе Игоре и его боярине Аскольде:

«На царе славян лежит дань, которую он платит царю хазар, от каждого дома в его государстве — шкуру соболя. И когда прибывает корабль из страны хазар в страну славян, то царь выезжает верхом и пересчитывает то, что в нем имеется, и берет из всего этого десятую часть. А когда прибывают русы или же другие из прочих племен с рабами, то царь, право же, выбирает для себя из каждого десятка голов одну голову. Сын Царя славян находится заложником у царя хазар. Еще прежде до царя хазар дошла весть о красоте дочери царя славян. Итак,

Греческая надпись из храма Софии Киевской, с датой 6540.
14 индикта. Это соответствует 1031—1032 годам
(то есть до официально принятого года закладки храма)

он (царь хазар) послал сватать ее, а царь славян привел доводы против него и отказал ему. Тогда тот отправил экспедицию и взял ее силою, хотя он иудей, а она мусульманка. Итак, она умерла, находясь у царя хазар. Тогда он послал, требуя во второй раз. И вот как только дошло это до царя славян, то он поспешил выдать ее замуж, и женился на ней (второй дочери) ради царя Аскал (вероятно, имеется в виду Аскольд русских летописей. — *Авт.*), человек из числа находившихся под его, царя, властью, так как он (царь славян) боялся, что царь хазар отнимет ее у него силой, как он сделал с ее сестрой. И вот, действительно, царь славян позвал секретаря, чтобы написать султану (халифу) и попросить его, чтобы он построил для него крепость, так как он боялся царя хазар.

Ибн-Фадлан сказал;

— Однажды я спросил его и сказал ему: «Государство твое обширно, и денежные средства твои изобильны, и доход твой многочислен, так почему же ты просил султана, чтобы он построил крепость на свои неограниченные средства?» Тогда он сказал мне: «Я увидел, что держава ислама стоит впереди других и что их денежные средства берутся каждым, кто управляет ими, и вот потому я и обратился с просьбой об этом. Если бы я действительно хотел построить крепость на свои средства, на серебро или золото, то нет для меня в этом трудности. И право же, я только хотел получить благословение от денег повелителя правоверных и просил его об этом».

Ибн-Фадлан написал это в 920 году.

Из этого следует, что один сын Игоря¹ находился в Итиле при дворе хазарского кагана, что каган был зятем Игоря, что Аскольд был подданным Игоря и тоже был его зятем и что семья Игоря исповедовала ислам.

Ошибочно считают, что мечеть не была достроена Игорем. На самом деле строительство было начато и завершено. Вероятнее всего, храм сей во имя Аллаха — София Киевская. Некоторые считают, что София заложена в 1036 году Ярославом Мудрым. Этому противоречат как языческие изображения IX века, так и греческие надписи, датированные периодом, предшествующим официальной дате закладки храма.

Ольга

Начнем рассказ об Ольге с официальной версии (по А. Нечволодову):

«За те обиды Руси, за которые князь Игорь не успел отомстить при своей жизни, и за позорную смерть его у древлян рано или поздно должна была также последовать суровая месть. С древлянами расправа произошла очень скоро.

В то время как Игорь был бесчеловечно растерзан древлянами, в Киеве оставалась его княгиня Ольга с малолетним сыном Святославом. Княгиню, и город, и всю землю вместо князя оберегал воевода Свеналд, а Святослава хранил кормилец его или дядька Асмолд.

Первое известие о смерти Игоря великая княгиня получила от древлянских же послов. Убив русского князя, древляне задумали совсем упразднить княжий род в Киеве и рассудили так: «Русского князя мы убили; возьмем его княгиню Ольгу в жены нашему князю; а Святослава тоже возьмем и сотворим с ним, как захотим».

И послали древляне в Киев сватов — 20 лучших мужей.

Придя в Киев к Ольге, послы ей сообщили: «Послала нас Древлянская земля и велела тебе сказать: мужа твоего убили за то, что был твой муж аки волк, хищник неправедный и гра-

¹ Святослав?

битель. А у нас князя добрые, не хищники и не грабители, распахали, обогатили нашу землю, как добрые пастухи. Пойди замуж за нашего князя».

«Приятно мне слушать вашу речь, — сказала Ольга, — уж мне моего Игоря не воскресить. Теперь идите в свои ладьи и отдохните. Завтра я пришлю за вами. Хочу вас почтить великой почестью перед своими людьми. Когда за вами пришлю, вы скажите слугам: не едем на конях, не едем и на возах, не хотим идти и пешком, несите нас в ладьях, и внесут вас в город на ладьях. Такова будет вам почесть. Таково я люблю вашего князя и вас».

Послы обрадовались и пошли к своим ладьям, пьяны-веселы, воздевая руки и восклицая: «Знаешь ли ты, наш князь, как мы здесь тебе всё уладили».

А Ольга тем временем велела выкопать на своем загородном теремном дворе вблизи самого терема великую и глубокую яму, в которую был насыпан горящий дубовый уголь. Наутро она села в терем и послала звать к себе гостей. «Зовет вас Ольга на любовь!» — сказали послам пришедшие киевляне. Послы всё исполнили, как было сказано: уселись в ладьях, развалившись и величаясь, и потребовали от киевлян, чтобы несли их прямо в ладьях. «Мы люди подневольные, — ответили киевляне, — князь наш убит, а княгиня хочет за вашего князя!» Подняли ладьи и торжественно понесли послов-сватов к княгинину терему. Сидя в ладьях, древлянские послы гордились и величались. Их принесли во двор княгини и побросали в горящую яму вместе с ладьями. «Хороша ли вам честь?» — воскликнула Ольга, приникши к яме. «Пуще нам Игоревой смерти», — застонали послы. Ольга велела засыпать их землей живых. Потом она послала к древлянам сказать так: «Если вы вправду просите меня за вашего князя, то присылайте еще послов, самых честнейших, чтобы могла идти отсюда с великой почестью, а без той почести люди киевские не пустят меня». Древляне со своим князем Малом избрали в новое посольство самых набольших мужей и отправили их в Киев.

Как пришли новые послы, Ольга велела их угощать, а затем и истопить баню. Вошли древляне в баню и начали мыться. Двери же за ними затворили и заперли; затем тут же от дверей зажгли баню; так они все и сгорели.

После того Ольга посылает к древлянам с вестью: «Пристройвайте — варите меды! Вот я уже иду к вам! Иду на могилу моего мужа; для людей поплачу над его гробом; для людей сотворю ему тризну, чтобы видел мой сын и киевляне, чтобы не осудили меня!» Древляне стали варить меды, а Ольга поднялась из Киева налегке, с малой дружиной. Придя к гробу мужа, она стала плакать, а поплавав, велела людям сыпать большую могилу. Когда могила была ссыпана в большой курган, княгиня устроила тризну. После того древляне, лучшие люди и вельможи, сели пить. Ольга приказала отрокам угощать и поить их вдоволь. Развеселившись, древляне вспомнили о своих послах. «А где же наша дружина, наши мужи, которых послали за тобою?» — спросили они у Ольги. «Идут за мной с дружиной моего мужа, приставлены беречь скарб», — ответила княгиня. Когда древляне упились как следует, княгиня велела отрокам пить на них, что значило пить чашу пополам за братство и любовь и за здоровье друг друга, от чего отказываться было невозможно; таков был обычай. Это также называлось перепивать друг друга. Когда древляне перепились вконец, то княгиня поспешила уйти с пира, приказав своим перебить всех древлян. Они были посечены, как трава; всего их погибло пять тысяч человек. Ольга же вернулась в Киев и стала готовить войско, чтобы истребить древлянскую силу до остатка.

В 946 году привела Ольга войска к городу Искоростеню, где был убит Игорь. Горожане знали, что пощады им не будет, и потому боролись крепко. Все лето простояла Ольга у стен города, но взять его не смогла.

Ольга же сказала им: «Что вы хотите досидеть? Все ваши города отдались мне, платят дань и свободно обрабатывают свои нивы и пахут землю, а вы хотите, видно, помереть голодом, что не идете в дань». — «Рады и мы платить дань, — отвечали горожане, — да ты хочешь мстить на нас смерть мужа». — «А я уже отомстила обиду мужа, — отвечала Ольга. — Во-первых, когда пришли ваши первые послы в Киев творить свадьбу, потом со вторыми послами и, наконец, когда правила мужу тризну. Теперь иду домой, в Киев. Больше мстить не хочу. Покоритесь и платите дань. Хочу умириться с вами. Буду собирать от вас дань легкую». — «Бери, княги-

ня, что желаешь, — отвечали древляне. — Рады давать медом и дорогими мехами». — «Вы обеднели в осаде, — говорит Ольга. — Нет у вас теперь ни меду, ни мехов; хочу взять от вас дань на жертву богам, а мне на излечение головной болезни — дайте от двора по три голубя и по три воробья».

Конечно, жители Искоростеня обрадовались такой легкой дани и прислали княгине птиц с поклоном. Ольга объявила, чтобы они жили теперь спокойно, так как наутро она отступает от города и пойдет в Киев. Услыхав такую весть, горожане обрадовались еще больше и разошлись по дворам спокойно спать. А между тем Ольга раздала ратным людям голубей и воробьев, велела к каждой птице привязать горячую серу с трупом, обернув в лоскут и завертев ниткой и, как станет смеркаться, выпустить всех птиц на волю. Птицы полетели в свои гнезда, голуби в голубятни, а воробьи под застрехи. Город в один час загорелся со всех сторон; в ужасе люди повыбежали за городские стены, но тут и началась с ними расправа: одних убивали, других забирали в рабство; старейшин всех забрали и сожгли.

После этого наложена была на древлян тяжелая дань: по две черных куницы и по две белки, кроме прочих мехов и меда, на каждый двор.

Вот как отомстила Ольга, как добрая и верная жена, за смерть своего мужа. И за эту жестокую месть, которую она совершила с такой хитростью и мудростью, народ прозвал свою княгиню умнейшей из людей.

Такова была язычница Ольга.

Показав себя мудрой в деле мщения за смерть Игоря, Ольга показала себя такой же мудрой и в делах управления Русской землей во время малолетства князя Святослава.

Вся княжеская деятельность Ольги тем особенно и прославляется, что она установила хозяйственный порядок по всей Русской земле. На другой же год после сожжения Искоростеня княгиня начала объезжать самолично всю Русскую землю вдоль и поперек; она устанавливала правила и порядок во всех земских делах, устраивала погосты, куда могли съезжаться гости для торговли, определяла оброки, назначала участки для ловли зверей и своей высокой справедливос-

тью и участливым отношением к нуждам народным приобрела большую любовь всей Русской земли.

Изыскивая и испытывая, что творилось в Русской земле, чем и как жила эта земля, объехавши всю эту землю из конца в конец, Ольга пришла, наконец, к великому решению — воспринять веру Христову. Для этого великая княгиня в 955 году решила сама совершить трудное и опасное путешествие в Царьград, где в это время царствовали императоры Роман и Константин Багрянородный.

Ольга присоединилась к обычному торговому каравану, взяв с собой шестнадцать знатных боярынь, своих родственниц, и восемнадцать придворных женщин, кроме прочих слуг.

По прибытии в Царьград нашего каравана судов подозрительные греки долго не пускали в город Ольгу и ее приближенных, пока не убедились в цели ее прибытия, и тем даже вызвали ее неудовольствие.

Наконец, 9 сентября, наша княгиня была торжественно принята царями в их великолепном дворце, который строился в течение шестисот лет, еще со времени святого равноапостольного императора Константина Великого.

Когда подъезжаешь к Царьграду от Черного моря, то видишь сначала в морской пролив Босфор, по обеим сторонам которого видны населенные берега. В конце Босфора направо длинный морской залив, называемый Золотой Рог. Высокий береговой угол между Босфором и Золотым Рогом и есть место Царьграда. Весь город стоит на семи холмах. Царский двор начинался тогда на самом берегу моря и шел все выше и выше в гору; палаты царские стояли на высоком холме, а против них — тоже на холме — дивный храм Святой Софии — Премудрости Господней. Кругом города, у самой воды, стояли каменные стены с четырехугольными башнями. Подъезжающим путникам из-за стен ближе всего на холме виднелись золотые царские палаты: подле них золотой дворцовый собор, а дальше — тоже палаты и церкви, церкви и палаты, и над ними всеми величественный храм Святой Софии с громадным куполом, как венец всего города. Зрелище было дивное.

Высадившись у входа в царский дворец, великая княгиня Ольга со своими спутниками вступила на великолепный двор,

вымощенный мрамором и другим дорогим камнем; на дворе этом стояли огромные, литые из меди статуи знаменнейших императоров и высокие столпы из мрамора.

Осмотрев все, княгиня вошла в царскую приемную палату, и императору были поднесены русские дары — дорогие собольи меха. Состоялась краткая беседа. И в тот же день состоялся и торжественный обед, на котором Ольге были поднесены дорогие подарки на золотом блюде.

По рассказу нашего летописца, один из греческих царей, восхищенный умом Ольги, сказал ей: «Подобает тебе царствовать в этом граде с нами». Но наша мудрая княгиня, уразумев, чего желает царь, ответила ему: «Я ведь язычница. Если хочешь, то крести меня сам, иначе не крещуся». Тогда царь поручил ее патриарху Полиевкту, который, наставив в учении Христовой веры, крестил ее вместе с царем, причем после крещения Полиевкт благословил ее словами: «Благословенна ты между женами русскими, что возлюбила свет и отвергла мрак; и будут тебя благословлять сыны русские до скончания их рода». Потом патриарх преподавал ей наставления о церковном уставе, о молитве, о посте, о милостыне, о чистоте телесной. Она стояла с наклоненной головой и внимательно слушала его, а затем промолвила: «Твоими молитвами да сохрани меня Господь от всякой неприязненной сети». После этого царь объявил ей, что хочет взять ее себе в жены. «Как же ты хочешь меня взять, ведь ты крестил меня и нарек дочерью, а у христиан такого закона нет», — ответила Ольга. «Перехитрила ты меня, Ольга!» — воскликнул на это недогадливый царь.

В воскресенье, 18 октября, Ольга вторично была торжественно принята царями и царицей, одарена подарками и стала собираться затем в Киев.

Прибыв в Киев, Ольга привезла с собой несколько умных священников и построила деревянный храм Святой Софии; он был украшен иконами, присланными ей патриархом. Вместе с Ольгой возвратились в Киев и ее спутницы, из которых многие, несомненно, тоже крестились со своей великой княгиней. Величие и чистота новой веры и христианская жизнь, виденные ими в Царьграде, конечно, произвели большой переворот в их душах. Они стали влиять на своих близких, что-

бы те оставили язычество и приняли крещение. Особенно старалась Ольга, чтобы ее сын Святослав принял христианство. Но Святослав отвечал на это матери: «Как я один приму новый закон; дружина моя будет смеяться надо мной!» И действительно, дружина его не только смеялась над переходившими в христианство, но иногда и грубо оскорбляла их. Все это глубоко огорчало великую княгиню.

После своего крещения великая княгиня прожила еще двенадцать лет, в течение которых посетила свою родину. Там, обозревая местность нынешнего Пскова и стоя на берегу реки Великой, где тогда был густой лес и многие дубравы, она увидела три светоносных луча, как бы падающих с неба на крутой противоположный берег. Равноапостольная княгиня водрузила крест на этом месте и предрекла, что здесь будет храм Святой Троицы и воздвигнется великий и славный город. На месте, где стояла великая княгиня, ныне устроена часовня, при которой имеется источник с целебной водой».

Дюрет в своей «Гистории о языке общем» на с. 846 пишет: «Игорь, сын Рюриков, женат был на Ольге, дочери князя Гостомысла, жившего в Гардорики». У Иоакима сказано: «Егда Игорь возмужа, жени его Олег, поят за него жену от Изборска, рода Гостомыслова, иже Прекраса нарицашеся, а Олег преименова ю и нарече во свое имя Ольга. Име же Игорь потом ины жены, но Ольгу мудрости ея ради паче иных чтяше».

Отсюда ясно, в молодости Ольгу звали Прекрасой Гостомысловной.

У Гостомысла, как известно, было три дочери — Прекраса, Умила и младшая, имя которой нам неизвестно. Годы рож-

Резанный на меди рисунок, изготовленный по повелению императрицы Екатерины Великой для начатой самой государыней «Общедоступной истории России». Рисунок из книги А. Нечволодова

дения сестер тоже неизвестны, однако ясно, что старшая дочь родилась раньше, чем остальные. Про младшую не знаем ничего, поэтому о ней говорить не будем. О средней же известно, что она была матерью Рюрика, князя Русского, родившегося около 780 года. Стало быть, мать его не могла родиться позднее 765 года. Где-то около этого года, но не позже, должна была родиться и старшая сестра — Прекраса.

Жила Прекраса в селе Выдубицком в Псковской области, где и произошло знакомство Ольги и Игоря. А дело было так: «Игорю же юну сушу, и бывшу ему в Псковской области... яко некогда ему утешающуся некими ловитвами («в неведении же раби его оставиша одинаго», — добавляет Новгородская летопись) и узре об ону страну реки лов желанный, и не бе ему возможно преити на ону страну реки, понеже не бяше ладийце, и призва пловущего ко берегу, и повеле себя превести за реку, и пловущим им возре на гребца онаго и позна, яко девица бе сия блаженная Ольга, вельми юна суша. ...И разгоряся желанием на ню, и некие глаголы глумлением претворяше к ней. Она же уразумевши глумления коварство, пресекая беседу неподобного его умышления, не юношеским, но старческим смыслом, поношая ему глаголаше: «Что всеу смущаешься, о Княже! срам претворяя ми, всякую неподобная во уме совещевая, студная словеса износиши; не прельщайся, видемя юну девицу и уединену, и о сем не надейся, яко не имаше одолети ми»... Ну и далее говорит она, что скорее утопится, чем окажется поруганной князем. Так сказано в рукописи Ундольского № 755, л. 13, и в рукописи ПБ F IV № 216, л. 338.

Сколько же лет было юной деве при встрече с князем? Считается, что встреча их произошла в 880 году. Ну еще бы ей не говорить «старческим смыслом», ведь ей 120 лет или около того! А если принять во внимание, что замуж за Игоря она выходит в 903 году (а по другим данным — в 913-м), то на момент свадьбы молодой будет то ли 150, то ли 140 лет. А Святослава, как утверждает «Повесть временных лет», она родит в 942 году, когда ей будет около 180 лет — факт, достойный Книги рекордов Гиннеса. Я уж не говорю про сказку о том, как в нее, двухсотлетнюю старуху, влюбляется византийский император, к тому же женатый, и просит ее руки.

Увы! Все это так невероятно, что эти сведения ни у кого не

могут вызвать доверия. Нет, Гостомысловной она никак не может быть!

Зачем же понадобилось делать ее Гостомысловной? А все очень просто. Не нравилась поздним летописцам правда — Ольга была дочерью половецкого тархана, «а половцы Закон Магометов держали...», как о том свидетельствует «Летопись Российского Царства». В церковных кругах происхождение Ольги от находившегося в селе Выдубицком половецкого семейства не было воспринято с подобающей радостью. И это-то как раз можно понять!

Но все же рукописи донесли до нас истину. «Женился князь Игорь во Плескове, поя за себя княжну, именованную Олгу, дщерь князя Тмутаракана Половецкого» (Рукописный Синописис Ундольского № 1110, л. 83 об. — 84). На момент замужества, как о том свидетельствует «Житие» святой Ольги, ей было около 20 лет. Если дату замужества принять за 903 год, а в 880-м она перевозила через реку Игоря, то ей все равно не меньше 30, да и тогда перевозчице придется дать лет семь. Не к младенцу же приставал с любовью наш князь!

В противовес сообщению о половецком происхождении Ольги, рукописи Ундольского № 656, л. 15 и РПБ, FIV № 239, л. 101 называют Ольгу дочерью Олега. А рукопись Ундольского № 755, л. 13 сообщает, что на самом деле она была «от языка варяжска». Вроде бы противоречия, но они прекрасно объяснимы, если мы посмотрим, кем же был сам Олег, наш великий князь.

А был он из варягов (норвежец) и служил хазарскому кагану, то есть «был половецким тарханом».

На границе Болгарии и Византии в 904 году был установлен памятник «во времена такого-то и такого-то правителя», одним из которых указан Феодор-Олег-Тракан, то есть тархан Олег.

В Радзивилловской летописи есть изображение похода Олега на Балканы — он нарисован в ладье под знаменем, на котором имеется арабская надпись... Вот для того, чтобы изобразить русскую историю от исламских корней, летописцам и понадобилось выдумывать «гостомысловщину».

Резюме: Наша Прекраса была дочерью тархана Олега, предводителя тысячи воинов, и по его имени прозвана Оль-

гою. Возможно, мать ее была из княжеского половецкого рода, наши князья не чурались свататься за ясынь и черкешенок, половчанок и гречанок, шведок и чехинь. В те времена национализм был не в моде. Как половчанка, она могла быть и мусульманкой. Однако на Руси она стала придерживаться местного обычая — языческого, более того, как указывают скандинавские источники, Ольга до самой смерти оставалась Верховной Жрицей, обладавшей силой Фитона, то есть она была пифией. Двоеверие — распространенное явление и тысячелетие спустя, что уж говорить о X веке? Но вернемся к рассказу. Почему Игорь женится на женщине, которой несколько более 30 лет? Для того времени дева в 20 лет — уже вековуха. Попробуем разобраться.

В 1885 году в Казани была издана книга муллы Шихаб-эд-дина ал-Марджани, в которой сообщается, что после Рюрика правила жена его Ольга, потом сын их Игорь, потом снова Ольга — жена Игоря. Либо было две Ольги, либо Ольга Олеговна, вдова Рюрика, вышла замуж за собственного сына. Если вы думаете, что это предположение невероятно, не спешите с выводами.

Возьмем текст Константина Багрянородного, но не советское издание, а вышедшее при царе-батюшке¹. Что же там издали царские сатрапы?

«Однодревки Внешней Руси, приходящие в Константинополь, идут из Немогарда, в котором сидел Святослав, брат Игоря, князя Руси».

Святослав — брат Игоря. А кем для матери является брат сына? Конечно же сыном! Но ведь Игорь муж ее! Муж и сын одновременно? А почему нет? Вот что пишет о наших предках в IX веке Эльдад га-Дани, сообщая об иудеях Хазарии: «Они разговаривают на святом (иврите), персидском и кедарском (тюркском) языках. Соседями их являются народы, поклоняющиеся огню и женящиеся на своих матерях, дочерях и сестрах».

Огню Сварожичу-то мы поклонялись, а вот признать простой факт истории (мало ли что могло происходить с нашими предками?) нам крайне неприятно — мы почему-то судим на-

ших предков со своей колокольни, а не с точки зрения их традиций, нравятся они нам или нет.

Логично, что сын как плоть отца (воплотившийся отец) может иметь те же самые права на жену (собственную мать), что и сам отец.

И все становится на место — Ольга Олеговна еще девочкой выходит замуж за Рюрика, овдовев, она становится правительницей, при ней всем распоряжается Олег — ее отец, уничтоживший всех остальных детей Рюрика, кроме Игоря, своего внука. Выросши, Игорь женится на матери ради власти. От Игоря Ольга родила (но не в 942 году, как принято считать, а в 920-м) Святослава, своего сыно-внука. В 942 году она от Святослава рождает Владимира-Святослава Красно Солнышко, при котором и умрет в глубокой старости, дряхлой старухой, которую на пиры будут выносить в кресле. Хоронить ее будет уже сыно-внуко-правнук. Такие традиции были и в Египте.

По некоторым сообщениям, Ольга побывала женою и самого Олега, но это может иметь отношение лишь к проблеме отцовства в отношении Игоря, но никак не может отразиться на самой Ольге. Поэтому это сообщение мы обходим с пониманием.

Однако продолжим.

«И по сем женися князь Игорь Рюрикович во Плескове, поя за себя княжну, именем Олгу, дщерь князя Тмутаракана Половецкаго. И нача Олг князь со Игорем веселитися, творяше пирования веселого много, и егда Олг князь на веселии рече боляром своим о себе, яко аз новый есмь царь Александр Македонский мудростию и храбростию надеяся обладати всем светом, да аще мог кто угонуть, от чего мне будет смерть, тогда бы тому много имения дал. И тогда прилучилися у Олга князя два мужа кудесника и рекоша к нему: то, господине, мы ведем гораздо, от чего тебе, княже, хошет смерть бы: есть, господине, у тебя любимыи конь твой, от того тебе будет смерть. Князь же Олег не полюби тои смерти и возвещая своим боляром на сих кудесниках и рече: послушайте вси, да скажу вам, како сии мужие прорекли мне смерть злую, яко от лучшего коня мне умрети. И по сем вопросы кудесников: и вам от чего будет смерть? Они же к нему рекоша: тебе, княже,

¹ Чтения ОИДР. 1899. Ч. 1. Гл. 9 (перевод Гавриила Ласкина).

от коня, а нам от тебя смерть будет. И рече князь Олг: «То будет по моей воли, и вас погубить не велю и на коне своем ездить не хошу, да не велю его водить перед себя». Да егда то будет, семь лет минется. На осмое лето на пиру воспомянул Олг князь конь свои любимый и вопросы конюшого своего о коне: «Где тот конь мои любимый, от котораго мне прорекри кудесники, что умрети мне от него?»

Рече же ко Олгу конюшеи его: «Господине княже, уже три года минулось, как тот конь твои любимы умре». Князь же о сем посмеявся не мало и рече кудесником: «Ту суть неправии ваши речи». И тако князь Олг повеле их обесити на древе, и са князь всед на конь и поиде з боляры своими, и ехавши ему путем, и обрете окрест града кость лежащу, главу коневу, и рече конюшеи ко Олгу князю: вот, господине княже, глава твоего любимаго коня. И князь нача смеяться и рече: «Брате мои и друже, и те кудесники осуждены на смерть за то, что мне от него прорекли смерть». И сам князь Олг сниде с коня своего и ступи ногою на лоб, на сухую главу коневу, и рече глумяся: се от тебе мне прорекли умрети! И выкинулася змия из главы тоя великая и тако ужали князя Олга за ногу, и оттого разболеша и умре. И тако людие начаша тужити о кудесниках, что их князь осуди без вины на смерть лютую»¹.

Женившись на матери, Игорь получает власть и начинает жить так, как положено князю, проводя время в войнах и пирушках. Все как у людей. Да вот беда — денег постоянно не хватает. Поэтому приходится заниматься грабежом. В один из таких грабительских походов древлянам-половцам надоело платить каждый раз все больше и больше, схватили они князя, перебив его сообщников, наклонили пару деревьев, привязали Игоря к макушкам и разорвали его на части, как сообщает Лев Диакон. Не повезло князю.

Несколько иные факты приводит Петр Петрей: «Имея большое расположение к войне, Игорь сделал смотр своему войску и двинулся с ним на Гераклею и Никомидию. Однако ж все его войско было разбито и прогнано, и он принужден был бежать в печенежскую землю. Там его тотчас узнали, и

князь этой земли Малдитто отрубил ему голову на месте, называемом Хоресто (Хорсово), где и похоронил его».

«И тако лбину князя Игоря оковавши древляне сребром и позлатиша и тако пияху и веселишася»¹.

И начала Ольга правление свое с того, что приняла под свою руку княжества Русское, Новгородское и Киевское. Но половецким древлянам отомстила за сына-мужа по полной программе.

Убив князя Игоря, половцы решили, что боги отвернулись от русских, потому послали к Ольге послов с предложением выйти за их князя Малдитта Нискиню, который как победитель имеет право на семью побежденного². Но Ольга советует им проявить гордость и прибыть к ней завтра «в ладье». Эту историю мы уже знаем — похоронит она их живьем в яме вместе с ладьей. А чтобы доброжелатели не смогли ничего сообщить половцам, поставила она вокруг города часовых, дабы не смогли жители Киева предупредить половцев о зловещих замыслах Ольги³.

Затем послала она за повторной делегацией, которую спалила в бане. Жестоко! Но, видать, таков был промысел Божий. После этого послала она опять людей к половцам, сказав, что уже идет к ним, но перед свадьбой хочет она справить тризну по умершему Игорю, потому приготовьте, мол, на его могилке мед-пиво да закуски разные. Половцы все это готовили, а Ольга, послав войска под командованием Святослава степью на конях, сама поплыла с небольшой свитой в ладье к Порогам, где ей был оказан почетный прием. Свою свиту она заставила служить виночерпиями на пиру, древляне изрядно подвыпили, тут подоспела и конница — что было дальше, можете представить себе сами.

Около 1000 человек окропили своей кровью могилу Игоря. Так гласят летописи. А Ольга, напоив могилу Игоря древ-

¹ Рукописный Синописис XVII века Ундольского № 1110, л. 84—85, а также рукопись Ундольского № 764, л. 83 об.

² Та же ситуация произойдет и с Редедей. Убив Редедю, русский князь заберет себе и семью побежденного, потомок которого — Ф. Ф. Ушаков — прославит российский флот.

³ Среди киевлян было много людей половецкого племени.

¹ Рукописный Синописис Ундольского № 1110, л. 83 об. — 84.

Ольга на могиле Игоря. Радзивилловская летопись

лянской кровью, возвратилась в Киев, где и жила благополучно до 955 года.

А теперь рассмотрим летописный рассказ о мести Ольги.

945 год. «И жила Ольга при Игоре в Киеве, до тех пор, пока не убили Игоря древляне. И, убив Игоря, послали в лодии 20 лучших мужей в Киев. «И присташа под Боричевом... И поведаша Олзе, яко древляне приидоша, и возва я Ольга к себе: «Добри гости приидоша». Древляне же ей рекоша: «Приидохом, княгини». И рече им Ольга: «Да глаголите, что ради приидосте семо?» Древляне же рекша: «Посла ны Деревская земля, а рекучи сице: мужа твоего убихом, бяше бо муж твой акы волк восхищия и грабя, а наши князи добри суть, иже разделали землю Деревьску, да поиди за князь наш Мал». Бе бо ему имя Мал, князю деревьскому. Рече же им Ольга: «Люба ми весть ваша, уже мне мужа своего не вьскесити; но хошу вы почитити заутра пред людьми своими, а ныне вы идите в лодию свою, и лязите в лодии величающеся, и аз по вы пошлю, и вы же рцете: не идем ни на конех ни пеши, но понесете в лодии; и вознесут вы в лодии. И отпустиша я в лодию. Ольга же повеле ископати яму велику и глубоку, на дворе теремском, вне града. И заутра Ольга, сядящи в тереме, посла по гости; и приидоша глаголюще: «Зовет вы Ольга на честь великую». Они же рекша: «Пеши не идем, ни на конех, но понесети ны в лодии».

Ркоша кияне: «Нам неволя; князь наш убиен, а княгини наша хошет за ваш князь». И понесоша их в лодии. Они же сядяху гордящися в перегах сустугах; и принесоша их на двор ко Олге, и несше вринуша их в яму и с лодиею. Приникши Ольга рече им: «Добра ли вы честь?» Они же рекше: «Пуще ны Игоре-ве смерти». И повеле засыпати их живых, и посыпаша я».

Тогда же не медля постави Ольга крепкие заставы, чтоб древлянам никто ведомости дать не мог, а к древлянам посла людей надежных.

И посла Ольга ко деревлянном, и рече им: «Да аще мя вы просите право, то прислете ми семо мужи нарочиты, да в велице чти пойду за вашего князя, ци да не пустять мя людие киевстии». Се слышавше древляне, и събрашеса нарочитых муж 50, иже держяху деревскую землю, и послаша по Олгу. Дервяном же пришедшим, повеле Ольга мовь сотворити, ркучи сице: «Взмывшеса приидите ко мне». Они же сътвориша мовь, и влезоша древляне начаша мытиса; и запроша с ними мовь, и повеле зажещи; и ту изгореша вси» (Софийская летопись, 102—103).

«И посла к древлянам, сице ркуче: «Се уже иду к вам, да пристроите меды многи у града, иде же убисте мужа моего, да плачуся над гробом его, и створю тризну князю своей». Они же то слышавше, свезоша меды многи зело, и възвариша. Ольга же поимше бояр мало, легко идуше прииде к гробу своего князя, и плакася по нем велиим плачем. И повеле Ольга над своим князем могилу съсыпати велику, и яко ссыпаша, повеле тризну творити» (Софийская летопись, 103).

«А сама еще посла ко деревлянном: едет княгини Непром в лодьях наших в землю вашу, и все изрядныи сретте меня на Непре реце в порогах; на том месте по муже своем сотворю память третину. А сама поедет по Непре реце в лодьях в велицей силе, а сына своего Святослава посла полем на конех с великим войском к порогам. Мужей лучших до тысячи, коими мужи вся земля их укреплена, и княгине Ольга повеле тех мужей всех честно упоити вином да заморскими разными питиями различными. И егда быша весели и возлегоша опочивати на повеселе, а Стослав княжич прииде с поля с великим войском, и побиша всех мужей 1000 древлян» (Рукопись СБ № 964, л. 56).

«Егда премудрая княгиня Ольга отмсти кровь мужа своего Игоря древляном, и тогда нача вопрошати града Коростеня жителей о теле мужа своего Игоря и о месте, где положено тело его. Они же ей поведаша место сокровенно, от всхода горы на право ко езеру тайник яко пять ступеней; в нем же положено тело великаго князя Игоря со множеством бесчисленнаго злата и сребра и жемчюгу и камня драгоценнаго во славу имени его, а последнему роду на счастье. Блаженная же Ольга по муже своем великом князе Игоре велми восплакася и положи все в забвение и не повеле ничесому коснуться от лежащих имении и назначи место, повеле камением устье затвердити и тако отиде в Киев и царствова благоденственно» (Выноска на поле в рукописной книге XVII века. РМ № 413, л. 154).

«А сама княгини Ольга нача пленити древлянскую землю и попленив и прииде под град их Колец и ста около его. Древляне же часто пресылашети ко княгине Ольге о миру добивати челом, дабы у них повелела княгине Ольга имати дань по вси лета по 300 златых с человека. И рекоша ко княгине: хошеши, госпожа, отомстити, что мы мужа твоего князя Игоря убили; и тебе, госпожа, своего мужа не поднати. Пойди, госпожа, взяв у нас дань, в землю свою во свой Киев. И рече княгиня тогда: «Аз вам отмстила мужа своего смерть, когда вы прислали ко мне в Киев мужей своих дважды и егда есми творила память тризну по мужу своем». И повеле княгиня Ольга Колец град разорити и князя их Мала повеле убити, и сама Ольга с сыном своим Стославом и со всем войском поиде в Киев с великою честию, и бысть радость велия по всей земли. И по сем княгиня Ольга с сыном своим Стославом ходиша на печенеги за Дон, и много пленив печенегов, и возвратившись здраво» (Рукопись СБ № 964, л. 56).

Пленит Ольга печенегов, ибо древляне — одно из их племен.

Стрыйковски приводит имя князя Мала — Нискиня. Як Длугош называет его «дукс Мискиня», то есть герцог Мискиня.

«Олга же, отмстивши смерть мужа своего, возложи на древляны дань, поиде в царствующий град Москву и тамо в лето 6463 (955) при царе Иване Зимиске, крестися». Приняв крешеное, Ольга «обходяше всю русьскую землю дани и уро-

кы льгькы уставляючи, и кумиры сокрушаючи, яко истинная ученица христовая...» (Пергаменный пролог XIV века, Типография Св. Синода, № 368).

В этот год направилась она в город Москву и там приняла святое крещение, став, как указывают летописи, христианкой. Святослав в это время не сидит на месте, разбойничает то в Хазарии, то в Болгарии. Не люб ему Киев, в котором правит властная Ольга. Владимир управляет Новгородом. Москвою правит Ян Вышатич, приятель Ольгин.

Крестившись, Ольга задумала совершить поход на Царьград — себя показать, людей посмотреть.

После крещения княгиня Ольга совершила поход на родину, сокрушая по пути идолов языческих.

Так был заложен город Плесков (Псков) на реке Пиискава, что по-фински означает «Смолистая река», то есть Смоленка.

«И помыслив княгиня Ольга поитти воевати ко Царю граду и собрав войско много словянского и древлян и печенегов, и поиде ко Царю граду. И цари греческие Михайло и Константин повеле Царь град затворити, и бися о граде крепко до седми лет. И на осмое лето начата цари ко княгине послы посылати и Ольге добивати челом о миру и рекоше ко княгине: возложи, госпожа, на нас дань велику и поиди от града прочь. И княгиня со цари греческими сотвори мир и возложи дань на них по летом...

И еще к ним Ольга рече лестию: да вы ныне скудны, греки, велми от моей войны, что стою под вашим градом семь лет в земле вашей своим войском; и яз у вас не хошу дани взяти за три лета со всей земли вашей, а слышали есми, что в вашей земли Царьградстей умножилось много голубей и воробьев, а в нашей земли нет тех птиц, и вы дан мне из Царя града по три голубя да по три воробья со всякого двора, и яз дани с вас за три лета не возму. Цари же цареградстии, сие слово слышав, и возрадовавшеся радостью великою: милостивая княгиня Ольга Русская. И много ее похвалиша, что не хошет у них дани взяти за три лета... а того они не ведают, что лстяше их княгиня Ольга тех хошет взяти мудростию своею Царь град. И в том часу граждане меж собою сотвориша совет и повелеша собрать вскоре по всему граду от всякого двора по три голубя да по три воробья и выслаша за град ко княгине Ольге»...

Что было дальше, мы знаем, привяжут к лапкам птиц зажатые трупы и отпустят их на вечерней зорьке. Полетят птицы в гнезда, и запылает весь город¹.

После сожжения Царьграда «посватался за Ольгу царь Михаил, занеже вдов беше». Сватовство должно было происходить в 962 году. Византийцы об этом факте тоже почему-то умалчивают.

Так закончится семилетняя осада Константинополя 955—962 годов — огромным пожаром, о котором из-за стыда за себя греки нигде никогда не обмолвились ни словом, как будто им вовсе неведома осада и гибель их собственной столицы.

Возвратившись на родину, решила Ольга навестить родные места, и отправилась она в Новгород к Владимиру, а по пути приказала поставить город Псков на том месте, где ей было видение. Придя в Новгород, она осталась при Владимире доживать свой век.

В 962 году по возвращении на родину Ольга вновь крестится, уже вместе с Яном Вышатичем.

Последние годы жизни нашей княгини описаны плохо. Приводим сведения из саг: «В то время правил в Гардарики конунг Вальдамар с великой славой. Так говорится, что его мать была пророчицей, и зовется это в книгах духом фитона, когда пророчествовали язычники. Многое случилось так, как она говорила. И была она тогда в преклонном возрасте. Таков был их обычай, что в первый вечер должны были приносить ее в кресле перед высоким сиденьем конунга.

И раньше чем люди начали пить, спрашивает конунг свою мать, не видит ли она какой-либо угрозы или урона, нависшего над его государством, или приближения какого-либо немирья или опасности, или покушения кого-либо на его владения. Она отвечает: «Не вижу я ничего такого, сын мой, что, я знала бы, могло принести вред тебе или твоему

¹ Подобный способ взятия городов позже применил Чингисхан: «Чингиз хан, обложив непокорный стан племени Джуршид, потребовал у осажденных небольшую дань — 10 000 ласточек и 1000 кошек. Привязав к каждой ласточке и к каждой кошке на хвост паклю, зажгли, ласточки полетели в свои гнезда, кошки бросились на свои крыши — и все запольхало» (Иванов В. С. Мы. Харбин, 1926).

государству, а равно и такого, что сугнуло бы твое счастье. Отнесите меня теперь прочь, поскольку я теперь не буду дальше говорить, и теперь уже довольно сказанного».

Преставилась Ольга, прожив 88 лет. Традиция указывает на 969 год, что противоречит вышесказанному. Указывается и другая дата — 967 год. Но надо поверить не «житию», а саге, и вот почему. «В лето 6482 рече Святослав ко Олге матери и ко бояром своим: «Не любо ми есть жити в Киеве...»

6482-й — это 973 год. Ольга жива, хоть церковь ее уже похоронила, ведь не к гробу же обращается Святослав. И на старости лет Ольга опять стала язычницей. Возможно, дату отказа от христианства Церковь и считает днем ее смерти — 11 июля 969 года.

Но тогда и гроб ее должен находиться не в церкви, а за ее пределами! Увы, он и был обнаружен вне церкви. Все так и должно было быть!

«Преставилась же блаженная Ольга, нареченна во святом крещении Елена, в лето 6477 месяца иула 11 день, на память святыя великомученика Евфимия, бывши в крещении лет 14» (Тверская летопись, 64—65).

«И плакахуся по ней людие плачем велиим, и погребоша ю христиане со иереи, якоже заповеда» (Густинская летопись, л. 246).

«На третий день после того она умерла и с большим торжеством была оплакана и погребена в городе Переславе» (Петр Петрей).

982 год. Согласно летописи, в этом году Олег заложил Киев. Тогда понятно, почему похоронили в Переяславе и почему в 998 году

Предполагаемые мощи святой Ольги, обнаруженные в саркофаге. Рисунок из книги А. Нечволодова

Греческая икона XIV века с ликом благоверной княгини Ольги. Рисунок из книги М. А. Оболенского «Несколько слов о первоначальной русской летописи» (М., 1870)

перенесли тело покойной в Киев — построили наконец-то и город и церковь.

«Кости же ея великий князь Владимир, внук ея, по крещении своем, за святые поднесе, и в святых число есть вписана чрез патриарха Сергия» (Рукописный Синописис Ундольского, № 1110, л. 90 об.).

«Самодержец Владимир с первосвятителем Леонтием, и с ними же собор священный и лик иноческий, и множество народа, и вси вкупе со иконами и кресты, и со свещами, и фимиамом торжественно шествие творяху со усердием до места, идеже бе погребено тело святое

блаженныя Ольги; и дошедше велеша окопати землю, и обретоша святую имушу уды по образу лежаща, и ничтоже от первого образа изменися, и ничем же неврежено, и бяше цело и со одежу. И благовейно касаются сим святым мощем, иже на то ученени. Равноапостольный же Владимир со архиереом и прочии с ним целоваша святыя сии мощи, от радости слез множество от очию испущающе... и преложена бысть в новую раку, и несоша ю в соборную церковь... и на уготовленное место славно и честно поставлена бысть честная рака с нетленными мощми блаженныя Ольги, от нея же многа чудеса и исцеления содевахуся благодатию Христовой. В пренесении в церковь и з положении во гроб, и в поставлении на

уготованном месте, и прочая пета, от них же едино да речется. Бяше над гробом ея оконце на стене церковной, и всем приходящим ко святым ея мощам, с верою само оконце отверзается, и явно зряху целы и нетленны лежаща святыя мощи блаженныя Ольги, светяхуся яко солнце, и яцем же кто недугом одержими бываху, ту исцеления получаху, и здравы отхожаху в дома своя...

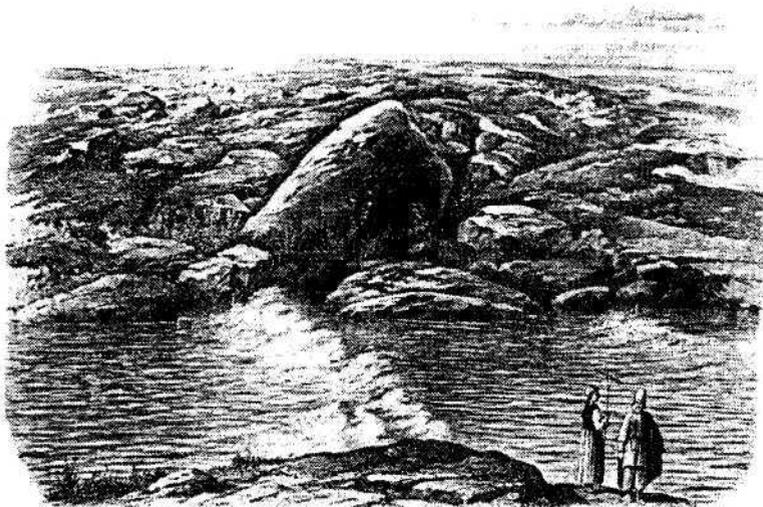
А иже кто с маловерием приходяй, и тем не отверзашеся само оконце то; аще же кто и в самую церковь внидет с таким малодушием, сумняся в сердце своем, и ничто же не увидит святых ея мощей, точию гроб един» (Степенная Книга, 1, с. 39—40).

Перенос гроба Ольги в соборную церковь Богоматери был в десятое лето по крещении Владимира. А было крещение, как указывают летописные источники, — то ли в 999, то ли в 1001 году.

На третий день после того как Ольга умерла и с большим почетом была оплакана, погребена была в городе Переславе,

Саркофаг (Десятинная церковь, Киев), который считался принадлежащим княгине Ольге. Ныне утерян

Ольгины Бани, место, где ушла под воду Ольгина церковь. Гравюра из книги «Древности Российского государства» (М., 1853)

как о том сообщает Петр Петрей. Около 1010 года останки Ольги были перенесены в Киев во вновь построенную церковь. Положены они были в деревянную раку с оконцем, чтобы все верующие могли видеть ее мощи, но видеть их могли лишь истинно верующие, сомневающимся гроб казался пустым. Говорят, в 1830 году обнаружен был каменный саркофаг с мощами Ольги, но затем сама Церковь отказалась от этого сообщения, ибо оно было продиктовано желанием верующих, но не истиной. Вот вкратце и вся история великой княгини Ольги.

У Титмара Мерзебургского, писавшего в 1018 году, имеется единственное в зарубежной литературе сведение о крещении Владимира и женитьбе его на Елене, то есть княгине Ольге, которую он называет греческой принцессой, но если «главное украшение Греции — Киев», то, стало быть, «украинской» принцессой: «Взяв из Греции жену по имени Елена, обрученную ранее за Оттона III, от которой последний был обманном образом отстранен, он (Владимир) по настоянию

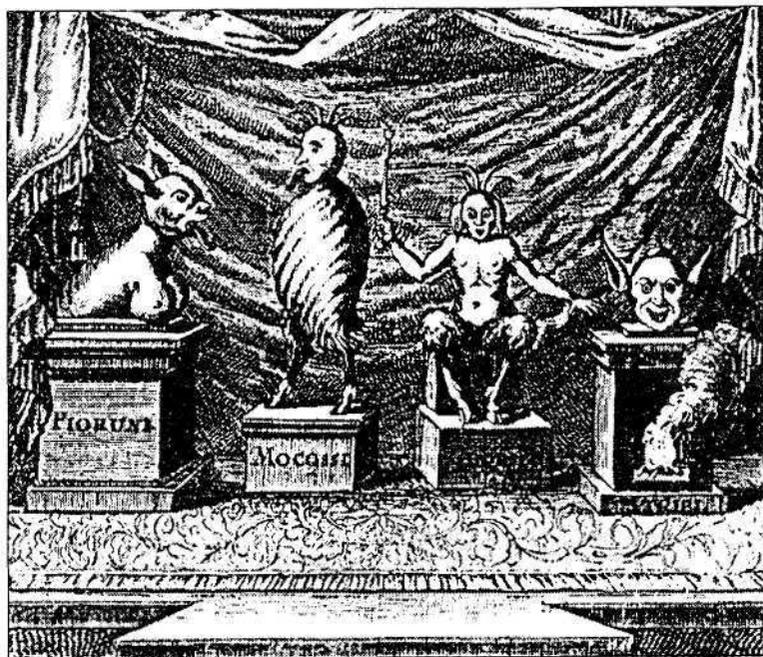
¹ Император Священной Римской империи.

жены принял христианскую веру, которую, однако, праведными делами не украсил. Это был величайший сластолюбец, человек жестокий, чинивший насилия слабым грекам»¹.

Интересна легенда о церкви княгини Ольги.

Вот что повествует народное предание. Когда святая Ольга построила себе церковь на краю отвесного утеса между Обручем и Житомиром и многие язычники, проникнутые святостью христианской веры, покинули древних своих богов и стали поклоняться Богу своей княгини, то эти боги, опасаясь лишиться со временем всех своих поклонников, решили положить конец дальнейшему распространению христианства и с этой целью вознамерились уничтожить семя, из которого оно так быстро развивалось, то есть Ольгину церковь. Исполнение этого дела, как и всякого другого злого замысла, было возложено на Чернобога. Чернобог, блуждая однажды по противоположному берегу и пылая яростью при виде ненавистного ему храма, оторвал от соседней скалы огромный кусок камня и мощной рукой бросил его через реку в церковь, надеясь разрушить ее одним ударом. Но всемогущий Бог отразил неминуемую опасность: огромный камень, не долетев до церкви, несколько ниже ее ударился в утес и глубоко врезался в него, образуя своеобразную кровлю над естественным уступом. Впрочем, неудача не охладила желания языческих богов снова испытать свое могущество. На этот раз все они соединились, чтобы общими силами исполнить задуманное: Перун (бог грома), Волос, Стрибог, Чернобог и прочие подведомственные им боги и духи, с громом, бурей и дождем, устремились на одинокую церковь, дружным ударом поколебали ее в основаниях и низринули с высоты утеса в пучину реки. В этом месте, по молве народной, река не имеет дна, и из глубины ее, в часы полночной тишины, нередко слышится запоздалому путнику то протяжный благовест колоколов, то стройный хор молебного пения.

¹ Превосходная подборка сведений о первых русских князьях была приведена Ф. Гиляровым в книге «Предания русской начальной летописи» (М., 1878). Так что и тут мы не открываем Америку.

Языческое святилище восточных славян. На рисунке Перун, Мокош, Хорс и Стрибог. Рисунок из книги Schleusing G.A. La religion ancienne et moderne de moscovites. Amsterdam, 1698

Похоже, подобная история произошла и на озере Светлояр.

Легенду Olga — regina Rugorum¹ приводит Саксон Грамматик:

«У датского короля Ингеллуса была сестра Хельга. За нее сватается норвежец Хельго. Но Ангантир с острова Сиаланд тоже посватался за Хельгу. Но сосватана она была за Хельга. Ангантир, предводитель берсерков, вызвал Хельга на дуэль, которая должна была свершиться после свадьбы. Хельга советует призвать на помощь Старкада (Силача Одда), так как Хельг опасался, что на него нападут все девять берсерков Ангантира. Хельго отправился в Швецию и пригласил Старкада.

¹ Ольга — правительница ругов.

Старкад охранял двери спальни, в которой спали Хельг и Хельга. На рассвете он увидел Хельга в объятиях жены, поэтому не стал будить его, сам отправился на бой. Получив 17 ранений, он все же победил противников. Затем возвратился к проснувшимся супругам».

Здесь явно Хельг — тот же персонаж, что и наш Игорь, а Силач Одд — наш Олег.

В русских летописях постоянно Олег и Игорь смешиваются, часто это одно и то же лицо, иногда же — разные люди. И, похоже, Олег мог быть отцом Хельга-Игоря.

959 год. «Продолжение Регинона» сообщает: «Послы Хелены, королевы ругов, крестившейся в Константинополе при императоре Константинопольском Романе, явившись к королю, притворно, как выяснилось впоследствии, поставить назначить их народу епископа и священников».

Н. М. Карамзин обнаружил следующие сведения об Ольге: «Одна из династических родственниц Отгона — Hroswita Helena von Rossow в монашеском чине побывала в Константинополе, где обучалась греческому языку, и она миссионерствовала на острове Рюген и приглашала туда миссионеров».

Но почему всякая Елена — это наша Ольга? А так хотим!

Хотя признать, что Ольга миссионерствовала на Рюгене, нашим историкам почему-то слабо.

«Король русский Владимир взял жену из Греции по имени Хелена, ранее просватанную за Оттона III, но коварным образом от него восхищенную. По ее настоянию он принял святую христианскую веру, которую добрыми делами не украсил, ибо был великим и жестоким распутником и чинил всякие насилия над слабыми данайцами» (Титмар).

Оттон III действительно сватался в 995 году к одной из византийских принцесс, но к Зое или к Феодоре — неизвестно.

Зато известно, что историческая Ольга действительно посещала Царьград, о чем сохранилось бесспорное свидетельство византийского императора Константина Багрянородного:

«Второй прием Ольги Русской

Девятого сентября, в среду, состоялся прием, во всем сходный с вышеописанными, по случаю прибытия Русской княгини Ольги. Княгиня вошла со своими родственницами княги-

нями и избраннейшими прислужницами, причем она шла впереди всех других женщин, а они в порядке следовали одна за другою; она остановилась на том месте, где логофет обычно предлагал вопросы. Позади ее вошли апокрисиарии Русских князей и торговые люди и стали внизу у завес; последующее совершилось подобно вышеописанному приему. Выйдя снова чрез сад, триклин кандидатов и тот триклин, в котором стоит балдахин и производятся магистры, княгиня прошла чрез онопод и Золотую руку, то есть портик Августея, и села там. Когда царь по обычному чину вошел во дворец, состоялся второй прием следующим образом. В триклине Юстиниана было поставлено возвышение, покрытое багряными шелковыми тканями, а на нем поставлен большой трон царя Феофила и сбоку царское золотое кресло. Два серебряных органа двух частей были поставлены внизу за двумя завесами, духовые инструменты были поставлены вне завес. Княгиня, приглашенная из Августея, прошла чрез апсиду, ипподром и внутренние переходы того же Августея и, вошедши, села в Скилах. Государыня воссела на вышеупомянутый трон, а невестка ее на кресло. Вошел весь кувуклий и препозитом и остиариями были введены ранги; ранг 1-й — зосты; ранг 2-й — жены магистров; ранг 3-й — жены патрикиев; ранг 4-й — жены протоспафариев служащих; ранг 5-й — прочие жены протоспафариев; ранг 6-й — жены спафарокандидатов; ранг 7-й — жены спафариев, страторов и кандидатов. Затем вошла княгиня, введенная препозитом и двумя остиариями, причем она шла впереди, а за нею следовали, как сказано выше, ее родственницы-княгини и избраннейшие из ее прислужниц. Ей был предложен препозитом вопрос от имени Августы, и затем она вошла и села в Скилах. Государыня, вставши с трона, прошла чрез лавсиак в трипетон, вошла в кенургий и чрез него в свою опочивальню. Затем княгиня со своими родственницами и прислужницами вошла чрез триклин Юстиниана, лавсиак и трипетон в кенургий и здесь остановилась для отдыха. Когда царь воссел с Августою и своими багрянородными детьми, княгиня была приглашена из триклина кенургия и, сев по приглашению царя, высказала ему то, что желала.

В тот же день состоялся званый обед в том же триклине Юстиниана. Государыня и невестка ее сели на вышеупомяну-

том троне, а княгиня стала сбоку. Когда стольником были введены по обычному чину княгини и сделали земной поклон, княгиня, немного наклонив голову на том месте, где стояла, села за отдельный стол с зостами по чину. На обеде присутствовали певчие церковью св. апостолов и св. Софии и пели царские славословия. Были также всякие сценические представления. В Золотой палате состоялся другой званый обед; там кушали все апокрисиарии Русских князей, люди и родственники княгини и торговые люди и получили: племянник ее 30 милиарисиев, 8 приближенных людей по 20 мил., 20 апокрисиариев по 12 мил., 43 торговых человека по 12 мил., священник Григорий 8 мил., люди Святослава по 5 мил., 6 людей (из свиты) апокрисиариев по 3 мил., переводчик княгини 15 мил. После того как царь встал из-за стола, был подан десерт в ариститирии, где был поставлен малый золотой стол, стоящий обыкновенно в пентапиргии, и на нем был поставлен десерт на блюдах, украшенных эмалью и дорогими камнями. И сели царь, царь Роман Багрянородный, багрянородные дети их, невестка и княгиня; и дано было княгине на золотом блюде с дорогими камнями 500 мил., шести приближенным женщинам ее по 20 мил. и 18 прислужницам по 8 мил.

Октября 18-го, в воскресенье, состоялся званый обед в Золотой палате, и сел царь с Русами, и опять был дан другой обед в пентакувуклий св. Павла, и села государыня с багрянородными детьми ее, невесткою и княгинею, и дано было княгине 200 мил., племяннику ее 20 милиарисиев, священнику Григорию 8 милиарисиев, 16 приближенным женщинам ее по 12 милиарисиев, 18 рабыням ее по 6 милиарисиев, 22 апокрисиариям по 12 милиарисиев, 44 купцам по 6 милиарисиев и двум переводчикам по 12 милиарисиев».

Итак, 9 сентября в среду состоялся прием по случаю прибытия русской княгини Ольги. Княгиня вошла со своими родственницами княгинями и избраннейшими прислужницами. Позади нее вошли представители русских князей и торговые люди и стали внизу, у завес.

С княгиней были ее племянник, священник Григорий, переводчик и остальная свита.

Все они получили достойные дары, как о том сообщает Константин Багрянородный.

Племянник — значит сын сестры или брата. Братьев у Ольги не было, по крайней мере, ни один источник об этом не сообщает. А сыновьями сестер, насколько известно из русских преданий, были Владимир Новгородский, убитый Рюриком, и сам Рюрик. Так кто же из них был с Ольгой во дворце константинопольского императора?

И Галл Аноним, и Козьма Пражский — древнейшие из дошедших до нас летописцев западных славян — мало что знают о своих странах ранее второй половины X века. Моравские же хроники не сохранились. Ими, однако, пользовались хронисты XIV—XV веков, и в позднейшее время сохранялись обильные предания о Святополковой и постсвятополковой Моравии. В конце XVIII века их попытался свести Х. Фризе в истории польской церкви раннего периода. Автор, правда, не делал различия между древнейшими источниками и сочинениями своих предшественников XVII века (вроде Матвея Претория — автора написанных в конце XVII века «Деяний готов»), но наличие определенной традиции само по себе представляет значительный интерес.

Х. Фризе приводит довольно обстоятельный рассказ о русском князе эпохи Игоря и Ольги. Звали этого князя Олегом, или Александром, и был он не кем иным, как сыном самого Олега Вещего. В этой версии Игорь значился племянником Олега, захватившего в 882 году Киев. После смерти князя Игорь изгнал своего двоюродного брата в Моравию, где последний в 940 году был провозглашен королем. После этого братья помирились и заключили даже союз. Олег ведет тяжелую борьбу против «гуннов», то есть венгров. Такое отождествление, между прочим, было обычно для X века. Видукинд Корвейский, писавший историю саксов около 967 года, тоже считал, что венгры — это те же авары, являющиеся потомками гуннов, вышедших, в свою очередь, из готов. В войнах Олега против гуннов в 945 и 947 годах на его стороне была и русская помощь. Тем не менее в битве на реке Мораве он потерпел поражение. В 948 году он пытался отобрать у гуннов Веллеград, но снова его ждала неудача. Король укрепился в Ольмоуце. Снова война в 949 году. Ряд побед. А затем поражение при Брюнне. Олег бежит в Польшу и просит помощи у Земислава, князя польского, а также у Игоря. Имени Земислава дру-

гие источники не знают. Но у Галла Анонима примерно в это время в Польше княжит отец Мешко Земомысл, причем приведенные в хронике сведения явно легендарного характера.

В 950 году против гуннов с большим войском выступил герцог баварский Генрих. Это сообщение подтверждается другими источниками. Воспользовавшись сложившейся обстановкой, Олег поднимается снова и ждет помощи от Игоря. Но приходит сообщение о гибели Игоря. В «Повести временных лет» смерть Игоря датирована 6453 годом, что по константинопольской эре должно было бы означать 945 год. Но многие известия летописи за X век даны не по константинопольской, а по какой-то иной эре, отличавшейся от константинопольской на четыре года. Гибель Игоря по этой эре надо датировать 949 годом, что близко дате нашего источника.

Не совсем понятно, почему Олег бегством в Польшу навлек нападение гуннов на хорватов. Видимо, речь идет о карпатских хорватах. Олег отправляется на Русь к Ольге, помогая ей усмирить неприятелей. Здесь на Руси Олег и умер в 967 году. Поскольку он был крещеным, Х. Фризе предполагает, что и к крещению Ольги, и к приглашению Адальберта Олег имел самое непосредственное отношение.

Следует еще раз подчеркнуть, что в распоряжении Фризе были недостоверные, легендарные источники моравского происхождения. Здесь, в частности, указывалась дата сохранения в Моравии славянского богослужения: до 1070 года. Были здесь также какие-то сведения о распространении кирилло-мефодиевской традиции на Польшу и западнорусские земли, хотя последнее может быть и осмыслением авторов XVII века. Из пересказа нельзя, однако, понять, где именно Олег сын Олега принял христианство, то есть относится ли и он к числу варягов-христиан или же был окрещен кем-то из учеников славянских просветителей (Кузьмин А. Падение Перуна. М., 1988).

Иоанн Скилица (XI век) сообщает об Ольге: «И жена некогда отправившегося в плавание против ромеев русского архонта, по имени Эльга, когда умер ее муж, прибыла в Константинополь. Крещеная и открыто сделавшая выбор в пользу истинной веры, она, удостоившись великой чести по этому выбору, вернулась домой».

Этот пассаж подтверждает ранний срок сотворения легенды — еще во времена Ярослава.

Надо только помнить, что наши историки спутали и смешали воедино двух княгинь: Олгу-Прекрасу и Хельгу-Росвиту, из-за чего и получилась невообразимая путаница. Однако эта путаница была вполне закономерна, ибо при помощи неважно каких сведений надо было доказать факт крещения княгини Ольги, вот и пришлось приписывать ей чужие дела.

Заодно уж приведем сведения Якова Рейтенфельса: «Особенно же славится громадными пещерами, искусственно ли или природою созданными — это не решено окончательно, гора, находящаяся на расстоянии полумиллиария от города, близ Печерского монастыря. Здесь находятся тела святой Елены, или Ольги, монаха святого Иоанна и других знаменитых людей, совершенно сохранившиеся и как бы поныне еще дышащие». Эти слова подтверждают то, что легенда складывалась постепенно и в окончательном виде предстала весьма поздно. Еще не нашли саркофаг святой Ольги, а тело ее уже хранится в пещере, как о том стало известно Рейтенфельсу. Хранится без всякого гроба. Лишь гораздо позже появятся раки с нетленными телами. Пока же — только тела с разной степенью сохранности.

В 958 году Ольга отправилась в Константинополь к императору Константину Львовичу. Там она возбудила благородную страсть к себе в Иоанне Цимисхие. Но, приняв от него крещение, остроумным отказом отклонила от себя цепи супружества.

Иоанн, Михаил, Константин. Именно эти три императора влюблялись в Ольгу, как уверяют нас разные русские летописи.

«Княгиня (Ольга) стремилась получить крещение именно из рук византийского патриарха и именно в столице империи — Константинополе, так как это повышало и ее престиж внутри Руси и за ее пределами» (История государства Российского. Жизнеописания / Под ред. С. Н. Синегулова. М., 1996).

Мне трудно представить себе повышение престижа княгини-христианки среди ее подданных-язычников. Но хватит об Ольге.

Святослав

Сначала приведем официальную версию истории Святослава по А. Нечволодову:

«В это время вырастал и мужал Святослав, еще с малых лет стал он делать княжеское дело. Четырехлетним малюткой он храбро повел свою дружину в бой с древлянами, чтобы отомстить за смерть отца, и первый бросил в них свое копьё. Первое дело его жизни был бой, и бой открытый, прямой, отважный и, по языческому обычаю, святой, так как он мстил за отца.

Оставшись после отца на четвертом году, Святослав был передан умной матерью из женских теремов на руки дядьки, а собственно, на руки дружины. Тогда водилось, чтобы в это время ребенку делались с большим торжеством постриги, торжественное стрижение первых волос, которое, как обычай, шло из далекой древности и могло заключаться в том, что голову кругом стригли под гребенку, оставляя заветный чуб на лбу, с которым всю жизнь и ходил Святослав. Тут же ребенка сажали на коня и справляли веселым пиром общую радость всей дружины. Дружина и заезжие гости, которые созывались на торжество, получали при этом богатые подарки золотыми и серебряными сосудами, дорогими мехами, паволоками, одеждами и особенно конями. Это было дружинное посвящение ребенка в князья, в ратники. Вот почему маленький Святослав выехал на древлян на коне: он был уже в постригах, в посвящении.

Конечно, при жизни отца он еще не скоро выбрался бы из-под опеки матери, но теперь он стал князем вполне. Он один был князем во всей Русской земле и потому должен был тотчас перейти на руки дружины, которая стала для него родным отцом, воспитателем и кормильцем.

Вот почему, как прямой сын дружины, Святослав и не поддавался на сторону матери, когда она уговаривала его принять христианство, тем более что все свое детство и молодость Святослав прожил не в Киеве, а в Новгороде, куда новгородцы выпросили его, так как не любили сидеть без князя, а известно, что именно в Новгороде еще со времен Аскольдовых была особенная ненависть к киевским христианам. Дружина Святослава была на диво подобрана: в ней были собраны бога-

тыри и храбрецы со всей Русской земли, безразлично к какому бы славянскому племени они ни принадлежали. Это были настоящие сыны своей великой Родины и преданные слуги и друзья своего князя. Сам Святослав ничем не отличал себя от своей дружины и заодно с ней переносил все труды и лишения походной жизни. Он не возил за собой повозок с разным добром, чтобы утешаться на отдыхе сладкой пищей, хорошим питьем или мягкой постелью. Он не брал с собой даже котла и не варил мяса, а, потоньше изрезав конину, зверину или говядину, жарил прямо на углях, быть может, на копье или мече, и так и ел. Он не возил с собой шатра, чтобы укрыться во время отдыха, но, расстелив на земле попону, в голову клал седло и отлично спал под открытым небом. Так же жила и вся его дружина. Вот почему, ведя многие войны, он со своей дружиной стремительно и легко переносился из одной страны в другую и потому без боязни посылал врагам сказать: «Хочу на вас идти».

Выросши и возмужав и собрав много храбрых, Святослав в 964 году направил первый свой поход на Волгу, где у хазар, буртасов и камских болгар изменнически погибла русская рать, возвращавшаяся в 914 году из похода по Каспию. Теперь внуки шли, по языческому обычаю, мстить за смерть своих дедов.

Выйдя на лодках из Киева по Десне, Святослав волоком перекатил свои суда в реку Оку, чтобы следовать по ней к Волге. По Оке жило в то время славянское племя вятичей, еще не приведенное под руку русского князя. «Кому дань даете?» — спросил их Святослав. «Хазарам дань платим», — отвечали вятичи¹. Святослав промолчал и поплыл дальше. Разумный князь понял, что невыгодно ему покорять вятичей и, тем возбудив их против себя, оставить в своем тылу, когда впереди на Волге было много дела; поход мог кончиться неудачей, а потому на обратном пути и выгоднее было встретить в вятичах друзей, а не врагов.

Этот первый поход Святослава продолжался более трех лет и был необыкновенно счастлив; после него, по словам

¹ Анахронизм в тексте. На Оке в X веке жили голядь и меря. Вятичи придут чуть позже.

арабских писателей, не осталось следа ни от камских болгар, ни от буртасов, ни от хазар. Святослав уничтожил главный город камских болгар — Болгары; разгромил хазарский Саркел, или Белую Вежу, на Дону, а затем, спустившись к югу, покорил воинственные племена ясов и касогов, жившие на Северном Кавказе в нынешней Кубанской области. Наконец, победоносный Святослав на обратном пути подчинил себе и вятичей и возложил на них дань. Огромную добычу привезла с собой в Киев и его храбрая дружина из своего далекого и славного похода на восток.

С тех пор богатая Волга уже перестает быть хазарской, или камско-болгарской, а начинает становиться чисто русской рекой.

Недолго сидел Святослав в Киеве. Вскоре по возвращении из его славного похода к нему прибыл посланный от греческого императора Никифора Фоки знатный вельможа и сын корсунского градоправителя по имени Калокир.

Калокир привез Святославу много драгоценнейших даров, в числе которых было 27 пудов чистого золота, и просил от имени императора помочь грекам против дунайских болгар. Дело в том, что греки при нескольких императорах платили из года в год дань болгарам. Когда же воцарился Никифор Фока и прославился своими победами над арабами, то ему показалось очень обидным платить дань болгарскому народу; поэтому когда болгарские послы прибыли в Царьград за ежегодной данью, то Никифор Фока в торжественном собрании всего двора велел их бить по щекам и всячески оскорблял на словах; затем он пошел войной на болгар, но вскоре, однако, увидел, что совладать с ними ему одному не под силу. Вот тогда он снарядил Калокира с богатыми дарами просить помощи русского князя. Передав Святославу поручение императора, Калокир, человек отважный и хитрый, увидел, какую грозную силу представляют русские, и понял, что с их помощью можно покорить не только болгар, но и достигнуть царского греческого престола. И вот Калокир начинает обдумывать дело совсем по-другому, нежели как приказывал ему царь Никифор. Он вознамерился сам заместить с помощью русских этого царя и овладеть Греческим царством; русскому же кня-

зю за ратную помощь в этом деле он предложил предоставить всю Болгарскую землю.

Смелое, отважное и великое предприятие было по душе нашему Святославу. Покорив Болгарию, он рассчитывал привести под единую русскую руку еще одно славное славянское племя.

В августе 967 года Святослав с шестьюдесятью тысячами храбрецов спустился обычным русским путем по Днепру в Черное море, а затем приблизился к Дунаю и, быстро высадившись на берег, смело напал на болгар. Те не выдержали, побежали и заперлись в крепости Доростоле, а болгарский царь Петр так огорчился этим неожиданным нападением русских, что у него отнялись руки и ноги.

Русские прошли по Дунаю, как и по Волге, страшной грозой и возвратились на зиму домой с неисчислимой добычей. На другой год, в 968 году, Святослав снова явился на Дунае и быстро, как барс, переносясь с одного места на другое, забрал восемьдесят болгарских городов и сам сел княжить в городе Переяславе на Дунае. Калокир остался при нем и продолжал строить свои козни против императора. Никифор увидел, что сделал большую ошибку, призвав против болгар русских, так как этим призыванием он нажил себе нового сильного соседа, гораздо более грозного, чем болгары. И вот, забыв свою гордость, Никифор послал послов мириться с болгарями, напоминая, что болгары такие же христиане, как и греки, а потому и должны жить вместе в дружбе и любви. При этом Никифор, в утверждение дружбы, просил болгар прислать невест царского рода для сыновей бывшего императора Романа. Болгары пошли, конечно, на мир и союз с греками с большой радостью.

Первым их делом против общего врага, русских, был подкуп печенегов, чтобы те напали на Киев и тем вызвали из Переяславца и самого Святослава.

Так и случилось.

Летом 968 года печенеги подкрались врасплох к Киеву и обступили его в огромнейшем количестве. В городе затворилась Ольга с тремя малолетними внуками. Дружина же, по какому-то случаю, находилась на той стороне Днепра и даже не ведала об опасности. В Киеве скоро пришлось очень кру-

то, и люди стали изнемогать от голода и жажды, так как достать воды из Днепра не было возможности. Надо было во что бы то ни стало уведомить дружину, стоявшую на том берегу; но как это было сделать, когда печенеги плотным кольцом окружили город?

Наконец один русский молодец нашелся. Молодец этот был мальчик, отрок, еще не вошедший в юношеский возраст. Умея отлично говорить по-печенежски, он незаметно перелез через городскую стену в поле с уздой в руках и затем смело стал расхаживать между печенегами и спрашивать всех, не видал ли кто его коня? Печенеги принимали его за одного из своих и старались помочь его беде. Таким путем он незаметно дошел до берега Днепра. Здесь он быстро скинул с себя одежду, бросился в реку и поплыл к тому берегу. Печенеги догадались об обмане, начали стрелять по нему, но не могли уже попасть — он был далеко, а русские с той стороны выехали ему навстречу в лодке и перевезли на другой берег. Он заявил им: «Если не подступите завтра к городу, то люди хотят сдаться печенегам». На это русский воевода по имени Претич сказал: «Подступим завтра в лодках, как-нибудь захватим княгиню с княжатами и умчим на эту сторону; а не то Святослав погубит нас, как воротится». Все согласились, а на другой день на рассвете, севши в лодки, громко затрубили в трубы; люди в городе радостно откликнулись им. Печенеги подумали, что пришел Святослав, и отбежали от города, а тем временем Ольга с внуками успели сесть в лодку и переехать на другой берег. Увидя это, печенежский князь просил свидания с воеводой Претичем. Они съехались вместе. Печенег спросил: «Кто это пришел?» Претич отвечал: «Люди с той стороны». — «А ты князь ли?» — спросил опять печенег. «Нет, я муж княжой, — сказал Претич, — и пришел в сторожах, а по мне идет полк с князем, бесчисленное множество войска». Тогда печенежский князь сказал воеводе: «Будь мне другом». Тот согласился. Оба подали друг другу руки и разменялись подарками; князь печенежский подарил Претичу коня, саблю, стрелы; Претич одарил его броней, щитом и мечом. После этого печенеги отступили от города, но стали так близко, что русским нельзя было коней напоить за городом.

Но все же таким образом, благодаря бесстрашию и наход-

чивости несравненного героя-отрока, город избежал гибельной сдачи. Бесконечно жаль, что в летописи не сохранено имя этого мужественного мальчика. Киевляне тотчас же послали сказать Святославу: «Ты, князь, чужой земли ищешь и чужую землю соблюдаешь, а от своей совсем отрекся. Чуть было нас не взяли печенеги вместе с матерью твоей и детьми! Если не придешь и не оборонишь нас, опять нас возьмут. Или тебе не жаль своей отчизны, своей старой матери и детей своих?» Услышав эти вести, Святослав немедленно сел с дружиной на коней, барсом перескочил с Дуная в Киев, расцеловал свою мать и детей и далеко прогнал печенегов.

Однако недолго оставался после этого Святослав со своими. Мирная жизнь в Киеве была ему не по нраву. Он постоянно помышлял о Болгарии. Там могло свиться одно могучее гнездо для Руси, там ожидали князя славные и великие дела.

Наконец, весной 969 года Святослав сказал матери и боярам: «Не люблю мне жить в Киеве. Хочу жить на Дунае, в Переяславце. Тот город есть середина моей земли. Туда ходится все добро: от греков золото, паволоки, вина, овощи различные; от чехов и венгров серебро и кони; от Руси — меха, воск, мед, челядь (то есть рабы)».

На это княгиня Ольга, изнемогавшая от старости и болезни, ответила сыну: «Видишь, я больна; куда ты хочешь от меня идти? Ты похорони меня, а там и иди, куда желаешь!» Спустя несколько дней она скончалась. Плакали по ней сын и внуки, плакали все люди великим плачем. Плакали по ней христиане, теряя твердую опору для своей жизни в Киеве; плакали и язычники, теряя в ней мудрейшую устроительницу Русской земли.

Перед смертью равноапостольная княгиня заповедала не справлять над ней языческой тризны и не насыпать кургана, а похоронить по христианскому обряду, что и совершил ее духовник. Кроме того, она послала деньги на поминовение души своей царьградскому патриарху. Святая Ольга была погребена близ Аскольдовой могилы. Ее мощи в малом каменном гробу, где она почивала, как спящая, были впоследствии положены у самого основания Десятинной церкви в Киеве.

Оплакав свою святую мать, Святослав собрался покинуть Русскую землю.

Он посадил в Киеве на княжество своего старшего сына Ярополка, которому было лет девять или десять, а другого — Олега — посадил у древлян.

Когда Святослав собрался уже отправиться в свой любимый Переяславец-Дунайский, к нему пришли новгородские люди просить себе князя, так как новгородцы, как мы уже видели, очень не любили быть без князя и управляться посадниками. «А если не пойдете к нам, то мы на стороне отыщем себе князя», — сказали новгородцы Святославу. «Только бы кто пошел к вам», — ответил Святослав и объявил новгородскую просьбу своим сыновьям. Ярополк и Олег отказались. Тогда Добрыня, посадник новгородский, надоумил новгородцев: «Просите Владимира!» Владимир был сын Святослава от Ольгиной ключницы Малуши, а Добрыня был братом Малуши и, стало быть, дядя Владимиру. «Отдай нам Владимира», — сказали тогда новгородцы Святославу. «Вот он вам!» — ответил Святослав, отдавая новгородцам малютку с рук на руки. Посадивши, таким образом, в Новгород князем своего младшего сына, Святослав помчался с дружиной к Дунаю, в свой Переяславец.

За его отсутствие дела здесь сильно переменялись. Болгары вошли в тесную дружбу с греками и успели не только обратнo овладеть своей страной, но и самим городом Переяславцем.

Когда появились на Дунае ладьи с воинами Святослава, болгары в огромном числе вышли из города, и началась жестокая сеча. Болгары сильно теснили русских и одолевали уже их со всех сторон. Видя это, Святослав воскликнул: «Здесь нам погибнуть! Потягнем же мужески братья и дружино!» После этих слов князя концы напрягли все силы и к вечеру одолели город, взявши его приступом. После этого Святослав, как всегда быстро совершая свои походы, опять, подобно прыгающему барсу, стал брать болгарские города один за другим и вскоре завладел и столицей — Великой Преславой, где захватил самого болгарского царя Бориса со всей семьей и двором. Затем, узнав, что всему виной были греки, он поднялся на них и приказал им объявить: «Хочу на вас идти, хочу взять ваш город, как взял болгарскую Преславу».

Получив это грозное объявление Святослава, царь Ники-

фор стал поспешно готовиться к отражению врага и укреплять Царьград. Он протянул даже через пролив железную цепь, чтобы русские не могли проникнуть и с моря. Во время этих приготовлений к войне со Святославом Никифор получил тяжелую весть, что войска его в Малой Азии разбиты арабами, а вслед за тем, совершенно неожиданно, в декабре 969 года он был коварно убит в своем же дворце.

Его убийцами были сама царица и воевода Иван Цимисхий, который после этого вступил на греческий престол. По своему происхождению Иван Цимисхий был армянин, и имя Цимисхий по-армянски значило «маленький». Однако, несмотря на свой малый рост, новый царь был замечательно искусным воином и при этом необыкновенно ловким и сильным человеком. Вступив на престол на 40-м году жизни, он сохранил еще полностью всю свою силу и не страшился кидаться один на целый неприятельский отряд, так как, обладая исполнинской силой в руках и ногах, он мог быстро побить множество врагов, а затем быстро же отбежать к своим. В прыганье, в игре мячом, в метании копий, в натягивании луков и в стрельбе он превосходил всех людей того времени. Поставив рядом четырех коней, он прыгал затем, как птица, и садился на самого последнего. Он так метко стрелял в цель, что мог попадать в отверстие кольца. Таков был Иван Цимисхий, с которым предстояло помериться теперь Святославу.

Верный своему слову взять Царьград, русский князь весной 970 года перешел Балканские горы, занял город Филиппополь и направился дальше, к Царьграду. Тогда Иван Цимисхий, видя наступление русских и получая известия об успехах арабов над его войсками в Малой Азии, а также и ввиду того, что во всем царстве третий год свирепствовал голод, решил, чтобы оттянуть время, искать со Святославом мира, а против арабов послал сильное войско.

Чтобы узнать, сколько у русских войска, греки послали сказать Святославу, что они не в силах бороться с ним и готовы уплатить дань на всю дружину по числу людей, почему и просят сказать, сколько у него счетом всего войска. Святослав понял их намерение и, чтобы скрыть свою малочисленность, сказал, что у него двадцать тысяч человек, когда на самом деле было всего только десять тысяч. Узнав число рус-

ских, греки дани не дали, а собрали стотысячное войско и вышли Святославу навстречу. Вражеские рати сошлись друг с другом у Адрианополя. Видя огромное превосходство в силах у греков, русская дружина пала духом. Но не пал духом доблестный Святослав. Перед боем он сказал своим воинам: «Уже нам некуда деться. Волей или неволей пришлось стать против греков. Так не посраим же земли Русской, ляжем тут костьми. Мертвым нет срама. Если победим, то осраим себя, но убежать не сможем. Станем же крепко, а я пойду перед вами. Если моя голова ляжет, то промышляйте о себе». — «Где твоя голова ляжет, там и мы свои головы сложим», — отвечала дружина своей великому князю. Затем русские построились к бою, и после жестокой сечи греки были обращены в полное бегство. Святослав же подошел к Царьграду, воюя и разбивая встречные города. Видя это, Иван Цимисхий собрал свою боярскую думу в царских палатах и сказал им: «Что нам делать? Нельзя бороться со Святославом». — «Пошли к нему дары, — отвечали бояре, — и испытаешь его, на что он больше польстится, на золото или на ткани дорогие». Цимисхий послал Святославу золото и ткани, а с ними мужа мудрого, которому наказал: «Смотри хорошенько ему в лицо».

Святославу объявили, что пришли греки с поклоном. Он велел их ввести; греки пришли, поклонились, разложили перед ним золото и ткани. Святослав, смотря по сторонам, сказал отрокам своим: «Спрячьте это». Послы возвратились к царю, который опять созвал бояр, и послы стали рассказывать: «Как пришли мы к нему и отдали дары, то он и не посмотрел на них, а велел спрятать». Тогда один боярин сказал царю: «Поиспытай-ка его еще, пошли ему другие дары». И вот послали Святославу меч и разное другое оружие; он его принял, стал хвалить, любоваться и велел передать поклон и благодарность Ивану Цимисхию.

Когда послы вернулись и рассказали об этом, то, подумавши, бояре держали такую речь царю: «Лют должен быть этот человек, что на богатство не смотрит, а оружию радуется; делать нечего — станем платить ему дань». После этого Цимисхий послал сказать Святославу: «Не ходи к Царю-городу, но возьми дани, сколько хочешь». И послал ему столько Дани, сколько он пожелал, причем Святослав брал и за уби-

тых, говоря: «Род их возьмет». Вероятно, в это время между ним и Цимисхием состоялось и личное свидание. Затем Святослав, взявши много даров, возвратился в Переяславец с большой честью.

Отвративши беду от Царьграда и заплативши большую дань Святославу, Цимисхий стал тотчас же готовить огромное войско, чтобы на этот раз наконец победить русских. Он поспешно вызвал свои полки из Малой Азии, где они воевали с арабами, а для охраны своей особы набрал себе полк отчаянных храбрецов, назвав их и сам полк «бессмертными».

Святослав тоже не дремал: к русской дружине он присоединил часть покоренных болгар, призвал на помощь печенегов и венгров и вновь прошел от Переяславца до Адрианополя, производя повсюду страшные опустошения, а затем возвратился к себе на Дунай.

Как только наступила весна 971 года, Иван Цимисхий, поднявши крестные знамена, изготовился в поход против русских. Прямо из дворца пошел он прежде всего молиться в храм Христа Спасителя, оттуда в славную церковь Софию, а затем и в храм Богоматери Влахернской, избавительницы Царьграда от нападений той же Руси.

Из Влахернского дворца император любовался на собранные в заливе огненосные суда, числом 300, смотрел искусное и стройное их плавание и примерное сражение и, наградив гребцов и воинов деньгами, повелел им идти на реку Дунай, чтобы запереть русским возвращение домой. Корабли поднимались по Дунаю, а император тем временем дошел до Адрианополя. Здесь он с радостью узнал, что о русских нигде не было слышно и что тесные и опасные горные проходы в Балканских горах, называемые мышками, были оставлены Святославом без внимания и защиты. Он быстро прошел эти опасные проходы со своим полком «бессмертных»; за ним следовало 15 000 пехоты и 13 000 конницы. Все же прочее огромное войско с обозами и осадными орудиями шло позади, не спеша.

Пройдя горные проходы, Цимисхий неожиданно напал на русский отряд, занимавший болгарскую столицу Преславу, где содержался пленный царь Борис с женой и двумя детьми, а также и известный грек Калокир, замышлявший при помощи Святослава овладеть царьградским престолом.

После жестокой битвы Цимисхий занял Преславу, а оставшиеся русские храбрецы, в числе семи тысяч человек, засели в крепком кремле. Калокир же ускакал в крепость Доростол на Дунае, чтобы предупредить Святослава, который находился там в это время.

Обласкав болгарского царя Бориса и обещав ему свою помощь против русских, Цимисхий стал водить свои войска на приступ, чтобы взять преславский кремль, где заперлись наши храбрецы.

Однако овладеть Русью в этом убежище не было никакой возможности; сам император лично пускался на приступ, но без успеха: греки падали у стен кремля, как снопы. Тогда Цимисхий велел со всех сторон поджечь кремль.

Чтобы не сгореть живыми, русские вышли в поле, отбиваясь до последнего, и полегли все семь тысяч; только воевода Сфенкел с малой дружиной пробил себе дорогу и ушел к Святославу.

Овладев Преславою, Цимисхий радостно отпраздновал здесь Светлый праздник, а к Святославу отправил пленных, рассказать что случилось, и объявил русскому князю, чтобы немедленно выбрал одно из двух: или с покорностью положил бы оружие и, попросив прощения в дерзости, сейчас же удалился бы из Болгарии, или готовился защищаться, чтобы принять конечную гибель.

Святослав, получив эти вести, решил помериться с Цимисхием у крепости Доростол. Доростол было то место на Дунае, где равноапостольный царь Константин увидал перед победой на небе крестное знаменье и слышал глас с неба: «Сим победиши». В память этого чуда он и основал крепость Доростол, прозываемую ныне Силистрией. Цимисхий двинулся через несколько дней к Доростолу и на пути забрал много болгарских городов, которые отлагались от Руси и сдавались ему беспрекословно. Тогда, чтобы остановить дальнейшую измену болгарского населения, Святослав захватил всех знатных родом и богатых болгар, числом до 300 человек, и велел им отрубить головы, а прочих в оковах запер в темницы.

Когда Цимисхий подошел к Доростолу, то Святослав вывел в поле всю свою ратную силу. Всего у него было только Шестьдесят тысяч человек; у императора же гораздо больше.

Сомкнув свои щиты и выставив копыя наподобие стены, русские встретили греков действительно как несокрушимая стена. Началась сильнейшая битва, и долго никто не мог осилить друг друга. Двенадцать раз победа была то на одной, то на другой стороне. Наконец император, распустив знамя империи, направился со своей конницей в тыл и в крыло русским; наши, не имея своей конницы, чтобы отразить греческую, не выдержали, отошли и затворились в городе. Греки пели победные песни и знатно угощались императором; но вместе с тем он поспешно укреплял свой лагерь валами и рвами, так как стал бояться нового нападения русских. Сделав один безуспешный приступ к городу, он стал поджидать для осады свои огненосные корабли. Как скоро эти страшные корабли показались на Дунае, греки подняли радостный крик. Тогда русские убрали свои ладьи поближе к городу и на другой день, с длинными, до самых ног, щитами и в кольчужных бронях, они снова вышли в поле перебиваться с греками. Опять долгое время победа была то на одной, то на другой стороне, пока один из греков не поразил копьем русского храброго великана, воеводу Сфенкела. Тогда наши заперлись опять в городе.

С прибытием огненосных лодок, запиравших выход к Дунаю, Святослав увидел, что надо сесть в крепкую осаду, и потому в ту же ночь укрепил город глубоким рвом. Но у русских недоставало главного — съестных припасов. Добывать их приходилось каким-нибудь отчаянным средством. И вот в одну темную ночь, когда лил сильнейший дождь, блистала страшная молния и гремели ужасные громы, 2000 русских садятся в свои однодревки и бесстрашно отправляются отыскивать себе хлеба. Они успели обшарить все хорошие места далеко по берегам реки и возвращались уже домой. В это время они заметили на одном берегу греческий обозный стан — людей, поивших коней, собиравших дрова и сено. Они бесшумно и быстро высадились из лодок, обошли греков через лес, внезапно разгромили их и с большой добычей вернулись в город. Весть об этом сильно поразила Цимисхия. Он объявил всем своим воеводам смертную казнь, если случится что-либо подобное впредь. С тех пор русские были окружены греками еще теснее; повсюду выкопаны были рвы и поставлена

стража на берегу реки, чтобы окончательно заморить Святослава голодом. Другого средства победить его греки не видели. Но, несмотря на такую тесную осаду, русские и не думали прятаться от греков, а постоянно делали внезапные вылазки, во время которых жестоко поражали их. При одной вылазке, когда русские очень старались истребить греческие осадные орудия, выехал на них сам воевода, близкий родственник царю, Иван Куркуй. Он был во хмелю, а потому скоро слетел с лошади. Богатое воинское убранство его, отделанное золотом, навело русских на мысль, что это царь Иван Цимисхий. Они бросились на него и мечами и секирами изрубили в мелкие части вместе с доспехами; отрубленную же голову вздернули на копье и поставили на башню, потешаясь, что закололи самого паря. Затем, ободренные этим делом, русские на другой день снова все вышли в поле и построились к битве. Греки двинулись на них всеми силами. Первый муж у русских после Святослава был храбрый воевода Икмор; он происходил из простых людей и достиг звания первого вельможи исключительно своей доблестью. Икмор с яростью врзался в густой ратный строй греков. Но один из греческих богатырей, Анемас, поразил русского исполина, отрубив ему голову вместе с правой рукой. И русские отступили.

После этого греки, обирая трупы павших русичей, были крайне поражены, найдя среди них много женщин, которые сражались в мужской одежде в рядах Святослава.

Как только после битвы этого дня наступила ночь и взошла луна, русские вышли в поле, собрали убитых к городской стене и сожгли их на кострах, заколов над ними, по языческому обычаю, много пленных и женщин. Затем, по рассказу греков, совершив эту кровавую жертву, они, также по языческому обычаю, погрузили в волны Дуная петухов и живых младенцев. Конечно, это были грудные дети тех матерей, которые погибли накануне в бою.

После этих обрядов и принесения жертв взошло солнце, и начался день. Святослав стал думать с дружиной, как быть и что предпринимать дальше? Одни советовали тихо, в глухую ночь, сесть на суда и спастись бегством. Другие говорили, что лучше просить у греков мира, так как уйти на ладях тайно от огненосных кораблей невозможно. Все в один голос со-

ветовали прекратить войну. Тогда славный Святослав, вздохнув от глубины сердца, сказал дружине: «Если мы теперь постыдно уступим грекам, то где же слава русского меча, без труда побеждавшего врагов; где слава русского имени, без пролития крови покорявшего целые страны? До этой поры русская сила была непобедима. Деда и отцы наши завещали нам храбрые дела! Станем крепко. Нет у нас в обычае спасать себя постыдным бегством. Или останемся живы и победим, или умрем со славой. Мертвые срама не знают, а убежавши от битвы, как покажемся людям на глаза?» Так говорил Святослав.

Храбрые воины его не могли устоять против этой речи, и все восторженно решили лечь костями за славу русского имени. Между тем ночь уже прошла, и стало светать.

24 июля 971 года рано на заре все русские вышли из Доростола и, чтобы никто не возвратился, заперли все городские ворота. Вскоре настала жестокая битва. День был необычайно знойным и душным. К полудню греки, томимые жаждой и изнывая от зноя, стали отступать; русские, хотя тоже страдали от жажды и зноя не менее греков, стали жестоко их преследовать и теснить. Тогда на помощь грекам явился сам Цимисхий со своими «бессмертными»; он ободрил свои войска и приказал привезти им воды и вина. После этого греки снова вступили в бой. Сражение, однако, долго шло равносильно: ни та, ни другая сторона не поддавались. Вот греки лукаво побежали. Русские бросились за ними. Но это была только хитрая уловка выманить наших в далекое поле. Затем произошла еще более ожесточенная схватка; в ней греческий воевода Феодор упал с коня. Обе рати бросились к нему. Русские хотели его убить, греки спасти. Воевода успешно защищал себя сам. Он схватил за пояс одного русского и, размахивая им перед собой наподобие легкого щитика, отражал удары копий и мечей. Наконец греки спасли своего героя, и оба воинства, не уступив друг другу, прекратили битву. Видя, что русских одолеть невозможно, Цимисхий задумал решить брань единоборством и послал Святославу вызов на поединок. «Лучше смертью одного прекратить борьбу, чем помалу губить и истреблять народ. Из нас двоих кто победит, тот пусть и останется обладателем всего», — передали Святославу от гречес-

кого царя. Но Святослав не принял вызова, ожидая какой-либо хитрости от коварного Цимисхия; он с презрением приказал ему ответить: «Я лучше своего врага знаю, что мне полезно. Если царю жизнь наскучила, то на свете есть бесчисленное множество других путей, приводящих к смерти. Пусть он избирает, какой ему угодно!»

После этого кровопролитное побоище возобновилось с новой яростью. Долго не видно было, кто останется победителем. Греческий богатырь Анемас, поразивший накануне нашего славного великана Икмора, напал теперь на самого Святослава, который с бешенством и яростью руководил своими полками. Разгорячив коня несколькими скачками в разные стороны, Анемас поскакал прямо на нашего великого князя и, поразив его в плечо, поверг на землю. Только кольчужная броня и щит спасли Святослава от смерти. Зато Анемас погиб тут же со своим конем под ударами русских копий и мечей. После этого в страшной ярости, с громкими и дикими криками русские бросились на греческие полки, которые наконец не выдержали необыкновенного натиска воинов Святослава и стали отступать. Тогда сам император с копьем в руке опять выехал со своими «бессмертными» навстречу бегущим грекам и остановил отступление. Загремели бубны, зазвучали трубы; греки вслед за царем оборотили коней и направились на русских.

Тут внезапно приблизилась с юга свирепая буря; поднялась пыль, полил дождь прямо в лицо русской рати, и кто-то на белом коне явился впереди греческих полков, ободряя их идти на врага, и чудесным образом рассекал и расстраивал ряды русских. Никто в греческом стане не видел этого воина ни прежде, ни после битвы. Его долго и напрасно искали по окончании боя, когда царь хотел его достойно наградить. Впоследствии распространилось мнение, что это был великомученик Феодор Стратилат, которого царь молил о защите и помощи, так как битва происходила в день празднования греками его памяти. Сказывали еще, что и в Царьграде в ночь накануне битвы некая девица, посвятившая себя Богу, видела во сне Богородицу, говорящую огненным воинам, ее сопровождавшим: «Призовите ко мне мученика Феодора». Воины тотчас привели храброго вооруженного юношу. Тогда Бого-

*Святослав. Рисунок из книги
А. Нечволодова*

мать сказала ему: «Феодор! Твой Иоанн (царь), воюющий со скифами, в крайних обстоятельствах; поспеши к нему на помощь; если опоздаешь, то он подвергнется опасности». Воин повинился и тотчас ушел. С тем вместе исчез и сон девы.

Предводимые верой в святое заступничество, греки одолели русских и оттеснили их до самой стены города. Сам Святослав, израненный и истекавший кровью, не остался бы жив, если б его не спасла наступившая ночь.

Несмотря на свою догадку и гнев о потере рати, Святослав понимал, что дело проиграно, а потому, желая сохранить остатки дружины, послал на другой день утром к царю условия о мире; условия эти заключались в следующем: русские отдадут грекам Доростол и возвратят пленных; совсем оставят Болгарию и возвратятся на своих судах домой, для чего греки беспрепятственно их пропускают. Затем греки позволяют свободно привозить к ним из Руси хлеб, а посылаемых в Царьград русских купцов считают, по старому обычаю, друзьями.

Цимисхий очень охотно принял предложение мира, так как считал, что неожиданно одержал победу над русскими только благодаря чуду, и послал на каждого из русской рати по две меры хлеба; всего получивших хлеб было двадцать две тысячи человек; таким образом, из шестидесятитысячной рати Святослава в боях под Доростолом погибло тридцать восемь тысяч храбрецов.

Святослав поплыл по морю в своих однодревках. Он хотел достичь Киева обычным путем, по Днепру, через пороги.

Свенельд советовал князю пойти степью на конях, но Святослав не послушался.

Печенегам же греками послано было сказать: «Вот идет Святослав домой в Русь с малой дружиной, взявши у греков многое богатство и налоги бесчисленные». Поэтому, когда Святослав подошел к порогам, то увидел, что они были уже заняты огромными полчищами печенегов. Пробриться сквозь них со слабыми силами было немыслимо, и Святослав решил зимовать на Днепре же, несколько пониже порогов, в Белобережье. Тут у русских не хватило хлеба, настал великий голод, и питались они, конечно, одной рыбой.

Весной следующего, 972 года Святослав все-таки пошел на пороги, где его ждал в засаде печенежский князь Куря, который напал на русских и перебил всю дружину вместе со Святославом. Спасся на конях и прибыл в Киев один только воевода Свеналд, несомненно отправленный Святославом раньше, чтобы собрать в Киеве дружину. Так погиб Святослав, самый воинственный из всех русских государей, на тридцать втором году от своего рождения, прокняживши двадцать восемь лет.

Убивший его печенежский князь Куря сделал из черепа его чашу, оковал ее золотом и пил из нее в память своей победы над великим русским князем».

Как видим из этого весьма пространного отрывка из книги А. Нечволодова, историк много знал о князе Святославе. Но приглядимся повнимательнее.

В самых восторженных тонах описано в летописях короткое княжение Святослава Игоревича.

Страницы, посвященные ему, являются не столько хроникой событий, сколько воспеванием доблести, рыцарства и мудрости молодого князя. Самостоятельное княжение Святослава начал в 964 году. Его отец погиб, согласно «Повести временных лет», в 945-м. Только не надо интересоваться, кто же привил Русью с 945 по 964 год.

Перед нами молодой витязь, спартанец, привыкший к суровому походному быту, пренебрегающий жизненными удобствами ради быстроты движения войска, благородно предупреждающий противника о своем нападении.

Перед сражением Святослав вдохновлял свое войско речами. Византийский историк X века Лев Диакон приводит одну из речей Святослава: «Итак, с храбростью предков наших и памятуя, что русская сила была до сего времени непобедима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спастись в отечество, но или жить победителями, или, совершив знаменитые подвиги, умереть со славой».

Святослав воевал в Хазарии, Болгарии и Византии. Некоторые историки обвиняют Святослава в излишней воинственности, безрассудной драчливости, характеризуя его как вождя бродячей дружины, постоянно ищущего добычи и славы, или называя походы его «военными авантюрами».

Протяженность Хазарского похода Святослава — около 6 тысяч километров. На его осуществление потребовалось около трех лет с зимовками на Волге и Северном Кавказе. В результате похода Хазарская империя была разгромлена и в 968 году навсегда исчезла с политической карты Европы (став русским Тмутараканским княжеством, населенным хазарами, адыгами и осетинами).

Расправившись с хазарами, Святослав переносит свое внимание на Балканы. Войска князя пересекли византийскую границу, и в течение нескольких лет борьба славян с империей шла с переменным успехом.

Последняя кровавая битва с Византией произошла у города Доростола на Дунае 20 июля 971 года. Войска Святослава понесли большие потери, но и враги не добились решительной победы. Начались переговоры о мире. Император стремился поразить славянского полководца великолепием византийского царского убора, но сам был поражен простотой одежды князя: «...в позлащенном вооружении, на коне приехал к берегу Истра, сопровождаемый великим отрядом всадников, блестящих доспехами. Святослав переезжал через реку на скифской ладье и, сидя за веслом, греб наравне с прочими без всякого различия».

Цимисхий, император византийский, как пишет Лев Диакон, охотно принял «условия россов», покинувших пределы империи на условиях почетного мира.

Однако на обратном пути, когда Святослав подошел к днепровским порогам, «напал на него Куря, князь печенеж-

кий, и убили Святослава, и взяли голову его и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из нее...».

Характеристика Святослава, основанная на воинском эпосе, содержится в «Повести временных лет»¹. Перед читателем возникает образ воина мужественного и благородного.

«В воинском эпосе Святослав предстает идеальным князем, он действует в нем зачастую не как реальная историческая личность, а как фольклорный образ, сложившийся в угоду певцу из дружинной среды. Это необходимо учитывать историкам при использовании отразившихся в летописи преданий и песен об этом князе», — замечает Н. Ф. Котляр. Он сопоставляет летописные известия о Святославе с легендами и эпосом.

Подобную цель преследует и А. А. Шайкин, с помощью летописи раскрывая яркую картину жизни князя. «Отношение к Святославу «Повести...» противоречиво. С одной стороны, он — дикий язычник, гордый и непокорный, а с другой — тонкий политик. Автор летописи отразил как положительные, так и отрицательные стороны характера Святослава, и поэтому цельного образа у Нестора не получилось. Так считают исследователи. Если читатель еще не проник в тайны древнерусской летописной истории, не погрузился в ее язык, то лучше обратиться к работам исследователей»².

Святослав родился, если верить «Повести временных лет», в 942 году одновременно со своим сыном Владимиром. В 945 году был предводителем конного войска при походе на древлян. В трехлетнем-то возрасте?

Однако этого не может быть! Не того, что он «участвовал», а того, что «родился одновременно с сыном». Я провел дополнительные исследования, и вот что получилось.

¹ Авторство «Повести временных лет» абсолютно незаслуженно приписывают монаху Нестору. Она, однако, идеологически противоречит взглядам самого Нестора. Да и время создания «Повести...» гораздо ближе к нам, чем жизнь самого «автора».

² Эту прекрасную цитату «исхитил» я из книги «История государства Российского» под редакцией С. Н. Синегубова (М., 1996). Прекрасно подобранный цитатник по русской истории. Правда, подборка там несколько тенденциозна.

Дано:

«Повесть временных лет» — рукопись, всеми уважаемая, посягать на которую — кощунство, называет дату рождения Святослава — 942 год. Сообщалось, что в 945 году, когда умер Игорь, Святославу было три года. Он участвовал в бою с древлянами — бросил в них копье, которое, скользя мимо ушей коня, упало коню под ноги. Ритуал был соблюден — князь «начал» битву. Этот факт мы оспаривать не имеем права.

В. Н. Татищев же называет другую дату рождения Святослава — 920 год.

Надо доказать, что дата 942 год — похожа на правду, но 920 год — дата еще более вероятная.

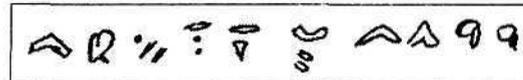
Итак, выберем дату, с которой согласны все: 15 июля 1015 года умер великий князь киевский Владимир Святославич. Титмар сообщает, что он умер, «отягченный годами». Летописец Переяславля Суздальского (Полное собрание русских летописей. Т. 41) уточняет число прожитых князем лет — 73.

У меня нет никаких оснований не доверять Титмару или летописям.

Отсюда выводим год рождения Владимира: $1015 - 73 = 942$.

Итак, дата 942 год абсолютно верна, но родился-то не Святослав Игоревич, а сын его Владимир Святославич. Притом Владимиром он мог быть назван позднее, когда стал князем, ведь это не имя, а звание — «владелец господин» — именно так надо переводить его имя: «Володимерь», а в младенчестве он вполне мог, а вероятно и имел, другое имя — по отцу. И вместе с отцом бросал ритуальное копье в бою — дабы привыкал быть князем.

А как же тогда Святослав? Прочтем внимательнее летописи. Ведь не могут же сын и отец быть одногодками! И надо вспомнить рассказ летописи о том, что в бою с древлянами в 945 году Святослав предводительствовал конным отрядом, ведя его на древлян степью, а затем, бросив копье, пробил под врагом коня насквозь (правда, это уже из другой летописи — Иоакимовой). Такие подвиги по плечу только возмужавшему бойцу, но не младенцу. В. Н. Татищев, ссылаясь на несохранившуюся Иоакимову летопись, приводит дату рождения Святослава — 920 год, и ему стоит поверить: если Святославу в 945 году было лет 25, он вполне мог водить воинов в походе

Печать Святослава [из книги В. Л. Янина «Актовые печати Древней Руси» (М., 1970)]. На ней надписи по-гречески: «СВИТЕСЛАОС» и по-русски «святославицей»: «СВИНТЕСЛАА». Так как на печати мы ясно видим католический крест, то, стало быть, эта печать принадлежит не язычнику Святославу Игоревичу, а его сыну — Святославу-Владимиру

ды и копье бросать профессионально. И все становится на место — понятно, почему один и тот же Святослав то младенец, то взрослый — да их два (отец и сын), и нет никаких противоречий между летописями — они говорят о разных Святославах — об Игоревиче и о Святославиче. Путаница оказалась не в летописях, а в наших головах!

Но вернемся к истории.

В 965 году Святослав заселил Киев ясами.

Ясы сохраняли свою культуру до XIV века. Это надо бы запомнить, а то многие думают, что в это время Киев был населен славянами.

971 год. Как сообщает В. Н. Татищев, Святослав убил в этом году Улеба за принятие христианства.

Святославу совершенно чужды интересы родной земли. Он любит войну ради войны. Он завоевывает, но не сохраняет. И он никогда не был князем киевским. Там то Ольга правит, то Владимир, Святославу же места в Киеве нет.

«Выросши и возмужав и собрав много храбрых, Святослав в 964 году направил первый свой поход на Волгу, где у хазар, буртасов и камских болгар изменнически погибла русская рать, возвращающаяся в 914 году из похода по Каспию. Теперь внуки шли, по языческому обычаю, мстить за смерть своих дедов» — так описывает это событие А. Нечволодов.

Полвека собирались мстить, вот что значит русское терпение.

Три года длится поход. Не осталось и следа ни от камских болгар (бедные чуваша, все погибли), ни от буртасов (с тех

пор не стало наших донских казаков), ни от хазар (стало быть, и гребенские казаки сгинули).

Святослав уничтожил города Болгары, Саркел (Белую Вежу), покорил осетинов и кабардинцев. А на обратном пути подчинил себе вятичей.

Вятичи — на Оке, ясы и касоги — южнее. Куда же вел «обратный путь»? Не в Киев же? Стало быть, либо в Москву, либо в Новгород.

В 968 году на Киев напали печенеги. В городе была Ольга с тремя «малолетними» внуками. Владимиру всего-то 26 лет — сущий юнец. А он был младшеньким!

Внешний вид Святослава: синеглазый, невысокий, коренастый, длинные усы, голова бритая, но на ней оселедец.

Ибн-Хаукаль сообщает, что в 358 году хиджры (969 год) город Булгар, подобно Хазарану, Итилю и Самандару, был совершенно разграблен русами, которые после этого отправились в страну Рум (Византию) и Испанию. Странно, но поход на Испанию наши историки почему-то постеснялись вписать в наши учебники. Наверное, из-за того, что Испания уж очень далеко.

В Испании был епископом славянский первоучитель Мефодий. «Мефодий отиде в Мораву и поставлен бысть епископом в Испании на стол святого апостола Андроника»¹. Там Мефодий в 906 году перевел на славянский язык Священное Писание: «В лето 12-е царствия Льва Премудрого бысть преложение книг, а до преложения книг от Адама 6414». Правда, никто до 1499 года никогда не видел ни одного перевода Библии на славянский. При этом все цитаты из Библии, приведенные в «Повести временных лет», к Библии отношения не имеют. Об этом писал еще академик Д. С. Лихачев².

Но вернемся к нашим князьям.

Пошли русские в Мораву и Испанию, потому что при Святославе Моравия и Лужица были русской территорией. Не

¹ Рукописная хроника XVI века, Ф. И. Буслаев, № 155.

² В 1999 году в Историческом музее Москвы проходила выставка, посвященная 500-летию первой славянской Библии. Стало быть, до 1499 года не существовало никакой славянской Библии. Правда, существовало Остромирово Евангелие. И это все!

просто русской, а исконно русской. «При Святославе Игоревиче русская епархия была частью Магдебургской митрополии»¹.

«Венеды поют славу Святославию, кают князя Игоря», — говорится в «Слове о полку Игореве». Поют славу — значит «величают, почитают». Кают — осуждают. Если бы они были не нами, то что им Святослав или Игорь?

978 год. Разгром печенегов. Но в другой раз Куря, князь печенежский и боссинский, предал Святослава смерти и сделал себе из его черепа чашу (то же самое проделал Крум, царь болгар, с головой императора Никифора), написав на ней: «Ищай чужаго свое погубляет».

Святослав погиб на пороге Неясыть — Aifort («Всегда стремительный»).

Напомним: из голов, казалось бы, разных персонажей — Игоря, Святослава и Никифора — сделаны были чаши, на которых даже надписи оказались одинаковыми.

А вот как описывает события тех лет Лев Диакон («История», кн. 6):

«8. Многими тревогами был волнуем дух императора Иоанна... угрожало ничего хорошего не предвещавшее нашествие росов...»

А с катархонтом войска росов, Сфендославом, он решил вести переговоры. И вот Иоанн отрядил к нему послов с требованием, чтобы он, получив обещанную императором Никифором за набег на мисян награду, удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору, покинув Мисию, которая принадлежит ромеям и издавна считается частью Македонии. Ибо говорят, что мисяне, отселившись от северных котрагов, хазаров и хунавов, покинули родные места и, бродя по Европе, захватили во времена правившего тогда ромеями Константина, называемого Погонатом, эту область и поселились в ней; по имени своего родоначальника Булгара страну стали именовать Булгарией.

9. Существует о них еще и другая история, примерно следующего содержания. Когда Леонтий отрезал нос императо-

¹ Древнейшие государства Восточной Европы, 1991. М., 1994. С 80.

ру ромеев Юстиниану и сослал его в Херсон, тот, изловчившись, бежал оттуда к Меотиде и склонил на свою сторону народ мисян, пообещав им большую награду, если они вернут ему власть. Мисяне последовали за Юстинианом и, когда он снова вступил на престол, получили от него область в той части Македонии, которую обтекает Истр. Они переселились туда и, будучи всегда воинственно настроенными, вторгались в пределы Фракии, наносили большой ущерб ромеям и уводили людей в рабство. Однако и ромеи выступали против них, а так как мисяне не могли устоять против отваги ромеев, они скрывались в лесных засадах и побеждали их в неудобных для сражения местах. С того времени произошло много битв, в которых погибли доблестные полководцы, и древний император Никифор тоже был убит мисянами, только Константин Копроним победил мисян, а вслед за ним — его внук Константин, сын императрицы Ирины, и уже в наше время император Иоанн покорил их города. История не сохранила упоминаний о ком-либо ином из ромеев, победившем мисян на их земле. Но довольно писать о них.

10. Сфендослав очень гордился своими победами над мисянами; он уже прочно овладел их страной и весь проникся варварской наглостью и спесью. Объятых ужасом испуганных мисян он умерщвлял с врожденной жестокостью: говорят, что, с бою взяв Филиппополь, он со свойственной ему бесчеловечной свирепостью посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей и тем самым смирил и обуздал всякое сопротивление и обеспечил покорность. Ромейским послан Сфендослав ответил надменно и дерзко: «Я уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу большую денежную дань и выкуп за все захваченные мною в ходе войны города и за всех пленных. Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию, а иначе пусть и не надеются на заключение мира с тавроскифами».

Император Иоанн, получив такой ответ от скифа, снова отправил к нему послов, поручив им передать следующее: «Мы верим в то, что провидение управляет вселенной, и исповедуем все христианские законы; поэтому мы считаем, что не должны сами разрушать доставшийся нам от отцов неосквернен-

ным и, благодаря споспешествованию Бога, непоколебимый мир. Вот почему мы настоятельно убеждаем и советуем вам, как друзьям, тотчас же, без промедления и отговорок, покинуть страну, которая вам отнюдь не принадлежит. Знайте, что, если вы не последуете сему доброму совету, не мы, а вы окажетесь нарушителями заключенного в давние времена мира. Пусть наш ответ не покажется вам дерзким; мы уповаем на бессмертного Бога — Христа: если вы сами не уйдете из страны, то мы изгоним вас из нее против вашей воли. Полагаю, ты не забыл о поражении отца твоего, Ингоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на десяти тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды. Не упоминаю я уж о его дальнейшей жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев, он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое. Я думаю, и ты не вернешься в свое отечество, если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя, — ты найдешь гибель здесь со всем своим войском, и ни один факелонец не прибудет в Скифию, чтобы возвестить о постигшей вас страшной участи».

Это послание рассердило Сфендослава, и он, охваченный жарким бешенством и безумием, послал такой ответ: «Я не вижу никакой необходимости для императора ромеев спешить к нам; пусть он не изнуряет свои силы на путешествие в сию страну — мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Византия и возведем вокруг города крепкие заслоны, а если он выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих, а мужи крови, которые оружием побеждают врага. Зря он по неразумию своему принимает росов за изнеженных баб и тщится запугать нас подобными угрозами, как грудных младенцев, которых устрашают всякими пугалами».

11. Получив известие об этих безумных речах, император решил незамедлительно со всем усердием готовиться к войне, дабы предупредить нашествие Сфендослава и преградить ему доступ к столице. Он тут же набрал отряд из храбрых и отважных мужей, назвал их «бессмертными» и приказал нахо-

даться при нем. Рассказывают, во время набега скифов на Фракию, когда Петру, несмотря на то что он был скопцом, случилось выступить со своим отрядом против них в битве, в промежуток между рядами выехал на коне вождь скифов, муж огромного роста, надежно защищенный панцирем, и, потрясая длинным копьем, стал вызывать желающего выступить против него; тогда Петр, преисполненный сверх ожиданий храбрости и отваги, мощно развернулся и с такой силой направил обеими руками копье в грудь скифа, что острие пронзило тело насквозь и вышло из спины; не смогла защитить великана кольчужная броня, и он, не издав ни звука, распростерся на земле, а скифы, пораженные необычным, удивительным зрелищем, обратились в бегство. Вот этим-то двум военачальникам император и приказал собрать войско и отправиться в близлежащие и пограничные с Мисией земли. Они получили повеление провести там зиму, упражняя воинов и объезжая страну, чтобы она не потерпела никакого вреда от скифских набегов. Было также предписано посылать по бивуакам и занятым врагами областям переодетых в скифское платье, владеющих обоими языками людей, чтобы они узнавали о намерениях неприятеля и сообщали о них затем императору. Получив такие приказания от государя, военачальники вступают в Европу.

12. Узнав о походе ромеев, тавроскифы отделили от своего войска одну часть, присоединили к ней большое число гуннов и мисян и отправили их против ромеев. Как только магистр Варда, который всегда был мужем доблестным и решительным, а в то время особенно пламенел гневом и страстной отвагой, узнал о нападении врагов, он собрал вокруг себя отряд отборных воинов и спешно выступил на битву; позвав Иоанна Алакаса, он послал его в разведку с поручением осмотреть войско скифов, разузнать их численность, место, на котором они расположились, а также чем они заняты. Все эти сведения Иоанн должен был как можно скорее прислать ему, чтобы он мог подготовить и выстроить воинов для сражения.

Иоанн с отборными всадниками быстро прискакал к лагерю скифов; на следующий день он отрядил воина к магистру, убеждая его прибыть со всем войском, так как скифы расположились невдалеке, очень близко. Услышав это известие,

Варда разделил фалангу на три части и одной из них приказал следовать прямо за ним в центре, а двум другим — скрыться в стороне, в лесах, и выскочить из засады, как только они услышат трубный звук, призывающий к бою. Отдав эти распоряжения лохагам, он устремился прямо на скифов.

Завязалась горячая битва, вражеское войско значительно превосходило своим числом войско ромеев — у них было больше тридцати тысяч, а у магистра, считая вместе с теми, которые расположились в засаде, не более десяти тысяч. Уже шло сражение, и с обеих сторон гибли храбрейшие воины. И тут, говорят, какой-то скиф, кичась своей силой и могучестью тела, вырвался вперед из окружавшей его фаланги всадников, подскочил к Варде и ударил его мечом по шлему. Но удар был неудачным: лезвие меча, ударившись о твердь шлема, согнулось и соскользнуло в сторону. Тогда патрикий Константин, брат Варды, юноша, у которого едва пробивался пушок на подбородке, но который был огромного роста и непобедимой, непреодолимой силы, извлек меч и набросился на скифа. Тот устранился натиска Константина и уклонился от удара, откинувшись на круп лошади. Удар пришелся по шее коня, и голова его отлетела в сторону; скиф же рухнул вместе с конем на землю и был заколот Константином.

13. Так как успех битвы склонялся то в пользу одного, то в пользу другого войска и непостоянство счастья переходило бесперечь с одной стороны на другую, Варда приказал трубить военный сбор и часто бить в тимпаны. По сему знаку поднялась спрятанная в засаде фаланга и устремилась на скифов с тыла: охваченные страхом, они стали склоняться к бегству. Однако в то время, когда отступление еще только началось, какой-то знатный скиф, превосходивший прочих воинов большим ростом и блеском доспехов, двигаясь по пространству между двумя войсками, стал возбуждать в своих соратниках мужество. К нему подскочил Варда Склир и так ударил его по голове, что меч проник до пояса; шлем не мог защитить скифа, панцирь не выдержал силы руки и разящего действия меча. Тот свалился на землю, разрубленный надвое; ромеи приободрились и огласили воздух радостными криками. Скифы пришли в ужас от этого поразительного, сверхъестественного удара; они завопили, сломали свой строй и об-

ратились в бегство. До позднего вечера ромеи преследовали их и беспощадно истребляли. Говорят, что в этой битве было убито пятьдесят пять ромеев, много было ранено и еще больше пало коней, а скифов погибло более двадцати тысяч. Вот как закончилось это сражение между скифами и ромеями.

А император Иоанн торопил азиатские войска с переправой через Геллеспонт в Европу. Он приказал им провести зиму в областях Фракии и Македонии, ежедневно упражняясь во владении оружием, чтобы не оказаться неспособными к предстоящим боям и не быть разбитыми неприятелем. Он повелел им, чтобы они дожидались весны, — когда же весна рассеет зимнее ненастье и лик земли окончательно прояснится, он сам придет к ним, ведя за собой войска свои, и со всеми силами обрушится на тавроскифов».

Далее, в кн. 8, Лев Диакон пишет:

«1. Как только ясная весна сменила мрачную зиму, император тотчас поднял крестное знамя и стал спешить с походом против тавроскифов.

...Полюбовавшись искусным плаванием кораблей в боевом строю и показательным сражением между ними (было их вместе с ладьями и челнами, которые теперь в народе называются галейми и монериями, более трехсот), император награждал гребцов и воинов деньгами и послал их на Истр для охраны речного пути, — чтобы скифы не могли уплыть на родину и на Киммерийский Боспор в том случае, если они будут обращены в бегство. Говорят, что Истр — одна из рек, вытекающих из Эдема, и что название ее Фисон. Начинаясь на востоке, она, по неизъяснимой мудрости Создателя, скрывается под землей, а затем бьет ключом из Кельтских гор, описывает извилистую линию по Европе и впадает, разделяясь на пять устьев, в Понт, называемый Евксинским...

2. Таким образом, корабли достигли Истра. Тем временем самодержец Иоанн выступил из Византии и прибыл со всем войском в Адрианополь. ...Прибыв туда, император Иоанн узнал от лазутчиков, что ведущие в Мисию непроходимые, узкие тропы, называемые клисурами, потому что они как бы заперты со всех сторон, не охраняются скифами. Собрав лохагов и таксиархов, он произнес следующую речь: «Я

думал, соратники, что скифы, уже давно ожидая нашего прихода, не пожалели усилий для заграждения изгородами и валами наиболее опасных, узких и труднопроходимых мест на тропах, чтобы нам нелегко было продвигаться вперед. Но так как их обмануло приближение Святой Пасхи, они не преградили дороги, не закрыли нам пути, полагая, что мы не откажемся от блестящих одежд, от торжественных шествий, пиршеств и зрелищ, которыми знаменуют дни великого праздника, ради тяжких невзгод войны. Мне кажется, что мы поступим наилучшим образом, если сейчас же воспользуемся благоприятным случаем, вооружимся и как можно скорее переправимся по узкой дороге, куда тавроскифы не узнали о нашем прибытии и не навязали бой в горных проходах. Если мы, опередив скифов, пройдем опасные места и неожиданно нападём на них, то, я думаю, — да поможет нам Бог! — с первого же приступа овладеем городом Преславой, столицей мисян, а затем, двинувшись вперед, легко обуздаем безумие росов».

3. Такова была речь императора. Стратигам и таксиархам слова его показались неуместными и чрезмерно смелыми, а предложение провести ромейское войско по ущельям и крутым теснинам в чужую страну — легкомысленной, опрометчивой дерзостью, доходящей до безумия. Они довольно долго молчали, и разгневанный император заговорил снова: «Я и сам знаю, что неосторожность и своевольная дерзость в сражениях приводят обычно к величайшей опасности и непоправимой беде: ведь я всю жизнь с самой юности провел в битвах, одержал, как вы знаете, много побед и достиг большой славы. Но если счастье наше поставлено на лезвие бритвы и судьба не дает нам возможности поступать по своему разумению, нам следует действовать решительно и как можно лучше использовать обстоятельства. Я думаю, что вы, умудренные большим опытом превратностей и непостоянства военных успехов, согласитесь со мной. Итак, если вы верите в то, что я советую наилучшее, то, пока скифы еще бездействуют и не догадываются о нашем приходе, воспользуемся удобным случаем. Победа ожидает нас после того, как мы пройдем через горные проходы. Но если они обнаружат наше намерение перейти теснины и выстроят там свое войско против нас, дело

не кончится добром, нас будет тогда ожидать ужасное бедствие, положение наше станет безвыходным. Приободритесь же духом, вспомните, что вы ромеи, которые своим оружием обращали прежде в бегство любого врага! Следуйте за мной как можно быстрее и покажите на деле свою отвагу!»

4. Сказав так, Иоанн, прекрасно вооруженный, вскочил на быстрого благородного коня, вскинул на плечо длинное копье и двинулся в путь. Впереди него двигалась фаланга воинов, сплошь закрытых панцирями и называвшихся «бессмертными», а сзади — около пятнадцати тысяч отборнейших гоплитов и тринадцать тысяч всадников. Заботу об остальном войске император поручил проедру Василию; оно медленно двигалось позади вместе с обозом, везя осадные и другие машины. Когда они, вопреки всякому ожиданию, прошли опасные гористые места, император прервал напряженный марш, дал отдых всему пешему и конному войску, расположив его на неприступном холме, с одной стороны которого протекала река, обещавшая изобилие воды.

Когда настал рассвет следующего дня, он поднял войско, выстроил его в глубокие фаланги и, приказав беспрестанно трубить военный клич, стучать в кимвалы и бить в тимпаны, выступил на Преславу. Поднялся невообразимый шум: эхом отдавался в соседних горах гул тимпанов, звенело оружие, ржали кони и громко кричали люди, подбадривая друг друга, как всегда бывает перед битвой. Тавроскифы, увидев приближение умело продвигающегося войска, были поражены неожиданностью; их охватил страх, и они почувствовали себя беспомощными. Но все же они поспешно схватились за оружие, покрыли плечи щитами, щиты у них прочны и для большей безопасности достигают ног, выстроились в грозный боевой порядок, выступили на ровное поле перед городом и, рыча наподобие зверей, испуская странные, непонятные возгласы, бросились на ромеев. Ромеи столкнулись с ними и храбро сражались, совершая удивительные подвиги; однако ни та, ни другая сторона не могла взять верх. Тогда государь приказывает «бессмертным» стремительно напасть на левое крыло скифов; «бессмертные», выставив вперед копья и сильно прищпорив коней, бросились на врагов. Скифы всегда сражаются в пешем строю; они не привыкли воевать на конях и

не упражняются в этом деле. Поэтому они не выдержали натиска ромейских копий, обратились в бегство и заперлись в стенах города. Ромеи преследовали их и беспощадно убивали. Рассказывают, будто во время этого наступления ромеев погибло восемь тысяч пятьсот скифов.

5. Оставшиеся в живых спрятались в крепости и, яростно сопротивляясь, метали сверху со стен копья и стрелы. Говорят, что в Преславе находился и патрикий Калокир, который, как я уже сообщил в свое время, двинул войско росов на мисян. Узнав о прибытии императора (а это невозможно было скрыть, так как золотые императорские знаки сияли чудесным блеском), он глубокой ночью тайно бежал из города и явился к Сфендославу, который со всем своим войском находился у Дористола, ныне называемого Дристрою: вот таким образом убежал Калокир.

Надвигающаяся ночь вынудила ромеев прекратить сражение. Но вот наступило утро следующего дня, называемого Великим четвергом, потому что в этот день, готовясь идти на муки, Спаситель наш после Тайной вечери давал ученикам свои спасительные наставления. Как раз в это время прибыло остальное войско с осадными машинами, и император Иоанн свернул лагерь, расставил фаланги в несокрушимый боевой порядок и с пением победного гимна устремился на стены, намереваясь первым же приступом взять город. Росы же, подбадриваемые своим военачальником Сфенкелом, который был у скифов третьим по достоинству после Сфендослава, их верховного катархонта, оборонялись за зубцами стен и изо всех сил отражали натиск ромеев, бросая сверху дротики, стрелы и камни. Ромеи же стреляли снизу вверх из камнеметных орудий, забрасывали осажденных тучами камней, стрелами и дротиками, отражали их удары, теснили, не давали им возможности выглянуть из-за зубчатых стен без вреда для себя. Наконец, император громким голосом отдал приказание приставить к стенам лестницы, и возглас его прибавил сил осаждавшим. Все, на кого падал взгляд государя, сражались храбро, надеясь получить достойную награду за свои подвиги.

6. Когда ромеи бросились на приступ и придвинули к стенам лестницы, по одной из них стал взбираться какой-то смелый юноша с едва пробивающимся рыжеватым пушком на

подбородке, выходец из фемы Анатолики, по имени Феодосии, а по прозвищу Месоникт. Правой рукой он вытащил меч, в левой держал щит, которым прикрывал голову от скифских ударов сверху. Достигнув гребня стены, юноша обрушился на скифа, который выглянул из-за зубцов и хотел столкнуть его копьем вниз; он рассек шею врага, и голова его вместе со шлемом покатила по земле за стеной. Ромеи приветствовали этот необыкновенный подвиг восторженными криками, и многие из них, соревнуясь в храбрости с первым взшедшим на стену, устремились вверх по лестницам. Между тем Месоникт, взойдя на стену, овладел ее верхней частью и, поворачиваясь во все стороны, убил огромное число оборонявшихся скифов, сбрасывая их со стены. Вскоре уже многие ромеи взобрались в разных местах на стены и изо всех сил истребляли врагов. Тогда скифы покинули укрепление и постыдно столпились в окруженном прочной оградой царском дворце, где хранились сокровища мисян; один из входов они оставили открытым.

Тем временем многие ромеи, находившиеся по ту сторону стен, сорвали петли на воротах, сбили засовы и проникли внутрь города, перебив бесчисленное множество скифов. Тогда, говорят, был схвачен и приведен к государю вместе с женой и двумя малолетними детьми царь мисян Борис, у которого едва лишь пробивалась рыжая борода. Приняв его, император воздал ему почести, назвал владыкой болгар и заверил, что он явился отомстить за мисян, претерпевших ужасные бедствия от скифов.

7. Ромеи все разом ворвались в город и рассыпались по узким улицам, убивали врагов и грабили их добро. Так они достигли царского дворца, в котором сгрудилась лучшая часть войска росов. Но скифы, находившиеся во дворце, яростно сопротивлялись проникшим через ворота ромеям и убили около полутораста храбрейших воинов. Узнав об этой неудаче, император прискакал во весь опор ко дворцу и приказал своей гвардии всеми силами наступать на врага, но, увидев, что из этого не выйдет ничего хорошего (ведь тавроскифы легко поражали множество воинов, встречая их в узком проходе), он остановил безрассудное устремление ромеев и распорядился со всех сторон бросать во дворец через стены огонь. Когда

разгорелось сильное пламя, сжигавшее все на своем пути, росы, числом свыше семи тысяч, вышли из помещения, выстроились на открытом месте у дворца и приготовились отразить наступление ромеев.

Император послал против них магистра Варду Склира с надежным отрядом. Окружив скифов фалангой храбрейших воинов, Склир вступил в бой. Завязалось сражение, и росы отчаянно сопротивлялись, не показывая врагам спины; однако ромеи победили своим мужеством и военной опытностью и всех их перекололи. В этой битве погибло также множество мисян, сражавшихся на стороне врагов против ромеев, виновников нападения на них скифов. Сфенкелу с немногими удалось спастись бегством. Он ушел к Сфендославу, но вскоре был убит, о чем я расскажу ниже. Так в течение двух дней был завоеван и стал владением ромеев город Преслава.

8. Император Иоанн, по обычаю, одарил войско, дал ему отдых и отпраздновал на том же месте святое воскресенье Спасителя. Отобрав несколько пленных тавроскифов, Иоанн послал их к Сфендославу с сообщением о взятии города и гибели соратников. Он поручил им также передать Сфендославу, чтобы тот без промедления выбрал одно из двух: либо сложить оружие, сдаться победителям и, испросив прощение за свою дерзость, сейчас же удалиться из страны мисян, либо, если он этого не желает сделать и склоняется к врожденному своеволию, защищаться всеми силами от идущего на него ромейского войска. Вот так он велел передать Сфендославу, сам же провел в городе несколько дней и восстановил разрушение в стенах, а затем, оставив сильный отряд и назвав город по своему имени Иоаннополем, пошел со всем войском на Дористол.

Этот город заложил и довел до теперешней красоты и величия прославленный среди государей Константин после того, как он, увидев на небе крестное знамение в виде созвездия, победил проявлявших к нему вражду и яростно наступавших скифов. По пути Иоанн взял город, называемый Плискувой, Динию и многие другие города, которые отвергли власть скифов и переходили на сторону ромеев.

Сфендослав, узнав о поражении у Преславы, испытывал огорчение и досаду. Он считал это плохим предзнаменовани-

ем для будущего, но, одержимый скифским безумием и кичась своими победами над мисянами, надеялся легко победить и войско ромеев.

9. Сфендослав видел, что мисяне отказываются от союза с ним и переходят на сторону императора. Поняв по зрелом размышлении, что, если мисяне склонятся к ромеям, дела его закончатся плохо, он созвал около трехсот наиболее родовитых и влиятельных из их числа и с бесчеловечной дикостью расправился с ними — всех их он обезглавил, а многих других заключил в оковы и бросил в тюрьму. Затем, собрав все войско тавроскифов — около шестидесяти тысяч, — он выступил против ромеев.

В то время как государь медленно продвигался по направлению к войску росов, от их фаланги отделилось несколько одержимых отчаянной дерзостью храбрецов, которые, устроив засаду, совершили внезапное нападение и убили некоторых воинов из передового отряда ромеев. Увидев их трупы, разбросанные вдоль дороги, император отпустил поводья и остановил коня. Гибель соотечественников привела его в негодование, и он приказал выследить совершивших это злодеяние. Телохранители Иоанна, тщательно обыскав окрестные леса и кустарники, схватили этих разбойников и связанными привели к императору. Он тотчас же приказал их умертвить, и телохранители, без промедления обнажив мечи, изрубили всех их до одного на куски.

Тогда войска подошли к пространству, лежащему перед Дористолом, который принято называть также Дристрой. Тавроскифы плотно сомкнули щиты и копья, придав своим рядам вид стены, и ожидали противника на поле битвы. Император выстроил против них ромеев, расположив одетых в панцири всадников по бокам, а лучников и пращников позади, и приказав им безостановочно стрелять, повел фалангу в бой.

10. Воины сошлись врукопашную, завязалась яростная битва, и в первых схватках обе стороны долго сражались с одинаковым успехом. Росы, стяжавшие среди соседних народов славу постоянных победителей в боях, считали, что их постигнет ужасное бедствие, если они потерпят постыдное поражение от ромеев, и дрались, напрягая все силы. Ромеев же одолевали стыд и злоба при мысли о том, что они, побеж-

давшие оружием и мужеством всех противников, отступят как неопытные в битвах новички и потеряют в короткое время свою великую славу, потерпев поражение от народа, сражающегося в пешем строю и вовсе не умеющего ездить верхом. Побуждаемые такими мыслями, оба войска сражались с непревзойденной храбростью; росы, которыми руководило их врожденное зверство и бешенство, в яростном порыве устремились, ревя как одержимые, на ромеев, а ромеи наступали, используя свой опыт и военное искусство.

Много воинов пало с обеих сторон, бой шел с переменным успехом, и до самого вечера нельзя было определить, на чью сторону склоняется победа. Но когда светило стало клониться к западу, император бросил на скифов всю конницу во весь опор; громким голосом призвал он воинов показать на деле природную ромейскую доблесть и вселил в них бодрость духа. Они устремились с необыкновенной силой, трубачи протрубили к сражению, и могучий клич раздался над ромейскими рядами. Скифы, не выдержав такого натиска, обратились в бегство и были оттеснены за стены; они потеряли в этом бою многих своих воинов. А ромеи запели победные гимны и прославляли императора. Он раздавал им награды и устраивал пиры, усиливая их рвение в битвах».

Лев Диакон продолжает в кн. 9:

«1. Как только рассвело, император стал укреплять лагерь мощным валом, действуя так. Неподалеку от Дористола возвышается посреди равнины небольшой холм. Разместив войско на этом холме, Иоанн приказал рыть вокруг него ров, а землю выносить на прилегающую к лагерю сторону, чтобы получилась высокая насыпь. Затем он приказал воткнуть на вершине насыпи копья и повесить на них соединенные между собою щиты. Таким образом лагерь был огражден рвом и валом, и враги никак не могли проникнуть внутрь — устремившись ко рву, они бы остановились. Так разбивают обычно ромеи свой стан во вражеской стране.

Укрепив таким образом лагерь, Иоанн на следующий день выстроил войско и двинул его к городской стене. Показываясь из-за башен, скифы метали на ромейскую фалангу стрелы, камни и все, что можно было выпустить из метательных

орудий. Ромеи же защищались от скифов, стреляя снизу из луков и пращей. Сражение не пошло дальше этой перестрелки, и ромеи удалились в лагерь, чтобы поесть, а скифы к концу дня выехали из города верхом — они впервые появились тогда на конях. Они всегда прежде шли в бой в пешем строю, а ездить верхом и сражаться с врагами на лошадях не умели. Ромеи тотчас вооружились, вскочили на коней, схватили копья — они пользуются в битвах очень длинными копьями — и стремительно, грозной лавиной понеслись на врагов. Ромейские копья поражали скифов, не умевших управлять лошадьми при помощи поводов. Они обратились в бегство и укрылись за стенами.

2. Тем временем показались плывущие по Истру огненосные триеры и продовольственные суда ромеев. При виде их ромеи несказанно обрадовались, а скифов охватил ужас, потому что они боялись, что против них будет обращен жидкий огонь. Ведь они уже слышали от стариков из своего народа, что этим самым «мидийским огнем» ромеи превратили в пепел на Евксинском море огромный флот Ингора, отца Сфендослава. Потому они быстро собрали свои челны и подвели их к городской стене в том месте, где протекающий Истр огибает одну из сторон Дористола. Но огненосные суда подстерегали скифов со всех сторон, чтобы они не могли ускользнуть на ладьях в свою землю.

На следующий день тавроскифы вышли из города и построились на равнине, защищенные кольчугами и доходившими до самых ног щитами. Вышли из лагеря и ромеи, также надежно прикрытые доспехами. Обе стороны храбро сражались, попеременно тесня друг друга, и было неясно, кто победит. Но вот один из воинов, вырвавшись из фаланги ромеев, сразил Сфенкела (почитавшегося у тавроскифов третьим после Сфендослава), доблестного, огромного ростом мужа, отважно сражавшегося в этом бою. Пораженные его гибелью, тавроскифы стали шаг за шагом отступать с равнины, устремляясь к городу. Тогда и Феодор, прозванный Лалаконом, муж непобедимый, устрашающий отвагой и телесной мощью, убил железной булавой множество врагов. Сила его руки была так велика, что удар булавы расплющивал не только шлем, но и покрытую шлемом голову. Таким образом, скифы, показав

спину, снова укрылись в городе. Император же велел трубить сбор, созвал ромеев в лагерь и, увеселяя их подарками и пирами, побуждал храбро сражаться в предстоящих битвах.

3. Еще продолжались, таким образом, бои, и исход событий оставался неопределенным...

...Росы построились и вышли на равнину, стремясь всеми силами поджечь военные машины ромеев. Они не могли выдержать действия снарядов, которые со свистом проносились над ними: каждый день от ударов камней, выбрасываемых машинами, погибало множество скифов. Эти машины охранял родственник государя, магистр Иоанн Куркуас. Заметив дерзкую вылазку врагов, Куркуас, несмотря на то что у него сильно болела голова и что его клонило ко сну от вина (дело было после завтрака), вскочил на коня и в сопровождении избранных воинов бросился к ним навстречу. На бегу конь оступился в яму и сбросил магистра. Скифы увидели великолепное вооружение, прекрасно отделанные бляхи на конской сбруе и другие украшения — они были покрыты немалым слоем золота — и подумали, что это сам император. Тесно окружив магистра, они зверским образом изрубили его вместе с доспехами своими мечами и секирами, насадили голову на копье, водрузили ее на башне и стали потешаться над ромеями, крича, что они закололи их императора как жертвенное животное. Магистр Иоанн стал добычей варварского неистовства и понес, таким образом, кару за преступления, совершенные им против святых храмов, — ведь говорят, что он разграбил в Мисии много церквей и обратил в свое частное имущество их утварь и священные сосуды. <...>

6. Ободренные такой победой, росы вышли на следующий день из города и построились к бою на открытом месте. Ромеи также выстроились в глубокую фалангу и двинулись им навстречу.

Был между скифами Икмор, храбрый муж гигантского роста, первый после Сфендослава предводитель войска, которого скифы почитали по достоинству вторым среди них. Окруженный отрядом приближенных к нему воинов, он яростно устремился против ромеев и поразил многих из них. Увидев это, один из телохранителей императора, сын архига критян Анемас, воспламенился доблестью духа, вытащил висевший

у него на боку меч, проскакал на коне в разные стороны и, пришпорив его, бросился на Икмора, настиг его и ударил мечом в шею — голова скифа, отрубленная вместе с правой рукой, скатилась на землю. Как только Икмор погиб, скифы подняли крик, смешанный со стоном, а ромеи устремились на них. Скифы не выдержали натиска противника; сильно удрученные гибелью своего предводителя, они забросили щиты за спины и стали отступать к городу, а ромеи преследовали их и убивали.

И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом, по обычаю предков, множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили несколько грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра. Говорят, что скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому обряду жертвы и совершают возлияния по умершим, научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса и Замолксиса, то ли у соратников Ахилла. Ведь Арриан пишет в своем «Описании морского берега», что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион, лежащего у Меотидского озера. Изгнанный скифами за свой дикий, жестокий и наглый нрав, он впоследствии поселился в Фессалии. Явными доказательствами скифского происхождения Ахилла служат покррой его накидки, скрепленной застежкой, привычка сражаться пешим, белокурые волосы, светло-синие глаза, су-масбродная раздражительность и жестокость, над которыми издевался Агамемнон, порицая его следующими словами: «Распря единая, брань и убийство тебе лишь приятны». Тавроскифы и теперь еще имеют обыкновение разрешать споры убийством и кровопролитием. О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинствен и могуч, что он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: «Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос». Но довольно о жертвоприношениях тавров.

7. На другой день на рассвете Сфендослав созвал совет знати, который на их языке носит название «комент». Когда они

собрались вокруг него, Сфендослав спросил у них, как поступить. Одни высказали мнение, что следует поздней ночью погрузиться на корабли и попытаться тайком ускользнуть, потому что невозможно сражаться с покрытыми железными доспехами всадниками, потеряв лучших бойцов, которые были опорой войска и укрепляли мужество воинов. Другие возражали, утверждая, что нужно помириться с ромеями, взяв с них клятву, и сохранить таким путем оставшееся войско. Они говорили, что ведь нелегко будет скрыть бегство, потому что огненосные суда, стерегущие с обеих сторон проходы у берегов Истра, немедленно сожгут все их корабли, как только они попытаются появиться на реке.

Тогда Сфендослав глубоко вздохнул и воскликнул с горечью: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабошавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, которое завещали нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; мы должны либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, достойные доблестных мужей!» Вот какое мнение высказал Сфендослав.

8. О тавроскифах рассказывают еще и то, что они вплоть до нынешних времен никогда не сдаются врагам даже побежденные, — когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают. Они поступают так, основываясь на следующем убеждении: убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страшась такого служения, гнушаясь служить своим убийцам, они сами причиняют себе смерть. Вот какое убеждение владеет ими.

А тогда, выслушав речь своего повелителя, росы с радостью согласились вступить в опасную борьбу за свое спасение и приняли решение мужественно противостоять могуществу ромеев. На следующий день (шел шестой день недели, двадцать четвертый — месяца июля) к заходу солнца все войско

тавроскифов вышло из города; они решили сражаться изо всех сил, построились в мощную фалангу и выставили вперед копья. Император со своей стороны выстроил ромеев и вывел их из укрепления. Вот уже завязалась битва, и скифы с силой напали на ромеев, пронзали их копьями, ранили стрелами коней и валили на землю всадников. Видя, с какой неистовой яростью бросался Сфендослав на ромеев и воодушевлял к бою ряды своих, Анемас, который прославился накануне убиением Икмора, вырвался на коне вперед (делать это вошло у него в обычай, и таким путем он уже поразил множество скифов), опустив поводья, устремился на предводителя росов и, ударив его мечом по ключице, поверг вниз головою наземь, но не убил. Сфендослава спасли кольчужная рубаха и щит, которыми он вооружился, опасаясь ромейских копий. Анемас же был окружен рядами скифов, конь его пал, сраженный тучей копий; он перебил многих из них, но погиб и сам — муж, которого никто из сверстников не мог превзойти воинскими подвигами.

9. Гибель Анемаса воодушевила росов, и они с дикими, пронзительными воплями начали теснить ромеев. Те стали поспешно поворачивать назад, уклоняясь от чудовищного натиска скифов. Тогда император, увидевший, что фаланга ромеев отступает, убоясь, чтобы они, уstraшенные небывалым нападением скифов, не попали в крайнюю беду; он созвал приближенных к себе воинов, изо всех сил сжал копье и сам помчался на врагов. Забили тимпаны, и заиграли военный призыв трубы; стыдясь того, что сам государь идет в бой, ромеи повернули лошадей и с силой устремились на скифов. Но вдруг разразился ураган вперемежку с дождем: устремившись с неба, он заслонил неприятелей; к тому же поднялась пыль, которая забила им глаза.

10. ...Ромеи вступили в бой с врагами. Завязалась горячая битва, и скифы не выдержали натиска конной фаланги. Окруженные магистром Вардой по прозванию Склир, который со множеством воинов обошел их с тыла, они обратились в бегство. Ромеи преследовали их до самой стены, и они бесславно погибали. Сам Сфендослав, израненный стрелами, потерявший много крови, едва не попал в плен; его спасло лишь наступление ночи. Говорят, что в этой битве полегло пятнад-

цать тысяч пятьсот скифов, на поле сражения подобрали двадцать тысяч щитов и очень много мечей. Среди ромеев убитых было триста пятьдесят, но раненых было немало. Вот какую победу одержали ромеи в этом сражении.

Всю ночь провел Сфендослав в гневе и печали, сожалея о гибели своего войска. Но, видя, что ничего уже нельзя предпринять против несокрушимого всеоружия ромеев, он счел долгом разумного полководца не падать духом под тяжестью неблагоприятных обстоятельств и приложить все усилия для спасения своих воинов. Поэтому он отрядил на рассвете послов к императору Иоанну и стал просить мира на следующих условиях. Тавроскифы уступят ромеям Дористол, освободят пленных, уйдут из Мисии и возвратятся на родину, а ромеи дадут им возможность отплыть, не нападут на них по дороге с огненосными кораблями (они очень боялись «мидийского огня», который мог даже и камни обращать в пепел), а кроме того, снабдят их продовольствием и будут считать своими друзьями тех, которые будут посылаемы по торговым делам в Византию, как было установлено прежде.

11. Император почитал мир гораздо больше войны, потому что знал, что мир сохраняет народы, а война, напротив, губит их. Поэтому он с радостью принял эти условия росов, заключил с ними союз и соглашение и дал им хлеба — по два медимна (по пуду) на каждого. Говорят, что из шестидесяти-тысячного войска росов хлеб получили только двадцать две тысячи человек, избежавшие смерти, а остальные тридцать восемь тысяч погибли от оружия ромеев. После утверждения мирного договора Сфендослав попросил у императора позволения встретиться с ним для беседы. Государь не уклонился и, покрытый вызолоченными доспехами, подъехал верхом к берегу Истра, ведя за собою многочисленный отряд сверкавших золотом вооруженных всадников. Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светлосиними глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок

волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдетая золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одежние его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал. Так закончилась война ромеев со скифами.

12. Сфендослав оставил Дористол, вернул согласно договору пленных и отплыл с оставшимися соратниками, направив свой путь на родину. По пути им устроили засаду пачинаки — многочисленное кочевое племя, которое пожирает вшей, возит с собою жилища и большую часть жизни проводит в повозках. Они перебили почти всех росов, убили вместе с прочими Сфендослава, так что лишь немногие из огромного войска росов вернулись невредимыми в родные места.

Таким образом, император Иоанн, как явствует из предыдущего рассказа, всего в четыре месяца победил полчища росов и возвратил ромеям Мисию».

На участие русских соединений в войнах Византии в 950—960-х годах при императорах Романе II (959—963) и Никифоре Фоке (963—969) указывает «Продолжатель Феофана», который повествует об отвоевании Крита у арабов: «Самодержец Роман, узнав о нужде, затруднениях и недостатке провианта в войске, тотчас по доброму совету паракимомена Иосифа отправил им продовольствие. Наши немного воспряли духом. Уже почти восемнадцать месяцев, а то и больше вели они осаду, критяне израсходовали запасы продовольствия и деньги и, доведенные до крайности, ежедневно перебегали к магистру; и вот domestик схол в марте шестого индикта по велению всем управляющего Бога призвал войско к битве и приготовил к сражению отряды, щиты, трубы. Приготовив все это, он приказал начальникам тагм и фем, армянам, росам, славянам и фракийцам наступать на крепость. Одни теснили, другие оттесняли, схватились друг с другом, метали камни и стрелы, а когда продвинулись к стенам и бойницам гелеполы, напали на наглецов страх и ужас. И после короткого сражения наши взяли город» (Продолжатель Феофана. СПб., 1992. С. 198).

В дальнейшем, уже в правление Никифора Фоки, у арабов отвоевывается Кипр, Киликия, Антиохия (969 год). Дружина росов участвовала и в неудачной экспедиции византийского флота на Сицилию в 964 году.

Владимир и его братья

Сначала приведем официальную версию по А. Нечволодову:

«После смерти Святослава Ярополк, сидевший в Киеве, остался старшим в княжеском роде. Ему было в это время не более пятнадцати лет. Еще моложе были Олег в Древлянской земле и Владимир — в Новгороде. Конечно, все дела делали не сами князья, а стоящие около них бояре¹.

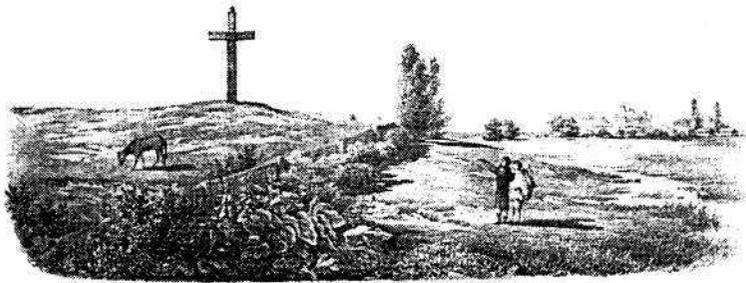
При Ярополке вскоре забрал большую силу воевода отца его Свеналд. Как-то раз сын этого Свеналда, Лют, заехал в Древлянскую землю, охотясь за зверем. Надо сказать, что охота почиталась тогда важным и любимым занятием как князей, так и бояр; и действительно, леса были полны всякого зверя: медведи, лоси, огромные зубры, или туры, черные куницы, дикие кабаны, олени, козы попадались в большом изобилии.

Олег в этот день тоже выехал на охоту и, узнав, что встретившийся ему Лют — сын Свеналда, приказал его убить. Это было в 975 году.

Ярополк. Рисунок из книги «Иллюстрированная хронология истории Российского государства в портретах» (1909)

¹ Насчет молодости... Владимиру, младшему, было уже около 20. Немало по тем временам. Естественно, Ярополку не может быть 15 лет.

Могила Олега Святославича на северной окраине города Овруч. Гравюра из книги «Древности Российского государства» (М., 1853)

Конечно, Свеналд употребил все силы, чтобы отомстить за своего сына, и спустя два года уговорил Ярополка ополчиться и идти на брата в Древлянскую землю. Обе рати встретились, и войска Ярополковы победили полки Олега. Тогда Олег со своими бросился бежать; при входе в город Овруч на мосту среди беглецов произошло большое столпление, и Олега столкнули в ров, где он был задавлен падавшими на него трупами людей и лошадей.

Когда Ярополк вошел в Овруч, то он всюду приказал искать брата, но его нигде не было; наконец один древлянин сказал: «Я видел, как его спихнули вниз с моста». Стали вытаскивать конские и людские трупы из рва и нашли на дне тело Олега. Когда его вынесли и положили на ковре, то Ярополк горько заплакал над трупом брата и с укоризной сказал Свеналду: «Смотри, вот чего ты хотел». Похоронивши Олега у Овруча, Ярополк завладел и Древлянской землей.

Когда слух о братоубийстве дошел до Новгорода, Владимир и Добрыня¹ почували беду. Владимир, по обычаю кровавой мести, должен был мстить Ярополку за смерть брата², а потому ожидал, что брат, зная это, сам предупредит эту месть и постарается известить его. При таких обстоятельствах Владимир, видя свою слабость против Ярополка, решил идти за

¹ Добрыня — дядя Владимира, брат его матери.

² Мстить брату за брата? Такого обычая не было, кажется, нигде во всем мире.

море, конечно, к своим родственникам, русским варягам, чтобы собрать большую рать и тогда же идти с ней мстить за смерть брата.

Ярополк же после отбытия Владимира к варягам посадил своего посадника в Новгороде и стал единодержавен на всей Руси.

Пока Владимир собирал военную силу у варягов, Ярополк пошел против печенегов, чтобы отомстить за смерть отца, покорил их и заставил платить себе дань. Затем к нему пришли греки, тоже с данью от нового царя Василия; этот Василий вступил на престол после Ивана Цимисхия, окончившего жизнь в больших муках от медленного яда, которым его отравили.

Ярополк ласково принял греческих послов и утвердил с ними старый мир и любовь. В Киеве в это время было уже много христиан, и православные греки были среди них, конечно, любимыми и желанными гостями. Сам Ярополк был воспитан своей бабкой премудрой Ольгою в христианских правилах и не был крещен только потому, что она опасалась гнева его отца, Святослава.

Жена Ярополка была также христианка; это была грекиня-монахиня, которую полонил еще Святослав и назначил своему юному сыну в жены за ее необычайную красоту.

Во время этих дружеских сношений Ярополка с греками Владимир, пробывши три года за морем, привел в 980 году варяжскую силу из-за моря и первым долгом прогнал Ярополковых

Владимир. По «Титулярнику»

посадников из Новгорода, приказав им сказать брату: «Владимир идет на тебя, готовясь к войне». Так говорил его отец Святослав, когда шел на врагов, так начал свой поход на брата и сын.

Но, кроме того, что Владимир шел войной на Ярополка, он решил еще и отбить у него невесту. Дело в том, что, будучи женат на греческой чернице, Ярополк в 980 году был также створен и с красавицей Рогнедой, дочерью полоцкого князя Рогволода (не из Рюрикова рода).

Собравшись на брата, Владимир послал и к Рогволоду послов — просить руки его дочери. Рогволод, будучи в затруднении, кому из братьев отдать дочь, спросил ее, за кого она сама хочет. На это гордая Рогнеда отвечала: «Не хочу идти за сына рабыни, а хочу за Ярополка». Ответ этот передали Владимиру, чем глубоко оскорбили не только молодого князя, но и дядю его, Добрыню, брата той самой Малуши, которую Рогнеда назвала рабыней¹.

И вот, чтобы смыть кровью полученную обиду, Владимир собирает своих варягов, новгородцев, чудь, кривичей и идет на Полоцк. После боя с полочанами Владимир взял город, убил на глазах Рогнеды ее отца и двух братьев, а затем силой заставил ее выйти за себя замуж; конечно, всем этим делом руководил Владимиров дядя, Добрыня, так как сам князь был еще очень молод — не больше шестнадцати или семнадцати лет от роду².

Покончив с местью Рогнеде за обиду памяти своей матери, Владимир пошел на Ярополка мстить за смерть брата Олега.

У Ярополка не было уже в это время старика Свеналда; его место, старшего боярина в дружине, занимал воевода Блуд. Этот Блуд оказался предателем, так как тайно держал сторону Владимира и сносился с ним, а своему великому князю давал такие советы, которые должны были привести Ярополка

¹ Говорят, Малуша, мать Владимира, была дочерью древлянско-го князя, убитого Ольгой. Она служила у Ольги ключницей (то есть домоуправительницей).

² А. Нечволодов скромно умолчал, что, прежде чем убить родителей и братьев, Владимир на их глазах изнасиловал Рогнеду. Да и годков ему было поболее — около 40.

к гибели. Когда Ярополк узнал от своих выгнанных Владимиром посадников, что младший брат вернулся из-за моря и идет на него войной, он хотел сейчас же собирать свои полки и выступить против Владимира, так как был очень храбр, но Блуд уговорил Ярополка не собирать войска и уверял, что Владимир не посмеет на него пойти.

«Не может случиться, — говорил он, — что Владимир пойдет на тебя воевать. Это все равно, как бы синица пошла воевать на орла. Нечего нам бояться и незачем собирать войско. Напрасный труд будет для тебя и для ратных людей». Вследствие этого коварного совета, когда Владимир подошел к Киеву, у Ярополка не было войска, почему он и не мог встретить его в поле, а затворился в городе. Владимир же, подослав своих людей к Блуду, стал его приманивать больше прежнего, говоря: «Помоги мне; если я убью брата своего, то будешь мне вместо отца, и большую честь примешь ты от меня. Не я начал избивать братьев, а Ярополк, и только боясь смерти от него, пришел я сюда теперь сам». Блуд приказал ответить Владимиру, что он будет помогать ему всем сердцем, и затем они стали часто сноситься между собою.

Так как киевляне стояли за своего князя, то Блуд стал наговаривать на киевлян, уверяя, что они сносятся с Владимиром и зовут его, обещая выдать Ярополка. И, убедив его в опасности пребывания в Киеве, уговорил тайно бежать в другой город, поближе к печенегам. Ярополк бежал в город Родню, на реке Рси¹, а Владимир занял без боя Киев и осадил Родню. Так как Блуд умышленно не заготовил там припасов, то вскоре в Родне начался голод.

Блуд же говорит Ярополку: «Видишь, сколько войск у твоего брата; нам их не победить. Надо помириться с Владимиром». Ярополк вынужденно соглашается. Посылает Блуд к Владимиру весть: «Желание твое сбылось. Я приведу к тебе Ярополка, а ты распорядись, чтобы убить его».

Не подозревая никакого коварства, простодушный Ярополк отправился к младшему брату в Киев, хотя верный его дружинник Варяжко чуял сердцем беду и говорил своему князю: «Не ходи, князь. Убьют тебя. Побежим лучше к печене-

¹ Река Рось протекает немного южнее Киева.

гам и приведем войско». Но Ярополк не послушал его и пошел к брату. Как только он вошел в двери терема, два варяга, стоявшие по сторонам, мгновенно подняли его мечами под пазухи, а Блуд сейчас же притворил двери, чтобы не вошел кто из дружинников несчастного Ярополка. Верный Варяжко, видя, что князь убит, бежал со двора к печенегам и постоянно приходил с ними потом на Владимира, мстя за смерть своего князя, так что Владимир едва сумел перезвать его через многие годы к себе, поклявшись не делать ему никакого зла.

Покончив с братом, Владимир сел в Киеве и стал единовластно княжить над всей Русской землей. Первым его делом было жениться на прекрасной грекине, бывшей чернице, вдове своего брата. Как ярый язычник, покоривший Киев со своей языческой же новгородской дружиной, Владимир стал сильно теснить христиан, которых было уже довольно много в Киеве, причем еще со времени Игоря они имели свой соборный храм Святого Ильи.

Что касается дел государственных, то Владимир, несмотря на молодость, показал себя таким же твердым и храбрым князем, каким был и его отец Святослав. Пришедшие к нему из-за моря варяги, поселившись в Киеве, стали очень буйно себя держать и требовали даже, чтобы Владимир наложил для них дань на киевлян. Он сказал им, чтобы они подождали месяц; через месяц же, выбрав из этих варягов самых лучших, умных и доблестных людей и раздав им города в управление, он отказал остальным в уплате дани, а предложил пойти на службу к греческому императору. Те так и сделали.

После этого Владимир совершил ряд удачных походов. Он разбил поляков и отвоевал у них города Перемышль, Червень и другие, где сидела Червонная Русь, и присоединил их к владениям Русской земли¹.

Затем вятичи отказались платить дань, но он также быстро привел их в полное послушание. После этого Владимир ходил воевать воинственное племя ятвягов, живших к северу от древлян, и одержал над ними полную победу.

Наконец, в 984 году Владимир чрезвычайно удачно усмирил радимичей. Он выслал против них своего воеводу по име-

ни Волчий Хвост, который разбил их на реке Пищане. Русь долго корила после этого радимичей, говоря, что они бегают «от волчьего хвоста».

Оставаясь все время усердным язычником, Владимир, в благодарность богам за свои блестящие успехи, построил много кумиров, причем на холме, близ княжеского терема, он поставил огромного бога Перуна с серебряной головой и золотыми усами.

Таким же усердным язычником был и Добрыня, посланный посадником в Новгороде, где он поставил огромный кумир на берегу Волхова: «И поклонялись ему люди, как Богу», — говорит летописец.

Усердно ставя кумиры, Владимир вместе с тем кроме Рогнеды и грекини, взятой после Ярополка, завел себе множество жен. Всех их по разным городам было, по преданию, восемьсот. Гордая Рогнеда, оскорбленная таким пренебрежением к себе мужа, решила его извести. Однажды пришел к ней Владимир и уснул. Она взяла нож и совсем бы его заколола, если бы он вовремя не проснулся и не схватил ее за руку. «С горести подняла на тебя руку, — ответила Рогнеда разгневанному мужу, который спросил ее, за что она хочет убить его. — Отца моего убил, землю его полонил из-за меня. А теперь не любишь меня и с этим младенцем», — добавила она, показывая на своего маленького сына Изяслава. Владимир промолчал, но велел ей нарядиться во всю царскую одежду, какая была надета в день свадьбы, и сесть на богато убранной постели в своей горнице. Здесь, как на брачном торжестве, он хотел казнить ее мечом. Но Рогнеда догадалась, что замышляет муж, и перед его приходом устроила так: дала малютке Изяславу обнаженный меч и научила, что сказать, когда войдет отец. Когда Владимир вошел, маленький Изяслав, выступив с большим мечом в руках, сказал ему: «Отец, или ты думаешь, что ты здесь один ходишь?» — «А кто тебя здесь чайл?» — воскликнул Владимир и бросил меч. Потом он позвал бояр и передал дело на их суд. Бояре решили так: «Не убивай ее ради малютки, а устрой вотчину и дай ей с сыном». Тогда Владимир построил Рогнеде особый город и в честь сына назвал его Изяславлем; ей же дал имя Гореславы.

После этого происшествия Владимир продолжал свою пре-

¹ Захват Западной Украины (Львовской области).

жнюю языческую жизнь. В 983 году, вернувшись из удачного похода на ятвягов, он пожелал особо почтить своих богов принесением им человеческой жертвы. Решили кинуть жребий на отрока и на девицу, — на кого падет, того и зарезать в жертву богам. Жребий пал на одного отрока-варяга, прекрасного лицом и душой и притом христианина. Имя его было Иоанн. Этот отрок жил вместе со своим отцом, Феодором, который тоже исповедовал Христову веру. Язычники, обрадованные, что жребий пал на одного из христиан, которых они особенно не любили во времена Владимира, отправили посланных в отчий дом отрока; те объявили, что пришли за сыном, чтобы заколоть его на потребу богам. «Это не боги, — ответил им отец юноши, — а дерево: сегодня стоят, а завтра сгниют. Не едят, не пьют, не говорят, а руками сделаны из дерева, топором и ножом обрублены и оскоблены. Вышний Бог есть один: Ему поклоняются греки. Он создал небо и землю, звезды и луну, солнце и человека. А ваши боги что сотворили и что сделали? Их самих сделали люди! Не отдам сына своего бесам». Когда посланные передали этот ответ, толпа язычников в ярости прибежала к дому Феодора и потребовала выдачи сына. Оба едва успели войти в верхнюю горницу. «Давай сына на жертву богам!» — кричала толпа. «Коли есть боги, — отвечал Феодор, — то пусть пошлют от себя одного бога и возьмут моего сына, а вы для чего препятствуете им!» Тогда рассвирепевший народ поджег хоромы и убил обоих варягов.

Впоследствии на месте их убийства была выстроена Десятинная церковь, а мощи отрока Иоанна перенесены в Антониеву пещеру Киево-Печерской лавры, где они почивают и поныне. Не имеющие детей прибегают к нему с молитвой о чадородии; где находятся мощи Феодора — неизвестно.

Убийство варягов — Иоанна и отца его, Феодора, — произвело сильное впечатление на Владимира. С тех пор он чаще стал задумываться над вопросами религии и все более и более охладевал к язычеству. Конечно, он должен был видеть все преимущества веры Христовой над своей, тем более что в Киеве среди купцов и других жителей было много христиан еще со времен Аскольда и Ольги; попадались они даже и в рядах княжеской дружины: их чистая жизнь, сравнительно с языческой, резко кидалась всем в глаза.

Сомнения князя в истине языческой веры, которую он до сих пор так ревностно исповедовал, стали скоро известны всем. И вот к нему начинают являться камские болгары, исповедовавшие магометанство, хазары — иудейского закона, немцы, принявшие латинство и поддавшиеся Папе Римскому, и, наконец, православные греки. Все стали выхвалять свою веру и уговаривать могучего русского великого князя перейти в их закон со всем русским народом. «Ты, князь, мудрый и смысленый, — говорили ему камские болгары, — а закона не знаешь. Прими наш закон и поклонись Магомету». — «А в чем ваша вера?» — спросил их Владимир. «Мы веруем в Бога, — отвечали они, — а Магомет учит нас; творите обрезание, не ешьте свинины, вина не пейте, и по смерти Магомет даст каждому по семидесяти прекрасных жен». Выслушав их внимательно, Владимир решил: «Питие есть веселие Руси; не может без того быти». Затем пришли немцы от Папы и стали его уговаривать принять католичество. «А какая заповедь ваша?» — спросил их Владимир. «Пощенье по силе, — отвечали немцы. — Если же кто пьет и кто ест, то все во славу Божию, говорит учитель наш Павел». — «Ступайте домой, — сказал им на это Владимир, — отцы наши этого не приняли».

После немцев пришли к Владимиру хазарские евреи. Чтобы унижить христианскую веру, они начали говорить великому князю, что христиане веруют в того, кого они распяли. «Мы же веруем, — продолжали они, — в единого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковлева». — «А что у вас за закон?» — спросил Владимир. «Обрезание, — отвечали хазары, — свинины не есть, ни зайчатины, субботу хранить». — «Где же находится ваша земля?» — продолжал князь. «В Иерусалиме», — получил он ответ. «Там ли вы теперь живете?» — задал тогда им вопрос Владимир. «Наш Бог прогневался на наших отцов, — сказали евреи, — и за грехи наши рассеял нас по всем странам; землю же нашу отдал христианам». — «Как же вы других учите, а сами отвержены Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и ваши законы, то не рассеял бы по чужим странам. Или думаете, что от вас и нам то же принять?» Наконец, и греки прислали к Владимиру ученого мужа. Муж этот вначале рассказал по порядку лживость и заблуждения других вер. Магометанство он изобразил так, что Владимир плюнул

и сказал: «Не чисто это дело». Затем о католичестве ученый муж сказал, что это такая же вера, как и греческая, но есть неисправления, и служат на опресноках, когда Господь повелел служить на хлебах, так как, разломив хлеб, Он сказал ученикам на Тайной вечере: «Сие есть Тело Мое, ломимое за вы». Выслушав эти речи ученого грека, Владимир сказал ему: «Ко мне приходили жидаы хазарские и говорили: немцы и греки в того веруют, кого мы распяли на кресте». На это грек ответил так: «Воистину в Того веруем, ибо так пророчествовали и пророки: один — как Господу нашему суждено родиться, а другие — что быть Ему распяту и погребенну, а в третий день воскреснуть и взойти на небеса. А евреи таких пророков избивали, а когда все сбылось по пророчеству и Господь сошел на землю и принял распяты, а затем воскрес и вознесся на небеса, Он ожидал их покаяния сорок шесть лет, но не покаяться они; и послал тогда Бог на них римлян, и разрушены были города их, самих же рассеял по разным странам, где и работают».

Выслушав с вниманием все это, Владимир спросил грека: «Чего же ради сошел Господь на землю и принял такое страданье?» Тогда ученый муж сказал ему, что если князь хочет, то он расскажет все сначала, и рассказал ему по порядку все Священное Писание: о сотворении мира, о гордости и высокоумии сатаны, и как он был низвержен с неба; о жизни Адама в раю; о том, как была сотворена ему в подруги Ева и как произошло первое грехопадение и были Адам и Ева изгнаны из рая; как Каин убил Авеля; как люди, размножившись, забыли Бога и стали жить по-скотски и как Господь наказал их потопом; как от праведного Ноя и его трех сыновей произошло все народы, ныне населяющие землю, и что было после потопа на земле, вплоть до пришествия Господа нашего Иисуса Христа на землю и приятия Им страданий, а затем и чудесного Воскресения из мертвых и Вознесения. Закончил свое поучение греческий муж так: «Господь поставил один день, в который Он придет с небеси и будет судить живых и мертвых, и воздаст каждому по его делам: праведным Царство Небесное и красоту неизреченную, радость без конца и бессмертие веки; грешникам же вечные муки».

Рассказавши это, греческий муж показал Владимиру записку, на которой было написано судилище Господне: справа

праведные в веселии идут в рай, а слева грешники шествуют в муку вечную. Задумался Владимир над всем слышанным и, вздохнувши, сказал: «Хорошо будет тем, что идут направо, но горе тем, что идут налево». — «Если желаешь быть с праведными, то крестись», — ответил ему грек. Владимир глубоко воспринял эти слова в своей душе, но ответил: «Подожду еще немного». Затем он созвал на совет дружину свою и старейших жителей Киева и сказал им: «Приходили ко мне болгары и предлагали принять свой закон; за ними были с тем же немцы; после приходили жидаы... После же всех пришли греки, разобрали все чужие законы, а свои хвалят, и так чудно и хорошо говорят. Повествуют, что есть другой свет; если, говорят, кто примет нашу веру, то хоть бы и умер — опять встанет и не умрет веки. Что вы на все это мне ответите?» — «Ты сам знаешь, князь, — сказали бояре и старцы, — никто своего не хулит, а всегда хвалит. Если хочешь испытать доподлинно, то у тебя довольно мужей, пошли их и вели рассмотреть в каждой стране, как служат там своему Богу».

Речь эта понравилась и князю, и всему совету. Было выбрано десять мужей добрых и смысленных, которые отправились прежде всего к камским болгарам, потом к немцам, а затем и к грекам. По их возвращении у великого князя собрались опять бояре его дружины и старцы городские. Послы стали рассказывать собранию, что видели в разных странах. «Видели мы у болгар, — говорили они, — поклоняются в храме, стоя без пояса; поклонившись, сядут и глядят туда и сюда, как сумасшедшие. Нет веселья у них, но печаль и страх великий, нет добра в их законе... Когда были мы у немцев, то видели многое на их службе, но красоты не видали никакой. Когда же пришли мы к грекам и они повели нас туда, где служат своему Богу, то мы в изумлении не ведали, на небе ли мы или на земле. Нет на земле такого вида и такой красоты. И рассказать не умеем! Знаем только, что там сам Бог с людьми пребывает, и служба у них выше всех стран! Не забудем мы той красоты! Всякий, кто вкусил сладкого, не захочет уже горького; тоже и мы не можем уже больше оставаться в язычестве». Слушавшие послов бояре и старцы вполне согласились с ними и сказали Владимиру: «Если бы дурен был закон греческий, то и Ольга, бабка твоя, мудрейшая из всех людей, не приняла

бы его». — «Где же приму крещение?» — спросил тогда великий князь. «Где тебе будет любо», — ответила ему его верная дружина.

Это было в 988 году.

В это время как раз случились у Владимира нелады с городом Корсунем, принадлежащим византийским императорам, и он пошел на него походом.

Подойдя к городу, русские осадили его и приступили к работам для приступа. Для этого они начали насыпать к городской стене земляную насыпь, чтобы войти по ней в город. Но греки повели подкоп под самую стену, ночью спускались в него и выбирали всю землю, которую наваливали русские за день, и разносили ее потом по городу. Таким образом, дело Владимирово почти не подвигалось вперед. Но вскоре нашелся в городе среди корсунцев друг русских, некий муж Настас. Он пустил в наш стан стрелу с запиской к Владимиру, на которой было написано: «Перекопай и перейми воду из колодца, лежащего от тебя к востоку; из него идет по трубе вода в город». Обрадованный этой запиской, Владимир громко сказал: «Если от этого Корсунь сдастся, то я и сам крещусь». После этого вода из колодца была перекопана, и томимые жаждой корсунцы сдались через несколько дней. Вступив в город, Владимир тотчас же послал к царям Василию и Константину послов с таким словом: «Славный ваш город я взял. Слышал я, что у вас есть сестра девица; коли не отдадите ее за меня, то и с Царьградом вашим сделаю то же, что и с Корсунем».

Встревоженные и опечаленные цари отвечали: «Недостойно христианкам выходить за язычников. Крестись, и тогда дадим тебе невесту, и примешь ты Царство Небесное, и единовен будешь ты с нами. Не захочешь креститься — не сможем мы отдать тебе сестру нашу». На это Владимир послал им такой ответ: «Я уже испытал вашу веру и готов креститься; любви мне эта вера и служенье, о которых мне рассказывали посланные мною мужи». Константин и Василий обрадовались этому ответу и стали умолять свою сестру Анну идти за Владимира. Ему же они послали сказать, чтобы он крестился перед тем, как посылать Анну. Но Владимир ответил: «Пусть те священники, которые придут с сестрой вашей, крестят

меня». Тогда цари уговорили с большим трудом свою сестру и отправили ее в Корсунь со священниками. Расставание Анны с братьями было очень тягостное. «Иду точно в полон, — говорила она, — лучше бы мне умереть». Братья же утешали ее так: «А что, если Господь обратит благодаря тебе Русскую землю на покаяние, а Греческую землю избавит от их лютой рати; ты знаешь, сколько зла наделала Русь грекам? И теперь, если не пойдешь, будет то же самое».

Анна, в сопровождении священников, со слезами села на корабль, простилась с милой родиной и поплыла в Корсунь, где была торжественно встречена жителями. В это время, по Божьему устроению, Владимир заболел глазами, и настолько сильно, что ничего не мог видеть, почему очень горевал и не знал, что ему делать. Царевна Анна, узнав про эту болезнь, послала ему сказать, что если он хочет избавиться от болезни, то непременно должен скорее креститься.

Услышав это, Владимир сказал: «Если так случится, то воистину велик будет Бог христианский».

Затем последовало его крещение. Епископ Корсунский с прибывшими из Царьграда священниками после оглашения крестил великого князя. Как только на него были возложены руки, Владимир тотчас же прозрел. До глубины души потрясенный этим, он воскликнул: «Теперь увидел я Бога истинного».

После крещения, во время которого Владимиру дано было христианское имя Василия, тотчас же последовало бракосочетание его с царевной Анной; затем, взяв с собой княгиню, назначенного для Руси епископа Михаила, Настаса, священников со священными сосудами, необходимыми для богослужения, а также часть мошей святого Климента и ученика его Фифа, великий князь отбыл в Киев. Из Корсуни при этом были отправлены в Киев две огромные медные статуи и четыре медные же лошади прекрасной греческой работы. Сам город Корсунь был отдан Владимиром обратно греческим царям в виде выкупа за их сестру, так как, по древнему славянскому обычаю, за невесту полагалось платить «вено», или выкуп.

По прибытии в Киев первым долгом Владимира было крестить своих сыновей и освободить от обязанностей супруг своих языческих жен.

К Рогнеде им было послано сказать следующее слово: «Теперь, крестившись, я должен иметь одну жену, которую я взял, христианку; а ты выбери себе мужа из моих князей и бояр, кого пожелаешь».

Но не такова была Рогнеда Рогволодовна. Она, в свою очередь, послала сказать Владимиру: «Царицей я была, царицей и останусь и ничьей рабой не буду. А если ты сподобился святого крещения, то и я могу быть невестой Христовой и принять ангельский лик». В это время с ней был ее десятилетний сын Ярослав, хромой от рождения и больной ногами, почему он до сего дня вовсе не мог ходить. Услышав слова матери, он вздохнул и сказал ей: «Истинная ты царица царицам и госпожа господам, что не хочешь с высоты ступить на нижняя. Блаженна ты в женах». Сказав это, Ярослав свободно встал на ноги и с тех пор начал ходить, а Рогнеда приняла постриг и была наречена в иночестве Анастасией. Всех детей от Владимира у нее было шесть: сыновья — Изяслав, Ярослав, Всеволод и Мстислав и дочери — Мстислава и Предслава.

Отпустив своих языческих жен, Владимир по прибытии в Киев приступил и к очищению города от языческих идолов: некоторых рассекли на части, других сожгли, а самого главного — Перуна — привязали к хвосту лошади и потащили с горы, причем двенадцать человек должны были бить его палками для поругания перед народом. Когда его приволокли к берегу и бросили в воду, многие проливали слезы и долго следовали за плывшим болваном по берегу. Разрушив идолов, приступили к проповеди народу Христовой веры; прибывший из Греции митрополит вместе со священниками ходил и проповедовал всюду по Киеву слово Божие; сам великий князь Владимир участвовал в этой проповеди. Наконец, когда население было таким образом подготовлено, он приказал оповестить по всему городу, чтобы на другой день все некрещенные шли к Днепру.

Здесь 1 августа 988 года Русь приняла Святое Крещение.

Киевляне, стар и млад, входили в воды Днепра. И так крестились. Где раньше стояли кумиры, теперь приказано было строить церкви.

После крещения киевлян Владимир послал священников, вместе с мужами своей дружины, по разным концам Русской

земли проповедовать Евангелие, а затем и крестить народ. На север, по великому пути из варяг в греки, был отправлен митрополит Михаил вместе с Добрыней, дядей Владимира, и Настасом-курсунянином.

Народ, живший по пути из варяг в греки, крестился везде без принуждений, но в Новгороде, старом языческом гнезде, всегда крепко не любившем Киев и его христиан, введение Христовой веры было делом нелегким. Когда в Новгороде узнали, что Добрыня идет крестить, собрали вече и все поклялись не пускать его в город и не давать идолов на ниспровержение; и точно, когда пришел Добрыня, новгородцы построили большой мост и вышли на него с оружием. Добрыня стал было уговаривать их ласковыми словами, но они и слышать не хотели и выставили против него камнеметные орудия; особенно возбуждал новгородцев против христианства волхв Богомил, прозванный за свою складную речь Соловьем. На торговой стороне назначенный в Новгород епископом Иоаким, курсунянин родом, вместе со священниками ходили по улицам и учили людей, сколько могли; им удалось окрестить в два дня несколько сот человек. На другой же стороне реки в это время новгородский тысяцкий Угоняй ездил всюду и кричал: «Лучше нам помереть, чем дать богов наших на поруганье», и до того возбудил народ, что тот разграбил дом Добрыни, находившийся на том берегу реки Волхова, убил его жену и еще несколько родственников. Тогда Добрыня отправил на ту сторону реки своего тысяцкого Путятю с пятьюстами человек. Путятя незаметно переправился ночью на лодках, захватил Угоняя и других главных зачинщиков беспорядков и отправил их на расправу к Добрыне. После этого народ вступил с Путятой в жестокую сечу и разметал церковь Преображения Господня, принадлежавшую новгородским христианам, кои давно находились в городе в малом числе.

В помощь Путяте на другой день с рассветом прибыл Добрыня со своими людьми и велел зажечь некоторые дома на берегу. Тогда новгородцы испугались, побежали тушить пожар, и сеча перестала, а самые знатные люди пришли к Добрыне просить мира. Добрыня, конечно, тотчас же согласился на мир, но приказал немедленно сокрушить всех идолов: деревянных пожечь, а каменных, изломав, побросать в реку.

Мужчины и женщины, видя это, с воплями и слезами просили за них как за своих богов. Добрыня с насмешкой отвечал им: «Нечего нам жалеть о тех, кто себя защитить не может; какой пользы нам от них ждать?» — и послал всюду с объявлением, чтобы шли креститься. Вместе с тем посадник Воробей, воспитанный в детстве с Владимиром, человек, отлично владевший словом, пошел на торг и стал сильно уговаривать народ креститься. Многие пошли к реке сами собой, а кто не хотел, того воины тащили силой; говорившим же, что они уже крещены, приказано было надеть на шею кресты, а у кого креста не было, того вели в воду. Так крестились новгородцы. Память в народе о насильном крещении сохранилась надолго, и много лет спустя нельзя было больше рассердить новгородцев, как сказать, что их «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем».

Насаждая Христову веру и устраивая порядки на Русской земле, Владимиру и после своего крещения немало приходилось заниматься ратным делом. Он удачно воевал с дунайскими болгарами, посылая на помощь русские войска своим новым родственникам, греческим царям.

Однажды он послал отряд русских воинов, в шесть тысяч человек, своему зятю — царю Василию. Этот Василий около 1000 года взял их с собой в Армению, куда он приходил с миром и делал дружеский прием владетелям Грузии и Кавказа. Тут произошел такой случай. Как-то раз из отряда русских какой-то воин нес сено для лошади. Подошел к нему один грузин и отнял у него сено. Тогда на помощь русскому прибежал другой русский. Грузин крикнул своих, которые, прибыв, убили первого русского. Тогда все русские, бывшие там, как один человек, поднялись на бой и побили всех находившихся здесь грузин. В этот день не уцелел ни один благородный грузин; все заплатили немедленно смертью за свое преступление.

В 992 году печенеги двинулись на Киев. Владимир встретил их на реке Трубеж, где стоит город Переяславль. Каждая рать стала на своем берегу, и никто не решался переходить реку. Наконец печенежский князь подъехал к реке, крикнул Владимира и сказал ему: «Выпусти своего мужа, а я своего; пусть борются. Если твой победит, то не будем воевать три года».

Владимир согласился и, вернувшись к своим, кликнул клич: «Нет ли кого, кто бы взялся биться с печенегом?» Но никто не отозвался. На следующий день привели печенеги своего бойца. Затужил Владимир, что никого не нашлось для боя. И вот пришел к нему один старик и говорит: «Князь! Есть у меня дома меньшей сын. Никому еще не удавалось одолеть его. Однажды отругал я его, а он мял воловью кожу, так в сердцах разорвал он ее руками».

Послал Владимир за парнем. Для испытания пустили на него разъяренного быка. Так, когда бык пробегал мимо, схватил парень его рукой за бок, да и вырвал кусок кожи вместе с мясом, сколько мог захватить.

Выпустили печенеги своего великана страшного, и, когда выступил боец Владимиров, печенег стал смеяться над ним, потому что тот был среднего роста. Затем измерили место между обоими полками и пустили борцов; они схватились и стали крепко жать друг друга; русский, наконец, сдавил печенега в своих могучих руках до смерти и ударил им о землю; раздался крик в полках; затем печенеги побежали, а русские погнались за ними. Обрадованный Владимир заложил на том месте, где стоял, город и назвал его Переяславлем, потому что русский богатырь перенял славу у печенежского; отца же вместе с сыном князь пожаловал в знатные бояре. Звали нашего славного кожемяку Ян Усмошвец.

По истечении трех лет после этого единоборства, в 995 году, печенеги, согласно уговору, открыли военные действия и подошли к городу Василеву. Владимир вышел им навстречу с малой дружиной и едва не погиб; дружина была разбита, а сам он с несколькими человеками еле спасся, укрывшись где-то под мостом. Это было в самый день Спаса Преображения, 6 августа. В благодарность за свое избавление от неминуемой смерти Владимир построил в Василеве обетную деревянную церковь и затем праздновал Преображение целых восемь дней; он сварил триста провар меду, созвал бояр, посадников, старейшин со всех городов и множество простых людей и богато одарил всех убогих. К Успеневу дню великий князь воротился в Киев и опять устроил великий праздник, созвавши бесчисленное множество народа.

Через два года, в 997 году, печенеги опять в огромном ко-

личестве появились у наших границ. Владимир пошел в Новгород собирать конных людей, а печенеги, узнав, что великого князя нет, пришли и стали вокруг Белгорода, отчего в нем скоро наступил большой голод. Наконец, съевши почти все запасы и видя перед собой голодную смерть, белгородцы, рассказывает летописец, собрались на вече и сказали: «Нам приходится помирать с голоду, а от князя помощи нет; что же, разве лучше нам помирать? Сдадимся печенегам: кого убьют, а кого и в живых оставят, все равно умираем уже с голода». На том и порешили.

Один старик не был на вече; когда он спросил, зачем собирались, и ему сказали, что на другой день люди хотят сдать печенегам, он послал за городскими старейшинами и спросил их: «Что это я слышал, вы уже хотите передаться печенегам?» Те отвечали: «Что же делать, не стерпят люди голода». Тогда старик сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я велю». Те обещали с радостью его слушаться, и он приказал: «Соберите хоть по горсти овса, или пшеницы, или отрубей». Когда все это сыскали, старик велел женщинам сделать кисельный раствор; потом он приказал выкопать колодец, вставить туда кадку и налить в нее раствор; кроме того, велел выкопать еще один колодец и вставить в него тоже кадку; потом приказал искать меду; лукошко меду нашли в княжеской медуше; из него старик велел сделать сыту и вылить в кадку, что стояла в другом колодце.

На другой день он послал за печенегами; горожане пошли и сказали им: «Возьмите к себе наших заложников и пошлите человек десять своих к нам в город, пусть посмотрят, что там делается». Обрадованные печенеги, думая, что белгородцы хотят им сдать, взяли у них заложников и послали своих лучших мужей в город посмотреть, что там делается. Когда они вошли в Белгород, то люди сказали им: «Зачем вы себя губите; можно ли перестоять нас? Хоть десять лет стойте, так ничего нам не сделаете, потому что у нас корм от земли идет; не верите — смотрите своими глазами». Затем привели их к одному колодцу, почерпнули раствора и сварили кисель; кисель этот понесли к другому колодцу, почерпнули сыты и начали есть, прежде сами, а потом дали отведать и печенегам. Те удивились и сказали: «Не поверят наши князья, если сами не от-

ведают». Горожане налили корчагу раствора и сыты и дали печенегам; они пришли в свой стан и рассказали все, что видели. Печенежские князья сварили кисель, отведали, подивились, обменялись заложниками и, отступив от города, пошли домой.

Бесперывные нападения печенегов на русские владения заставили Владимира укрепить границы и строить города по рекам Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне.

В города эти Владимир посылал дружины из лучших и храбрейших мужей, от новгородцев, кривичей, чуди и вятичей, которые постоянно должны были быть готовы отражать нападения печенегов.

О князе Владимире и печенегах сохранился рассказ немецкого епископа Бруна, который был послан Папой проповедовать христианство печенегам в 1000 году. Брун, чтобы попасть к печенегам, приехал в Киев; Владимир принял его очень ласково, отговаривал ходить к ним, а когда Брун настоял, то проводил его до границы и поручил ему быть посредником при переговорах о мире с печенегами.

Вот как доносил об этом сам Брун германскому императору: «После того как я напрасно пробыл год среди венгерцев, я направился к самым диким из всех язычников, к печенегам; князь русов, Владимир, хозяин обширной страны и больших богатств, задержал меня на месяц, пытался отговорить от моего намерения и хлопотал обо мне, как будто я из тех, кто добровольно бросается на гибель... Когда, однако, он ничего не мог со мной поделать и его, сверх того, напугало видение, касавшееся меня, недостойного, то он в течение двух дней провожал меня со своим войском до самой крайней границы своего государства, которую он окружил чрезвычайно крепким и сильным частоколом. Там он спешился; я и мои товарищи шли впереди, а он со знатнейшими своими воинами следовал за нами. Так мы прошли ворота.

Князь остановился на холме. Я сам понес крест, который обнял руками, и запел известный стих: «Петр, если ты меня любишь, то паси моих овец». Когда окончилось пение, то князь послал к нам одного из своих сановников со следующим предложением: «Я тебя проводил до того места, где кончается моя земля и начинается неприятельская. Прошу тебя,

ради Бога, не терять, к моему бесчестию, твоей молодой жизни: я знаю, что ты завтра еще до трех часов испытываешь горькую смерть без всякой причины и выгоды». Я послал сказать ему в ответ: «Пусть Господь откроет тебе рай, как ты открыл нам дорогу к язычникам». Так расстались мы с ним и шли два дня без того, чтобы кто-либо обидел нас. На третий же день — это была пятница — мы трижды: утром, в полдень и в девять часов, были с согнутыми шеями приводимы на казнь и все же каждый раз выходили невредимыми из рук врагов».

Пробыв пять месяцев у печенегов, среди ужасных опасностей, Бруну удалось крестить тридцать человек и заключить мир между ними и русскими, причем Владимир послал одного из своих сыновей заложником к печенегам.

Из замечательных событий на Руси во время княжения Владимира следует указать также на начало чеканки при нем золотой и серебряной монеты вследствие увеличившихся оборотов по разного рода торговым сношениям.

Всех сыновей у Владимира было двенадцать.

Они сидели на княжении в следующих городах: 1) старший, Вышеслав, от варяжской жены Оловы, — в старшем по-сле Киева городе, в Новгороде; 2) Изяслав, от Рогнеды, — в Полоцке; 3) Святополк, от Ярополковой грекини-черницы, — в Турове на Припяти; 4) Ярослав, от Рогнеды, — сначала в Ростове, а по смерти Вышеслава — в Новгороде; 5) тогда в Ростове сел Борис, родившийся от греческой царевны Анны; 6) в Муроме брат его от той же матери — Глеб; 7) у древлян — Святослав, от Малфриды; 8) во Владимире-Волынском — Всеволод, от Рогнеды; 9) в Тмутаракани, близ пролива из Азовского моря в Черное, — Мстислав, от Рогнеды же; 10) Станислав, от чехини, — в Смоленске; 11) Судислав, от Адели, — в Пскове и 12) где сидел Позвизд и кто была его мать — сведений не имеется.

Любимыми сыновьями Владимира были младшие — Борис и Глеб, от царевны Анны.

К концу своей жизни престарелому великому князю пришлось пережить много огорчений: в 1011 году умерла нежно любимая им княгиня Анна, а затем много горя доставили ему двое старших сыновей, Святополк и Ярослав.

Мы видели, что Владимир в начале своего княжения вое-

вал с поляками и отнял у них города Червонной Руси — Перемышль, Червень и другие. Это было в 981 году.

Вражда с поляками закончилась тем, что сын Владимира Святополк женился на дочери польского короля Болеслава Храброго. Однако, выдав свою дочь замуж за православного князя, Болеслав стал действовать на Святополка через дочь с целью склонить его к принятию католичества. Скоро Святополк очень поддался этому, что ему было особенно удобно, так как он сидел в Турове, городе, близко лежавшем к Польской земле. Тогда Болеслав стал подучивать Святополка восстать против отца. Владимир заключил за это Святополка с женой в темницу, в которой они и провели некоторое время.

По поводу этого заключения в темницу Болеславовой дочери у нас в 1013 году началась с поляками война, которая, однако, скоро окончилась, так как Болеслав поссорился с печенегами, которых навел на Русь, и ушел к себе в Польшу.

Ярослав, как мы знаем, был сыном Рогнеды и унаследовал от матери ее гордость и независимость нрава. Когда он прибыл в Новгород, то очень пришелся по душе новгородцам. У него было много тяжелых воспоминаний из-за матери о Киеве, а новгородцы, как мы знаем, тоже очень не любили все киевское: Олег перенес от них столицу в Киев; из Киева пришли их крестить огнем и мечом Добрыня и Путята, и, наконец, новгородцы должны были платить киевскому же великому князю дань две тысячи гривен в год на нужды всего государства. Дань эта особенно не нравилась им, и они часто подумывали, что хорошо было бы получить себе в князя смелого и гордого человека, который объявил бы себя независимым от Киева. Таковым именно человеком и оказался Ярослав. Уже с молоком матери он всосал вражду ко всякой зависимости, а помня, что вытерпел он с ней от отца, когда тот был язычником, Ярослав, конечно, не мог питать к нему особенно нежной и глубокой привязанности.

И вот, уговариваемый своими новгородцами, он решил в 1014 году отказаться платить дань Киеву. Старый великий князь очень разгневался.

«Теребите (расчищайте) путь, мостите мосты», — приказал он и стал готовить войска к походу.

Узнав об этом, Ярослав тоже стал готовиться к войне и послал за море призвать себе на помощь варяжскую рать. Но поход отца и сына не состоялся.

Владимира постигла болезнь. В то же время он услышал, что идут на Русь печенег, почему должен был послать на них своего нежно любимого сына Бориса, а при себе оставил не любимого Святополка, недавно вышедшего из заключения.

Болезнь его между тем усиливалась, и 15 июля 1015 года князя Владимира не стало.

Он скончался в селе Берестовом близ Киева. Святополк, не давая огласки, ночью, разобравши потолок между клетями и завернув тело в ковер, спустил его вниз, положив, как тогда был обычай относительно покойников, в сани, и свез в Киев в Десятинную церковь Святой Богородицы. Хотя Святополк и скрывал смерть отца, но наутро бесчисленное множество народа собралось в слезах к соборной церкви.

Все плакали — бояре о защитнике земли, бедные и сирые о своем заступнике и кормителе. С плачем положили тело в каменный гроб и опустили в землю.

Так почил великий Владимир, крестивший Русь, славный и своим государственным умом, и своей христианской добротой и смирением. Православная церковь причислила благочестивого князя к лику святых и дала наименование равноапостольного. Мощи его, покоившиеся в Десятинной церкви рядом с телом великой княгини Анны, умершей на четыре года раньше, были при нашествии татар скрыты вместе с гробом и затем обреты под развалинами храма в 1631 году; при этом были взяты из гроба некоторые части мошей; ныне честная глава равноапостольного князя находится в великой церкви Киево-Печерской лавры, челюсть — в московском Успенском соборе, а ручная кисть — в соборе Святой Софии в Киеве».

Итак, Владимир Святославич родился в 942 году, умер в 1015 году в 73 года.

Официальная версия, почерпнутая из «Истории государства Российского» (М., 1996), гласит:

«X век русской истории — наиболее важная эпоха для понимания истоков русской государственности.

В этой связи повышенный интерес вызывает Владимир, живой облик которого во многом заслонялся житийным об-

разом «святого». А ведь если обратиться к первоисточникам или объективным исследованиям о нем, то перед нами предстанет во всей своей противоречивости подлинное лицо киевского князя — полководца, дипломата, государственного деятеля.

Сын Святослава и рабыни, Владимир с помощью родни сумел стать князем в Новгороде. Затем он захватил Полоцкую землю. И, наконец, опираясь на варяжские войска, нанятые им на Балтике, сверг с великокняжеского престола киевского князя Ярополка и превратился в верховного властелина Руси.

В дальнейшем Владимир Святославич приобрел большой авторитет уже как полководец. В 982 году он совершил два победоносных похода на свободолюбивых вятичей. В 983 году Владимир совершает поход на прусское племя ятвягов «и победи ятвягы, и вся землю их», как об этом свидетельствует автор «Повести временных лет».

Эти военные акции способствовали расширению границ государства и укреплению власти Владимира. Однако самому князю и его окружению постоянно приходилось сталкиваться с недовольством и сопротивлением покоренных народов, не желавших быть рабами князя. Жизнь настоятельно требовала идеологического оправдания почти ничем не ограниченной власти князя. Помимо этого, появилась насущная необходимость выхода Руси на европейскую политическую арену и равноправного ее там присутствия, что было невозможно для языческого государства.

Владимир принимает решение принять христианство в качестве новой государственной религий. Во время его встреч с греческим духовенством подолгу обсуждались условия перехода Руси в православие. Владимиру хотелось иметь под рукой независимую от Константинополя церковь, однако пришлось согласиться с тем, что на высшие церковные должности будут назначаться греческие иерархи.

«Крещение Руси» летописцы и церковные историки представляют как «чудо» перехода целого народа в новую Христову веру. Вот как описывает летописец устроенное Владимиром крещение киевлян: «На следующий же день вышел Владимир... на Днепр и сошло там людей без числа. Вошли в

воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь. Попы же совершали молитвы, стоя на месте».

Введение христианства значительно укрепило власть киевского князя, ускорило процесс объединения русских земель вокруг Киева.

Город становится самым многолюдным и богатым во всей Руси, а Владимир удостоивается звания «каган земли Русской».

В летописях подробно освещается главным образом «языческий» период жизни Владимира, что создает впечатление, будто после «крещения Руси» он отстраняется от активной государственной деятельности. Но это не так. Наоборот, последнее десятилетие жизни Владимира Святославича — это время войн, тревог и огорчений. В начале 900-х годов Владимир перебрался в село Берестово, что находилось неподалеку от Киева, и обосновался в замке, сделав его своей резиденцией. С этого времени он, по сути, занялся защитой рубежей государства от нападений печенегов и поляков.

О последних годах жизни Владимира чрезвычайно мало сведений в летописях, завершается рассказ о великом реформаторе описанием обстоятельств смерти и похорон князя. В конце 1014 года Новгород категорически отказался выплачивать Киеву ежегодную дань. Это было равнозначно объявлению войны. Владимир немедленно начал готовиться к походу на Новгород, приказав расчищать пути и мостить мосты, но неожиданно в июле 1015 года разболелся, «в этой болезни и умер 15 июля».

Никто из историков не обошел вниманием славного князя Владимира. Многие страницы «Повести временных лет» посвящены его личности. Нестор описывает военные походы, пышные пиры и, конечно, духовное прозрение Владимира при выборе веры и крещение Руси. Анализ «Повести...» проведен А. А. Шайкиным. На основании летописи автор составил описание жизни князя, приводя всевозможные версии и делая соответствующие выводы: «В жизнеописании Владимира видно композиционное строительство летописца, противопоставляющего языческую и христианскую половины жизни князя... Однако всюду просвечивает облик языческого князя — мужественного и трусливого, хитрого и щедрого, коварного и великодушного».

WOL ODIMIRUS **St HELENA**
Magnus Dux *Prima Fundatrix*
Ruffici Propagator
Religionis Christiana
in Moscovia. *Christiana*
 Religionis in
 Moscovia.

Князь Владимир и княгиня Ольга. Из книги Schleusing G. A. *La religion ancienne et moderne de moscovites*. Amsterdam, 1698

Народные предания и легенды, дружинные песни и былины, связанные с именем Владимира, представляет Н. Ф. Котляр. Былинными сказителями зовут князя — Владимир Красное Солнышко, главную заслугу которого видели в защите родной земли от хищных кочевников-печенегов.

Крупнейшие представители русской историографии XIX века Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев восторженно отзывались о князе. Н. М. Карамзин считал, что, крестившись, Владимир переродился и стал мудрым и человеколюбивым правителем. С. М. Соловьев приписывает все заслуги широкой душе князя, а ошибки и жестокость — молодости и неопытности.

Мнение предшественников поддержал Д. И. Иловайский, который пишет, что в начале своего правления Владимир был ревностным язычником, отличался жестокостью и склонностью к многоженству. Введя христианство, князь изменил политику государства и изменился сам. Из современных историков такую точку зрения разделял Ю. Ф. Козлов.

В книге В. А. Руднева, посвященной Владимиру, он предстает символом национальной гордости, самобытности и независимости.

Многочисленные данные свидетельствуют, что христианство стало распространяться на Руси еще задолго до того, как княжеский престол занял Владимир. А крещение Руси в 988 году можно назвать лишь государственным актом. В последнее время появилось много работ о введении христианства, в которых сопоставляются факты и легенды и высказываются различные гипотезы.

Как же проводил крещение Владимир? Д. С. Лихачев считает, что крещение на Руси не обошлось без насилия. Но в целом распространение христианства было довольно мирным.

В работах по истории Древней Руси Б. А. Рыбакова, Б. Д. Грекова, В. В. Мавродина личность и деятельность князя Владимира рассматриваются с различных точек зрения.

Объединяет большинство исследований одно: главную заслугу крещения Руси полностью и безоговорочно приписывают князю Владимиру. «Учитывая то, что музыка, живопись, архитектура, литература в Древней Руси стали развиваться под влиянием христианства и государство вышло на новый

политический уровень, трудно переоценить влияние новой религии и заслуги Владимира».

А теперь попробуем разобраться во всем сами.

Ф. А. Браун сообщает, что в исландской традиции Ольга представлена в двух образах — мудрой старой матери Владимира и его жены.

Е.А.Рыдзевская считает этот вывод весьма правдоподобным.

Если вспомнить, Ольге приписывались в мужья: Рюрик, Олег, Игорь, Святослав. Почему бы ей не взять на свою душу еще один грех?

Киев в то время был окружен рвом 4 метра глубиной и 6 метров шириной, валом и частоколом. При Владимире ров был засыпан и вырыт новый, позволивший расширить город.

«Находки куфических монет Верхнего Поволжья, Оки, Верхнего Поднепровья более древние по составу, чем киевские. Основное направление восточной торговли в VIII—IX веках не захватывало Среднего Поднепровья. Торговые связи Киева и Среднего Поднепровья со Средней Азией начали развиваться тогда, когда Волжский торговый путь уже начал хиреть и значение его стало падать. Находки византийских монет IX—X веков в Киеве тоже крайне редки (их всего штук 40 против сотен восточных дирхемов). Малое число монет Византии свидетельствует о незначительных связях с Византией» (Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. С. 124—125).

Путь шел «из варяг в хазары» — в Скандинавии обнаружено более 40 000 арабских дирхемов, византийских же монет всего 200, то есть 0,5%.

В Киеве IX—X веков никаких следов христианства не обнаружено.

Отмечается ничтожное количество любых византийских предметов до XI века.

Естественно, Киев, стоявший на окраине хазарского государства, мелкий захолустный городок, не привлекал Владимира, обосновавшегося в Новгороде, который был крупным торговым центром на пути из Поволжья в Северную Европу.

Но... ступени истории:

942 год — дата рождения будущего великого князя Владимира Святого.

989 год. Заложена в Киеве первая каменная церковь Св. Георгия (патрона Ярослава Мудрого).

999 или 1001 год (расхождения в источниках). «Того же лета послал Владимир гостей своих, аки в послех, в Рим, а других в Иерусалим, и в Египет и в Вавилон, съглядать землю их и обычаев их».

Надо же веру выбирать, хотя церкви уже построены каменные.

«Рассматривал иудаизм, религию персов и сирийцев и ислам хазар, на Волге живущих, и болгар камских, а также ортодоксальную и выбрал ортодоксальную» (Фотий).

Заметьте, о выборе веры Владимиром знает сам Фотий, умерший за полвека до рождения Владимира!!!!

Факт отправления посольства москалями из Киева в Хазарию подтверждает и Авраамий Керченский:

«Здесь начинаются слова Авраама Керченского.

Я, один из мирных, верных сынов Израиля, Авраам бен М. Симха, из города Сефарад в царстве наших братьев, благочестивых прозелитов, хазар, в 1682 году после нашего изгнания, то есть в 4746 году по сотворении мира (в 986 году от Р. Х.) по летосчислению, употребляемому братьями нашими, иудеями города Матархи, когда прибыли послы князя Рош (Рос) Мешех (Мосох) из города Циова к государю нашему Давиду, хазарскому князю, по делам веры для исследования, (тогда) я был им (князем Давидом) отправлен в страну Парас и Мадай (Персию и Мидию) чтобы покупать древние книги Торы, пророков и агиографов для хазарских общин. В Эламе, то есть в Испагане, я слышал, что в Шушане, то есть в Хамадане, находится древняя Тора, и по моем прибыли туда наши братья, сыны Израиля, показали ее мне».

А вот что сообщает автор древнерусского свидетельства «О приходе ратию к Сурожу князя Бравлина из Великого Новаграда»:

«По смерти же святого (Стефана) мало лет мину, прииде рать велика рускаа из Новаграда князь Бравлин силен зело.

¹ Возможно, произошла путаница с одинаковыми именами. Скорее всего, упоминается не Фотий Константинопольский, а Фотий — митрополит XV века, автор «Слов» и посланий. Если это так, то его свидетельство никакой ценности не имеет, так как разница в пятьсот лет никак не позволяет считать его первоисточником.

Плени от Корсуня и до Корча. С многою силою прииде к Сурожу. За 10 дньний бишася зле между себе. И по 10 дньний вниде Бравлин, силою изломив железнаа врата. И вниде в град, и зем меч свой, в вниде в церковь в святую Софию. И разбив двери и вниде идеже гроб святого, а на гробе царское одеяло и жемчуг и злато и камень драгый, и кандила злата, и съсудов златых много, все пограбиша. И в том часе разболеся — обратися лице его назад, и лежа пены точаше. Възпи глаголя, велик человек свят есть иже zde, и удари мя по лицу, и обратися лице мое назад. И рече князь бояром своим, обратите все назад что есте взяли. Они же възвратиша все. И хотеша и князя пояти оттуду. Князь же възпи, глаголя: не дайте мене да лежу, изламати бо мя хошет един стар свят муж, притисну мя, и душа ми изити хошет. И рече им: скоро выженете рать из града сего, да не възмет ничтоже рать, и излезе из града, и еще не въстаняше, дондеже паки рече князь бояром сии възратити все елико пограбихом священные съсуды церковныя. В Корсуни и в Керчи и везде. И принесите семо все. И положите на гроб Стефанове. Они же възвратиша все, и ничтоже себе не оставиша, но все пренесоша и положиша при гробе святого Стефана, и паки в ужасе, рече святой Стефан к князю, аще не крестишися в церкви моей, не възвратишися и не изыдеши отсюду. И възпи князь глаголя, да приидуть Попове и крестят мя, аще въстану и лице мое обратится, крещуся. И приидоша Попове, и Филарет архиепископ, и молитву сътвориша над князем. И крестиша его въ имя Отца и Сына и Святого Духа. И обратися лице его паки, крестишажеса и бояре вси, но еще шиа его боляше, попове же рекоша князю: обещаися Богу, елико от Корсуня до Корча что еси взял пленники мужи и жены и дети, повели възвратити вся. Тогда князь повеле всем своим вся отпустиша кождо въ свояси. За неделю же не изиде из церкви, донелиже дар даде великому Стефану. И град и люди и попов почтив отъиде, и то слышавше инии ратнии и не смеаху наити, аще ли кто наидяше, то посрамлен отхождааше¹.

Обисцелениицарицы Корсунския

Анна же царица от Корсуня в Керч идуши, разболеся на пути смертным недугом на Черной воде. На уме ей прииде

¹ Яков Рейтенфельс называет имя корсунского князя — Ределя.

святой Стефан и рече: О, святой Стефане. Аще мя от болезни сея избавиши, многи ти дару и почести въздам. Тое же нощи явися ей святой Стефан, глаголя, Христос истинный Бог наш, исцеляет тя, мною служебником своим. Встани здрава, иди в путь свой с миром. В тот час преста недуг ея, и бысть здрава яко не болевши ей николиже. И почюти исцеление бывшее ей и добре похвала Бога, и святого Стефана, и вси иже с нею вставше заутра с радостию великою идоша в путь свой».

Упоминание о новгородском князе Бравлине и корсунской царице Анне есть только в русском варианте «Жития». Безусловно, это вариант легенды о крещении Руси. Позже сложится легенда о корсунском крещении Владимира и о константинопольской (корсунская — маловато будет) принцессе Анне.

После захвата Корсуни «Владимиръ же поимъ посемь царицу и Настаса и попы Корсунские с мощами святого Климента и Фива ученика его, пойма сосуды церковные, иконы на благословение себе». Эти слова Лаврентьевской летописи подтверждают вывод о том, что Бравлин и Владимир — один и тот же персонаж, на которого пал выбор стать (по воле летописца) крестителем Руси. Анна же пока еще не византийская, а корсунская царица. Ныне принято считать, что Анна — сестра императора Василия II Болгаробойца.

Скилица, сообщая о смерти Романа II, отца Анны, умершего 15 марта 963 года, пишет, что Феофано родила дочь за два дня до его смерти. Стало быть, Анна родилась 13 марта 963 года.

Наследовали власть Василий и Константин вместе с матерью Феофано.

Одним словом, Владимир в 1001 году при принятии крещения женится на 38-летней гречанке. Ясно, что этот брак глубоко политический, девка и в 20 лет в то время считалась уже вековой.

Описывая события, происходившие между 1022 и 1025 годами, Скилица сообщает: «Анна, сестра императора, умерла в Росии, до нее же — ее муж Владимир».

В «Повести временных лет» дата смерти Анны — 1011 год. Владимира — 1015 год, что противоречит Скилице.

Афанасий Кальнофойский сообщает в своей «Тераургии»:

ме»: «Драгоценное сокровище — святые мощи Владимира были выкопаны из развалин Десятинной церкви в 1635 году».

Киевский митрополит Самуил Миславский писал: «Митрополит Петр Могила, имея обыкновение посещать святые храмы каждую субботу, в некоторое время пошел в церковь Святителя Николая, оставшуюся по разорении Батыевом от великия называемыя церкви, где он правил обычную свою молитву, и, при выходе из оной, обозревая окружность ея, увидел нечаянно в недалеком расстоянии от новой церкви небольшую яму в земле и, любопытствуя, приказал глубже оное место разрыть. По исполнении сего найдены были два мраморных гроба, в которых, по свидетельству положенных на них надписей, лежали кости святого князя Владимира и супруги его, греческой царевны Анны»¹.

Об отношении попов к святыням можно судить по следующему сообщению.

Протоиерей И. Леванда сообщил Н. М. Карамзину, что «в правление епархией киевского митрополита Арсения Могилянского, старца Киево-Фроловского монастыря, княгиня Нектария Борисовна Долгорукова, получив благословение сего архипастыря, возобновила древние останки Десятинной церкви. Заделывая трещину в стене алтаря и копая землю, каменщики открыли две мраморные доски, подобные той, которою покрыта Ярославова гробница в Софийском храме. Тогдашний священник сей церкви не сказал ничего митрополиту, и любопытный памятник сей был опять засыпан землею».

Развалины Десятинной церкви копали много раз: в 1824, 1826, 1908, 1918, 1939 годах, но больше этих крышек никто уже никогда не видел. Исчез и сам саркофаг Владимира?

Почему такое удивительное невезение для единственного саркофага с подлинной надписью, которая почему-то даже не была скопирована? Мы даже не знаем, что же, собственно, было там написано и на каком языке.

И куда делись две крышки?

¹ Весьма примечательный факт: мне не известно ни одного случая, когда бы на саркофаге была славянская надпись. Куда же делся этот саркофаг и эти надписи на крышке его? Неизвестно.

Может быть, надписи были не те, что хотелось бы?

Кстати, саркофаг Ярослава, который действительно был христианином, сохранился в неприкосновенности с более ранних времен¹. А вот вновь найденные саркофаги Владимира и Ольги, о которых сохранились неприятные для нашей Церкви сведения, куда-то задевались. Потеряли саркофаги выдающихся святых православной церкви!

О том, что с Историей не только наши летописцы обращались весьма вольно, но и западноевропейские тоже, свидетельствует «Сага о Тидрике Бернском», где есть следующий рассказ по истории России:

«Был конунг по имени Вилькин, славный победностью и храбростью. Силой и опустошением он овладел страной, что называлась Страной Вильтинов, а теперь зовется Швецией, и Готландом, и всеми царствами шведского конунга — Сканией, Зеаландом, Ютландом, Винландом...

После того как конунг Вилькин некое время правил этим царством, он снарядил свое войско и пошел на Страну Полян (Пулиналанд), что находится рядом с царством конунга Гертнита... Тогда вышел против него Гертнит конунг, правивший в то время Русью и Австрией² и большей частью Греции и Венгрии, — почти все восточное царство было под властью его и его брата Гирдира. Было у них много больших битв. Конунг Вилькин всегда побеждал русских, опустошил Страну Полян и все царства до моря, а после того повел свое войско на Русь и завладел там большими городами • — Смоленск, Киев, Полоцк, и не прежде оставил дело, как въехал в Хольмгард, что был главным над городами конунга Гертнита.

Там была большая битва, прежде чем Гертнит обратился в бегство: там пал брат его Гирдир и большое войско русских, множество людей было полонено и содержалось для выкупа. Конунг Вилькин добыл там так много золота и серебра и разных драгоценностей, что никогда еще ему не доставалась такая победа с тех пор, как он впервые стал воевать. Некоторое

¹ Если он действительно Ярослав, а не какого-либо армянского купца X века. Никаких надписей о том, кто лежит в саркофаге, там нет.

² Ruzcialand i Austrriki.

время спустя конунги согласились на том, что конунг Гертнит удержит за собой свое царство и станет платить конунгу Вилькину дань со всей своей земли. После того войско вилькинов осталось на Руси, а конунг Вилькин отправился в свою страну Вилькиналанд¹.

После смерти конунга Вилькина власть перешла к его сыну — Нордиану. Узнав о смерти своего врага, Гертнит собрал огромное войско и напал на Вилькиналанд, покорил и заставил платить дань. У Гертнита было два сына: старший — Озантрикс, младший — Вальдемар, а третий сын — от наложницы — Илья, был он муж мирный и приветливый. Состарился конунг Гертнит и стал маломощным и посадил сына своего Озантрикса правителем в Вилькиналанде и дал ему царский титул³.

Нордиан же был подконунгом Озантрикса.

Немного времени спустя посадил Гертнит сын своего Илью правителем в Греции и дал ему достоинство ярла, был он великий правитель и сильный витязь³.

Перед смертью дал Гертнит титул конунга сыну своему Вальдемару и посадил его конунгом над всею Русью, и Польшей, и всею восточной половиной своего царства. Скончался Гертнит, а его сыновья долгое время правили царством.

У конунга Озантрикса была жена по имени Юлиана, отцом которой был Ирон, король Англии и Шотландии. Юлиана умерла, оставив дочь по имени Берта Приветливая.

Овдовев, послал Озантрикс послов к царю гуннов Милиасу с просьбой отдать за него дочь — красавицу Оду. В случае отказа грозил Озантрикс гуннам войной.

¹ О том, что в IX—X веках Русь находилась на землях Австрии, Чехии, Моравии, Венгрии, а также Саксонии, свидетельствуют многочисленные источники, начиная с деловых документов и топонимики и кончая старинными картами, где Русь указана «за границей сегодняшней Украины», я уж не говорю про Россию, которой тогда на картах и быть не могло. Сохранились и деньги той Руси — они имеют надписи «MONETARUSSIE». Но об этом позже.

² Озантрикс был старшим братом Вальдемара и Ильи Русского (Муромца).

³ Сел Илья Русский в Киеве в Греции. Современная Греция называлась тогда Элладой. Византия была более крупным образованием, куда входила и Эллада, и Ближний Восток.

Ми́лиас же посадил послов под замок, заставив их ждать там своего господина.

А в это время к Озантриксу приходят два сына Ильи Греческого (Муромца) — Гертнит (11 лет) и Гирдир-Озид (10 лет). Гертнит был очень красив и силен.

Озантрикс дал ему звание ярла и постановил дать большой лен в Земле Вилькинов.

И посылает Озантрикс второе посольство, назначая в него своих племянников — Гертнита и Озида. И опять с угрозами. И арестованы были послы и посажены на цепь. Собрал тогда Озантрикс войско и направился на юг — в Страну Гуннов.

Хитростью захватывает Озантрикс главный город Ми́лиаса, берет в плен его дочь. Ми́лиас же бежал. После этого был заключен мир на следующем условии: пока жив Ми́лиас, правит своим царством, а после его смерти все оно переходит зятю (то есть Озантриксу) в качестве приданого за Одой.

Озид получил в управление Фрисландию. У Озида было два сына: старший — Ортнит, а младший — Аттила.

Аттила Озидович, внук Ильи Гертнитовича, был рослый и сильный, хороший наездник. Когда Аттиле было 12 лет, Озид поставил его вождем над вождями.

Аттила часто делал набеги на земли Ми́лиаса, и так как Ми́лиас был очень слаб, а сыновей у него не было, то много городов гуннских Аттила покорил себе.

И умер Ми́лиас. Узнав о смерти Ми́лиаса, конунга Гуннского Государства, поклялся Аттила не возвращаться, пока не захватит всю страну гуннов. После многих битв завоевал Аттила все города гуннов и сделал столицей своей вновь им построенный город Жужат. Стал он могущественнейшим конунгом.

Долгое время было большое несогласие между Аттилой и Озантриксом, ибо считал Озантрикс земли эти за приданое его жене, а из-за Аттилы не получал Озантрикс отсюда никакой дани. Умер Озид, отец конунга Аттилы, и Фрисландией стал править Ортнит, старший брат Аттилы. И послал Ортнит сына своего Озида Ортнитовича к Аттиле на воспитание. Озид Ортнитович был храбрейшим и проворнейшим, и поставил его Аттила вождем над многими рыцарями.

И однажды послал Аттила племянника своего Озида вместе с герцогом Родольфом и двадцатью рыцарями к Озан-

триксу, просить руки его дочери Эрки. Но Озантрикс был настроен враждебно к Аттиле, как к захватчику его земель, и отказал им в этом деле.

Было послано второе посольство — был послан маркграф Родингер и 60 рыцарей.

И снова отказ. Началась война. И обратились люди Вилькиновы в бегство, потеряв в первом же бою 500 человек. Узнав о нападении Аттилы, Озантрикс собрал войско и напал на Аттилу, отступившего из земель Вилькинов в лес, что лежит между Данией и Гуналандом. Изгнав Аттилу из вильгинской земли, разошлись враждующие:

Аттила — в Гунланд, а Озантрикс — к себе в свою землю.

Спустя некоторое время Родольф обманом выманивает Эрку и ее сестру Берту — Эрку в жены Аттиле, Берту — себе. И нагнал их Озантрикс в лесу Фальстр, и осадил их в замке Маркштейн, и некоторое время бились, пока не подоспел на помощь Аттила. И ушел Озантрикс в свою землю без боя. А Аттила в Жужате устроил роскошную свадьбу с Эркой. У них было два сына — Эрн и Ортвин.

Но с тех пор была большая распря между гуналандцами и вилькиналандцами, а также и с Вальдемаром, конунгом русским, и победа доставалась то той, то другой стороне. Аттила заключает дружбу с Эрминриком, который тогда владел Апулией, послал к нему сына своей сестры — Вальтария из Васкастейна, которому тогда было двенадцать зим. И пробыл парень у Эрминрика семь зим. Возвратившись в Жужат, пробыл и там две зимы, когда прибыла туда Гильдгунда, дочь Ильи, ярла Греческого, заложницей, в то время ей было семь лет. Эти молодые люди полюбили друг друга, но Аттила ничего не знал об этом.

И бежали они от Аттилы. Послана была погоня из двенадцати рыцарей, которые все были перебиты. Молодые же благополучно приезжают к Эрминрику.

Озантрикс нападает на земли Аттилы. И осаждают Озантрикса Аттила в городе Браниборе (ныне Бранденбург), лишь незадолго до этого захваченном войсками Озантрикса. Началась битва — и пал Озантрикс.

Бежали вильтины в свою страну. И был избран на царство сын Озантдакса Гертнит Озантриксович.

Спустя некоторое время узнает Атилла, что Вальдемар, конунг Хольмгардский, пришел на землю гуннов с огромным войском и захватил в одном из городов Родольфа, свата Атилы. Взяв 15 замков и множество сел, захватив богатую добычу: узнав, что идет Атилла, Вальдемар ушел без боя к себе.

Собрав войско, идет Атилла на Русь «мстить за обиды».

Собрал и Вальдемар войско и вместе с сыном своим Тидреком приготовился к битве. Место боя было выбрано в Стране Вильтинов.

Начал битву Тидрек Бернский, а против него вышел Тидрек Вальдемарович.

И бьются с отвагой и ожесточением, нанося друг другу раны. И захватил Тидрек Бернский сына Вальдемарова в плен, связав его. Но войска Атилы бежали, чем ослабили позиции Тидрека Бернского, который вынужден был в конце концов отступить, потеряв из своего отряда 200 человек. И осадили отряд Тидрека войска Вальдемара в разрушенном замке. Долго продолжалась осада, ели уже даже своих коней. Посылали гонца к Атилле, который наконец-то приходит на помощь, и осада снята.

И поехали в Землю Гуннов. Тидрека Бернского положили в постель лечиться, а Тидрека Вальдемаровича бросили в темницу, а он также был очень изранен.

Через полгода Атилла решил отправиться на войну. Эрка просит разрешения выпустить из темницы Тидрека Вальдемаровича, родственника своего, чтобы лечить его, дабы можно было замирииться с конунгом Вальдемаром. «Если же он убежит, отрубишь мне голову». И отправился Атилла с войной на Землю Полян и Русь, опустошая Землю Вальдемара. А Эрка лечит сына его — Тидрека.

Вылечившись, уезжает Тидрек, несмотря на то что Эрка просит не уезжать, а замирииться с Атиллой, иначе отрубят ей голову. Но ничего не хочет слышать сын Вальдемара. И пожаловалась Эрка на него Тидреку Бернскому, хотя того она вовсе не лечила. Погнался Бернский за Вальдемаровичем и в бою срубает неблагодарному голову.

Узнав о том, что Атилла идет войной на его земли, собрал войска и сам Вальдемар. Произошла страшная сеча, и бежал Атилла. А маркграф Родингейр и Гильденбрант продолжили

битву. И вышел против них один греческий ярл конунга Вальдемара и сбил Гильденбранта копьем на землю. И отступили союзники, оставив победу Вальдемару.

Через полгода после этого выздоровел Тидрек и подбивает Атиллу отомстить Вальдемару. Собрав 20 000 рыцарей, идет Атилла на Полоцк. Там была крепкая каменная стена, большие башни и широкие и глубокие рвы, а в городе было великое войско для его защиты. Осадил Атилла город тремя отрядами. Над двумя отрядами ставит Тидрека Бернского, а над третьим — маркграфа Родингейра. Три месяца длится осада. И предложил Тидрек: сам я останусь осаждать, а ты, Атилла, иди на Русь за добычей, незачем всем сидеть у города.

Но Атилле не захотелось одному воевать, и решили, что поедет Русь воевать сам Тидрек.

И приходит Тидрек под Смоленск и обложил его. Спустя шесть дней туда же приходит Вальдемар с войском, и начинается сеча, и наносит смертельный удар Тидрек самому Вальдемару, и побежали русские. Два дня ловили и убивали русских, кого только могли найти. А Атилле удается всего три дня спустя после ухода Тидрека взять Полоцк, перебив много людей и взяв богатую добычу. После этого сровняли город с землей. А в Смоленске был в то время конунг Ирон, брат Вальдемара. И собрался совет и решили сдаться на милость Атилы. Сняли обувь, броню и в одних рубашках, босые вышли к Атилле. И Атилла по совету Тидрека посадил Ирона воеводой на Руси на условиях уплаты дани и оказания военной помощи Атилле.

А в Земле Вильтинов оставался в это время конунгом Гертнит. Его женой была Остация, дочь Руны, конунга Австрии. Она была прекрасна и мудра, была также вещей, но очень зла».

Итак, были два конунга. **Вильтин** владел землями славян-вильцев, датчан, Сконе, Зеаландом и Ютландом. Его государство называлось Великая Швеция. **Гертнит** владел землей Полян (Польшей), Русью (землями лужичан-сербов, чехов, мораван, Венгрией, Австрией), Грецией (Правобережной Украиной), Полоцким герцогством и Смоленской Землей. О том, что именно эти земли входили в состав государства Русь, сообщает и Константин Багрянородный.

Столицей государства был город Хольмгард.

Гертнит завоевывает и земли Вильтина, присоединяя к своим владениям Фрисландию и всю Восточную Германию.

Затем начинается период феодальной раздробленности: Восточную Германию и Фрисландию Гертнит отдал своему сыну Озантриксу. Илье Муромцу отдал Грецию с Киевом. Вальдемару отдал северорусские земли, Польшу, Венгрию, Чехию и Моравию, а также Австрию.

Затем первое государство опять дробится — Фрисландия отдана Озиду Ильичу. Аттила Озидович, внук Ильи, киевского конунга, захватывает часть Восточной Германии с городом Жужат, его страна получает название Страна Гуннов.

Страна Гуннов — это вовсе не Хунгария-Венгрия. Она находится в Восточной Германии. Из-за разделения первого государства она сильно ослабла, но благодаря Аттиле и его западным союзникам происходит масса неприятностей и в остальных частях, кроме Греции-Украины. Русь же подвергается опустошительному нашествию. Вальдемар убит. На престол сажают Ирона, ставшего вассалом Аттилы. Так закончился первый «Дранг нах Остен». Аттила стал правителем Империи.

К сожалению, русские летописи ничего не сообщают о битве между Аттилой и Владимиром Святославичем. А жаль!

Сообщение о Гертните и Дитрихе Бернском мы поместили особняком, так как сведения из этого документа никак не состыковываются с сообщениями русских летописей. Вообще вызывает удивление тот факт, что иностранцы постоянно пишут какую-то иную историю, полностью не совпадающую с версией русской летописи. И лишь с XV века История становится единой.

Но вернемся к нашему Владимиру и его бабушке — Ольге. «Кости же ея великий князь Владимир, внук ея, по крещении своем, за святых поднесе, и в святых число есть вписана чрез патриарха Сергия» (Рукописный Синописис Ундольского №11110, л. 90 об.).

«Самодержец Владимир с первосвятителем Леонтием, и с ними же собор священный и лик иноческий, и множество народа, и вси вкупе со иконами и кресты, и со свечами, и фимиамом торжественно шествие творяху со усердием до места, идеже бе погребено тело святое блаженныя Ольги; и дошедше

велеша окопати землю, и обретоша святую имущу уды по образу лежаща, и ничтоже от первого образа изменися, и ничем же неврежено, и бяше цело и со одежею. И благовейно касаются сим святым мошем, иже на то ученени. Равноапостольный же Владимир со архиереем и прочии с ним целоваша святые сии мощи, от радости слез множество от очию испущающе... и преложена бысть в новую раку, и несоша ю в соборную церковь... и на уготовленное место славно и честно поставлена бысть честная рака с нетленными мощми блаженныя Ольги, от нея же многа чудеса и исцеления содевахуся благодатию Христовой. В пренесении в церковь и в положении во гроб, и в поставлении на уготованном месте, и прочая лета, от них же едино да речется. Бяше над гробом ея оконце на стене церковней, и всем приходящим ко святым ея мощам, с верою само оконце отверзается, и явно зряху целы и нетленны лежаща святые мощи блаженныя Ольги, светяхуся яко солнце, и яцем же кто недугом одержими бываху, ту исцеления получаху, и здравы отхожаху в дома своя...

А иже кто с маловерием приходяй, и тем не отверзашеся само оконце то; аще же кто и в самую церковь внидет с таким малодушием, сумняся в сердце своем, и ничто же не увидит святых ея мошей, точию гроб един»¹ (Степенная Книга, 1, с. 39—40).

Владимир, как утверждает Виктор Тороп (Чудеса и Приключения, 5,98), был крещен еще при рождении весной 962 года, получив крестное имя Иаков, но позднее отпал от церкви и снова стал язычником.

Однако сведения господина Торопа ненадежны, тем более что родился Владимир в 942 году, а не в 962-м.

Владимиру посвящены главы 72—74 в книге VII «Хроники» Титмара Мерзебургского (? — 1018). Как и последующее описание уобицы Владимировичей, эти уникальные сведения имеют первостепенное значение для историков Древней Руси — и не просто как детальное свидетельство современника событий (Титмар работал над хроникой в конце жизни, в 1012—1018 годах). Дело еще и в том, что вторая половина

¹ Эта же цитата уже использовалась при рассказе об Ольге, но для удобства читателей приведем ее и здесь.

правления Владимира (от завершения строительства Десятинной церкви в 996 году и до смерти князя 15 июля 1015 года) чрезвычайно скудно освещена древнерусскими источниками. Все, что известно об этом периоде из «Повести временных лет», исчерпывается, в сущности, несколькими краткими записями о кончине тех или иных представителей княжеского семейства. Сказанное, равно как и труднодоступность русского перевода соответствующих фрагментов (целиком хроника Титмара на русский язык никогда не переводилась; касающиеся Руси отрывки переводились и публиковались неоднократно, но эти переводы часто неточны и рассеяны по старым или редким изданиям), заставляет нас привести полностью отрывки, касающиеся Владимира.

«VII, 72. Продолжу рассказ и коснусь несправедливости, содеянной королем Руси Владимиром (rex Ruscorum Wlodemirus). Он взял жену из Греции по имени Елена, ранее просватанную за Оттона III, но коварным образом у него восхищенную. По ее настоянию он (Владимир) принял святую христианскую веру, которую добрыми делами не украсил, ибо был великим и жестоким распутником и учинил большое насилие над изнеженными данайцами. Имея троих сыновей, он дал в жены одному из них дочь нашего притеснителя герцога (dux) Болеслава (польского князя Болеслава I), вместе с которой поляками был прислан Рейнберн, епископ колобжегский.

...Упомянутый король, узнав, что его сын по наущению Болеславу намерен тайно против него выступить, схватил того епископа вместе с этим своим сыном и его женой и заключил каждого в отдельную темницу. В ней святой отец, прилежно восхваляя Господа, свершил втайне то, чего не мог открыто: по слезам его и усердной молитве, исторгнутой из кающегося сердца, как по причастии, отпущены были ему грехи Высшим Священником; душа его, вырвавшись из узилища тела, ликуя, перешла в свободу вечной славы.

VII, 73. Имя названного короля несправедливо толкуют как «власть мира», ибо не тот вечно непостоянный мир зовется истинным, который царит меж нечестивыми и который дан детям сего века, но действительного мира вкусил лишь тот, кто, укротив в своей душе всякую страсть, снискал царствие небесное в награду за смирение, побеждающее невзгоды. Сей

епископ, обретший в двойкой непорочности (телесной и духовной) прибежище на небесах, смеется над угрозами беззаконника, созерцая пламя возмездия, терзающее этого распутника, так как, по свидетельству учителя нашего Павла, Господь наказует прелюбодеев (Послание к евреям, 13,4). Болеслав же, узнав обо всем этом, не переставал мстить, чем только мог. После этого названный король умер в преклонных летах, оставив все свое наследство двум сыновьям, тогда как третий до тех пор находился в темнице; впоследствии, сам ускользнув, но оставив там жену, он бежал к тестю.

VII, 74. Упомянутый король носил венерин набедренник, усугублявший [его] врожденную склонность к блуду. Но Спаситель наш Христос, заповедав нам препоясывать чресла, обильный источник губительных излишеств, разумел воздержание, а не какой-либо соблазн. Услышав от своих проповедников о горящем светильнике, названный король смыл пятно содеянного греха, усердно творя щедрые милостыни. Ибо написано: подавайте милостыню, тогда все будет у вас чисто. Он долго правил упомянутым королевством (regnum), умер глубоким стариком и похоронен в большом городе Киеве (Culewa) в церкви мученика Христова Папы Климента рядом с упомянутой своей супругой — саркофаги их стоят посреди храма. Власть его делят между собой сыновья, и во всем подтверждается слово Христово, ибо, боюсь, последует то, чему предречено свершиться устами нелживыми — ведь сказано: всякое царство, разделявшееся само в себе, опустеет и проч. Пусть же молится весь христианский мир, дабы отвратил Господь от той страны свой приговор».

Титмар, судя по всему, немного знал по-славянски (большую часть населения его епархии составляли славяне) и любил приводить этимологии славянских имен, как правило, верные. Но здесь он ошибся: вторая часть древнерусского имени Володимеръ происходит не от слова «миръ» («мир, покой»), а от реликтовой основы «меръ» («слава»), хорошо сохранившейся также в германском именовании и в немецком Мдльге («сказание»), Мдгсеп («сказка»).

Титмар называет жену Владимира Еленой вместо принятого «Анна».

О том, что иностранцы путали бабушку его Ольгу и жену его Анну, мы уже упоминали.

Святой Климент, Римский Папа в 90-е годы I века, согласно легенде, сложившейся не ранее IV века, сослан императором Траяном в крымский город Херсонес, где и принял мученическую кончину. По легенде, его мощи были обретыены около 860 года преподобным Константином-Кириллом, будущим первоучителем славян, когда он пребывал в Херсонесе по пути в Хазарию. Часть мощей была позднее доставлена им в Рим, где они покоятся поныне: другая часть (глава), вывезенная Владимиром из Херсонеса в Киев, утрачена. А вот о святом Кирилле на Руси в XI веке еще не знали.

Владимир оставил княжение двум братьям: Ярославу и Борису.

Данные Титмара о судьбе Святополка сразу после смерти Владимира расходятся с данными древнерусских источников: «Повестью временных лет» и «Сказанием о Борисе и Глебе». Согласно последним, Святополк сумел овладеть киевским столлом, так как Борис с дружиной Владимира был в походе против печенегов, а Ярослав княжил в далеком Новгороде. Святополк же первым делом принялся истреблять младших братьев: Бориса, Глеба и Святослава («Повесть временных лет», с. 58—61; «Сказание о Борисе и Глебе», с. 28—44). Титмар же уверяет, будто Святополк бежал из темницы в Польшу к Болеславу, оставив в Киеве в заключении свою жену. Это свидетельство современника некоторым кажется более достоверным, чем древнерусское предание, записанное много позже и несколько затемненное вследствие агиографической стилизации. Но если Святополк бежал в Польшу не после битвы с Ярославом у Любеча осенью 1016 года (как о том сообщают летопись и «Сказание»), а сразу же после смерти Владимира и, вернувшись в Киев с помощью своего тестя Болеслава летом 1018 года, застал на киевском столе уже Ярослава Владимировича, то кто же тогда убил Бориса и Глеба? Выходит, что убийца — не Святополк Окаянный, а Ярослав Мудрый?

О князе Владимире Красно Солнышко сложены былины. Удивительно, но былинный Владимир абсолютно бесцветен и неинтересен. Правит Владимир в Киеве, занимаясь в основ-

ном пирами да отдыхом, устав от пиров. Когда на Киев пришли разбойники князя города Киевца — знаменитого Чурилы Плёнковича, Владимир даже не заметил этого, хотя разбойники грабили самих киевлян. Князь же в своем дворце пирует и не обращает никакого внимания на то зло, которое наносят люди Чурилы жителям его стольного города, вырывая чеснок и срубая капусту, а также грабя пасеки, ловя зверей и птицу, вылавливая рыбу. А больше, оказывается. Киев ничем и не богат.

При всякой опасности Владимир Стольно-Киевский обнаруживает лишь непомерную трусость — порок, более всего презираемый в богатырских сказаниях. Так, когда Калин-царь подступает к Киеву с войском:

*Тут Владимир князь да стольчо-киевский
Он по горенке да стал похаживать,
Сясных очушек он ронял слезы ведь горючие,
Шелковым платком князь утирается,
Говорит Владимир князь да таковы слова:
Нет жива-то старого козака Ильи Муромца,
Некому стоять теперь за веру, за отечество,
Некому стоять-то ведь за церкви ведь за Божие,
Некому стоять-то ведь за Киев град,
Да ведь некому сберечь князя Владимира
Да топ Опраксы Королевичны¹.*

Последние слова особенно характерны: князь прямо признается, что сам он не способен защитить себя и свою королевичну.

При наезде богатыря Соловникова Владимир кричит со страху и на вопрос Ильи Муромца о причине крика отвечает:

*Ах ты, старый казак, Илья Муромец!
Да как-то не кричать, не тревожиться?
Да на стольней-от город, как на Киев-град
А наезжает из-за славна за синя моря
Молодой молодой сюды Соловников².*

¹ Киреевский П. В. Песни, собранные Киреевским. М., 1868. Т. 1. С. 30.

² Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. М., 1949. Т. 4. С. 229.

Трусливость — основная черта князя, и в былинах трудно найти хоть один случай, когда бы Владимир проявил храбрость. Зато трусость его доведена до комичности. Когда плененный Соловей-разбойник свиснул вполсвиста, Владимир стал ползать на карачках по гриднице.

Нередки сцены унижения князя Владимира перед его богатырями. При нападении Калин-царя

*Упал Владимир князь Илье во правую ногу,
или бил ему челом до сырой земли¹.*

Владимир — «ласковый», он раздаст своим боярам золотую казну, города с пригородами за их услуги, а борющихся с врагами богатырей, спасителей отечества, презирает и как бы не замечает. Вот как жалуется на неблагодарность князя Илья Муромец:

*Служил-то я у князя Владимира,
Служил-то я ровно 30 лет,
А не выслужил слова сладкого, приветливого,
Уветливого слова, приветливого,
А хлеба-соли мягкого¹.*

А как Владимир относится к Добрыне Никитичу? Во время его отлучки сватает его жену за Алешу Поповича, угрожая ей взять ее силой, если она «добром нейдет».

Не будем пересказывать все былины о Владимире, отметим только основные черты его характера: коварен, неблагодарен, жесток, труслив, жаден, сластолюбив. Это не князь-герой, а какой-то деспот с чертами азиатского сатрапа.

Рассмотрением былин о Владимире и сличением их со сказаниями о Кей-Кавусе занимался в свое время Вс. Миллер, издавший в 1892 году книгу «Экскурсы в область русского народного эпоса». Он пришел к следующему выводу: «Много веков тому назад, в период образования Владимирова цикла, существовали в Южной Руси эпические сказания с сюжетами,

¹ Киреевский П. В. Песни, собранные Киреевским. М., 1868. Т. 4. С. 42.

² Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861. Т. 1. С. 94.

сохранившимися в значительной свежести некоторые наиболее популярные иранские эпические мотивы» (с. 23).

Вс. Миллер провел работу по сличению мотивов иранского эпоса о Кей-Кавусе и Рустеме и русских былин о Владимире и Илье Муромце и пришел к заключению, что Фирдоуси в своей «Шахнамэ» записал по-персидски те же сказания, что сохранились и в русских былинах.

Проще говоря, Владимир и Кей-Кавус один и тот же персонаж, как Рустем и Илья.

Фирдоуси сообщает, что у Кей-Кавуса была волшебная чаша, в которой можно было увидеть весь свет, если произнести заклинание.

Такое блюдо с наливным яблочком есть и в наших сказках. Кое-что подобное было и в Киеве. Так, по словам Генриха Лясоты (1594 год), «на хорах киевского Софийского собора в одной из плит как раз над алтарем проделано круглое отверстие, размером в половину локтя, но теперь замазанное известью. Говорят, что тут в старину находилось зеркало, в котором посредством магического искусства можно было увидеть все, о чем задумано, хотя бы даже это находилось за несколько сот миль. Когда раз киевский царь выступил в поход против язычников и долго не возвращался, то супруга его каждый день смотрела в зеркало, чтобы узнать, что с ним случилось и чем он был занят. Но, увидав однажды его любовную связь с языческой пленницей, она в гневе разбила самое зеркало».

Свет мой зеркальце! Скажи, да всю правду доложи...

Увы! За правду и пострадать можно!

Как сообщает Лясота, «в верхней части церкви находится темная комната, в которой Владимир велел замуровать одну из своих жен». Неизвестно, ту ли, что разбила волшебное зеркало, или другую, но с тех пор долго не было видеокompromата на руководителей страны.

Что же можно сказать о Владимире-Кавусе и его стране? Первое, само слово «Владимир» — это не имя, а звание, должность, означающее «владеющий миром», то есть царь царей или по-персидски шахиншах.

Царь царей Кавус правил в городе, ныне называемом Киевом, правил в столице современной Украины. Но во време-

на Кавуса это государство (Левобережная Украина) носило наименование «Русь Ясская». Сам же город Киев в то время назывался «Катай», то есть «Город» («Дома», или, по-украински, «Хаты»), византийцы писали «ΚΙΤΑΥΑ».

Позже Хаты прозвали просто «горами» (по-яски: «киев»). Угры же звали верхнюю крепость «Самбат» — «крепость на горе». Одна из гор была священной и называлась «Хараива» (позднее Хорив, Хоривица). Государственным языком был ясский (староосетинский).

О религии местного населения следует сказать особо.

Тертуллиан, называя местных жителей сарматами, сообщает, что первоначально они были христианами, но от частых войн вера их пропала. В X—XII веках, как о том сообщают арабские источники и раскопки археологов, северяне, поляне и многие другие племена ясов были мусульманами. Как писал Низами Гянджеви:

*Правоверные жили в лазурных шатрах,
но пророка не знали на этих горах.*

О том, что киевляне плохо знали Коран и даже молитвы читали с ошибками, сообщает и Абу-Хамид ал-Гарнати в своей книге¹.

На одной из миниатюр Радзивилловской летописи изображен пирующий князь, слуги которого подносят ему вино в амфорах.

В 1947 году на развалинах храма конца XI века в усадьбе Киевского художественного института при археологических работах были обнаружены черепки разбитых амфор, одна из которых имела надпись арабскими буквами — имя хозяина амфоры — «Кабус». Так что имя Кабус для Киева не было чуждо.

Топонимика Левобережной Украины в основном ирано-язычная. Оскол — «Осетинская речка», Дон — «Река», она же Дунай (Дон Ай) — «великая река». Днепр (Дон Апр) — «глубокая река». Ворскла — (Аорс кул) — «речка аорсов», Арда (Ард ас) — «Земля асов» (Ас — «проворный»), Потудань —

¹ Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). М., 1971.

(Футэг дон) — «лебединая река». Хворостань (Фэросагдон) — «боковая река, приток». Созон (сэдзэн) — «болотистый». Калка (калак) — «очень черная». И даже Правобережье: Днестр (Дон Истр) — «Река стремительная». Тибр — «Быстрая».

Славянских же древних названий тут нет.

Этот рассказ по большей части основан на былинах, о которых еще Б. Д. Греков сказал: «Былины — это история, рассказанная самим народом». Исходя из этого, можно заключить, что Владимир-Кавус — личность вполне историческая, пришедшая к нам из иранских сказаний.

Ярослав и его братья

Начнем повествование со Святополка Владимировича, по прозвищу Окаянный. Его имя пишется на монетах как «Стоплуг», «Святоплук», «Святоплуг». Но официально принято писать Святополк. Годы княжения 1015—1019.

Официальная версия истории Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого из книги А. Нечволодова:

«После кончины отца Святополк как старший сел на его место в Киеве и сейчас же стал раздавать жителям подарки — богатые одежды и деньги; он чувствовал, что сердце киевлян не лежало к нему, и старался их задобрить. Действительно, киевляне не могли забыть Святополку его приверженности к католичеству и восстание

*Святополк. Рисунок из книги
«Иллюстрированная хронология
истории Российского государства
в портретах» (1909)*

против отца. Общим любимцем киевлян, так же как и покойного князя Владимира, был прекрасный своей внешностью и истинно христианской душой князь Борис, едва вышедший из юношеского возраста.

Вызванный из Ростова, своего удела, состарившимся и больным отцом, он, как мы знаем, был им направлен против печенегов и, возвращаясь после напрасной погони, остановился для отдыха на берегу реки Альты. Здесь узнал он о смерти блаженного родителя. Известие это поразило его тяжелой скорбью. Бывшая с ним отцовская дружина, узнав о кончине великого князя, обратилась к Борису со следующим словом: «Здесь с тобою дружина отца твоего и войско; иди в Киев и садись на отчий стол, так как все тебя желают». На это Борис ответил своей дружине: «Не могу я поднять руки на старшего брата. Пусть будет он мне вместо отца». И распустил дружину вместе с войском по домам и остался один со своими слугами.

Святополк же, заверив Бориса в любви и уважении, тайно позвал вышгородских бояр Тальца, Еловита, Лешька и какого-то Путшу, спросил их: привержены ли они ему всем сердцем? Путша с вышгородцами отвечали: «Можем головы свои сложить за тебя». Тогда он сказал им: «Не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса».

Путша с товарищами пришли ночью на Альту и, подошедши к шатру Борисову, услышали, что князь слушает заутреню. Это было в субботу вечером, 24 июля 1015 года. Несмотря на осторожность, Святополк не мог утаить своих замыслов, и Борис знал, что его собираются погубить. Он велел священнику петь заутреню, сам читал шестопсалмие и канон. По окончании заутрени он стал еще пред иконой и молился: «Господи! Ты пострадал за грехи наши: удостой и меня пострадать за Тебя. Умираю не от врагов, а от брата; не поставь ему того в грех». Затем, причастившись Святых Тайн и простясь со всеми, Борис спокойно лег в постель.

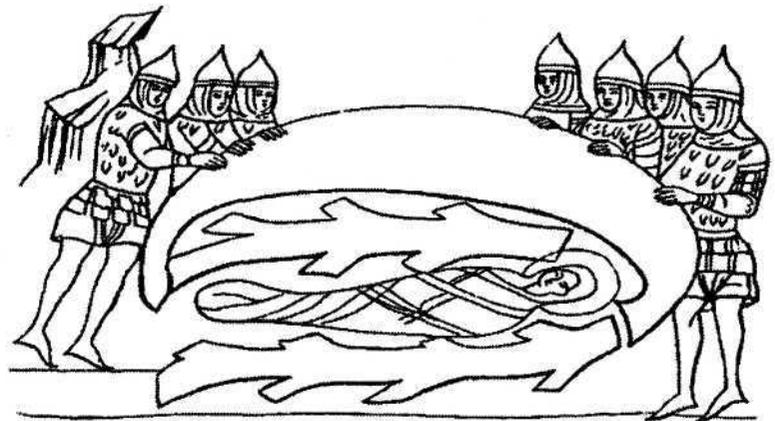
Убийцы дождались, пока князь, помолившись, лег; бросились на шатер и начали тыкать в него копьями, которыми и пронзили Бориса. Вместе с князем они пронзили и его верного слугу, родом венгра, по имени Георгий: этот доблестный юноша хотел прикрыть своим телом любимого господина и принял смерть вместе с ним.

Борис, который, со своей стороны, тоже очень любил своего слугу, подарил ему большую золотую гривну; так как убийцы не могли быстро снять ее с шеи, то они тут же отрубили голову Георгию и ограбили его тело, а затем убили и много других отроков. Бориса же, еще дышавшего, завернули в полотно шатра, положили на воз и повезли, дав знать Святополку об успехе задуманного. Святополк же, узнав, что брат еще дышит, послал двух варягов прикончить его. Затем тело принесли тайно в Вышгород и положили в церкви Святого Василия.

За этим братоубийством последовало и другое: меньшей брат Бориса, Глеб, сидел в Муроме. «Бориса я убил, как бы убить мне и Глеба», — сказал Святополк, по рассказу летописца; но Глеб был далеко, и потому Святополк послал сказать ему: «Приезжай поскорее сюда, отец твой зовет тебя; он очень болен». Глеб немедленно сел на коня и пошел с малой дружиной.

Когда он пришел на Волгу, около нынешней Твери, то конь его споткнулся во рву и намял ему немного ногу. После этого князь поплыл уже водой на Смоленск, чтобы спуститься в Киев Днепром.

Вскоре после того как Глеб проехал Смоленск и остановился для отдыха, его настиг посланный от Ярослава из Нов-

Похороны Глеба. Рисунок из Радзивилловской летописи

города, который передал от брата: «Не ходи; отец наш умер, а брата твоего убил Святополк».

Глеб оплакал смерть отца, но еще больше горевал о брате, которого нежно любил.

Затем встретили его убийцы, посланные Святополком, Отроки Глеба увидели их и схватились за оружие; скоро двое из них были убиты; тогда Глеб сказал остальным: либо они возьмут меня одного и отведут к брату, либо всех нас перебьют. И оставили отроки Глеба одного в лодке посреди реки. Убийцы приблизились к лодке, и некто Горясер приказал сейчас же зарезать юного князя. Это было исполнено его же повелением по имени Торчин.

Тело Глеба было затем вынесено из лодки и брошено между колодами в глухом лесу.

Узнав о злодейской расправе Святополка с младшими братьями, ближайший к Киеву князь Святослав, сидевший в стране Древлянской, не стал спокойно дожидаться такой же участи, а бежал в Венгрию. Но Святополк послал за ним погоню, и Святослав был убит в Карпатских горах.

Тогда, по словам летописца, Святополк начал думать: «Перебью всех братьев и приму один всю власть на Руси» Но он встретил грозного врага в лице Ярослава.

Мы оставили Ярослава в приготовлении к войне с отцом, для чего он собрал войско от Новгородской земли и призвал из-за моря варяжскую дружину.

Эти варяги, живя пока в Новгороде без дела, стали пошаливать и заводить всюду буйства и драки, творя насилие не только жителям, но и их женам. Гордые новгородцы никогда никаких обид не сносили и решили, что варяжскому насилию пора положить конец. Когда варяги были на каком-то Парамоновом дворе, то новгородская дружина ворвалась на этот двор и перебила всех озорников.

Этим, конечно, была нанесена кровная обида Ярославу, не только тем, что избili призванных им воинов, но также и тем, что избili его гостей; особа же гостя, как мы знаем, была неприкосновенной, и за всякую обиду гостю полагалась жесточайшая месть. И вот Ярослав решился мстить.

Правда, он был христианином, но христианином еще недавним, а обычаем кровавой мести сидел еще так глубоко в

сердцах всех, что очень долго и после принятия христианства допускался тогдашними законами.

Скрыв свою обиду и притворившись равнодушным к гибели варягов, Ярослав сказал по делу этому: «Так и быть, уж мне не воскресить убитых», а потом пригласил новгородцев, виновных в убийстве варягов, к себе на загородный двор; здесь на них неожиданно напали его слуги и иссекли всех лучших людей новгородской дружины. Кто же спасся, тот в ужасе бежал из города.

Окончив это вероломное побоище, Ярослав в ту же ночь получил важную весть из Киева: сестра Ярослава, Предслава, извещала брата, что отец умер, а Святополк, севши в Киеве, уже убил Бориса и послал теперь убийц и к Глебу. Каково было Ярославу получить подобную весть!

Во-первых, сведение о смерти Владимира не могло не возбудить в нем глубокого раскаяния, что он поднялся на старое отца. А затем убиение Святополком кроткого Бориса и посылка убийц к Глебу ясно показывали Ярославу, что очередь скоро дойдет и до него.

А между тем та верная дружина, которая именно и была нужнее всего в наступившее опасное и тяжелое время, была вчера избита из мести самим же князем.

«О, моя любимая дружина, — воскликнул при этих обстоятельствах Ярослав, — вчера в своем безумии я изгубил тебя, а ныне ты была бы надобна!»

На следующий день Ярослав созвал оставшихся новгородцев за город, в поле, и на вече в слезах объявил им: «Други мои и братья! Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и избивает братьев. Хочу идти на него, помогите мне».

И славные новгородцы помогли своему князю, которого горячо любили за большой ум и решительный нрав. Они, сами недавние язычники, понимали, конечно, что, избивая вчера их дружину, он платил долг священному чувству мести за убитых гостей-варягов. «А мы, княже, за тебя идем, — слышал он себе в ответ. — Если и погибли наши братья, то мы можем за тебя бороться».

Конечно, тронутый до глубины души Ярослав на этом же вече дал много таких льгот Новгороду, которых не имел ни один город. Впоследствии льготы эти были им подтверждены

так называемыми Ярославовыми грамотами, к сожалению утерянными и до нас не дошедшими, но до сих пор еще сохранилось в Новгороде место — Ярославов двор, где много веков подряд собиралось городское вече и решало свои дела на основании этих грамот.

Собрав к 1016 году три тысячи новгородцев и одну тысячу варягов, Ярослав двинулся на Святополка, отдавши успех своего предприятия на Божий Суд.

Святополк, узнав, что Ярослав идет на него, стал собирать войска из Руси, пригласил и печенегов. И пришел он к Любичу на Днепре. Здесь он стал на одном берегу, а Ярослав — на другом. Три недели стояли войска на реке, и ни один не решался напасть на другого.

Видя, что главные силы Ярослава состоят из горожан и сельчан, воевода Святополков, по прозванию Волчий Хвост, тот самый, который в 984 году победил радимичей, едзя по берегу, бранил новгородцев, называя их ремесленниками, а не воинами. «Эй вы, плотники, — кричал он им, — зачем пришли сюда с хромым своим князем? Вот мы вас заставим рубить нам хоромы».

Сильно обиделись новгородцы на эту насмешку и, придя к Ярославу, сказали ему: «Завтра же перевеземся на них, а если кто не пойдет с нами, того сами убьем».

Видя намерение своих новгородцев, Ярослав в ту же ночь послал в лагерь Святополка к одному приятелю, которого имел в нем, спросить: «Что делать? Меду мало варено, а дружины много». Приятель послал такой ответ: «Если меду мало, а дружины много, то к вечеру дать!» Ярослав понял, что ночью надо начать битву.

Новгородцы стали перевозиться на другой берег уже с вечера, а чтобы не вздумал кто воротиться, оттолкнули все ладьи и стали строиться в полки; для того же, чтобы узнать своих, повязывали головы полотенцами. Была заморозь. Святополково войско стояло между двумя озерами, причем за одним из них были расположены печенеги. Сам Святополк пировал и пил со своей дружиной всю ночь и не знал о готовящемся нападении.

После переправы новгородцы напали на Святополка, и произошла жестокая сеча; в ней Святополк с дружиной был

притиснут к одному из озер и вынужден был вступить на лед; лед обломился, и люди Святополка стали гибнуть; печенеги, стоя по другую сторону озера, не могли ему оказать помощи, а потому победа досталась на долю Ярослава.

После битвы Святополк бежал в Польшу к тестю, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском. Новгородцы же были отпущены домой и очень щедро награждены: все горожане получили по 10 гривен каждый, все люди от земли — по одной гривне, а их старосты — по десяти.

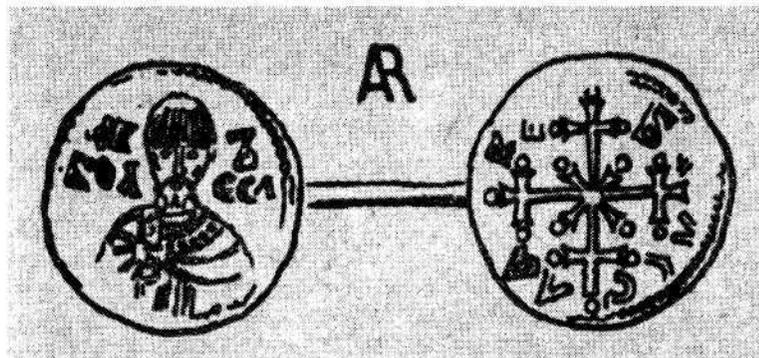
Но Святополк был жив и скоро дал о себе знать. Он сейчас же соединился с тестем своим, Болеславом Польским, и они объявили войну Ярославу. Прежде всего они навели на Киев печенегов; злая сеча была вокруг самого города; погорело множество домов, и только к вечеру удалось Ярославу одолеть этих степных хищников.

Затем сам Ярослав, заключив союз с недругом Болеслава — немецким императором Генрихом Вторым, хотел осадить город Брест в Польше; но осада эта была unsuccessful.

В это же время немецкий император так же неудачно воевал с Болеславом и скоро заключил с ним мир, после которого уже сам стал советовать полякам идти против русских.

В 1017 году Болеслав выступил в поход, усилив себя немцами, венграми и печенегами.

Он встретился с Ярославом 22 июля того же года на реке Западный Буг, отделявшей польские владения от русских. Так

Портрет Болеслава на монете того времени. Из книги «Три века. Россия от Смуты до нашего времени» (М., 1912)

же как под Любечем, воевода Волчий Хвост дразнил новгородцев, так здесь, на Буге, воевода Ярослава — Будый, который был ему дядькой и кормильцем, ездя по берегу, тоже начал смеяться над Болеславом, стоявшим со своим войском на другом берегу. Будый называл его самыми бранными словами и кричал ему: «А вот подожди, уж мы проткнем спицею брюхо твое толстое».

«Болеслав, — говорит летописец, — был велик и тяжел и с трудом сидел на лошади; но зато был смышлен. Не вытерпел он Будыевой брани и, обратившись к дружине своей, сказал: «Если это вам ничего, то я один погибну», — сел на коня и бросился в реку». Воодушевленная этими словами и примером короля дружина бросилась за ним, перешла Буг и напала на застигнутых врасплох воинов Ярослава, которые не ожидали нападения. Победа поляков была полная. Ярослав спасся только с четырьмя человеками и ушел с ними в Новгород; Болеслав же и Святополк подошли к Киеву.

Киевляне затворились и не пожелали принять Святополка и ляхов, причем в город собралось много народу из окрестных сел, искавших в нем защиты.

Болеслав хотел сперва взять Киев голодом, но затем, 14 августа, пошел на приступ и через несколько часов въехал в него победителем на коне. По рассказу польских летописцев, Болеслав сделал будто бы при въезде на Золотых воротах, чтобы зарубить новую границу своих владений, зарубку мечом, причем ударил им так сильно, что на мече осталась щербина, отчего меч этот стал прозываться с тех пор поляками Щербец и наследственно передаваться польским королям.

Однако Болеслав, несмотря на будто бы сделанную зарубку на Золотых воротах (в действительности ворота эти тогда еще вовсе не существовали, а были сооружены позже) и на свой знаменитый меч-щербец, сидел в Киеве недолго.

Войдя в Русскую землю, он вздумал распоряжаться в ней, как победитель в покоренной стране. Застав в Киеве мачеху, жену и сестер Ярослава, он одну из них, Предславу, за которую прежде сватался, но получил отказ, теперь, в отмщение, взял себе в наложницы.

Затем он захватил все имущество Ярослава. Хитрый грек Настас, путивший из Корсуня стрелу с запиской в стан Вла-

димира перед крещением князя и проживавший с ним в Киеве, где был в большой чести и заведовал Десятинной церковью, вошел теперь в большую милость к Болеславу.

Уверенный в себе, польский король одну часть своих дружин отпустил домой, а другой приказал разойтись по русским городам для кормления.

*Золотые ворота Киева. Гравюра VII века
из книги А. Нечволодова*

Вот тут-то он и ошибся в своих расчетах. Русские отнюдь не были склонны переносить наглое отношение к себе поляков и начали всюду беспощадно их избивать. В этом им помог и Святополк, которому наскучило гошенье тестя. Он послал сказать кому следует: «Сколько есть ляхов по городам, избивайте их».

Видя погибель своих поляков, Болеслав бежал из Киева, причем дочиста ограбил город, забрал с собой церковное и княжеское имущество, захватил двух сестер Ярослава — Предславу и Мстиславу, его бояр и множество пленных. При этом к награбленному имению он приставил своего нового друга, ловкого Настаса, а по дороге в Польшу взял назад отобранные у него святым Владимиром червенские города. Святополк же после бегства тестя стал княжить в Киеве.

Обратимся теперь к Ярославу.

После неожиданного для себя разгрома на реке Буге он прибежал сам-пять в Новгород и решил бежать дальше, за море — к варягам.

Но доблестные новгородцы опять не оставили в несчастье своего любимого князя и не позволили ему бежать за море. Под предводительством посадника Константина, сына Добрыни, они рассекли княжеские ладьи, приготовленные для бегства, и объявили ему: «Хотим еще биться с Болеславом и Святополком». После этого сейчас же начали собирать деньги на войну: с простого человека брали по 4 куны, со старост по 10 гривен, а с бояр — по 18 гривен. На деньги эти наняли варягов и пошли на Киев.

Услышав про поход Ярослава, Святополк побежал к печенегам и привел оттуда огромную рать. Оба войска встретились на реке Альте, у того самого места, где был убит князь Борис. «Братья мои, — воскликнул Ярослав перед боем, — если вы уже далеки от меня телом, то молитвой помогите мне на этого гордого и супротивного убийцу». Сеча была злая, какой еще не было на Руси. Три раза сходились обе рати биться; секлись, схватываясь руками; кровь текла по долинам рек. Наконец к вечеру Ярослав одолел.

Потрясенный своим поражением, Святополк бежал, несомый на носилках, так как у него ослабели все члены и кости, и постоянно твердил: «О, бегите, бегите, догоняют нас»,

Так пробежал он всю Польскую землю и погиб в пустыне между ляхами и чехами. Это было в 1019 году. Народ прозвал его Окаянным.

После сего Ярослав сел в Киеве, где «утер пот с дружиною», по выражению летописца.

Первым его делом было отдать последний долг своим братьям-страстотерпцам — Борису и Глебу. О месте погребения Бориса он узнал скоро, но целый год искал напрасно останки Глеба. Только весной 1020 года тело его было случайно найдено звероловами. Священники со свечами и кадилами перенесли его в лодку, и затем оно было перенесено в Вышгород, где его погребли рядом с братом.

При этом всеобщее внимание было обращено на то, что тело Глеба, пролежав пять лет в лесу, нисколько не повредилось от погоды; также звери и птицы не тронули его; оно было бело и нетленно, как живое. Скоро у могилы мучеников начали являться знамения и чудеса. Ярослав, после совещания с митрополитом Иоанном, решил открыть мощи новоявленных святых, прославленных нетлением и даром чудотворения. Для этого приступили к постройке нового храма, и 24 июля 1021 года храм этот был освящен, и мощи открыто поставлены в правой стороне церкви. Во время литургии, при бесчисленном стечении народа, хромой, ползавший у раки святых, встал и стал ходить на виду у всех.

С памятью святого страстотерпца Бориса неразлучно связана память о верном слуге его Ефреме Новоторжском. Ефрем, родом венгр, пришел на службу к князю Борису вместе с двумя своими братьями — Моисеем и Георгием. Георгий, как мы знаем, был при своем господине на берегу реки Альты и погиб от копий убийц, когда хотел прикрыть своим телом Бориса. Узнав о смерти князя и любимого его брата, Ефрем искал тело Георгия на месте убийства, но нашел только голову, которую злодеи отрубили, чтобы снять с шеи золотую гривну, подаренную ему Борисом. Ефрем взял с собой голову брата и затем принял иночество, удалившись на берег реки Тверцы, в селение Новый Торжок. Там он построил странноприимный дом, а когда открылись мощи святых князей Бориса и Глеба, то в честь их он соорудил каменный храм и основал монастырь. Мощи преподобного Ефрема, обретенные в

1872 году, почивают открыто в соборной церкви Новоторжского Борисоглебского монастыря. При них нетленная глава брата его Георгия, которая, по завещанию преподобного Ефрема, была положена с ним в могилу.

Сев в Киеве на княженье и заботясь об отдаче последнего долга погибшим братьям, Ярослав, вместе с тем, должен был перенести еще немалые огорчения от других своих родственников.

В 1020 году племянник Ярослава, полоцкий князь Бречислав, сын того Изяслава, который, будучи малюткой, с большим мечом в руках спас свою мать Рогнеду от гнева Владимира, напал на Новгород, ограбил город, полонил множество жителей и с богатой добычей пошел обратно к Полоцку. Узнав про это, Ярослав собрался против него и совершил поход, по примеру деда своего Святослава, с поражающей быстротой, сделав в семь дней от Киева до речки Судомы, впадающей в Шелонь, около семисот верст; здесь он отобрал у Бречислава весь его полон и прогнал обратно к Полоцку; впрочем, он вскоре примирился с ним и прибавил к его уделу еще две волости.

Расправившись с Бречиславом, Ярослав через два года вынес гораздо более упорную борьбу с родным братом своим от Рогнеды — Мстиславом. Этот Мстислав, получив от отца далекую Тмутаракань, усилил свои владения, победив хазар и касогов, живших в степях, примыкающих к Северному Кавказу. По природе богатырь, дебелий телом, черный волосом, светлый лицом, храбрый, милостивый и долготерпеливый ко всем, Мстислав больше всего на свете любил свою дружину, для которой ничего не жалел.

В 1016 году, помогая грекам, он окончательно разрушил Хазарское царство и взял в плен хазарского хагана. В 1020 году, когда Ярослав расправлялся с Бречиславом, Мстислав покорил касогов.

Это случилось так. Когда Мстислав и его дружина сошлись с касожскими полками, то их князь Редедя, богатырь по своей силе, предложил Мстиславу: «Для чего будем губить свою дружину, лучше сойдемся сами и поборемся. Если ты одолеешь, то возьмешь все мое: именье, жену, детей и всю землю. Если я одолею, то возьму все твое». — «Да будет так», — от-

ветил ему Мстислав. Тогда Редедя добавил, что бороться будут не оружием, а борьбой. Крепко схватились два богатыря. Редедя был силен и велик, и Мстислав стал уже изнемогать. «Пресвятая Богородица, помоги мне, — воскликнул он в молитве и помыслил: — Если одолею, построю церковь во имя Твое». Как только он это сказал, то в ту же минуту ударил Редедю о землю, после чего вынул нож и заколол его. Затем, согласно уговору, Мстислав вошел в Касожскую землю, забрал ее и наложил дань, а вернувшись к себе в Тмутаракань, заложил обещанную церковь Святой Богородице.

Вот этот-то Мстислав, получивший прозвище Удалого, усилившись касожскими полками, решил в 1023 году искать себе лишних волостей после умерших братьев и вторгся в русские пределы. Он уже раньше требовал их себе, и Ярослав давал ему Муром, но Мстислав нашел, что этого мало.

В то время как Мстислав шел к Киеву, Ярослав был в Новгороде, где работал на пользу народа. Дело в том, что в суздальской стороне случился в это время голод; языческие волхвы волновали народ, уверяя, что гнев богов происходит от старых людей, и научали убивать их. Все это вызвало великий мятеж по всей стране, и было убито несколько старых женщин. Ярослав поспешил на помощь к взволнованному народу, переловил волхвов, одних казнил, других заточил и успокоил народ, говоря, что Бог по грехам наводит на землю бедствия и казни и что человек знать этого не может; старые же бабы тут ни при чем. В то же время он отправил людей по Волге и к болгарам за хлебом, получив который все ожили и успокоились.

Узнав о вооружении Мстислава, Ярослав стал собирать в Новгороде рать и послал за море нанять варягов. Эти варяги пришли к нему под начальством воеводы Якуна Слепого, носившего на глазах повязку из золотой ткани.

Тем временем Мстислав подошел к Киеву; но киевляне заперлись и отказались его принимать. Тогда он сел в Чернигове. Собрав своих новгородцев, Ярослав вместе с варягами пошел против брата; Мстислав тоже вышел ему навстречу, и полки сошлись в Листвене, в 40 верстах к северу от Чернигова. Мстислав построил свое войско вечера. Ночью разразилась страшная гроза, засверкала молния, загремел гром,

дождь. Тогда удалой князь сказал своей дружине: «Пойдем на них; это наша добыча». Однако Ярослав тоже не дремал; по-видимому, его новгородцы и варяги также хотели напасть врасплох на Мстислава. Оба войска встретились, и наступила страшная сеча. Великая гроза тоже не уменьшалась. Наконец Мстислав ударил со своей дружиной на варягов; те подались и побежали; слепой Якун второпях потерял даже свою золотую повязку с глаз и бежал прямо домой за море. Ярослав тоже вынужден был отступить и направился в свой Новгород. Тогда Мстислав послал ему вдогонку посланных, чтобы они сказали Ярославу от него: «Садись в своем Киеве, ты старейший брат, а мне будет эта черниговская сторона». Но Ярослав, искушенный своей борьбой со Святополком, не пошел на этот зов сразу, а послал в Киев своих посадников. Только через год, собрав в Новгороде большое войско, пошел он на Киев и заключил с Мстиславом мир; братья съехались у Городца близ Киева и разделили Русскую землю по Днепру: Мстислав взял себе восточную часть со столом в Чернигове, а Ярослав — западную, с Киевом. Это было в 1025 году, «...и начали они жить мирно и братолюбиво, — говорит летописец, — перестала усобица и мятеж, и была тишина великая в земле».

Собор Спаса Преображения в Чернигове; рядом церковь Святых Бориса и Глеба. Рисунок из книги А. Нечволодова

После примирения с братом Ярослав начинает усердно трудиться над приведением в порядок дел государственных и над защитой границ от соседей, поднявших было голову во время братских усобиц.

Прежде всего, надо было наказать поляков за их хозяйничанье в Киеве с Болеславом и Святополком.

Как только, в 1025 году умер Болеслав, во всей Польше начался мятеж. При этом поднялись также и червенские города — Перемышль, Червень и другие, не желавшие больше носить польское иго. Ярослав с Мстиславом пришли им на помощь и в 1030 году отобрали их обратно у ляхов, а затем прошились по польской земле, забрав множество пленных.

В этом же 1030 году Ярослав укрепляет свою власть на западном берегу псковского озера и строит город Юрьев (по своему христианскому имени — Юрий).

В Чернигове еще в 1031 году Мстислав Удалой заложил собор Спаса Преображения, стоящий нерушимо и поныне. В недавние времена собор этот особенно прославился открытием нетленных и чудотворных мощей святого Феодосия Углицкого, архиепископа Черниговского.

В 1036 году Мстислав поехал на охоту, простудился и умер. Все его волости достались Ярославу, который стал с тех пор единовластным в Русской земле¹.

В том же 1036 году великий князь ходил в Новгород, где посадил княжить старшего сына своего Владимира, а епископом поставил знаменитого проповедника Луку Жидяту. Находясь в Новгороде, Ярослав узнал, что печенег в огромном количестве подошли к самому Киеву. Он тотчас же выступил против них с варягами и новгородцами, которых по прибытии соединил с киевлянами. Битва с печенегами произошла на том месте, где ныне в Киеве стоит собор Святой Софии.

Сеча была жестокая, но к вечеру Ярослав наголову разгромил печенегов, которые в ужасе бежали во все стороны.

Поражение печенегов было настолько полное, что с той поры они навсегда прекратили всякие нападения на Русь.

¹ Единственный оставшийся в живых брат Судислав, сидевший в Пскове, был, по словам преподобного Нестора, оклеветан перед Ярославом и заключен в темницу. — *Примеч. А. Нечволодова.*

Изображение храма Святой Софии в Киеве. Со старинного рисунка, заказанного польско-литовским гетманом князем Янушем Радзивиллом по случаю занятия его войсками Киева в 1651 году (из книги А. Нечволодова)

На следующий год Ярослав заложил в Киеве кремль и соборный храм Святой Софии Премудрости Господней на месте своей славной победы над печенегами. Тогда же он построил в Киеве церковь Святой Ирины и монастырь Святого Георгия. Наконец, в том же 1037 году соорудил он и Золотые ворота.

После разгрома печенегов Ярославу пришлось вести еще несколько войн; он послал воевать финское племя ямь, жившее в нынешней Финляндии, и распространил русские владения по течению реки Северной Двины.

Затем были при нем походы на Литву и ятвягов, чтобы наказать их за набеги на наши границы.

Наконец, в 1043 году Ярослав предпринял поход и на Царьград. Причина этого похода заключалась в следующем. После крещения святого Владимира греки жили с русскими очень мирно и свято соблюдали договоры, писанные при Олеге и Игоре. Но однажды случилось, что русские с греками поспорили на торгу; произошла драка, и один русский был убит. Ярослав, горячий и неукротимый, несмотря на свои преклонные годы, пришел за эту обиду в большой гнев и, собравши большое войско, посадил его на ладьи и отправил к Царьгра-

ду под начальством сына своего Владимира, при двух воеводах: Вышате и Иване Творимириче.

Греческий царь Константин Мономах, узнав о приготовлениях русских к войне, послал тотчас к Ярославу послов с предложением мира, говоря, что из-за такой маловажной причины не следует нарушать добрый и старый мир и вводить в войну два больших народа.

Но Ярослав, рассказывают греки, прочитав царское послание, прогнал послов с бесчестьем и послал Константину гордый и презрительный ответ. Греки, конечно, почитали убийство русского маловажным делом и хотели отделаться дарами и деньгами, но Русь дешево не отдавала свою кровь и никаких обид не прощала, особенно лживым грекам. Русская голова, погибшая в Царьграде, всегда волновала всю Русскую землю, и вся земля, не разбирая опасностей, собиралась, как один человек, мстить за свою кровь.

Получив такой ответ от Ярослава, Константин стал готовиться к защите: он, прежде всего, захватил находившихся в Царьграде русских, опасаясь от них возмущения, и разослал их по отдельным областям. Затем он вооружил свои корабли и войска и выслал их к входу из Черного моря в Босфор, где обычно останавливалась Русь — в небольшой гавани, у маяка Искреста. Греческие и русские суда стали друг против друга, но боя не начинали. Царь Константин снова послал своих приближенных просить мира. Князь же Владимир отослал их назад с посрамлением, сказав, что примет мир не иначе, как получив на каждого русского воина по три фунта золота¹.

Конечно, царь Константин столько золота дать не мог и начал битву.

Вот как рассказывает про эту битву грек Псел, состоявший в то время, как она шла, при императоре Константине: «Царь ночью с кораблями приблизился к русской стоянке и потом наутро выстроил корабли в боевой порядок. Русские, со своей стороны, снявшись, как будто из лагеря и окопа, от противоположных нам пристаней и выйдя на довольно значительное пространство в открытое море, поставив потом все

¹ Это меньше полутора килограммов на человека. Однако не сказано, сколько было русских воинов.

свои корабли по одному в ряд и этой цепью перехватив все море от одних до других пристаней, построились так, чтобы или самим напасть на нас, или принять наше нападение. Не было ни одного человека, который, смотря на происходящее, не смутился бы душой; я сам стоял тогда, говорит Псел, около императора и был зрителем совершающегося. Однако никто не двигался вперед, и обе морские силы стояли неподвижно.

Когда прошло уже много дней, тогда император подал знак двум из больших кораблей и приказал понемногу двигаться вперед против русских ладей. Большие корабли ровно и стройно вышли вперед, а сверху копьеносцы и камнеметатели подняли военный крик; метатели же огня построились в порядке, удобном для бросания его.

Тогда большинство русских лодок, высланных навстречу, быстро гребя, устремились на наши корабли, а потом, разделившись, окружив и как бы опоясав каждый из отдельных больших кораблей, старались пробить их снизу балками, а греки бросали сверху камни и весла. Когда против русских начали метать огонь и в глазах у них потемнело, то одни из них стали кидаться в море, как бы желая проплыть к своим, а другие не знали, что делать, и в отчаянии погибали.

Затем император подал второй знак, и уже большее число больших кораблей двинулось вперед; за ними пошли другие корабли, следуя сзади или плывя рядом. Наша греческая сторона уже ободрилась, а русские стояли неподвижно.

Когда, разрезая воду, большие корабли очутились против самых русских лодок, то связь их была разорвана, и строй их рушился; однако некоторые из них осмелились стоять на месте, но большая часть повернула назад.

Между тем солнце, уже высоко поднявшись, стянуло в себе густое облако снизу и изменило погоду: сильный ветер поднялся с востока, возмутил море вихрем, который и устремил волны на русских и потопил часть их лодок тут же, а другие, загнав далеко в море, разбросал по скалам и утесистым берегам; иные из них были настигнуты греческими большими кораблями, которые и предали их пучине со всеми гребцами и воинами; другие, будучи рассечены пополам, были выкинуты на ближайшие берега. Произошло большое избиение рус-

ских, и море было окрашено поистине убийственным потоком, как бы идущим сверху, из рек».

Так рассказывает грек Псел про это морское сражение, причем сам же указывает, что больше всего помогла грекам поднявшаяся буря. Выкинутые этой бурей тела русских собирались греками, после чего они обирали с покойников одежду и вещи.

Корабль князя Владимира был также разбит бурей, и сам он чуть не погиб. Воевода Иван Творимирич еле успел посадить его на свою лодку. Оставшиеся в живых русские пошли домой — одни пешком по берегу, другие на оставшихся судах. Всего на берегу после бури собралось шесть тысяч человек; они были наги, голодны, без припасов и без начальства, так как никто из старших княжеской дружины не хотел идти с ними, предпочитая вернуться на ладьях.

Тогда доблестный Вышата, воевода Ярославов, видя столько воинов, брошенных без вождя на произвол судьбы, воскликнул от жалости: «Не поеду я к Ярославу, а пойду с ними» — и высадился из своей лодки на берег. «Если я жив буду, то с ними, — сказал он, прощаясь с князем Владимиром, — а если погибну, то с дружиной» — и после этого принял начальство над нагими и голодными воинами.

Между тем греки выслали погоню за русскими ладьями. Узнав про это, Владимир повернул назад, вступил в бой с греческими кораблями и разбил их со славой: четыре из них взял в плен со всеми людьми и убил самого греческого воеводу. После этого он с большой честью вернулся в Киев к отцу.

Не такова была судьба благородного Вышаты. Он благополучно добрал со своими больными, увечными и еле одетыми и обутыми воинами до Варны. Здесь их подждал греческий воевода. Наши вступили в бой, но были разбиты; при этом восемьсот человек и сам Вышата попали в плен, после чего были приведены в Царьград и ослеплены.

Неудачное окончание описанного похода несколько не уменьшило значения Руси в Царьграде: слишком силен и могуществен был русский князь Ярослав, и слишком храбры и неустрашимы были русские войска. Да кроме того, греки и не могли существовать без русских товаров: хлеб, меха, мед, рыба, воск, янтарь, золото — все это получалось из Руси, а

потому греки и были, конечно, крайне рады, когда через три года им удалось восстановить с Ярославом прежний мир¹.

По этому миру Вышата со славной дружиной был отправлен на родину, где был, несомненно, встречен с большим почетом; на Руси же после этого можно было видеть много слепцов.

Впоследствии, чтобы укрепить еще больше мир с Русью, Константин Мономах выдал свою дочь замуж за Всеволода, любимого сына Ярослава.

Кроме греческого императора все знаменитые короли и владетельные князья того времени искали высокой чести породниться с русским великим князем.

Сам Ярослав был женат на Индигерде, дочери шведского короля Олафа; сестру свою Доброгневу он выдал замуж за короля Казимира, занимавшего польский стол после Болеслава Храброго; а сестра самого Казимира была женой сына Ярославова — Изяслава. Одна дочь Ярослава, Елизавета, была замужем за норвежским королем Гаральдом. Ярослав долго не соглашался выдавать за него дочь, так как он сватался к ней во время изгнания из своей родины; но своей храбростью и доблестной службой Ярославу, а также и византийскому императору, которому он завоевал много городов, Гаральд склонил наконец русского великого князя отдать за него дочь. До сих пор еще норвежцы распевают славные песни, которые сложил Гаральд в честь горячо любимой жены своей — красавицы Елизаветы Ярославны. Другая дочь, Анна Ярославна, была женой французского короля Генриха Первого и матерью французского же короля Филиппа, за малолетством которого она долго правила Францией. Французы до настоящего времени берегут ее собственноручную подпись «Королева Анна» на одной государственной грамоте. «На ней королева Анна, — говорит французский ученый, описывавший грамоту, — не удовлетворялась, по обычаю тех вре-

¹ Основным видом экспорта были не золото и хлеб, а рабы. Продажа ближнего — весьма доходное предприятие. По всей Европе понятие «славянин» и «раб» (sclavus) стали синонимами. И действительно, если русские очень ценили русскую кровь, то зачем же убивать, когда можно продать?

мен, за общей безграмотностью, поставить крест рядом со своим именем, написанным рукой писца, но собственноручно подписала ее своим именем на русском языке¹». В городе же Реймсе, где венчались на царство французские короли, до сих пор хранится Евангелие, которым, вероятно, благословил свою дочь, отправляя во Францию, Ярослав Мудрый. Французские короли при сбое помазании давали обет Господу на этом Евангелии, причем, ввиду незнакомства французов со славянским языком, оно считалось ими написанным на каком-то совершенно неведомом языке. 22 июля 1717 года, когда император Петр Великий проезжал через город Реймс и осматривал соборную ризницу, то Евангелие это было ему показано с пояснением, что никто не знает, на каком оно написано языке. К величайшему удивлению присутствующих, великий русский царь, взяв его в руки и увидев церковно-славянское письмо, начал его тотчас же бегло читать.

Третья дочь Ярослава, Анастасия, была женой венгерского короля Андрея Первого, а несколько сыновей Ярослава были женаты на немецких графинях очень знатных родов.

В 1054 году, чувствуя приближение смерти, Ярослав собрал своих детей и для предупреждения всякой распри между ними держал им следующее слово: «Вот я отхожу из этого света, дети мои! Любите друг друга, потому что вы — братья родные, одного отца и одной матери. Если будете жить в любви между собой, то Бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире; если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцов и дедов, которую они приобрели трудом своим великим. Так живите же мирно, слушаясь друг друга.

¹ Королева Анна подписалась вовсе не по-русски: 4N4PbHN4. Вопрос еще, ее ли это подпись. Сохранились хозяйственные документы, в которых есть подписи Анны и ее мужа Генриха. Король подписывался одним крестом, вместо подписи Анны — два креста. Так что, вероятнее всего, королева Анна была неграмотной, как и ее муж. А «знаменитая» подпись могла быть написана ее священником или писарем в качестве подтверждения того, что два креста — подпись именно королевы.

Свой стол — Киев поручаю вместо себя старшему сыну моему, Изяславу. Слушайте его, как меня слушались; пусть он будет вам вместо отца. Святославу даю Чернигов, Всеволоду — Переяславль, Игорю — Владимир, Вячеславу — Смоленск; каждый да будет доволен своею частью; если же кто захочет обидеть брата своего, то ты, Изяслав, помогай обиженному».

Вскоре после этого великий князь, уже совершенно больной, но не перестававший заниматься государственными делами, поехал по какой-то надобности в Вышгород и там скончался 19 февраля 1054 года на руках своего любимого сына Всеволода; он умер семидесяти шести лет от роду, окруженный всеобщим почетом и любовью и горько оплакиваемый народом.

Тело его было положено в гробницу из светлого мрамора, в которой оно покоится и поныне, в приделе, по правую руку от алтаря, в соборном храме Святой Софии в Киеве.

Благодарный русский народ почтил память своего великого князя, наименовав его Мудрым.

Действительно, немало мудрости и трудов положил Ярослав для создания великой и могучей Руси.

Длинные междоусобные войны с братьями заняли у него многие годы. При этом военное счастье далеко не всегда было на его стороне. Тяжкие поражения пришлось ему испытать и от поляков при борьбе со Святополком, и от брата Мстислава под Лиственном. Наконец, не удался и его греческий поход. Но все эти тяжкие времена мудрый Ярослав преодолел своим твердым нравом и ясным умом, и к концу его жизни все устроилось так, как лучше он и желать не мог.

Кроме войн, веденных для защиты и усиления русской мощи и славы, не меньше трудов положил Ярослав и на устройство внутренних дел и порядков в Русской земле. За свою любовь к сооружению церквей, монастырей, палат и других зданий киевляне признали его «хоромцем», то есть охотником строить¹.

Еще с большей любовью и усердием относился Ярослав к народному просвещению.

¹ «Хромцом», а не «хоромцем». Ибо был он хромым.

Время его ознаменовалось распространением православной веры почти по всей Русской земле и постройкой множества церквей и монастырей¹.

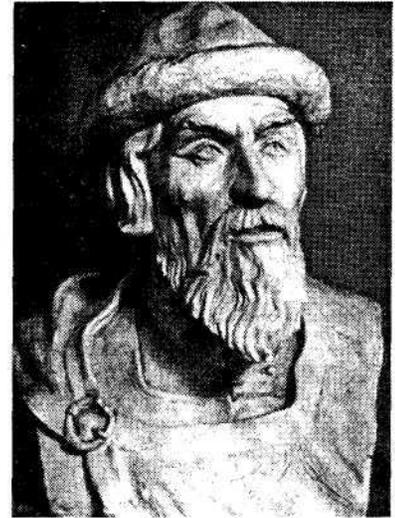
Как глубоко верующий христианин, Ярослав смущался, что дяди его Ярополк и Олег умерли некрещеными; поэтому он вырыл их кости и, крестивши их, предал опять погребению.

Детей своих он воспитывал в вере Христовой с самым большим старанием. Особенной ревностью к вере отличались супруга его Индигерда, в крещении Ирина, и старший сын Владимир Ярославич, сидевший в Новгороде, в котором он положил очень много трудов на сооружение собора Святой Софии; почив тридцати трех лет от роду, Владимир был погребен в корсунской паперти собора, рядом с матерью, принявшей перед смертью пострижение с именем Анны. Мощи князя Владимира и княгини Анны прославились своим нетлением и ко дню празднования тысячелетия России, в 1862 году, были положены и серебряных раках в самом соборе.

Ярослав в Новгороде собрал 300 детей у старост и попов и отдал учиться книжному и церковному просвещению».

Прочтя официальную версию, попробуем разобраться во всем этом на основе дошедших до нас документов.

Великий цесарь Георгий Васильевич Святой, более известный как Ярослав Владимирович Мудрый, с детства был физически слаб, хром и до восьми лет не становился на ноги, но

Скульптурный портрет Ярослава, восстановленный по черепу академиком Герасимовым

¹ Насчет «всей Русской земли» не знаю, но Ярослав действительно был первым князем, ориентирующимся на Римскую церковь и старавшимся распространить христианство среди своих подданных.

зато был весьма умен и рассудителен. («Эймундова сага» сообщает, что хромым он стал лишь в 1017 году после ранения.)

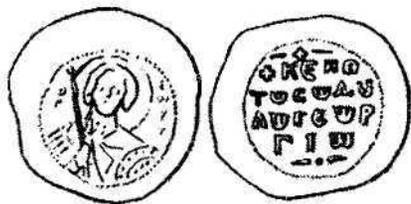
Ярослав, сын Владимира Святославича и Рогнеды Рогволодовны, родился в 977 году. Умер в 1054 году.

У Владимира Святославича было несколько сыновей. Старшие (Вышеслав и Изяслав) умерли еще при жизни отца (Изяслав в 1001-м, Вышеслав в 1010 году).

На престол отца претендовал старший из оставшихся в живых сыновей — законный наследник Святополк, родившийся в 975 году. Именно потому, что Святополк был законным наследником престола, за него и выдал свою дочь польский король Болеслав, чтобы иметь сильного союзника на востоке. Святополк же женится на его дочери для того, чтобы иметь поддержку в своем стремлении стать великим князем. Из-за этого желания в 1013 году Святополк с женой и ее духовником Рейнберном были подвергнуты аресту. Государство делится на три части. Великим князем киевским еще при жизни Владимира становится отцов любимчик — Борис (Борислав). Ярославу отдан Новгород. Полоцком владеет племянник Владимира Брючеслав. Мстиславу завещано княжество Тмутараканское, которое еще надо завоевать, ибо это земля адыгов.

Святополк, оставив в руках своего отца Владимира жену и духовника, бежит в Польшу, к тестю, в надежде получить помощь. Но в это время (в 1015 году) Владимир умирает. И начинается война за престол между сыновьями Владимира. Борис, получив наибольшую часть, решил объединить все государство и начал подготовку к войне. Его поддержал Святополк. Ярослав же и Глеб, вставший на сторону Ярослава, ре-

шили оказать сопротивление. Но положение у Ярослава было плохое. Незадолго до этого в Новгороде произошли неприятные вещи. Варяги из дружины Ярослава творили насилия над новгородцами, и, когда терпение у тех иссякло, горожане возмутились и

Печать Ярослава-Георгия. Рисунок из книги В. Л. Янина «Актовые печати Древней Руси» (М., 1970)

перебили часть варягов. В отместку Ярослав уничтожил зачинщиков и активных сторонников бунта. И вот теперь надо было иметь опору у населения, доверять которому нельзя. Поэтому он едет в Швецию за военной помощью. Нужно набрать воинов. В Швеции Ярослав женится, беря в жены Ингигерд, дочь шведского короля Олава.

В ряде саг, в том числе в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе», в «Гнилой коже», в «Пряди об Эймунде» и некоторых других, развивается тема брака Ярослава и Ингигерд: кроме сюжета о браке вводится второй сюжет — их супружеская жизнь. Этот сюжет представлен в сагах в виде упоминаний образующих его важнейших мотивов и в виде самостоятельных эпизодов. Один из них, содержащий практически все составляющие сюжет мотивы, открывает сборник саг «Гнилая кожа»: «Мы начнем повесть с того, что Ярицлейв-конунг и Ингигерд-княгиня, дочь Олава, конунга Шведского, правили в Гардарики. Она была мудрее всех женщин и хороша собой. Говорится о том, что конунг тот, Ярицлейв, велел построить себе прекрасную палату с великой красотой, украсить золотом и драгоценными камнями и поместил в ней добрых молодцов, испытанных в славных делах, утварь и боевую одежду выбрал для них такую, какой они уже раньше оказались достойными, и все находили, что и убранство палаты, и те, кто были в ней, подходят к тому, как она устроена. Палата была обтянута парчой и ценными тканями. Сам конунг был там в княжеской одежде и сидел на своем высоком месте. Он пригласил к себе многих почетных друзей своих и устроил пышный пир. И вошла в палату княгиня в сопровождении прекрасных женщин, и встал конунг ей навстречу, и хорошо приветствовал ее, и сказал: «Видала ли ты где-нибудь такую прекрасную палату и так хорошо убранную, где, во-первых, собралась бы такая дружина, а во-вторых, чтобы было в палате той такое богатое убранство?» Княгиня отвечала: «Господин, — говорит она, — в этой палате хорошо, и редко где найдется такая же или большая красота, и столько богатства в одном доме, и столько хороших вождей и храбрых мужей, но все-таки лучше та палата, где сидит Олав-конунг, сын Харальда, хотя она стоит на одних столбах». Конунг рассердился на нее и сказал: «Обидны такие слова, — ска-

зал он, — и ты показываешь опять любовь свою к Олаву-конунгу», — и ударил ее по щеке. Она сказала: «И все-таки между вами больше разница, — говорит она, — чем я могу, как подобает, сказать словами». Ушла она разгневанная и говорит друзьям своим, что хочет уехать из его земли и больше не принимать от него такого позора. Друзья ее вступаются в это дело и просят ее успокоиться и смягчиться к конунгу. Она отвечала и сказала, что сначала конунг тот должен исправить это перед ней. Тогда сказали конунгу, что она хочет уехать, и просят друзья его, чтобы он уступил, и он так и делает, предлагает ей помириться и говорит, что сделает для нее то, чего она попросит. А она отвечала и говорит, что согласна на это, и сразу же сказала: «Ты теперь должен, — говорит она, — послать корабль в Норвегию к Олаву-конунгу. Я слышала, что у него есть молодой сын, незаконный, пригласи его сюда и воспитывай его как отец, потому что правду говорят у вас, что тот ниже, кто воспитывает дитя другого». Конунг говорит: «Тебе будет то, чего ты просишь, — говорит он, — и мы можем быть этим довольны, хотя Олав-конунг больше нас, и не считаю я за унижение, если мы воспитаем его дитя». И посылает конунг корабль в Норвегию».

Первый мотив, связанный с изображением в сагах брака Ярослава и Ингигерд, — любовь Ингигерд к Олаву Харальдссону, ее первому жениху. Авторы, в том числе Снорри, со свойственной сагам лаконичностью, когда речь идет о человеческих чувствах, отмечают, что Ингигерд «нравилось слушать», когда ей рассказывали об Олаве, и на вопрос посланца Олава, что бы она ответила сватам Олава, она говорит, что «не пожелала бы себе лучшего мужа». После того как на тинге Олав Шведский дал обещание примириться с Олавом Харальдссоном и выдать за него замуж Ингигерд, но стал медлить с выполнением обещания, Ингигерд «была озабочена и удручена... Она боялась, что, скорее всего, он не сдержит слова, которое дал конунгу Норвегии». Чувство Ингигерд к Олаву не остается секретом для окружающих. Принимая окончательное решение, ее отец произносит: «...как бы ты ни любила этого толстяка, тебе не бывать его женой, а ему твоим мужем. Я выдам тебя замуж за такого правителя, который достоин моей дружбы». И договаривается о ее браке с Яросла-

вом, конунгом «с востока из Хольмгарда». В дальнейшем повествовании, изображая Ингигерд уже в качестве жены Ярослава, Снорри ни одним намеком не дает понять, что чувства Ингигерд к Олаву сохранились.

Снорри представляет и Олава Харальдссона влюбленным в Ингигерд: узнав (от посланца Ингигерд), что шведский конунг не собирается выполнять свое обещание, Олав «страшно разгневался и не мог найти себе покоя. Прошло несколько дней, прежде чем с ним можно было разговаривать». Но вскоре Олав женится на сводной сестре Ингигерд Астрид.

В качестве воспитанника на Русь попадает Магнус, в пятилетнем возрасте зарубивший своего обидчика.

Итак, женившись на Ингигерд, влюбленной в Олава Харальдссона, Ярослав вместе с женой и наемниками вновь приходит в Новгород.

Начинаются военные действия по захвату власти в стране».

«Прядь об Эймунде» сообщает уникальные — и противоречивые русским летописям — сведения относительно борьбы Ярослава Мудрого за киевский стол после смерти Владимира Святославича в 1015 году.

Согласно саге, Эймунд со своей дружиной приходит на Русь, потому что «слышал о смерти Вальдимира, конунга с востока из Гардарики, и эти владения держат теперь трое сыновей его, славнейшие мужи. Он наделил их не совсем поровну — одному теперь досталось больше, чем двум. И зовется Бурицлав тот, который получил большую долю отцовского наследия, и он — старший среди них. Другого зовут Ярицлейв, а третьего Вартилав. Бурицлав держит Кенугард, а это — лучшее княжество во всем Гардарики. Ярицлейв держит Хольмгард, а третий — Палтескью и всю область, что сюда принадлежит. Теперь у них разлад из-за владений, и всех больше недоволен тот, чья доля по разделу больше и лучше: он видит урон своей власти в том, что его владения меньше отцовских».

Эймунд нанимается на службу к Ярославу.

Ярослав избегает активного участия в борьбе с братьями. Эймунд выясняет планы Ярослава при нападении на Бориса: «Теперь надо подумать и решить — собирать ли войско, или ты хочешь, господин, чтобы мы, норманны, одни защищали

страну, а ты будешь сидеть спокойно?» — предлагает Эймунд, на что Ярослав отвечает: «Так я и хочу».

Подстрекая к убийству Бориса, своего брата, Ярослав, когда убийство уже совершено, «краснеет» и обвиняет Эймунда «в поспешном решении». Боясь расстаться с наемниками, он в то же время не желает и платить оговоренную сумму. Эймунду приходится каждый раз чуть ли не угрозами добиваться жалованья¹.

«Прядь об Эймунде» скромно характеризует Ярослава: «конунг Ярослав не слыл щедрым, но был хорошим и властным правителем».

Однако, не желая принимать непосредственное участие в убийстве братьев, в бою он не прячется за спины воинов и получает ранение в ногу, отчего остался хромым до конца жизни.

После убийства Бурислава и перехода Эймунда на службу к Братиславу, заключается мир. Ярослав остается конунгом Хольмгарда (Новгорода), Вратислав — Кенугарда, Эймунд получает Полоцк с полоцкой областью (на правах лена). «Если Эймунд конунг оставит после себя наследников, то будут они после него в том княжестве. Если же не оставит после себя сына, то лен вернется к тем братьям. Эймунд будет держать у них обоих оборону страны и во всем Гардорики».

Выиграл Эймунд, немного — Вратислав, ничего — Ярослав.

Некоторые считают, что под именем «Бурислав» объединены три персонажа: Святополк Киевский, Борис и Болеслав Польский. Их противник, Вратислав, — это Глеб и Брячеслав Изяславич (полоцкий).

Выходит, потомки Рогнеды и Изяслава утратили на какое-то время княжество, получив взамен Кенугардию².

По русским летописям, Борис бежит к печенегам, по скандинавским сагам — в Биармаланд³.

¹ Сколько стоит наемник? 1 гривну серебра в год, то есть 51 грамм серебра.

² Кенугардия — «Квенн-гард» — «Страна финнов». Земля по соседству с Пермией.

³ Биармия — Пермская земля.

Получается, что одно и то же событие, по мнению русских, происходит на Украине, по мнению скандинавов — в Северной России. Кто прав в данном случае и чьи сведения надежнее? Правда, скандинавы написали свою сагу намного раньше, чем мы свою летопись.

Из описания трех столкновений Ярицлейва и Бурислава лишь первое в целом соответствует отмеченному летописью сражению Ярослава и Святополка у Любеча в 1016 году. Можно отметить такие общие черты в описании сражения, как выступление против Ярослава брата-мятежника, наличие варягов в войске Ярослава, расположение противников на противоположных берегах реки, «стояние в разбитых лагерях (четыре дня, как сказано в саге, и три месяца, если верить «Повести временных лет»)), победа Ярослава.

Что касается второго и третьего сражений, то их описания — это фактически рассказы о военных хитростях, при помощи которых Эймунд помогает Ярицлейву победить Бурислава. Так, в изображении подготовки ко второму сражению объединяются два сюжета: сооружение рва, чтобы не могла пройти конница, и выставление напоказ драгоценностей, чтобы завлечь противника. Оба сюжета хорошо известны из древнеисландских саг и византийской литературы. К тому же фонду рассказов относится и повествование о хитрости, примененной Эймундом, чтобы убить Бурислава, — подъему шатра, привязанного к склоненному, а затем распрявленному дереву.

Эймунд сгибает дерево и привязывает к нему флажок на шатре. Убийство при помощи согнутого дерева (деревьев) — мотив, восходящий к античности. Применительно к событиям на Руси он встречается у Саксона Грамматика и у Льва Диакона (смерть князя Игоря). Но на этом использование традиционных авантурных сюжетов не заканчивается. Автор вводит мотив переодевания героя: Эймунд наряжается нищим, привязывает козлиную бороду и отправляется в лагерь Бурислава (сюжет с аналогичным переодеванием представлен в «Пряди о Торлейве Скальде Ярлов» и в «Саге о Хромунде Грипссоне»). Мотивировка эпизода в высшей степени условна: Эймунд и его спутники проголодались, и Эймунд проникает в лагерь, чтобы добыть еду. Создается впечатление, что

автор не придает особого значения правдоподобности введения традиционного эпизода, для него важно лишь еще раз подчеркнуть отвагу и ловкость Эймунда. Далее, подробно рассказав о том, как Эймунд с товарищами проходят через лагерь врага и поднимают шатер Бурицлава, автор как бы спохватывается и объясняет: «А люди (Бурицлава) крепко спали во всех шатрах, потому что они устали от похода и были сильно пьяны».

Наконец, Эймунд добирается до Бурицлава и убивает его «и многих других. Он взял с собой голову Бурицлава-конунга», которую затем приносит и показывает Ярицлейву. Как и в предыдущих случаях, убийство с отрубанием головы, в том числе и брата, равно как и демонстрация брату отрубленной головы, имеет многочисленные параллели и в древнескандинавской, и в европейской литературе. Более того, описание этой сцены в «Пряди» чрезвычайно схоже с эпизодом из «Саги о Харальде Суровом» в «Круге земном». Согласно Снорри, викинг Хакон, охраняющий по поручению датского конунга Свена страну, убивает бывшего воспитанника и любимца Свена Асмунда, ставшего разбойником и грабителем. «Затем Хакон поспешил к Свену-конунгу и прибыл к нему в то время, когда конунг сидел за столом. Хакон подошел к столу, положил голову Асмунда перед конунгом и спросил, узнает ли он ее. Конунг не отвечал, но густо покраснел. Затем Хакон удалился. Немного погодя конунг послал к нему своих людей и отпустил его прочь. «Скажите ему, что я не намерен причинять ему никакого зла, но я не могу поручиться за всех моих сородичей».

«И идет Эймунд к Ярицлейву конунгу и рассказывает ему всю правду — о гибели Бурицлава. «Теперь посмотрите на голову, господин, — узнаете ли ее?» Конунг краснеет, увидев голову. Эймунд сказал: «Это мы, норманны, сделали это смелое дело, господин». Ярицлейв конунг отвечает: «Вы поспешно решили и сделали это дело, близкое нам».

О событиях 1016 года летопись сообщает: «В год 6526 Ярослав вошел в Киев, и погорели церкви». Почему погорели церкви? Потому что Ярослав еще нехристь.

Ярослав сел в Киеве. Воинами руководил Эймунд — опытный бесстрашный воин. Борис привел к Киеву печенегов, по-

обещав им отдать город на разграбление. Эймунд решил степняков, непривычных к условиям боя в тесных улочках, впустить в Киев и здесь их перебить. Поэтому и погорели церкви — печенеги бросились грабить, не очень заботясь о безопасности. И Борис с печенегами был разгромлен. И вновь Борис бежит в степи. Борис проводит некоторое время в половецких степях, набирая новое войско. Весной 1018 года он снова двинулся на Киев. Подойдя к Альте, он расположился в шатре на отдых. Глубокой ночью в его шатер проникают шведские воины Эймунда и обезглавливают Бориса. Убийство Бориса — главного противника Ярослава — было политически необходимо. Эймунд приносит голову Бориса Ярославу: «На! Вот тебе голова, господарь! Можешь ли ее узнать?» Ярослав приказывает захоронить тайно Бориса. Прямо в ставке Ярослава, в Вышгороде, и был похоронен Борис.

Позже сюда же переносится и тело Глеба, поближе к могиле Бориса, и, соответственно, формируется образ окаянного убийцы — ни в чем не повинного Святополка.

Гибель Бориса — 24 июня 1018 года, по другим источникам — 12 августа.

Смерть Бориса оставила Святополка один на один с хитрым и коварным врагом. Согласно русской летописи (Повесть временных лет. СПб., 1872. Ч. 1. С. 297), пришел Ярослав на место убийства Бориса, воздел руки к небу и говорит: «Кровь брата моего вопиет к тебе, Владыка! Отомсти за кровь праведника этого, подобно тому, как ты отомстил за кровь Авеля, осудив Каина на стенания и содрогания. Так поступи и с этим». И обратился потом к братьям своим убиенным: «Братья мои! Хоть телом вы отошли отсюда, но молитвою помогите мне против врага этого — убийцы и гордеца». И после этого пошли войска Святополка и Ярослава друг на друга, и произошла ужасная сеча, так что по низинам кровь текла ручьями. Это было в 1019 году на реке Альте. Но не ищите на Альте могил павших — там никогда не было этой битвы. Но, по мнению летописца, она должна была быть, а потому, стала быть, и была.

А что было на самом деле? Да ничего особого, просто Болеслав привел Святополка на престол, однако удержаться на нем Святополк, князь слабый, не смог. У него не было под-

держки среди горожан, не было и военных сил. Он вновь бежит на Запад. Ярослав заручается поддержкой Генриха II и идет на Берестье, но взять Берестье не может. Болеславу главное, чтобы в Киеве сидел союзник, а Святополк или Ярослав — безразлично. Поэтому он не очень-то озабочен судьбой Святополка. Но все же пришел Болеслав со Святополком, и встали воины Ярослава и Болеслава по обе стороны Буга. Враги стояли друг против друга и взаимно оскорбляли друг друга. И, оскорбившись, Болеслав напал на воинов Ярослава, не готовых к битве, и разбил Ярослава. И бежал Ярослав в Новгород, а Болеслав вошел в Киев 4 августа. Здесь он захватывает в плен семью Ярослава и насилует сестру его Предславу Володимеровну, которую ранее Ярослав не отдал ему в жены.

Глеб из политических соображений становится на сторону Ярослава. Для того чтобы присоединиться к нему, Глеб выбирает дорогу через Смоленск, близ которого и погибает, зарезанный в ссоре собственным поваром, по имени Торчин, вскоре после 5 сентября 1016 года.

Эймундовы воины перешли на службу к полоцкому князю Брячиславу. При этом жадность, проявленная Ярославом при расчетах с наемниками, привела их в стан его противника. Брячислав начинает борьбу с Ярославом. Уже в 1021 году Брячислав пошел на Новгород и взял его. Но на обратном пути Ярослав нагнал Брячислава и разбил его, как сообщает летопись. Однако борьба была не столь легкой. Одно время Брячислав даже занял Киев, изгнав оттуда Ярослава.

Брячислав сжег храмы новгородские и всячески противился христианизации родного Полоцка. И все же военное счастье оказалось на стороне Ярослава. Однако уже в 1023 году из Тмутаракани на Киев пришел Мстислав. Ярослав был в Новгороде. Но киевляне не приняли Мстислава. Тогда он пошел в Чернигов и сел там. Шесть лет усабиц — смерть четырех братьев, но цель еще не достигнута. С одной стороны Брячислав, с другой — Мстислав. И оба, как и Ярослав, претендуют на всю Русь. Русь распалась на три части: Брячислав владеет Полоцком и Туровом. Остальная часть разделена между Мстиславом и Ярославом по Днепру. Мстиславу — Левобережная Украина, Ярославу — Правобережная.

1036 год — скончался Мстислав, неожиданно умерший во время охоты от какой-то хвори (вероятно, отравлен).

В этом же году Ярослав сажает в темницу своего брата Судислава, не принимавшего участия в усабицах, но бывшего соперником в престолонаследии для детей Ярослава. Лишь Полоцкая земля сохраняла независимость.

В этом же 1036 году Ярослав якобы заложил в Киеве храм Софии и перенес митрополию из Переяславля в Киев. Вот с этого времени Киев — «мать городов русских».

Из всего сказанного мы можем утверждать, что Ярослав — узурпатор-братоубийца. Притом главным его противником был Борис, а вовсе не Святополк. Однако, узурпировав власть, Ярослав испытывал какие-то душевные муки, и в конце концов он поведал о своих грехах митрополиту Иоанну. Приняв исповедь, митрополит отправился после исповеди в Вышгород освятить могилу невинноубиенного Бориса (убиенного Ярославом). А после перенесения в Вышгород останков Глеба могилы приобрели статус святого места.

В защиту оклеветанного Святополка выступил со своей книгой Г. М. Филист (История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск, 1990).

Окончательно легенда о невинноубиенных братьях сложилась лет через 100—130, когда закончилось сложение легенд о первоначальном распространении христианства.

Интересно, что был еще один неведомо где сгинувший брат — Святослав. Но так как его могилы никто не знал, сей брат был лишен счастья оказаться святым, а вот Борис и Глеб, объединенные одной могилой, оказались святыми братьями, хотя при жизни были врагами.

Часть мощей католических святых Бориса и Глеба (у православных — Давида и Романа)¹ перенесены в Прагу, где им как мощам святых католической церкви поклонялись католики.

В 1072 году мощи святых Бориса и Глеба были перенесены в специально построенный в Вышгороде храм. Инициатор сего события — Изяслав Ярославич.

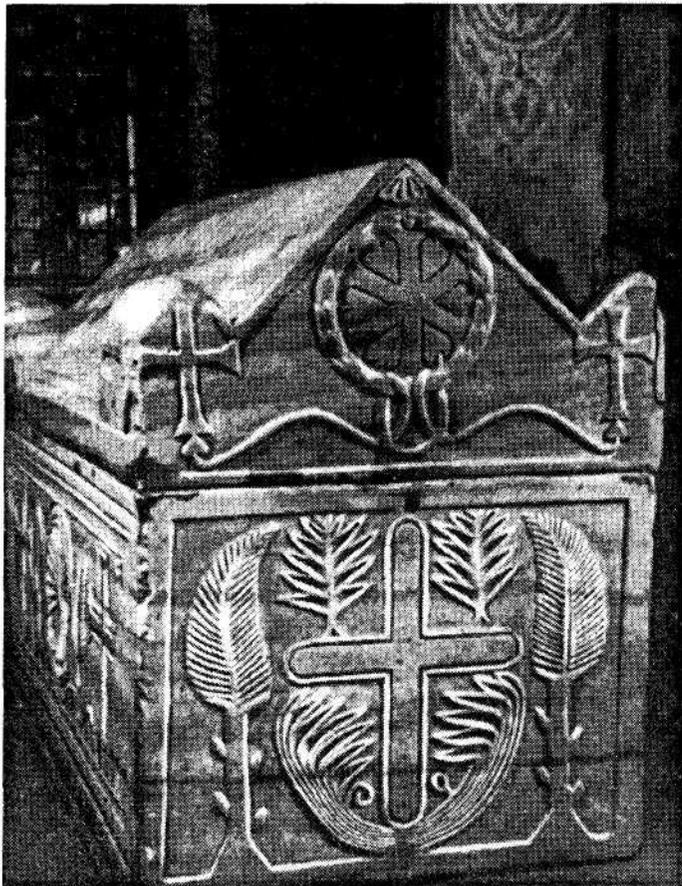
¹ Среди верующих Русской православной церкви православные имена святых забыты, а вот их языческие, дохристианские имена вошли в святцы.

Итак:

1016 год. Ярослав захватывает Киев.

1017 год. Под Киевом происходит сражение между Борисом и Ярославом, Ярослав идет к Берестью, терпит поражение и бежит в Новгород.

1018 год. 22 июня Болеслав выступает в поход против Киева, ведя Святополка на престол, и 4 августа входит в Киев.

Гробница Ярослава Мудрого, высеченная из белого мрамора, была обнаружена в XVII веке в храме Святой Софии в Киеве. Правда, мне неизвестно, на каком основании решили считать этот саркофаг принадлежащим именно Ярославу

Опустошив казну и захватив пленных, Болеслав уходит в Польшу, оставив на Руси два центра — Киев и Новгород. За свою помощь Болеслав забрал Червеньские города.

Вряд ли киевляне были рады подобной помощи Болеслава и вряд ли счастливы видеть на троне Святополка. В конце концов Святополк бежит из Киева и гибнет. К его гибели, вероятно, приложил руку все тот же Ярослав — истинный Каин.

Чтобы заручиться поддержкой Царьграда в своих устремлениях захватить престол, Ярослав Владимирович объявляет христианство государственной религией.

Надо сказать, что принятие христианства способствовало феодальной раздробленности, так как к сепаратизму князей прибавился и сепаратизм епископов. Раздробленность христианской Европы мы можем видеть и поныне. Многие православные не знают даже, что католики — это христиане.

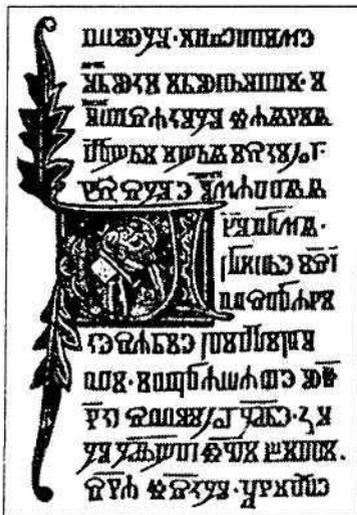
Павел Алеппский (XVII век): «В одном из упомянутых алтарей находится большой беломраморный саркофаг с горбообразной крышей, с крестами... О удивление! Откуда они привезли этот мрамор?., ибо в этой стране, несомненно, нет мраморных каменоломен». Так говорит Павел о саркофаге Ярослава, который по стилю соответствует армянским саркофагам VII века. Таковые часто встречаются в Херсонесе, Ольвии, в Малой Азии.

А теперь расскажем о дочерях Ярослава и Ингигерд — Элизабет (Эллизиф) и Анне.

Скандинавские саги повествуют о том, что Харальд (Эгда) Сигурдарсон, или Суровый Правитель (норвежский конунг с 1046 по 1066 год) отправился на восток к князю Ярославу, который хорошо принял его и сделал хёвдингом над людьми, охраняющим страну. Харальд прожил здесь несколько зим, разъезжая по всей стране.

У конунга Ярицлейва и княгини Ингигерд была дочь по имени Элизабет, которую норманны называли Эллизиф. Харальд посватался за нее, но Ярослав сказал, что не может отдать дочь человеку, у которого нет своего королевства для управления. И тогда Харальд через Грецию отправился в Константинополь.

«Затем отправился он в Грикланд, и было у него много

Листок из Реймского Евангелия, привезенного Анной Ярославной во Францию с родины, и портрет самой Анны. Из книги В. А. Чудинова «Загадки славянской письменности» (М., 2002)

войска. Держал он тогда путь в Миклагард». В Миклагарде Харальд прослужил несколько лет, посылая Ярославу на хранение свое жалованье.

Харальд составил несколько песен о «девушке в Гардах, которая не хочет чувствовать склонность к нему».

Затем он вернулся к Ярославу, женился на его дочери и в 1044 году вместе с женой через Альдегьюборг прибыл в Швецию.

У него было две дочери: Мария и Ингигерд.

В 1066 году, покидая Норвегию, Харальд взял с собою жену и дочерей, которых оставил на Оркнейских островах, а сам поплыл в Англию. Там он и погиб.

Примерно в это же время умирает и его дочь Мария. Весной Элизабет и Ингигерд отплыли на восток. Их дальнейшая судьба неизвестна.

Однако более известна другая дочь Ярослава Мудрого — Анна Ярославна, выданная замуж за французского короля Генриха I.

Второй брак французского короля Генриха I (1031—1060) с киевской княжной — собственно говоря, единственный свя-

занный с далекой Русью сюжет, занимающий заметное место во французских средневековых текстах. Все остальное — будь то путанные сведения о Бруно Кверфуртском у печенегов в сочинении Адемара Шабаннского или сообщение Альбрика из Труафонтэн о походе галицко-волынского князя Романа Мстиславича в Центральную Европу в 1205 году — не более чем эпизоды. Общие упоминания о Руси во французском рыцарском эпосе нередки, но как исторический источник они не имеют большого значения.

Нет смысла пытаться представить всю совокупность чрезвычайно многочисленных, но чаще всего лапидарных известий французских хроник и анналов о женитьбе Генриха на Анне. Иные из них любопытны разве что удивительной далекостью от сути дела да курьезными искажениями непривычных имен: Ярослав в них «переодет» в древнего римлянина Юлия Клодия (или хуже того — в какого-нибудь Bullesclot), а «Anna Russa», то есть Анна Русская, превращается в «Anna Rufa» — «Анну Рыжую». Но и наиболее осведомленные не слишком многословны и молчат о причинах такого, что ни говори, довольно экзотического брака.

Сведений о французских брачных посольствах на Русь достаточно для того, чтобы сложилось впечатление, что их было не одно, а даже два. Кларий, монах из монастыря Св. Петра в Сансе, в своей «Хронике»¹ (1108—1109) сообщает: «В то время (речь идет о событиях около 1050 года) король Генрих послал Готье, епископа Мо (что к северо-востоку от Парижа), и Гослена из Шони (на реке Уазе к северу от Суасона; в литературе Гослен часто по недоразумению именуется «Гослен де Шалиньяк») с другими к некоему королю в греческих краях (quidam rex in finibus Greciae), чтобы тот дал ему в жены свою дочь. Назад во Францию тот отправил их с большими дарами и с дочерью».

Своеобразный и весьма колоритный «отчет» одного из участников поездки в Киев сохранился в качестве глоссы на полях «Псалтири Одальрика», одного из клириков Реймского собора (отсюда ее обычное название — «Реймская глосса»). Полного перевода этого замечательного источника на

¹ Clarii Chronicon sancti Petri Vivi Senonensis.

русский язык, насколько мне известно, нет, поэтому привожу его здесь целиком:

«В лето по воплощении Слова (то есть от Рождества Христова) 1049-е, когда Генрих, король французский, послал в Рабастию шалонского епископа Роже (Шалон-на-Марне в Шампани) за дочерью короля той страны, по имени Анна, на которой он должен был жениться, настоятель Одалрик просил того епископа, не соизволит ли тот узнать, в тех ли краях находится Херсонес, в котором, как пишут, покоится святой Климент, и до сих пор ли отступает море в день его рождения и к мощам можно ли пройти пешком? Епископ исполнил это. От короля той страны Оресклава он узнал, что Папа Юлий прибыл некогда в ту область, где покоился святой Климент, для борьбы с ересью, которая процветала в тех краях. Когда, сделав дело, Папа из тех краев отправился было назад, явился ему ангел Господень и сказал: «Не уходи, ибо от Господа повелено тебе вернуться и перенести тело святого Климента, которое до сих пор лежит в море». Юлий отвечал ему: «Как я сделаю это, если море отступает только в день его рождения?» Ангел сказал ему: «знаком того, что Господь приказал тебе вернуться, и будет отступившее перед тобой море». Папа отправился туда и перенес тело святого Климента, положил его на берег и построил там церковь; затем, взяв от тела часть мощей, увез с собой в Рим. И случилось так, что в тот же день, в какой римский народ встречал с высочайшими почестями принесенные им мощи, могила, оставленная в море, поднялась вместе с дном над водами и сделался остров, на котором жители той земли построили церковь и монастырь. С тех пор к той церкви плавают на кораблях. Названный король Георгий Скав рассказывал также шалонскому епископу, что в свое время он побывал там и привез оттуда с собой главы святых Климента и Фива, ученика его, и положил их в городе Киеве (Chion — видимо, неправильно прочтенное Chiou оригинала), где они чтимы и поклоняемы. И даже показывал эти главы упомянутому епископу».

Ясно, что значение этого текста выходит далеко за рамки узкой темы брака Генриха и Анны. Из Ипатьевской летописи мы знаем, что, действительно, была глава святого Климента (используя эту святую, рукополагали в 1147 году киевского

митрополита Климента Смолятича). Но есть в рассказе Роже Шалонского и вещи удивительные.

Автор приписывает именно Ярославу перенесение мощей святых Климента и Фива в Киев, тогда как в русской истории считается, что они были перенесены отцом Ярослава Владимиром Святым после его крещения. Смущает другое: выясняется, что киевский князь был незнаком с известным рассказом «Жития святого Константина-Кирилла», одного из славянских первоучителей, о том, что мощи святого Климента Римского были обретены в Херсонесе около 860 года именно святым Константином, а вместо того излагает французскому послу совершенно апокрифическую историю о Папе Юлии (337—352)! С мыслью, что в Киеве в середине XI века было не известно «Житие святого Константина-Кирилла», созданное в IX веке и принадлежащее к основным памятникам церковно-славянской литературы, примириться очень трудно, но как иначе объяснить рассказ епископа Роже? Следует отметить, что убеждение в существовании какой-то связи между почитаемым римским святым Климентом и Русью было довольно широко распространено в средневековой Западной Европе. Так, автор «Саксонской всемирной хроники», говоря о ссылке святого Климента, а затем и другого Папы — Мартина I (649-653) в Херсонес, регулярно заменяет «Херсонес» на «Русь».

Как видим, состав посольства Генриха, отправляемого на Русь, по Кларии и по «Реймской глоссе» не совпадает. Думается, однако, что делать на этом основании вывод о двух посольствах было бы поспешно. Автора «Реймской глоссы» интересовали, собственно, только мощи святого Климента, поэтому из всего посольства он мог упомянуть лишь человека, принесшего в Реймс сведения о них, — епископа соседнего Шалона. Кларий же вовсе не перечисляет всех членов посольства, что видно и из его замечания о «других», оставшихся неназванными. Таким образом, в обоих источниках речь идет, вполне возможно, об одном и том же посольстве. Другой вопрос — насколько можно положиться на дату посольства, сообщаемую Глоссой, — 1049 год? Она хорошо согласуется с данными из «Жития святого Литберта» (Литберт — епископ Камбрэ, что на севере Франции), источника вполне

достоверного, о том, что бракосочетание Генриха I и Анны в Реймсе и рукоположение там же епископа Литберта происходили одновременно, то есть в 1051 году (вероятно, на Пасху или на Троицу, то есть 31 марта или 19 мая). «Французским королевством правил тогда Генрих, муж сильный в битвах и достойный королевства, которым владел. До тех пор он еще не был женат (?), и французская знать готовила ему в жены дочь короля Руси», пишет автор «Жития» монах из Камбрэ Рудольф, близко знавший Литберта. Вместе с тем есть также источники, сведения из которых противоречат этой дате. Нельзя не учитывать, что грамота лаонского епископа Элиана (Laon — город и епископство на севере Франции, к северо-западу от Реймса) от 3 декабря 1059 года была подписана самим Генрихом I и датирована 29-м годом правления Генриха и 10-м годом жизни престолонаследника Филиппа. Отсюда следует, что Филипп должен был родиться до 3 декабря 1050 года, а брак его матери — состояться не позднее февраля того же года, то есть наверняка в предыдущем, 1049 году. Но тогда французское посольство не могло отправиться на Русь позднее 1048 года. Согласовать эти противоречивые показания источников историкам пока не удалось, и вопрос этот (хотя и частный) остается открытым.

Анна, судя по всему, отличалась набожностью. Она основала аббатство Св. Винсента (Викентия) в Санли (Senlis) близ Парижа, а Папа Николай II (1058-1061) в послании к Анне хвалил ее за благочестие и ревность к делам церкви. Но либо Папа лукавил, либо судьба оказалась сильнее воспитания, готовя в жизни Анны драматический поворот. После смерти Генриха I она некоторое время принимала участие в государственных делах при малолетнем сыне короле Филиппе I (хотя не в качестве официальной регентши, как иногда утверждается, — регентом был фландрский граф Бодуэн, женатый на сестре Генриха I), и ее имя, вместе с именем сына, стоит под многими королевскими грамотами 1060-х годов, причем однажды даже кириллическими буквами.

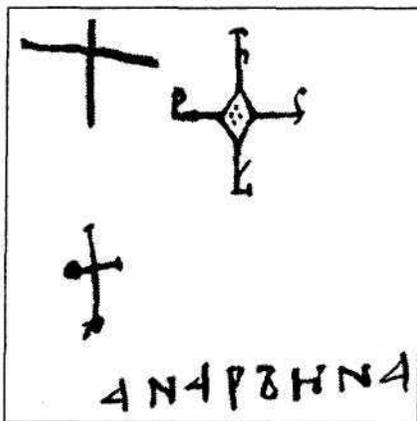
И вдруг Францию потрясает весть о вторичном замужестве королевы — и за кого же? За могущественного графа Рауля де Крепи и Валуа, некогда возглавлявшего феодальную

оппозицию против Генриха I. В послании реймского архиепископа Гервазия (по-французски — Жервэ) к Папе Александру II (1061-1073) читаем сетования высшего иерарха французской церкви: «В королевстве нашем — немалая смута: наша королева вышла замуж за графа Рудольфа, что чрезвычайно огорчает нашего короля и более, чем стоило бы, беспокоит его опекунов». В последних словах Гервазия как будто сквозит некоторое пренебрежение к королеве. Но граф уже был женат, и он расстается с первой женой. Та пишет жалобы Папе. Папа объявляет новый союз графа незаконным, а затем и вовсе отлучает его от церкви. Но Анна снова появляется при королевском дворе только в 1074 году, то есть уже после смерти графа Рауля.

Это позволяет думать, что ни «общественное мнение», ни даже папская анафема не произвели на романтическую пару должного впечатления. Имя Анны пропадает из документов в 1075 году. Один из источников — сохранившиеся фрагменты «Хроники монастыря Флери» (отличавшегося интенсивностью историописания) (начало XII века) — сообщает: «После смерти короля королева Анна вышла замуж за графа Радульфа. Когда он умер, она вернулась на родину». Можно ли вполне полагаться на эти уникальные сведения, неясно. Как бы то ни

*Анна Ярославна. Статуя
(Франция, Санлис)*

*Крест Генриха — верхний правый,
крест-подпись Анны — внизу.
Фрагмент из грамоты Суассонскому
аббатству*

4N4PЪHN4 — то есть «Анна Регина». Муж же ее ставил вместо подписи свой крест.

На этом месте сделаем большое отступление от истории русских князей и совершим экскурс в историю о распространении письменности у славян и крещении Руси.

было, но из-за своего второго брака Анна утратила право быть погребенной в королевской усыпальнице в парижском аббатстве Св. Дионисия (Сен-Дени); может быть, поэтому предание помещает ее могилу в основанном ею монастыре Св. Винсента в Санли, к северу от Парижа.

Под грамотой Суассонскому аббатству Анна поставила крест вместо подписи. Бывший при ней священник удостоверил ее крест, подписав:

«Аз буквы вети»

Черноризец Храбр сообщал, что «раньше» не было письменности у славян, «но чертами и резами читаху и гатааху»¹. Такие «черты и резы» сохранились в Боснии до конца прошлого века. Это так называемый «рабош», у русских «бирка». На Западной Украине «раваш» дожил до 1947 года, когда им еще пользовались.

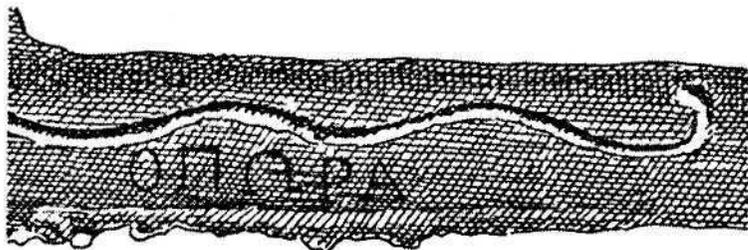

*Рабаш (раваш) — палочка, на которую наносятся нарезки
«для памяти»*

М. Коэн пишет: «Нужно считать, что до прозелитической деятельности двух греческих братьев, Кирилла и Мефодия, славянский язык передавался при помощи греческого или латинского письма». Прав ли он?

Как видим, греческими буквами славяне действительно пользовались, а если мы возьмем «Изборник Киевский» (Киев, 1904), то узнаем, что были славянские тексты, написанные латиницей.

¹ «Читаху и гатааху» значит: считали и гадали.

Имя бога осени и урожая Опоры. Надпись на статуэтке из Прильвицы. Рисунок из книги Masch A. Die Gottesdienstlichen Alterthümer der Obotriten, aus dem Tempel zu Rhetra, am Tollenzer Zee. Berlin, 1771

Но интереснее всего узнать о кириллице языческого времени.

Происхождение письменности на Руси, время ее возникновения, ее характер — одна из самых дискуссионных проблем русской истории.

luzze chaglagolo	connic. lufch zu
zlodeiu. luzemigo	deuuf. lufch b
delom. luzem iggo	Da mirafite nupo
lepowm tofe uue	biti. kibogu me
ruu ubog uze mo	chou. Dabim cift
goki. lu igga zim.	rouued zuoril.
lu zuueta dub.daa	ruftic otboga i
ti imena. edim bog.	bogu uhc mogol
gozpod zuueta.	izrouuedic uhc
ife zuori nebo. h	grache. lfe ma
emlo. tofe rloo ic	uzet nepraudnib
ga milofra. lfe.	mpraudnega por
marae. lfe. mic	lfe ishon uueda
habeta. lfe. pe	ril. il nauuede
ta. lufch bofih zl.	il lubm lpe e
lufch bofih mofe	ufpennib. rotah e
nic. lufch b zu	refib vachina

Так называемые «Фрейзингенские отрывки», славянский текст латиницей (X век)

Традиционно появление письменности на Руси связывают с официальным принятием христианства и притоком литературы из Болгарии около 988 года. Но уже в середине прошлого века стали накапливаться отдельные факты, свидетельствующие о наличии письменности на Руси задолго до ее крещения.

Одним из подтверждений этого является серия находок в последнее время при раскопках в Новгороде так называемых цилиндров с надписями и княжескими знаками. Эти цилиндры выполняли функцию замков-печатей,

гарантировавших сохранность ценностей в мешках. Надписи на них указывают на принадлежность ценностей (или части их) князю или «мечнику», а княжеские знаки дают основание связать эту категорию предметов с княжеским хозяйством.

Два из восьми известных цилиндров были изготовлены, по крайней мере, на 10 лет раньше легендарного крещения Руси.

На одном из этих цилиндров надпись плохо сохранилась, а на втором ее можно прочесть: «мечник мех (в) полчетверть в этих мот(ех) Полтвец», где «мех» — мешок, «мечник» — административно-должностное лицо, «мот» — возможно, моток, способ завязывания мешка, а Полтвец — имя мечника. В надписи ясно отразилось новгородское произношение, ее характеризуют и определенные графические особенности: использование одного знака «Б» для обозначения обоих редуцированных (Ь и Ъ)¹. Но надпись, безусловно кириллицей, относится к так называемым одноерovým памятникам.

Важно, что надписи на древнейших цилиндрах свидетельствуют об использовании кириллицы в государственных документах Древней Руси до официального принятия христианства и письменности.

Одноеровые памятники известны давно и обнаружены на разных территориях. Некоторые ученые считают, что именно одноеровое письмо — характерная черта первоначальной кириллицы, возникновение которой они относят к IX—X векам.

¹ В старину «Ь» и «Ъ» были буквами для полугласных звуков. «Ь» — звук, схожий с кратким «Ы», «Ъ» — для краткого «Е».

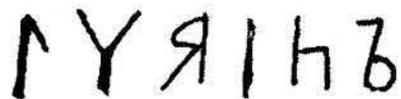
Цилиндр с надписью, указывающей на принадлежность князю или «мечнику». Рисунок из книги В. Л. Янина «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.)» (М., 1978)

Надпись на жертвенном позе: «СВАНТЕВИТЬ», посвященная солнечному божеству Святовиту. Рисунок из книги Masch A. *Die Gottesdienstlichen Alterthümer der Obotriten, aus dem Tempel zu Rhetra, am Tollenser Zee. Berlin, 1771*

Однако, как мы ныне можем констатировать, западные славяне, а также жители Белоруссии весьма рано начали писать руническим письмом, заимствованным ими у датчан.

Весьма похожие рунические знаки можно встретить на русских монетах. Так, надпись, приведенная на этом рисунке:

передает имя царя Михаила Федоровича, выбитое на монетах. Надпись читается: «МХАИЛЬ». Это уже не Средневековье. Это уже время династии Романовых.

На бересте писали письма и даже книги по-славянски, по-фински, на греческом, латыни и даже на тюркском и монгольском. Имеются грамоты и на неизвестных языках.

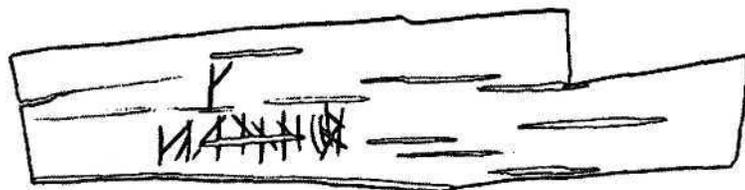
Белорусские археологи нашли при работах на городище в Масковичах (Витебско-Полоцкое порубежье) более 120 предметов с руническими надписями XIII—XIV веков. Лишь одна надпись сделана латиницей, притом гласные буквы не писались вовсе. Остальные же надписи полностью рунические.

Из новгородских раскопок примечательна кость с рунической надписью, знаки которой совершенно не похожи на белорусские.

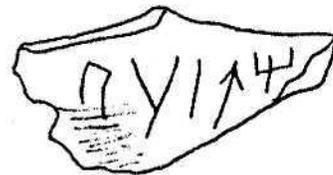
Жители же Южной Руси имели

Изображение языческого солнечного божества Сотворя с однопервой надписью: «БОГЪ НАШЪ СОТВОРЬ». Водяной знак на бумаге

Новгородская область. Старая Русса. Берестяная грамота XIV века. Публикуется впервые

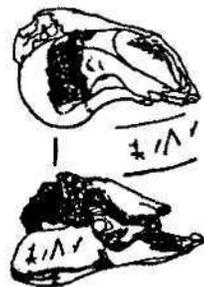
Рунические знаки из Белоруссии (Масковичи), вырезанные на костях животных (XII—XIII века). Рисунок из книги Е. А. Мельниковой «Скандинавские рунические надписи» (М., 2001)

свое собственное письмо, знаки которого напоминают степные руны наших южных соседей — алан, предков осетинского народа.

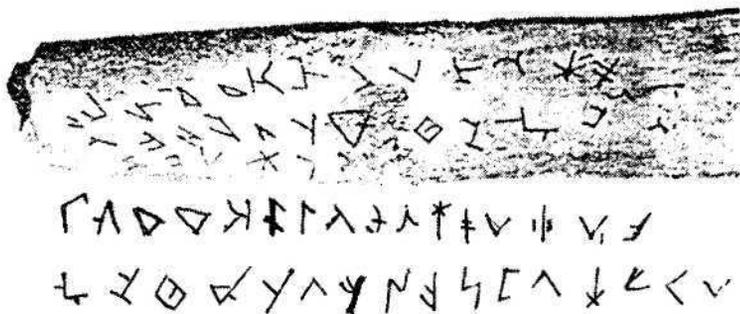
Русская православная церковь считает составителями славянской азбуки — кириллицы — святых Кирилла и Мефодия.

По официальной церковной версии в 860 году Константин-философ, родом из греческого города Фессалоники (Солуни), прибыл в Корсунь и там в церкви обнаружил книгу на русском языке. Так написано в пространном «Житии Константина».

Арабский писатель Ибн-эль-Недим в своей «Книге росписи наукам» пишет: «Мне рассказывал один, на правдивость

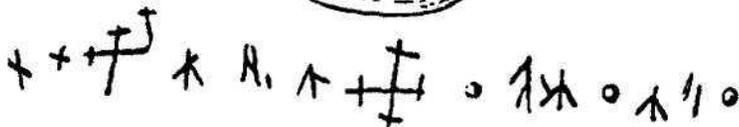

Костяная пломба с «белорусскими знаками» из Ладоги. Рисунок из книги Е. А. Мельниковой «Скандинавские рунические надписи» (М., 2001)

Руны на ребре коровы из Новгорода.

Рисунок из книги В. Л. Янина «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.)» (М., 1978)

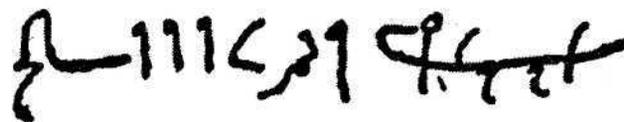
Глиняный горшок из Аликаново (Рязанская область)
с рунической надписью на неизвестном языке

(рисунок из «Археологических известий и заметок». 1897. № 12).

В Рязанской земле жили не только рязанцы, но и ерзянцы.

Г. Ф. Турчанинов прочел эту надпись, и оказалось, что она выполнена не на русском, а на осетинском языке

которого я полагаюсь, что один из царей горы Кавказ послал его к царю русов; он утверждал, что они имеют письменность, вырезая письмена на дереве. Он показал мне кусок белого дерева, на котором были изображены, не знаю, были ли то слова или отдельные буквы». И приводит эту надпись:

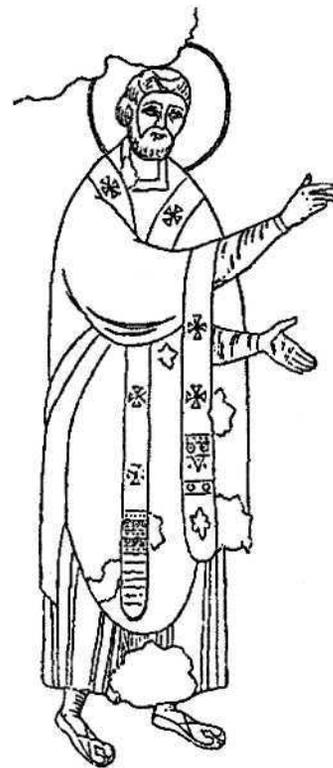

Но вернемся к Кириллу.

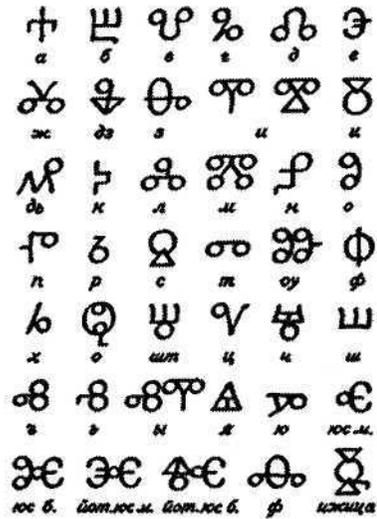
860 год. «...И дошел до Корсуня... обрете же ту Евангелие и Псалтирь, роускими письмени писано, и человека обреть, глаголюща тою беседою, и беседовав с ним, и силу речи приемь, своей беседе прикладая различии письмен гласнаа и согласнаа и к Богу молитву творя, вскоре начать чести и сказать, и мнозися ему дивляху».

Итак, Евангелие и Псалтирь уже были переведены на русский язык, написаны «русскими буквами», которым и обучился Константин. (Библия же полностью на славянский была переведена всего 500 лет назад, в 1499 году, Геннадием, архиепископом Новгородским.)

А вот что говорит об этом Толковая Палей: «Се же буди ведомо всеми языки и всеми людьми, якоже русский язык ни откуда же приа веры сия и гра-

Константин-Кирилл. Фреска IX века, Рим

Древнейшее славянское письмо — глаголица

мота русскаа никим же явлена, но токмо самим Богом Вседержителем Отцем, и Сыном, и Святым Духом. Володимеру же Святыи Дух вдохнул веру прияти и крещение от грек и прочаа наряд церковный, а грамота русскаа явилась Богом дана в Корсуни руску, от нея же научился Константин, отуду сложив, написав рускым гласом... Тот же муж русин бысть благоверен помыслом и добродетелью, в чистой вере един уединився и той един от руска языка явился прежде крестьяный и не ведом никимъ же откуду есть бысть».

Итак, по церковной версии сам Константин-Кирилл научился грамоте славянской в Корсуне у русского человека. Он не создавал славянской азбуки, и, несмотря на это, Церковь объявила Кирилла создателем русской азбуки, а заодно приписала это в заслугу и Мефодию.

Научившись в 860 году русской грамоте, Кирилл через три года отправился в Моравию, где славяне пользовались руническим письмом, и там перевел на славянский язык Священное Писание. Уже признано, что древним славянским письмом является глаголица.

Уже после смерти Кирилла и Мефодия ученик Кирилла Климент «для македонских славян создал новые письмена, более удобные, чем письмена Константина».

Для этого он взял за основу буквы греческого письма и добавил из глаголицы взятые знаки для тех звуков, которые отсутствовали в греческом языке. Впоследствии этот алфавит Климента был назван «кириллицей» (незаслуженно, надо было бы назвать «клинентицей»)¹.

¹ Кириллица изменялась с VIII по XIV век, и при этом перед ней существовал уже готовый образец в виде глаголицы.

Согласно другим сведениям, например русским преданиям, кириллицу, или греческое письмо, для болгар учинил император Михаил Куропалат.

Правда, эта легенда весьма позднего происхождения. В греческих документах встречаются и другие имена разработчиков письма, в частности Роман и Мефодий. Но важно другое. Почему буквы алфавита расположены именно в таком порядке?

Сравним алфавиты европейских народов древности.

Кельтский огамический алфавит языческого времени:

B L V S N H D C T Q M G N g Z R A O U E I.

После 400 года (христианское время):

A B L N O F S H U D T C E M G N g R I.

Возникает вопрос: зачем понадобилось менять расположение букв в алфавите?

Возьмем германский рунический алфавит:

F U T h A R K G W H N I J I ... P R S T B E M L N g O.

Возникает еще один вопрос: почему порядок букв алфавитов не совпадает у двух соседей, зачем придумывать свой порядок букв в алфавите?

Готский алфавит, созданный для записи христианских текстов, дает порядок букв такой же, как в греческом. Более поздний алфавит Алкуиновой рукописи дает другой порядок. Почему?

О происхождении рунических знаков англо-саксонская «руническая поэма» сообщает:

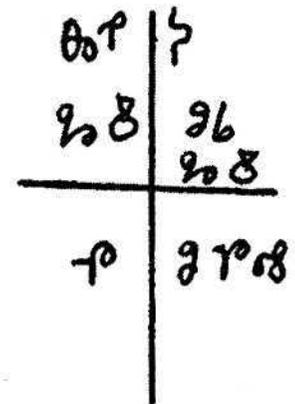
Асс — родоначальник любой речи,

Мудрости зло и знания

удовольствие

И каждому ярлу процветание и надежда.

То есть утверждается, что Асс — изобретатель письменности (ему соответствуют Ассура, Ахурмазда, Аз-Уж).

Древнейшая глаголическая надпись на акте афоно-иверского монастыря, 982 год: «ЗН(а)К ГИОРГИ ПОПЪ»

Вернемся к готскому Алкуинову алфавиту: «Аза беркна гевве...», то есть «Аза буквы дал...».

А что с нашим алфавитом?

АЗ БУКЫ ВЕТИ ГЛАГОЛ ДОБРО ЕСТЬ ЖИВИТЕ ЗЕМЛЕ И КАКО ЛЮДИ МЫСЛЕТЕ НАШ ОН ПОКОЙ РЦЫ СЛОВО ТВЕРДО.

В современном переводе: «Аз (Уж) буквы разъяснил, речь человеческая является ценностью. Живите землею своей и, как все люди, знайте, наш Он покой, и слова этого держитесь твердо».

Получается, что и в русском алфавите заключена древняя гата о боге жизни и письменности Уже-Азе:

*Аз — словом сим молюся Богу,
Всей твари зиждителю
видимым и невидимым.*

Заметив (хоть и слишком поздно), что по недосмотру в алфавит внесена языческая молитва, предприняли попытку написать христианскую азбучную молитву. Имеется даже две таких христианских азбучных молитвы, но запомнить их крайне трудно, так что до сих пор проверенная веками на прочность языческая гата присутствует в нашей культуре.

Граффити на соборе Софии Киевской. Под изображением лесного бога Полкана, держащего в руках бога жизни и письменности Ужа-Аза, записана древняя азбука

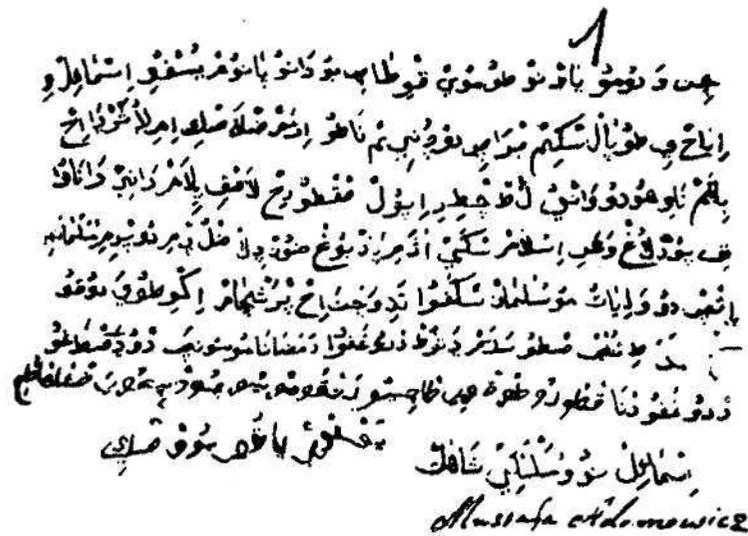
Древнейшая запись азбучной гаты имеется на граффити собора Софии Киевской, где под изображением лесного бога Полкана, держащего в руках бога жизни и письменности Ужа-Аза, записана древняя азбука. Правда, в ней три лишние буквы: Кси, Пси и У (в древности «У» и «В» у славян не различались, стало быть, запись уже носит на себе влияние греческой азбуки).

Ну а футарк — это просто запись молитвы «Отче наш» (по древнегермански, конечно): «Фадер унзер, ду ан радорум...»

Итак, вывод: алфавит — это молитва Богу. Футарк — христианская молитва, азбука — языческая.

Заодно вспомним слова Иисуса: «Я есть альфа и омега» (Апокалипсис. 1,8), то есть Иисус является алфавитом-молитвой самому себе.

Обычно думают, что у славян были кириллица и глаголица. Некоторые вспоминают, что западные славяне пользовались еще и латиницей. И это все. На самом деле это глубокое заблуждение. Кроме глаголицы, кириллицы и латиницы славяне употребляли и другие виды письма, например арабицу.

Расписка на польском языке (1759 год). Транслитерация: «Чине ведо-мо, яавно то мой квитанцийо дано паном Йусуфови, Исмаилови и Яахйи Тупалским, браци родзони, на то, ижем з ласки и милосердза их билам на выгодовану лат чтири и пул, с ктурих ласки тилам даний да навуки подлуг ве'ери исламскей. А же ми пан буг сондзил з лудзми доприми мусулманми исц до вилиятату мусулманскего, теди вечне их прещам и китуйе. Року Мухамеда тисонц сто седемдзесот другого ремезана месонце двудзестего другого дня. Ктуру то квитанцийо речко мойо подписуйе з шагатами.

*Исмаил Новоселский, шагат Йекуб Йакубовский.
Мустафа Адамович»*

В западных областях Белоруссии и в Литве известны рукописи на польском и белорусском языках, написанные арабскими буквами. Приведу два примера для любознательных.

Люди, указанные в расписке, мусульмане, их имена — мусульманские, фамилии же — славянские. Некоторые утверждают, что это писали литовские татары. Но тогда почему нет ни строчки по-татарски или по-арабски?

Ясно, что говорили и писали они только по-славянски, не зная ни арабского, ни тюркского. Это — не татары. Хотя они могли происходить от родителей-неславян. Однако самое удивительное, что мы имеем книги, написанные арабицей, как мусульманские, так и христианские. И даже языческие!

Если они и были татарами, то давно уже ославянились. Но арабица не мешала им писать по-славянски.

И о книжном деле на Руси. Согласно «Повести временных лет», появление книг на славянском языке относится к 898 году. Именно в это время Кирилл и Мефодий переводили священные книги на славянский язык. Правда, как гласит предание, Кирилл умер в 869-м, а Мефодий в 885 году. Стало быть, переводили посмертно.

Церковь уверяет нас, что святые братья были греками из города Солуни (Фессалоники); польский историк Стрыйковский уверяет, что Кирилл был славянином. А что сообщает нам сам Кирилл?

«Гласник друштва српске словесности» (год 8/1856) издал автобиографию святого Кирилла. Это так называемая «солунская легенда»¹, которая гласит:

«Рожден был я в Каппадокии и учился в Дамаске. Однажды, находясь в церкви великой патриархии в Александрии, услышал я голос, исходящий от алтаря: «Кирилл, Кирилл, иди в землю славянского народа, названного болгарами, потому что тебе Бог определил ввести их в Веру и дать им Закон».

Сильно сожалел я, ибо не знал, где находится болгарская земля. И отправился на Кипр и не смог узнать ничего о болгарской земле и хотел возвратиться, но убоился стать как про-

¹ См. также: Богданов Иван. Безсмертни слова. София, 1980. С. 130.

рок Иона и отправился еще и на Крит. И там мне посоветовали отправиться в город Солунь.

И отправился я туда, и явился пред митрополитом Иоанном, и когда ему рассказал, тот весьма надо мной насмеялся и сказал: «О, неразумный старче, болгары являются людоедами и тебя просто съедят». Пришел я на базар и слышу, как болгары говорят, и сердце мое утрашилось и был как в аду и во тьме.

Однажды на святой неделе вышел я из церкви и сел на камень в задумчивости и в скорби. И тогда увидел голубя, который ворковал и носил в клюве прутики смоковницы, связанные попарно. И бросил он их мне в подол, и когда я их пересчитал, насчитал их всего 32. И когда их положил я за пазуху, отнес их митрополиту. Тогда они скрылись в теле моем, и я перестал понимать греческий язык. Все солунцы собрались там, удивляясь мне. Поэтому они меня и укрыли.

Услышали болгары обо мне, и великий князь Десимир Моравский и Радивой князь Преславский и все болгарские князья собрались около Солуни и воевали против Солуни три года, проливая много крови и говоря: «Выдайте нам человека, которого Бог нам послал». Из-за этого меня отправили к ним.

Болгары взяли меня с большой радостью и отвели меня в город Равен на реке Брегалница. Я им написал 32 буквы. Немного их поучил, и они многому научились. После чего, говорит Бог, они предадутся христианской православной вере».

«Проложное Житие Мефодия» сообщает весьма интересные сведения: **«Кирилл уговорил брата своего идти с ним, потому что тот знал славянский язык»**. Кирилл же был специалистом по семитским языкам, хорошо знал Коран и, видимо, арабский язык, но не знал славянского.

Сохранились свидетельства того, что **сочинения Константина с греческого на славянский переводил именно Мефодий**. Помимо всех его достоинств во время миссии он **«служил меньшему брату, как раб»**. Именно так говорится о нем в его «Житии». Получается, сам Кирилл не знал славянский язык и не отличался большой работоспособностью.

Так откуда же стало известно, что родившийся в Дамаске Кирилл является братом рожденному в Моравии Мефодию?

Кирилл Солунский и Мефодий Моравский стали братьями по решению Церкви. Разве этого достаточно для того, чтобы их считать греками из Солуни или даже славянами?

Рассказав об изобретателях письменности, не мешает сообщить и о первопечатниках.

Некоторые думают, что первым славянским первопечатником был Иван Федоров, а первым первопечатником в Европе — Иоганн Гутенберг. И то, и другое неверно.

Древнейшая печатная книга Иоганна Гутенберга — «Сивиллова книга» (на латинском языке), отпечатана около 1445 года.

Но прочтем наши летописи.

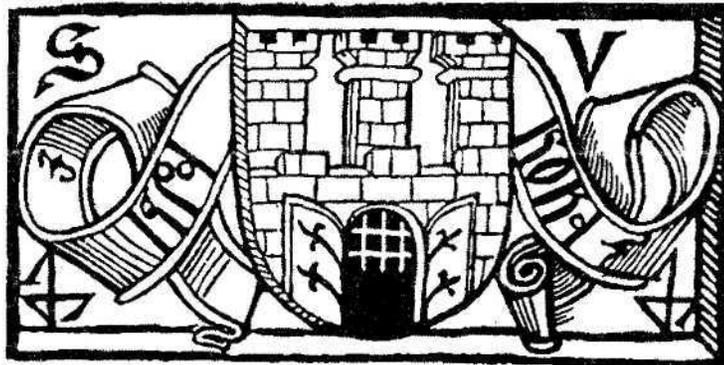
«Владимир... дал всех вышеупомянутых сынов своих и при них несколько сот сынов боярских учить письму греческому, а также глаголическому, поставив над ними дьяков и обученную молодежь» (Иоакимова летопись).

Из-за того что в России не хватало книг для богослужения, в Перемышле при Владимире Святославиче было изобретено книгопечатание, о чем сообщает «Кроник Псковский»¹.

«Известный румынский археолог Адриан Диакону сообщает, что им были найдены среди развалин древнего римского форта, носившего название «Bersovia», поблизости трансильванского города Темишоара, предметы, наглядно свидетельствующие, что искусство печати было известно древним римлянам. Дальнейшие расследования привели румынского археолога к заключению, что римский IV легион Флавия Феликса, квартировавший в Дакии, был знаком с типографским делом, и для сведения легионеров печатались распоряжения их начальников разборным шрифтом. Двое членов Бухарестской Академии Наук исследовали найденный Диакону римский шрифт и согласились с его мнением.

Находка румынского археолога в окрестностях Темишоара не оставляет ни малейшего сомнения в том, что печатное дело существовало в Дакии при римлянах»².

Так что Гутенберг лишь возобновил то, что умели делать еще римляне времен Римской империи.

Докончана бѣси книга въ великоу градѣ боу
 краковѣ при державѣ великаго короля полскаго
 казимира . ѿ докончана бѣи цѣцанинѣ краковѣ
 скихъ шканполтоу, фѣоль, ѿ зѣдцецѣне
 децкогоро доу, франкъ . ѿ скончаша побожнеа
 пароженецѣ . дѣи сѣть . де в а т ь д е с ѣ т ѣ л ѣ т о .

Колофон Октоиха 1491 года

В 1491 году немец Швайпольт Фиоль из Нойштадта (верстах в 60 от Нюрнберга) издал в Кракове кириллическим шрифтом (впервые в мире) на русском языке сразу две книги: «Октоих» и «Часослов». В 1492 году он выпустил «Триодъ постную» и «Триодъ цветную». Но из-за национальности своей Швайпольт явно не подходил на первого славянского первопечатника, и таковым назначен был Иван Федоров. До него на Руси тоже были первопечатники, но так как их имен не сохранилось, пришлось выбрать печатника-славянина, известного хотя бы по имени. Хотя Иван Федоров был родом из Литвы.

А теперь второе вынужденное отступление от изложения истории князей русских.

¹ Если мы верим одним сведениям, то почему не верить другим?

² Археологические известия и заметки. 1895. Т. 3. С. 375.

«1000-летие крещения Руси», или Какую веру принял князь Владимир Святой

В своем месте мы уже писали о Владимире Святом, но поговорим только об одной проблеме — «принятии веры». Так как невозможно обойтись без упоминания князя Владимира, занимающего в нашей Истории весьма заметное место, нам по необходимости придется несколько повториться.

Итак, Церковь утверждает, что Владимир Святославич принял в 988 году веру православную, христианскую, почему и считает его Святым князем.

Рассмотрим документы и свидетельства о том, как шло развитие веры от язычества к православию на Руси.

Основными источниками являются греческое «Обстоятельное повествование о том, как крестился народ росов» и русская «Повесть временных лет».

«Обстоятельное повествование» сообщает, что Владимир сидел в своем городе и размышлял — в городе его люди придерживаются четырех религий и никак не могут объединиться вокруг единственной, самой правильной.

«Одни лобызали и чтили веру евреев как величайшую и древнюю, а другие веру персов уважали и к ней прилеплялись, третьи чтили веру сирийскую, четвертые же держались веры

агарян». Итак, до принятия православия, как мы видим, киевляне были иудаистами, язычниками-огнепоклонниками, мусульманами, остальные же придерживались сирийской веры, под которой подозреваю несторианство, одно из направлений христианского учения.

И послал Владимир послов в Рим — очень понравилось им богослужение католическое, хотел уже принять эту веру, да тут ему посоветовали проверить веру греческую. Вновь послал он тех же самых послов, теперь уже в Константинополь. Послам поднесли богатые дары, и обряды греческие понравились им гораздо больше. Вернулись они, похвалили веру греческую, и решил Владимир больше никуда не посылать послов — и так ясно, какую веру надо принимать, и принял веру греческую. Удивительно, но послы вовсе не интересовались учением веры, но лишь обрядами. Однако фактом остается одно — приняли веру греческую.

А что утверждают русские летописи?

Сидит Владимир в Киеве и приносит жертвы языческим богам. И приходят к нему послы от разных народов с предложением принять истинную веру. Иудеи хвалят свою веру. Он же спрашивает их: «Где земля ваша?» Выяснив, что Бог отвернулся от них и лишил их родины, естественно, веру такую принимать не стал, раз сам Бог от них отвернулся.

Католикам он ответил просто, не мудрствуя лукаво: «Отцы наши вашей веры не принимали, и я не приму».

Пришли мусульмане и говорят: «Прими нашу веру, как самую правильную. Молиться единому богу. Водки не пить, зато жен можно иметь несколько». Что жен можно иметь много — это хорошо, а то, что водки нельзя пить, это никуда не годно, ибо «водка для нас праздник и не можем без нее быть».

Если бы не любовь Владимира к Зеленому Змию, могли бы принять ислам, хотя окончательно его отговорили греки, сообщившие Владимиру, что мусульманские женщины — о, ужас! — занимаются оральным сексом. «Тьфу, какая мерзость!» — воскликнул Владимир и наотрез отказался от мусульманской веры. И, естественно, в благодарность за предупреждение принял веру греческую. Какую? Арианство, конечно. Ибо именно о подобосущности Христа говорит «Повесть».

Из-за того что арианство было признано ересью за несколько веков до Владимира, в 1666 году пришлось заново принимать веру — и приняли грекоправославие. Так вкратце можно передать сведения русских летописей.

Но это говорят лишь греческие и русские сказания, при том как те, так и другие сообщают, что крестил Русь при Владимире константинопольский патриарх Фотий.

Возникает несколько вопросов: если Фотий и Владимир были современниками, то когда они родились и когда умерли? Почему Владимир принимает арианство, в Константинополе осужденное как ересь еще задолго до Владимира? Есть ли на Руси христианские могилы, принадлежащие русским?

И вот тут мы оказываемся в затруднительном положении. Во-первых, патриарх Фотий умер в 886 году. Владимир родился в 942 году, то есть спустя 56 лет. Стало быть, ну никак не мог Владимир принимать крещение от Фотия. Не восстал же тот из мертвых! Во-вторых, арианства он принять из Константинополя не мог.

К тому же русские летописцы не знают даже, где именно крестился сам Владимир! Называют несколько городов. Скандинавы же, хорошо знавшие то, что творится на Руси, вообще считают, что Владимир был язычником до самой смерти.

Да и с могилами проблема: Раскопки, проведенные донецкими археологами, кладбищ северян открыли захоронения «с подбоем», то есть по мусульманской традиции. Христианские же надгробья появляются в России лишь в 1498 году. До этого отличить могилы христиан от могил язычников весьма непросто, они ничем не отличались.

А что говорят не греческие или русские сказания, а латинские или мусульманские? И что дает археология?

Хисам-уддин сын Шереф-уддина из Болгара говорит в своей истории: «Болгарский народ принял ислам в месяце рамазане в девятом году хиджры при жизни Пророка по приглашению трех уважаемых асхабов: Абдуррахмана сына Зубейрова, Зубейра сына Джагды и Талхи сына Усманова.

Зубейр был очень сведущ в тюркском языке и остался в Болгаре, женившись на Туй-бике, дочери Айдар-хана. Жил там еще 25 лет и умер. А его товарищи оба возвратились в Медину. И так как от этого Зубейра сына Джагды, некоторые

жители Болгара и его окрестностей приняли мусульманское учение, то, по словам Хисам-уддина Шереф-уддинова, там было много последователей, мужчин и женщин» (Марджани).

И хотя Хисам-уддин ибн Шереф-уддин сообщает о тюрках города Болгар, а стало быть, к русским это не должно иметь никакого отношения, но болгары Поволжья — народ смешанного происхождения из славян и тюрков, как сообщают восточные авторы. А арабский ученый Шараф аз-Заман Тахир Марвази (XII век) прямо относит русских к тюркам. То есть русские XII века были народом тюркским. Да и русские летописи косвенно это подтверждают. Напомним, что, когда половцы впервые подошли к Киеву, простой паренек перелез через стену и прошел через ряды половцев, разговаривая с ними на их же языке. Подойдя к Днепру, парнишка бросился в реку и переправился на степную сторону, туда, где жила основная масса «полян» (жителей поля), там он встретился с соплеменниками, кочевавшими на левобережье. И помощь Киеву пришла с востока.

А вот что говорит о киевлянах XII века (как мы знаем — славянах) Абу Хамид ибн абд ар-Рахим ал-Гарнати ал-Андалузи, мир ему и его предкам, побывавший в наших краях в 1131—1153 годах: «И прибыл я в город страны славян, который называется Киев. А в нем тысячи магрибинцев, по виду тюрков, говорящих на тюркском языке. А известны они в той стране под именем печенеги. И встретил я человека из багдадцев, которого зовут Карим ибн Файруз ал-Джаухари, он был женат на дочери одного из этих мусульман. Я устроил этим мусульманам пятничное моление и научил их хутбе, а они не знали пятничной молитвы».

Ну надо же! Живут в самом Киеве, а пятничную молитву правильно прочесть не могут! Не очень многознающими мусульманами были киевляне. Но ведь это значит, что Киев XII века — город мусульманский. Где же там православие?

Но мы же знаем, что еще в X веке была построена Десятинная церковь. Правда, в «Кратких сообщениях Института истории и материальной культуры» (т. 1) помещен отчет о раскопках Десятинной церкви, в котором говорится, что церковь стоит на рву, который был засыпан при строительстве церкви. Археологически засыпка рва датируется аж XIII веком!

Как христиане смогли поставить церковь в X веке на месте того рва, который только лет через 200 будет засыпан, я сказать не могу. Но должны же были где-то молиться местные мусульмане, вероятно — в Софии Киевской, ведь мечетей в Киеве нет. Придется признать, что в то время церковь и мечеть были синонимами.

Интересно название в древнерусском языке церковного здания — «ропать», из арабского «рибат» — «укрепленный монастырь». Так что? София Киевская — это ропать, в которой молились киевляне XII века? В «Задонщине» сообщается, что, разграбив имущество татар, русские воины везут своим женам «насычеве». Что такое «насычеве»? Так по-русски называется молитвенный коврик, от арабского «насыдж».

Но вернемся в Древность. Как известно, Киев основан Кием, первым князем киевским. Что же нам известно о нем? Оказывается, Кий был выходцем из Хорезма (настоящее его имя — Куйя), после переселения части хорезмийцев-мусульман в Хазарию, где они были расселены по границам государства, Куйя стал вазирем Хазарии, эта должность после его смерти досталась его сыну — Ахмаду бен Куйя.

Историк X века ал-Масуди пишет: «В этой хазарской стране мусульмане являются преобладающей силой, потому что они составляют царскую армию. Они известны в этой стране как арсии (ясы-аорсы), и они пришельцы из страны Хорезм. В древние времена, вслед за появлением ислама, начались в их стране засуха и мор, и потому они пришли к хазарскому царю. Они были людьми сильными и смелыми, и хазарский царь полагался на них в своих войсках. ...Кроме того, им принадлежит должность вазиров. В настоящее время вазир один из них — Ахмад бен Куйя. ...Жители Арсии имеют также мусульманских судей».

Арсания — ведь это одна из «славянских» стран, наравне со Славней и Куявией!

Правил Киевом и Аскольд (Аскел), который был женат на дочери хана волжских булгар, чьим вассалом он и являлся (об этом свидетельствует ибн Фадлан). Аскольда убил Олег, норвежец по национальности, но наш великий князь. Проблема в том, что он был подданным Хазарского государства, и к тому же Радзивилловская летопись помещает рисунок — Олег

Ильиндильмъ гъ мавергъ.

Олег на Балканах. Рисунок из Радзивилловской летописи

воюет на Балканах. Но под каким знаменем? На знамени арабская надпись «ДИН», что означает «вера», «религия».

Почему по-арабски? Ну это понятно: христианства еще не приняли и поэтому с кириллицей пока не знакомы. С кириллицей не знакомы, а вот с арабицей — нет проблем. Интересно, что в землях Белоруссии и Литвы сохранилось огромное количество рукописей, написанных по-белорусски и по-польски арабицей. Стало быть, в старину основным алфавитом у славян был арабский! О том, что славяне были тесно связаны с арабами еще в VII веке, сообщают и византийские писатели. Так, Феофан под 675 годом сообщает: «20 000 славян из войска императора Юстиниана II перешли к арабскому полководцу Мухаммеду, который при их помощи через три года берет в плен многих византийцев». Об этом же говорят и Никифор, и Леон, и Кедрин.

Может быть, Ольга не мусульманка? Однако... Если обратимся к русским летописям, то выясним, что Ольга — дочь половецкого тархана, «а половцы закон Магометов держали», то есть Ольга происходит из мусульманской семьи. Правда, русские летописи сообщают, что в 955 году она крестилась либо в Константинополе (однако византийские источники это-

го не подтверждают, а скандинавские — опровергают), либо в Москве (однако мы датируем основание Москвы XII веком), Святослав не был христианином — с этим согласны все. Хотя как раз у него на печати — католический крест!

Н. Д. Знойко в статье «О походах Святослава на Восток»¹ пишет: «Чтобы сбить сырье, производимое на Руси, надо вести торговлю с мусульманскими народами Азии, что могли делать только мусульмане же — хазары, болгары, либо надо принимать мусульманство самим. Поэтому приходилось торговать с Грецией».

Так хорошо начал — и так неверно кончил. Ведь Святослав с Грецией не торговал, а воевал! Торговали-то как раз с Востоком.

А о Владимире что говорят восточные авторы?

Мухаммад ал-Ауфи сообщает: «Русы... постоянно занимаются разбоем и знают только одно средство добыть себе пропитание — меч. Если кто-нибудь из них умрет и после него останутся сын и дочь, то все имущество отдают дочери, а сыну не дают ничего, кроме меча, говоря ему: «Твой отец добыл имущество себе мечом». Так было до тех пор, пока они не сделались христианами в 300 году хиджры. Приняв христианство, они вложили те мечи в ножны.

Но так как они не знали другого способа добывать себе пропитание, а прежний теперь был для них закрыт, то их дела пришли в упадок, и жить стало им трудно. Поэтому они почувствовали склонность к религии ислама и сделались мусульманами. Их побуждало к этому желание получить право вести войну за веру. Они отправили послов к хорезмшаху. Послов было четверо, из родственников царя, правившего вполне самостоятельно и носившего титул БУЛАДМИР, как туркестанский царь носит титул ХАКАН, а болгарский — титул ВЛАДАВАЦ.

Когда послы пришли к хорезмшаху, он очень обрадовался их желанию принять ислам, пожаловал им почетные подарки и отправил одного из имамов, чтобы научить их правилам ислама. После этого все они сделались мусульманами.

¹ Журнал Министерства народного просвещения. 1901, декабрь. С. 273—274.

Они совершают походы на отдаленные земли, постоянно странствуют по морю на судах, нападают на каждое встречное судно и грабят его».

С кем же постоянно воюют русские? С христианскими странами, конечно. Русские летописи постоянно сообщают о войнах с греками и болгарами, крымскими христианскими городами и поляками. Лишь однажды напали на Саркел, и то потом Игорь попросил прощения — император Роман побил!

А с кем торгуют? Об этом свидетельствуют восточные дирхемы, во множестве находимые в русских кладах (византийские же монеты почти не встречаются).

С. П. Толстов¹ пишет: «В исламе Владимир мог искать идеологическое оружие... догмат борьбы за веру и перспективы союза со странами ислама сулили успешное развитие военной экспансии против старого врага — Византии».

Заметьте, Византия — наш давнишний враг! Зачем же принимать веру врага?

О князе Болгара Алмазе Васильевиче Владаваце и о принятии им ислама сообщает ибн Фадлан, преподнесший 12 мая 922 года в дар князю тюрбан, который с тех пор называется «челма» (чалма) — то, что надевается на чело.

Турецкий историк Мохаммед Кятиб сообщает дату принятия русскими ислама — 333 год от Р. Х., а это дата «крещения Ольги».

Но о том, что мусульманство было в Киеве еще до Владимира Святого, сообщают и византийцы (смотри выше). Но все-таки после Владимира — христианство? Посмотрим.

Как мы писали выше, в 1947 году на развалинах храма конца XI века в усадьбе Киевского художественного института при археологических работах обнаружены черепки разбитых амфор, на одной из них была надпись арабицей — имя владельца амфоры «**Кабус**». Случайность? Ну что ж, возьмем книгу К. Н. Гупало «Подол в древнем Киеве» (Киев, 1982. С. 82). В ней сообщается, что в Киеве найдена формочка для литья с арабской надписью, которую можно прочесть как **ЙАЗИД** (из-за царапин можно прочесть и иначе — **ТУРК**).

¹ По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 261.

Арабская надпись на шлеме Александра Невского. Рисунок из книги «Древности Российского государства» (М., 1853)

Датируется эта находка X—XII веками. Найдены там и поздние корчаги, на одной из них надпись кириллицей — она читается «МСТСЛВЛ КРЧГЪ». Написано так, как мог написать мусульманин, привыкший писать арабицей, не обращая внимания на гласные звуки.

А что говорят письменные источники?

Письмо Матфея, краковского епископа, к святому Бернарду, аббату Клервонскому, об обращении русских, которое следует предпринять: «Народ же тот русский, множеству ли

бесчисленному, небу ли звездному подобный, и правила веры православной и религии истинной установления не блюдет... Христа лишь по имени признает, делами же совершенно отрицает. Не желает упомянутый народ ни с греческой, ни с латинской церковью быть единообразным. Но, отличный от той и от другой, таинства ни одной из них не разделяет»¹.

«Старшая рифмованная ливонская хроника» (XIII век) сообщает: «Дерптский епископ Герман в это время начал враждовать с русскими. Те хотели подняться против христианства, как прежде».

Посмотрим на княжеские шлемы. Шапка Иерихонская или Шишак князя Ф. И. Мстиславского имеют надписи по-арабски.

13-й аят 61-й суры вы можете увидеть на шлеме великого князя Александра Невского. Многие думают, что это какие-то восточные мастера еще до приобретения князем шлема где-то в Мусульманин нанесли эти стихи. Увы! Известен мастер, выполнивший этот шлем, — Микита Давыдов.

На шлеме арабская надпись при христианском кресте! Ислам и христианство еще едины.

«Арабская надпись — обычная принадлежность богатых русских шлемов»². Рисунок из книги «Древности Российского государства» (М., 1853)

¹ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. М, 1990.

² Записки Русского Императорского археологического общества. Новая серия. 1899. Т. X. Вып. 1—2. С. 321.

Портрет Степана Разина. Обратите внимание на его головной убор — это чалма. Рисунок из книги А. Сахарова «Степан Разин» (М., 1973)

Автор книги «Хафт Иклим» (XVI век) возмущается, сообщая о русских, что те, кто украсил себя одеждой ислама, почему-то сохранили страсть к свиному мясу! Представляете, какой кошмар — русские едят свинину!

Интерес представляет и прозвище «Петр-муфий», — он кричал проклятия гетману Замойскому с высоты крепостных стен Псково-Печерского монастыря в 1581 году. Муфий — это кто? Муфтий или монах-схимник?

Рассмотрим еще один пример. Афанасий Никитин.

«Хождение за три моря». Окончив рукопись, Афанасий пишет молитву Господу, которая в современных изданиях преподносится так: «Во имя Господа Милостивого Милосердного и Иисуса Духа Божию...» Не понятно, почему Афанасий называет Иисуса Духом Божиим? Но в подлиннике написано несколько иначе, надо бы писать так: «БИСМИЛЛЯ РАХМАН РАХИМ. АЛЛАХ АКБАР. ИСА РУХ ОАЛЛО. АЛЛАХ САЛАМ. АЛЛАХ АКБАР. ЛЯ ИЛЛЯХИ ЛЯ ИЛЛЯХУ. АЛЛАХ ПЕРВОДИГЕРЬ...»

Это не православие — это мусульманство. Но... формула ЛЯ ИЛЛЯХИ ЛЯ ИЛЛЯХУ не имеет окончания МУХАММАДУН РАСУЛЛЮ ЛЯХИ.

Как писал Низами Гянджеви: «Правоверные жили в лазурных шатрах, но Пророка не знали на этих горах». Ислам без Пророка — это русское Правовереие.

Считали священной книгой Коран, писали и молились по-арабски, но называем себя православными христианами! При этом рассорились и разошлись с татарами лишь из-за недостающего окончания формулы, ибо русские признавали лишь тот

Страница из рукописи Афанасия Никитина

факит, что ИСА РУХ ОАЛЛО (Исус Дух Аллахов), а татары добавили МАГОМЕТ — РОССОЛЛА (Мухаммад — Правосудие Аллага).

Татары приняли арабскую формулу «Нет Аллаха, кроме Аллаха, а Мухаммад посланник Его», русские же посчитали достаточным основанием считать себя христианами, раз они верят, что «Иса является Духом Аллага».

Но вот наступил 1499 год. Впервые на славянском языке появляется перевод Библии. До этого Библии на славянском ни у кого не было, и наши предки посчитали, что это просто полный перевод того же Корана. И многие приняли его, продолжая молиться Господу и соблюдать обычаи мусульманские. В «Вестнике Европы» (№ 4 за 1828 год) приведено 16 общих культурных традиций между мусульманами и староверцами. Я мог бы добавить еще три. Но главные особенности следующие.

Как и мусульмане, старообрядцы умываются перед молитвой, притом если вода недоступна, то умываются землей. Брить бороду — великий грех. Даже взять человека за бороду — оскорбление.

Если к ним придет православный или католик, то после него посуду выбрасывали, как испоганенную. (Православный — поганит посуду!!!)

Но, слава Богу, наступил 1666 год. Никон решил ввести новую веру и принял христианство-богомилство из Болгарии. После этого мы стали называть свою веру греко-православной, но с греками никак объединиться не можем. Почему? Не знаю. Не судьба, наверное.

Как сообщает Георг Шлэйзинг в своей книге «Религия Московитов» (1695 год), русские в это время (а это уже петровские времена) считают себя греко-православными, но вместо приветствия произносят «Салом»¹. «Их главные попы, или священники читают народу в церквях Новый Завет. Что же до Ветхого Завета, то, по их разумению, в нем содержатся непристойности, кои далеки от того, чтобы быть читаемы публично народу, а потому они не считают достойным затрагивать их, исключая псалмы Давида. К этой Священной книге питают они такое отвращение, что считают профанацией само внесение ее в церковь и разрешение там ее читать. Что до чтения Нового Завета, они проводят его так равнодушно и так быстро, что читающий не понимает смысла читаемого, а присутствующие не обращают на него никакого внимания».

Р. С. Все, что выше писалось, не касается земель Западной Украины и Новгородского княжества.

Новгород не был исконно русским, его населяли племена лехитского происхождения вперемешку с чудью (эстонцами), они — племя западнославянское, до XIII века поддерживали тесную связь с городом Волином, в деревнях вера была языческой, в городе же — действительно было христианство. Да и в самом Киеве некоторые князья тоже, ориентируясь на Запад, принимали католичество. И первым христианином был сам Ярослав Мудрый.

Христианином был и Изяслав, и некоторые другие. Но за рамки княжеской семьи христианство долго не выходило. Народу христианство было чуждо. И лишь под влиянием поля-

¹ Собственно, написано «Шалом», но и слово «свах» Шлэйзинг записывает как «швах».

ков где-то в XIV столетии постепенно это учение начало проникать в народ, и прежде всего на Западной Украине.

Некоторые русские князья и княгини имели по два христианских имени — одно католическое, другое — православное. Так Олисава-Гертруда имела сына Ярополка, православное имя Гаврил, а католическое — Петр. Мстислав Владимирович — Феодор и Гаральд.

В католической среде — они католики, в православной — православные, нет проблем. Да и почему им не уважать местных богов, находясь в Италии, Германии, Швеции или Греции? Для язычников правило: придя в какое-либо место, надо молиться местным богам, а не соваться со своим уставом в чужой монастырь. Но тогда и в мусульманской местности, естественно, надо быть мусульманином. Так что имена Святослав-Владимир-Василий-Кавус вполне мог носить один и тот же человек — Святой Владимир.

Христианство было широко распространено в Новгородской земле. Христиане назывались по Христу — «крестьяны».

Владими́ро-Суздальская земля больше склонялась к мусульманству, и жители ее именовались бесерменами.

Позднее бесермены, не перешедшие в христианство, влились в татарскую нацию¹.

Те же, кто сохранил веру в языческих богов, именовались паганами (отсюда бранное — «погань»).

И несколько слов о «библейских» цитатах, входящих в тексты наших древнейших летописей. Почему «в Библии этих слов нет»? Так как сам я не великий знаток Библии, то обратимся к помощи академика Д. С. Лихачева.

«Речь философа». Как исторический источник «Речь философа» совершенно не изучалась. Это объясняется тем, что старая дворянская и буржуазная наука стремилась затушевать, завуалировать те элементы еретичества или те элементы народного христианства, апокрифических, неофициальных воззрений, которые явственно дают себя знать в древнейших русских церковных сочинениях. Внимательное изучение этих со-

¹ Есть и финноязычные бесермены.

чинений несомненно в будущем откроет многие следы влияния апокрифов и еретических учений, что позволит более глубоко поставить вопрос о происхождении русского христианства. По-видимому, христианство появилось на Руси не только по официальным каналам. Ниже в комментариях к «Речи философа» отмечаем предварительные данные ее исследования, указывающие на ее расхождения с Библией.

А въ 3-й день отвори море, и реки, и источники, и семяна. В Библии (книга Бытия, 1,10-11) иной текст: «И назвал бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел бог, что это хорошо. И сказал бог: да произрастит земля зелень, траву сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так».

и украси бог небо. В Библии этих слов нет (см. книгу Бытия, I, 13-19).

Кс. 62

И бе Адамъ в рай, видяше бога и славяше, егда ангели славяху. В Библии этих слов нет.

Кс. 63

порадовася сотона о проклятыи земли. В Библии этих слов нет. **и не умяше, како убити и.** **И рече ему сотона: возьми камень и удари и.** В Библии этих слов нет.

И плакастася по Авели лет 30, и не съгни тело его; и не умяста его погresti. **И повелениемъ божьимъ птенца 2 прилетста...** Рассказ о двух птицах, подавших пример погребения Адаму и Еве, апокрифический.

Егупти бо локтемъ сажень зовуть. У Амартола имеется рассуждение о египетских мерах (Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. Пгр., 1920. Т. I. С. 55), послужившее основой этому замечанию «Речи философа».

Кс. 64

и бе старешина Неврод. Упоминания имени старейшины Неврод при построении Вавилонского столпа в Библии нет. Легендарный Неврод как строитель Вавилона (но не вавилонской башни) и изобретатель астрономии упоминается у Амартола (Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. Пгр., 1920. Т. I. С. 33-34).

Адамовъ же бысть языкъ не отгьятъ у Авера. В книге Бытия (в гл. 11) об Авере нет этих сведений; они восходят через

русский компилятивный хронограф к Хронике Георгия Амартола (Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. Пгр., 1920. Т. I. С. 57).

По дьяволу научению ови рощениемъ, кладяземъ и рекамъ жряху. Позволительно видеть в этих словах скрытый выпад против русского язычества, так как поклонение рощам, колдцам и рекам было характерно именно для русского язычества и не выводится ни из каких средневековых произведений, посвященных истории еврейского народа. Ср. в Начальном своде (в Новгородской первой летописи) в рассказе о Кие, Щеке и Хориве о полянах: «бяху же погане, жруще озером и кладязем и рощением, якоже прочий погани».

Се же Серухъ роди Фару. Согласно Библии, Фара был сыном не Серуха, а Нахора.

Аврамъ же, пришедь въ умь, возре на небо... до слов «Возлюби бог Аврама, и рече бог Авраму» — текст этот в Библии отсутствует, у Амартола соответствующий рассказ также далек от сведений нашей летописи (Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. Пгр., 1920. Т. I. С. 81).

Кс. 66

Моисий же, хапаяся за шию, срони венечъ съ главы цареви, и попра и. **Видевъ же волхвъ, и рече цареви: «О царю! Погуби отроча се; аще ли не погубишь, имать погубити всего Еюпта».** Этому рассказу нет соответствий в Библии. Он восходит через посредство русского компилятивного хронографа к апокрифическому житию Моисея. В последнем говорится о том, как трехлетний Моисей снял с головы фараона царский венец и возложил его себе на голову, о том, как затем жрец посоветовал фараону убить ребенка. Однако бог послал архангела Гавриила, который в образе одного из вельмож убедил фараона испытать ум Моисея при помощи драгоценного камня и горящего угля. Если Моисей возьмется за драгоценный камень, то его нужно признать мудрым, а следовательно, и опасным для царя; если же он потянется к углю, то его можно оставить в живых. При испытании архангел Гавриил направил руку Моисея к углю. Мальчик вложил уголь в рот и опалил язык, чем и сохранил себе жизнь.

и ходя по пустыни и научися от ангела Гавриила о бытии всего мира и о первемъ человеце. **яже суть была по немъ и по**

потопе, и о смешении языка, аще кто колико летъ былъ, звездное хоженье и число, землю меру и всеку мудрость. Рассказ этот через посредство русского компилятивного хронографа восходит к апокрифическому житию Моисея. Ему нет соответствий в Библии.

К с. 67

Моисееви въшедшу на гору къ богу, они же, сольявше телчю главу.

В Библии (в гл. XXXII «Исхода») говорится, что Моисей слил целого тельца. О «телчеи» же голове повествуют русские паломники, ходившие в Палестину. Здесь в долине горы Шу-эйб им эту «телчю» голову и показывали (ее видел русский путешественник XVI века купец Василий Поздняков). Возможно, что это место «Речи философа» обязано своим происхождением Епифаниевой «Повести о Иерусалиме и сущих в нем местех» (А й н а л о в Д. Некоторые данные русских летописей о Палестине // Сообщения Православного палестинского общества. 1906. Т. XVII. Вып. 3)¹.

Не правда ли, странно — монахи, писавшие в своих кельях летописи, не знали привычной нам Библии?

Во всех списках «Повести временных лет» читается: **«СВЯТЫЙ ЕСТЬ СЫН ПОДОБОСУЩЕН И СОБЕЗНАЧАЛЕН ОТЦУ»**. Это говорится о православном учении, о греко-православии?

«Если о событиях спорят их очевидцы, значит, Истине приходится склоняться перед более могущественным Интересом». Учитывая это обстоятельство, видный историк церкви Е. Е. Голубинский пришел к выводу, что летописная Повесть «есть позднейший вымысел».

А теперь поговорим о разделении Церквей на православные и мусульманские и об отлучении Аллаха от Греческой православной церкви².

¹ Ли х а ч е в Д. С. // Повесть временных лет. М., 1950. Т. 2 (комментарии). С. 332.

² Православный Собеседник. 1878, октябрь и ноябрь.

Абул-Касим ибн Абдалла ибн Муталиб, после своей смерти прозванный Мухаммадом (то есть «Достославным») был основателем новой христианской секты — мусульманства.

Н. А. Морозов (Христос. М., 1932. Т. 6) указывает, что мусульманство с 578 по 1180 год было христианской сектой, ибо «мусульманство — это протестантизм Восточной Церкви».

Иоанн Дамаскин (685—755) занимал должность первого советника при дворе халифа. Его отец — Сергей-Мансур — был государственным казначеем при дворе Омейядов.

При втором халифе Абу-Джафаре ал-Мансуре (754—775) богослужебные книги христиан были переведены на арабский и христианство проповедовалось в церквях по-арабски.

Император Лев III Исаврянин (717—741) в послании к Омару II замечает, что христиане его времени владели уже многими житиями Мухаммада, «написанными христианскими епископами еще при жизни самого Пророка».

Как видите, христиане живо интересовались личностью святого человека и не считали его учение чем-то чуждым. Да и почему им не согласиться с Пророком, который признавал Христа за Слово Божие, хотя и отвергал его личное, отдельное бытие, то есть Иисус не отдельный Бог, а лишь часть Бога, его Слово. Он признавал даже и воплощение Сына Божия, но отвергал реальность его тела, держался докетизма.

Византийцы перевели на греческий язык Коран, с чего и начинаются неприятности для последователей Пророка.

Эдесский монах Варфоломей пишет: «В твоём Коране нашел я одни только выдумки и непристойные речи; но ничего не нашел такого, что внушает и вдохновляет слово Божие».

При переводе понятие о Боге «Ссамад»¹ переведено словом «Олосферос»².

Это понятие было усвоено (присвоено) православной церковью и было внесено в чин принятия мухаммедян в православие. Так мусульмане стали считаться Церковью православными людьми.

Итак, с перевода Корана на греческий и начались проблемы. «Олосферос» при чтении было исковеркано и понято как

¹ Бесконечный.

² Всесферный, то есть «пронизывающий все сферы мироздания».

«Олосфирос», то есть «Выкованный». И в византийской трактовке получилось: «Бог есть един в себе, твердо, вся как бы молотом сплоченная и имеющая сферический вид масса, которая не рождала, не рождена, которой ничего нет подобного в мире».

Такими словами была объяснена 112-я сура Корана.

Но значит, у Бога не было детей? Стало быть, Иисус — не Сын Божий? И Бог «выкован» (возможно, из металла). Для анафемы хватило и этого.

И в 1180 году церковные иерархи Константинополя провозгласили анафему:

«Отлучение Богу Магомета, о котором говорят, что он есть Бог, весь выкованный молотом, который не рождал, не рожден, которому никто не подобен».

Заметьте, отлучили от церкви самого Бога!

Мануил Комнин смутился формулой анафемы, увидав в ней хулу на истинного Бога, и предложил изъять эту анафему из книг.

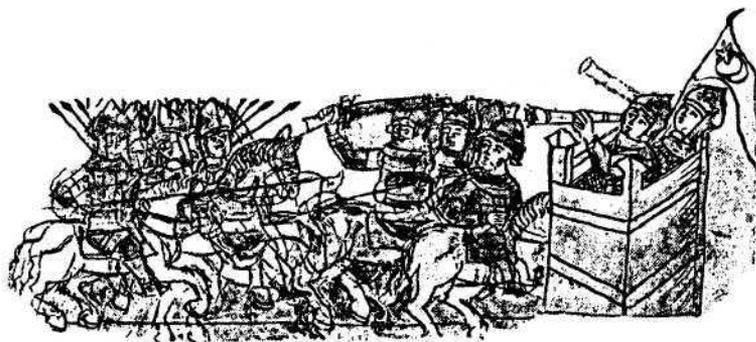
Патриарх Феодосии и его сторонники отказались изменить текст отлучения. Но Мануил издал книгу, защищая буесловие Магомета, осуждая тех, кто «по невежеству и неосмотрительности подвергает анафеме истинного Бога». Для императора Аллах — истинный Бог!

Патриарх, со своей стороны, назвал это сочинение опасным для Церкви, призвав остерегаться его как яда. В ответ Мануил обозвал патриарха и его сторонников «всесветными дураками» и потребовал созыва Собора.

Но...

«Как говорят мусульмане, Бог сообщил Мухаммаду силу 40 мужчин, чтобы он мог совокупляться чаще и с большим количеством женщин, чем кто-либо другой». Так заявил «некий мусульманин». И этого было достаточно, чтобы Никита Хониат заявил, что в раю мусульмане, как мужчины, так и женщины, будут огромного роста и будут обладать по 40 детородными органами, при этом будут беспрерывно упражняться в сладострастии перед лицом Бога, так как Бог не подвержен стыду.

Это было уж слишком. Не взять на вооружение против еретиков такое...

Осада русскими войсками христианского города, над которым реет стяг со звездой и полумесяцем. Рисунок из Радзивилловской летописи

И вот на Соборе архиерей фессалоникский Евстафий заявил: «Я был бы вовсе недостойным, если бы признал истинным Богом скотоподобного растлителя, учителя и наставника на все гнусные дела».

И после этих слов, произнесенных мерзкими устами святотатца, изрыгавшими хулу на Господа, не основанной ни на одной строке священного Корана, защищать мусульман никто не осмелился.

Так слова одного мерзавца раскололи единую Церковь на Греческое Православие и на Правoverие.

Это было в мае 1180 года.

Но все же анафема было подкорректирована: «Анафема Магомету и всему его учению и всем его последователям».

С 602 года правoverные и православные молились в одних и тех же храмах, на куполах которых сияла звезда в полумесяце.

Потом правoverные оставили только полумесяц, а православные, немного исказив звезду, превратив ее в крест с лучами, поставили сей крест в полумесяц. Таковой крест и поныне можно увидеть на русских церквах.

Но в 1180 году это отлучение коснулось лишь Византии. Русь еще долго была правoverно-православной, пока в 1666 году не произошло «исправление книг», когда старые писания (собственно, тексты Корана) не были изымаемы, а новое Писание (Библия, переведенная с еврейского и латинского, а не с

греческого) не начали навязывать силой. Это вовсе не значит, что, кроме Корана, у русских не было Евангелий. Были. Ибо Евангелия — книги, считающиеся божественными и для мусульман. Но постепенно коранические тексты уничтожались где силой, где при пожаре, где от ветхости. Переписывать же их было нелегко.

Оставались в обиходе лишь Евангелия, которые можно было заказать переписчикам.

Так постепенно у старообрядцев вышел из употребления непонятный по языку Коран и вошло в обиход Евангелие. Вот только обряды многие старообрядцы, как уже писали выше, сохранили мусульманские.

Но это уже не столь важно. Важно понять, что Православие и Правоверие на Руси до XVII века составляли единый культурный пласт. Все были православными до Никона. А дальше начался раскол. Отделились греко-православные (никониане), которые непонятно почему стали называть себя греко-православными, раз с греческой церковью они объединиться так и не смогли, хотя позже объединились с несторианами, отлученными от церкви греками.

«Еще и в XVII веке, причем и у мордвы, и в Южной Руси, праздновали пятницу...

Не случайно позднее пятница станет базарным, торговым днем во многих районах: в этот день нельзя было работать, но можно было торговать» (Кузьмин А. Падение Перуна. М., 1988. С. 232).

У иудеев выходной в субботу. У христиан — в воскресенье. А пятница — у русских и мусульман. Вывод ясен.

К тому же девушки и женщины проводили свою жизнь в тереме на женской половине. Даже невесту жених до свадьбы видеть не мог. Это, безусловно, не обычаи язычников, а именно мусульманские обычаи. Правда, в деревнях паранджу не носили, там женщине приходилось работать от зари до зари, но и в городе, и в деревне простоволосая женщина, не завязанная платком по самые глаза, считалась блудницей.

Яков Рейтенфельс сообщает о Московии: «Хотя женщины царского рода пользуются в европейской части земного шара величайшими преимуществами пред Московскими царицами, однако нигде они не окружены таким почетом и ува-

жением, как у мосхов. О них не позволено говорить мало-мальски непочтительно, и никто не может похвастаться тем, что видел царицу где-либо с открытым лицом. Когда они проезжают по городу среди народа в каретах или едут за город, то они до того окутаны покрывалами, что ни их не видно, ни они сами ничего не видят. Поэтому обыкновенно устраивают так, что они совершают свои поездки большей частью рано утром либо поздно вечером, причем впереди едут несколько солдат, не подпускающих встречных по пути близко к каретам.

Дома девицы всю жизнь проводят уединенно на женской половине в обществе благородных девиц и женщин, и никому из мужчин, кроме весьма немногих прислужников, не дозволяется видеть их или разговаривать с ними».

Владимир, принявший «православие», носил титул «каган» и имел, как свидетельствует летопись, два гарема, в которых было около 700 наложниц.

Интересная ошибка: в некоторых районах России слово «монастырь» произносилось как «намастырь», что легко интерпретировать как «место, где творится намаз».

«...Никому не возбранялось иметь по две и по три жены. Обычай этот удерживался долгое время и после крещения Руси. Случай, когда «мужь оженится иною женою, со старой не распустився», фиксировались церковными уставами на протяжении всего домонгольского периода»¹.

Святополк (1093—1113) имел одновременно две жены, и митрополитам-грекам не удалось заставить его оставить лишь одну. Даже в XII веке отмечается многоженство у русских князей!!!

Отделились мусульмане, в основном нерусское население. Русские бесермены влились в татарскую нацию и растворились в ней. Сильно поредела масса старообрядцев, замкнувшаяся в национальных границах и постоянно преследуемая, о ее неравноправии говорит хотя бы тот факт, что власти, изымая у музеев храмы, построенные до раскола, возвращают их не старообрядцам, которые их и строили, а никонианам, которые их отняли в свое время у старообрядцев.

¹Замалеев А. Ф., Овчинникова Е. А. Еретики и ортодоксы. М., 1991. С. 7.

Русская монета князя Ивана с изображением Борака — священного коня Пророка Мухаммада, на котором последний путешествовал к подножию трона Аллаха. Рисунок из книги Э. К. Гуттена-Чапского «Удельные, великокняжеские и царские деньги Древней Руси» (СПб., 1875)

В издании «Царскосельский музей с собранием оружия» (СПб., 1860) сообщается, что в музее есть сабля с христианской символикой и арабской надписью «АЛЛАХ КЕРИМ». Переплетение христианской символики и строк из Корана, как мы видели выше, характерно и для русских шлемов. Выходит, наши предки считали (по крайней мере, в XIII—XV веках), что Коран и христианство — неразделимы.

Интересно следующее обстоятельство. «Прежде церковные иерархи достаточно спокойно воспринимали иконы, как

Камень, найденный в Твери, с надписью по-арабски

Дет. Сал. Касперовича

БОРИСЪ ГОДУНОВИЧЪ ГОДУНОВЪ ЦАРИЦА ПЯТАИИ КУРНИЛОВА

(Археологический вѣстникъ. 1897. IV. № 1234)

На одежде Бориса Годунова шестиконечная звезда в полумесяце. Рисунок из «Записок русского археологического общества». 1897. Т. 9

и культы святых и Девы Марии, считая их болезненным пережитком язычества, каковыми оно на самом деле и являлись. В период иконоборческих столкновений противостоящие стороны были переименованы: иконоборцев, одно время принадлежавших к христианской ортодоксии, стали называть «са-

рационами», а выступавших в защиту икон — «грекофилами». Восстановление в правах икон в 843 году сопровождалось всеобщим ликованием христиан и ежегодно отмечалось как «праздник Православия». Так, по иронии судьбы, языческие обычаи вновь были восстановлены, дабы отличать христианство от ислама» (Пенник Н., Джонс П. История языческой Европы. СПб., 2000).

Итак, только наличие икон и отличало православных от правоверных!

Но правоверие было распространено в основном по городам. В деревнях же долго еще удерживалось явное язычество. Лишь постепенно и в деревни приходит новая вера, причудливо сочетаясь с древними культурами. Так возникло двоеверие.

Как доносил в Рим в начале XV века кардинал Д'Эли, «русские в такой степени сблизили свое христианство с язычеством, что трудно было сказать, что преобладало в образовавшейся смеси: христианство ли, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианское вероучение». Как бы то ни было, фактом остается то, что образовавшееся двоеверие представляло собой мировоззренческий синкретизм, в котором ведущая роль принадлежала славянскому язычеству. Оно не только определяло специфику религиозности древнерусского народа, но и серьезнейшим образом видоизменяло важнейшие обрядовые формы и догматические законоположения христианства.

Прежде всего, под влиянием языческой мифологии весь мир оказывался ангелохранимым. Ангелы, согласно летописцу, приставлены ко всякой «твари»: есть ангелы облаков и мглы, снега и грозы, зимы и осени, весны и лета, — словом, состоят они при каждой вещи, где бы ни находились: на земле, небесах или в тайной бездне. Также ангел, замечает он, приставлен к каждой земле, чтобы охранял эту землю, хотя бы она была и «поганая». Следовательно, ангелы блюдают все страны — и христианские, и языческие.

А теперь после вынужденного пространного отступления о письменности и вере, связанного с необходимостью изложения в хронологическом порядке, возвратимся к нашим князьям.

И снова о русских князьях

Период княжеских усобиц. Сыновья Ярослава Мудрого

Ярослав Мудрый скончался в ночь с 19 на 20 февраля 1054 года.

Вот что по этому поводу говорит А. Нечволодов (официальная версия).

«Перед смертью Ярослав делит власть над Русской землей между пятью своими сыновьями. «Вот я отхожу из этого света, дети мои! — завещал он им перед смертью. — Любите друг друга, потому что вы все братья родные, от одного отца и одной матери. Если будете жить в любви между собой, то Бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире; если же станете ненавидеть друг друга, то и сами погибнете и погубите землю отцов и дедов, которую они приобрели трудом своим великим. Так живите же мирно, слушаясь друг друга. Свой стол Киев — поручаю вместо себя старшему сыну моему Изяславу. Слушайте его, как меня слушались. Пусть он будет вам вместо отца. Святославу даю Чернигов, Всеволоду — Переяславль, Вячеславу — Смоленск, Игорю — Владимир; каждый да будет доволен своей частью; если же кто захочет обидеть брата своего, то ты, Изяслав, помогай обиженному».

Из этого завещания ясно видно, что, разделяя власть над землей между пятью сыновьями, Ярослав вполне сознавал, какая огромная опасность грозит Руси и его наследникам, если они не будут жить в мире между собой; вместе с этим ясно видно также, что Ярослав, несмотря на даваемый завет, ожидал возникновения между сыновьями раздоров, так как он тут же добавил: «Если же кто захочет обидеть брата своего, то ты, Изяслав, помогай обиженному».

После кончины отца своего сыновья его вступили во владение Русью.

Изяслав как старший получил киевский стол со всеми принадлежавшими Киеву волостями, а вместе с ним и Новгород, то есть оба русские конца Великого водного пути из варяг в греки; Святослав — землю Черниговскую, а также Тмутаракань, Рязань, Муром и страну вятичей; Всеволод, кроме Переяславля, — Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье, или берега Волги; Вячеслав — область Смоленскую, а Игорь — город Владимир-Волынский.

Через два года умер Вячеслав, и братья, согласно лествичному восхождению, перевели на открывшийся стол в Смоленске самого младшего — Игоря из Владимира; Игорь тоже вскоре умер, после чего волость его досталась трем старшим братьям.

Таким образом, в руках этих трех Ярославичей по смерти Вячеслава и Игоря сосредоточились все русские земли, кроме земли Полоцкой, отданной в удел потомству старшего сына святого Владимира от Рогнеды — Изяславу; в земле этой в описываемое время княжил внук Изяславов — Всеслав Бречиславич.

Большая тишина и любовь царили между князьями нашими в первые десять лет после кончины Ярослава, так как завет, данный им умирающим отцом, они еще свято хранили.

Тогда же они совершили ряд удачных походов против некоторых пограничных инородцев: голядов; живших в углу между реками Протвой и Окой; сосолов, обитавших близ Колывани, или нынешнего Ревеля, и, наконец, против торков, племени, родственного печенегам и обитавшего по соседству с Переяславской волостью; они были разбиты наголову.

Вскоре, однако, различного рода бедствия, как извне, так и внутри страны, разразились над Русской землей.

Началу этих бедствий предшествовал, по рассказу летописца, ряд чудесных знамений: река Волхов, вероятно вследствие сильного скопления льдов на низовье, шла пять дней подряд вверх; затем в течение недели на западе появлялась большая звезда с лучами кровавого цвета, а солнце в продолжение некоторого времени утратило свой блеск и восходило без лучей наподобие месяца; наконец, киевские рыболовы извлекли из реки неводом младенца, такого отвратительного урода, что он был ими тотчас же обратно заброшен в воду.

Вслед за этими знамениями начались и бедствия.

В степях на смену печенегам, наголову разгромленным Ярославом Мудрым в 1036 году под Киевом, появился новый свирепый и чрезвычайно хищный азиатский кочевой народ — половцы.

Половцы частью уничтожили, частью потеснили остатки печенегов и торков и прочно заняли Черноморское побережье вплоть до реки Днестра. Свой первый опустошительный набег на Россию они произвели зимой 1061 года, напав на Переяславскую землю, сильно разграбили ее и, захватив богатый полон, удалились на Дон.

Этим набегом началась наша жестокая борьба с новыми степными хищниками — половцами, продолжавшаяся почти без перерывов в течение двух столетий — вплоть до нашествия татар.

Через три года после описанного первого половецкого набега, в 1064 году, началась и первая княжеская усобица.

Причиной этой усобицы было недовольство своей участью князя-изгоя Ростислава Владимировича, сына самого старшего из Ярославичей, Владимира, славного строителя Новгородского храма Святой Софии, который умер еще при жизни Ярослава и, стало быть, не успел подняться по лествичному восхождению до киевского стола; вот почему и сын его Ростислав, как изгой, был исключен из общей очереди старшинства и обделен при распределении волостей своими дядями.

Этот князь Ростислав, человек храбрый, предприимчивый и умный, притом такой же добросердечный и великодушный,

как его покойный отец, тяготясь своим положением, успел собрать в Новгороде, где он проживал с детства, удачных товарищей и неожиданно напал на Тмутаракань, доставшуюся, как мы видели, Святославу Черниговскому.

Здесь сидел в это время на княжении юный сын Святослава Глеб и мирно занимался измерением по льду ширины пролива из Азовского моря в Черное, когда на него внезапно налетел двоюродный брат Ростислав и изгнал из Тмутаракани.

Конечно, Святослав не замедлил выступить в поход, чтоб вернуть себе Тмутаракань. Ростислав, уважая дядю, говорит летописец, отдал ему город без сопротивления, но как только Святослав удалился, то опять сел в нем княжить, причем весьма быстро покорил себе касогов и другие соседние кавказские народы, пользуясь тем, что Святослав был в это время занят новой усобицей, поднятой полоцким князем Всеславом. Однако Ростислав был вскоре лишен жизни, и притом самым низким образом. Быстрое покорение им окрестных кавказских народов возбудило против него сильные опасения у греков, владевших городом Корсунью на Крымском побережье; чтобы избавиться от Ростислава, они подослали к нему одного своего знатного человека, который успел вкрасься в доверие к русскому князю, и однажды, когда Ростислав угощал его, грек, налив чашу вина, провозгласил здоровье хозяина и затем, отпив половину, передал ее Ростиславу, чтобы тот допил ее до дна, причем во время этой передачи выпустил незаметно из-под ногтя сильный яд, от которого доверчивый Ростислав и умер на шестые сутки, оставив трех сыновей-сирот: Рюрика, Володаря и Василька; место же его в Тмутаракани опять занял Глеб Святославич.

Так с кончиной Ростислава сама собой окончилась первая усобица между потомками Ярослава; но в это время на Руси шла уже другая усобица, и притом значительно более жестокая, между тремя Ярославичами с одной стороны и Всеславом, князем Полоцким, с другой, который считал себя также на положении изгоя ввиду того, что дед его Изяслав был совершенно выделен из остальной семьи святого Владимира и посажен с матерью в Полоцкой земле, причем уже у сына этого Изяслава, Бречислава, вышла в 1020 году усобица с великим князем Ярославом.

Теперь сын Бречислава, Всеслав, снова поднял оружие.

Князь этот, немилостивый, по сказанию летописца, на кровопролитие, большой какой-то язвой на голове, которую постоянно скрывал под повязкой, и рожденный будто бы от волхования, оставил о себе память как о чарошее за необыкновенное искусство чрезвычайно быстро и скрытно совершать свои походы.

В 1065 году, пользуясь, вероятно, тем, что внимание Ярославицей было отвлечено Ростиславом к Тмутаракани, Всеслав стал неожиданно осаждать Псков. Но Псков ему взять не удалось; тогда он в следующем, 1066 году неожиданно же приступил, по примеру отца своего, к Новгороду, полонил множество жителей с женами и детьми и снял колокола у Святой Софии.

Возмущенные этим, Ярославичи собрали войска и, вступив в страшные холода во владения Всеслава, подошли к Минску. Жители Минска, верные своему князю, их к себе не впустили и затворились. Тогда братья взяли город приступом, причем войска их в ярости изрубили множество жителей. Вскоре против Ярославичей выступил Всеслав, и встреча их произошла на реке Немизе, должно быть, недалеко от Минска. Здесь 3 марта 1067 года, несмотря на сильный снег, произошла злая сеча, в которой пало много народу с обеих сторон, но победа осталась за Ярославичами, и Всеслав должен был бежать.

Чтобы покончить с ним, Изяслав с братьями прибегли через несколько месяцев к следующему: они пригласили Всеслава для переговоров, пообещав не причинять никакого зла; когда же он прибыл и вошел в шатер Изяслава, то был тотчас же схвачен с двумя своими сыновьями и отвезен в Киев, где их посадили в поруб (тюрьму).

Это вероломство не принесло счастья Ярославичам, а, наоборот, как увидим, было источником многих бедствий.

В следующем, 1068 году половцы в огромном количестве подступили к границам Русской земли.

Изяслав, Святослав и Всеволод вышли им навстречу к берегам реки Альты, но имели слишком недостаточно войска и были наголову разбиты.

После этого поражения Изяслав и Всеволод с остатками своих воинов вернулись в Киев, а Святослав к себе в Чернигов.

В Киеве известие о погроме на Альте вызвало сильнейшее волнение; всеобщее негодование возгорелось против тысяцкого Коснячка, воеводы городских и сельских полков, которому ставились в вину все наши неудачи. Жители шумно требовали, чтоб им еще раздали оружия и коней и повели вновь биться против половцев. Вскоре возбуждение толпы перешло и против великого князя Изяслава; часть народа направилась к его терему, а часть к порубу, где был заключен Всеслав с сыновьями. Нерешительный Изяслав колебался, не знал, что предпринять, и, наконец, видя всеобщее неудовольствие против себя, решил бежать в Польшу; за ним оставил город и Всеволод; в это же время толпа вывела Всеслава из поруба, провозгласила его киевским князем, а затем кинулась грабить двор Изяслава.

Пока Изяслав поспешал в Польшу к своему двоюродному брату королю Болеславу Второму, сыну дочери Ярослава Мудрого — Доброгневы, а Всеслав, неожиданно очутившийся великим князем вопреки всем правилам лестничного восхождения, заводил свои порядки в Киеве, половцы разошлись по пограничным нашим областям и нещадно их пустошили. Когда они стали подходить к Чернигову, то Святослав, не оправившийся еще от поражения на Альте, тем не менее собрал сколько мог войска и вышел им навстречу к реке Снову. Половцев было двенадцать тысяч человек, у Святослава же насчитывалось не более трех тысяч.

Но князь этот вместе с обширнейшей образованностью соединял в себе и истинную воинскую доблесть. Он не смутился, выстроил полки и, обратившись к ним с теми же словами, с какими некогда его пращур, великий Святослав, обращался к своей дружине: «Потягнем же, братие. Уже нам некуда деться», стремительно ринулся на половцев. Это неожиданное и смелое наступление Святослава увенчалось самой полной победой: множество половцев было убито и потоплено в реке Снове, причем после поражения они оставили нас на некоторое время в покое».

Но оставим А. Нечволодова и опишем дальнейшие события, основываясь на научных фактах.

В 1068 году Изяслав был вынужден покинуть Киев в результате народного возмущения, и в столице Руси взошел на престол полоцкий князь Всеслав Брячиславич.

И хотя Изяславу удалось вернуться в Киев уже в следующем, 1069 году, удержался он в нем недолго и в 1073-м был снова изгнан — теперь уже родными братьями Святославом и Всеволодом (Святослав занял при этом киевский стол). После смерти в 1076 году Святослава, вернувшись вторично в уступленный ему миролюбивым Всеволодом Киев, Изяслав погиб в 1078 году в битве с племянниками Олегом Святославичем и Борисом Вячеславичем.

Многое из событий той драматической поры донесено до нас «Повестью временных лет» и другими древнерусскими источниками — многое, но далеко не все. Изяслава Ярославича еще около 1040 года отец женил на сестре польского князя Казимира I, а в пору киевского княжения Изяслава в Польше правил сын Казимира Болеслав II (1058 — 1079, король с 1076 года). Поэтому неудивительно, что пути изгнанника приводили его именно в Польшу и что, прежде всего, на Польшу были ориентированы его внешнеполитические связи. Братьям Изяслава приходилось искать себе в Западной Европе союзников, способных нейтрализовать воинственного польского князя (этим напоминавшего своего тезку и прадеда Болеслава Г). Некогда единая внешняя политика Руси раздробилась. Проследить за хитросплетением переменчивых военно-политических союзов противоборствовавших группировок русских князей мы можем только по западноевропейским источникам, данные которых иногда позволяют лучше понять и происшедшее собственно на Руси.

Первое изгнание Изяслава было недолгим; настоящего военного вмешательства Болеслава II не потребовалось, и 2 мая 1069 года, оставив польское войско где-то на Волыни, Изяслав вошел в Киев, по словам «Повести временных лет», «с Болеславом, мало ляхов поим». Об этом эпизоде кроме «Повести» свидетельствуют и польские источники, но ценность их сведений для историка весьма ограничена: скудость фактов в них компенсируется многословными панегирическими анекдотами из жизни непобедимых польских князей, к тому же неверно перетолкованными. Вот что сообщает об интересующем нас сюжете Аноним Галл: «Итак, король Болеслав II, как и великий Болеслав I, врагом вступил в столицу Русского королевства (Ruthenorum regnum) главный город Киев

(Kugow) и оставил памятный знак ударом своего меча в Золотые ворота. Еще он утвердил там на королевском троне одного русского из своей родни, которому и принадлежало королевство, всех же восставших против него устранил от власти. О блеск земной славы, о храбрость и твердость воинская, о величие королевской власти! Король, им поставленный, попросил щедрого Болеслава, чтобы тот выехал ему навстречу и даровал ему поцелуй мира, дабы оттого его (Изяслава) больше почитал его народ. Поляк хотя и согласился, но при условии, что русский даст, что он (Болеслав) пожелает. И вот, после того как сосчитали количество шагов коня Болеслава Щедрого от лагеря до места встречи, русский выложил столько же гривен золота (в данном случае гривна соответствовала 200 граммам. — *Авт.*). И тогда, наконец, не сходя с коня, Болеслав, с улыбкой дернул его за бороду и даровал ему куда как дорогой поцелуй. С тех пор Русь будто бы платит Польше дань».

Что можно почерпнуть из этого рассказа? Он характеризует больше его автора, чем события. Описанное Анонимом прилюдное целование, возможно, и было в действительности, но суть церемонии хронистом не понята: подергивание за бороду — не покровительственный жест победителя, а символическое скрепление договора, известное еще со времен викингов. Винцентий Кадлубек, не имея, что добавить по сути дела, не может, однако, просто оставить все как есть; в результате комизм ситуации возрастает: «Схватив подошедшего короля за бороду, он треплет ее и многократно дергает, приговаривая: «Пусть трепещет эта голова, перед которой надлежит вострепетать вам». Дергая все сильнее снова и снова, он добавляет: «Вот муж, которого мы удостаиваем нашей милости».

Далее следует странствующий сюжет (восходящий еще к Геродоту) о мужьях, отправившихся на долготлетнюю войну, и истосковавшихся женах, взявших себе в мужья рабов.

В приведенных рассказах все хорошо, кроме их достоверности: летопись буднично сообщает, как киевляне «избиваху лахи отай (тайком)» («Повесть временных лет», с. 75).

Так что у Болеслава, вероятно, не было большой охоты вмешиваться в русские дела, когда Изяслав в 1073 году вто-

рично явился к нему, несколько наивно полагаясь на прихваченную казну. «Этим добуду воинов», — передает летописец намерения князя («Повесть временных лет», с. 79). Болеслав деньги отобрал, а «воев» не дал, «показав» Изяславу «путь от себе», а попросту говоря, выдворив его. Польские авторы об этом поступке Болеслава «Щедрого» и «Смелого», естественно, умалчивают, но зато мытарства Изяслава с семьей во время его второго изгнания хорошо отражены в немецких и папских источниках.

Первым в их ряду надо по праву поставить пространное сообщение от 1075 года в «Анналах» Ламперта Херсфельдского. Ламперт работал над своими «Анналами» в Херсфельдском монастыре в конце 70-х годов XI века, и для периода после 1040 года, а особенно — с конца 1060-х годов, они служат источником неоценимым, хотя и заметно тенденциозным: во вспыхнувшем в 1075 году споре об инвеституре между королем Генрихом IV (1056—1106, император с 1084 года) и Папой Григорием VII (1073—1085) анналист был противником Генриха. Впрочем, в занимающем нас фрагменте эта тенденциозность не прослеживается.

«Через несколько дней после Рождества 1074 года в Майнц (на Рейне, при впадении в него Майна) к Генриху IV «явился король Руси (Ruzenogum rex) по имени Димитрий, привез ему неисчислимые сокровища — золотые и серебряные сосуды и чрезвычайно дорогие одежды — и просил помощи против своего брата, который силою изгнал его из королевства и сам, как свирепый тиран, завладел королевской властью. Для переговоров с тем о беззаконии, которое он совершил с братом, и для того чтобы убедить его впредь оставить незаконно захваченную власть, иначе ему вскоре придется испытать на себе власть и силу Германского королевства, король немедленно отправил Бурхарда¹, настоятеля Трирской церкви. Бурхард потому представлялся подходящим для такого посольства, что тот, к которому его посылали, был женат на его сестре, да и

¹ Бурхард был настоятелем собора Св. Симеона в Трире, а вовсе не трирским архиепископом, как можно понять Ламперта (praepositus ecclesiae Trevirensis) и как пишется в некоторых более поздних источниках. Эта ошибка вошла и в научную литературу.

сам Бурхард по этой причине настоятельнейшими просьбами добивался от короля пока не принимать в отношении того (то есть Святослава) никакого более сурового решения. Короля Руси до возвращения посольства король (то есть Генрих) поручил заботам саксонского маркграфа Деди, в сопровождении которого тот и прибыл сюда».

А вот финал, разыгравшийся уже в Вормсе (на Рейне, несколько выше Майнца) по возвращении Генриха IV из очередного похода против восставших саксов: «Бурхард, настоятель Трирской церкви, посланный с королевским посольством к королю Руси, вернулся, привезя королю столько золота, серебра и драгоценных тканей, что и не припомнить, чтобы такое множество когда-либо прежде разом привозилось в Германское королевство. Такой ценой король Руси хотел купить одно: чтобы король не оказывал против него помощи его брату, изгнанному им из королевства. Право же, он вполне мог бы получить это и даром, ибо Генрих, занятый внутренними домашними войнами, не имел никакой возможности вести войны внешние с народами столь далекими. Дар, дорогой и сам по себе, оказался тем более ценен, что был сделан в нужный момент. Ибо огромные расходы на последнюю войну (против саксов) опустошили королевскую казну, тогда как войско выражало сильное недовольство, настойчиво требуя платы за только что завершившийся поход. Если бы его требования не были удовлетворены с королевской щедростью, то не приходилось сомневаться, что оно не было бы уже столь послушно, а ведь оставшаяся часть дела (саксонской войны), как следовало опасаться, была, без сомнения, большей».

Общая интонация рассказа Ламперта отмечена неприкрытой иронией по отношению к Генриху IV (его неумеренные и неисполнимые угрозы в адрес Святослава, пустая казна в результате неразумной внутренней войны), но на изложении канвы событий это не сказывается. Любопытно, что примерно в том же ключе выдержано и краткое сообщение французского хрониста начала XII века, Сигеберта из Жамблу¹ (*Sigeberti Gemblacensis chronicon*): «Так как двое братьев, королей Руси (*reges Russorum*), вступили в борьбу за королевство, один из

¹ Gembloux — монастырь близ Намюра, в нынешней Бельгии.

них, лишенный участия в королевской власти, настойчиво просил императора Генриха, которому обещал подчиниться сам и подчинить свое королевство, если с его помощью снова станет королем. Но все было напрасно; ведь тяжелейшая смута в Римской империи заставляла его (Генриха) больше заботиться о своем, чем добывать чужое. Ибо саксы, возмущенные многими великими несправедливостями и беззакониями со стороны императора, восстали против него».

Нет сомнений, что мы имеем дело с тем же немецким посольством, о котором идет речь и в «Повести временных лет» (там оно датировано 1075 годом), причем, по забавному совпадению, летописец не жалеет мрачного сарказма, описывая похвальбу Святослава Ярославича перед немецкими послами.

Итак, не получив ожидавшейся поддержки у польского князя Болеслава II, Изяслав Ярославич через Тюрингенскую марку маркграфа Деди направился к германскому королю. Попутно выясняются любопытные детали. Во-первых, реакция Болеслава, оказывается, вовсе не была столь импульсивной, как можно было бы подумать, читая древнерусскую летопись: Изяслав провел в Польше больше полутора лет, коль скоро, изгнанный в марте 1073 года, он прибыл к Генриху IV только в самом начале 1075 года. Следовательно, у Болеслава было достаточно времени, чтобы взвесить все «за» и «против», и он предпочел союз со Святославом Ярославичем, соблазнившись русской военной помощью. В самом деле, в 1076 году (или, возможно, в конце 1075 года) русское войско во главе с молодыми князьями Олегом Святославичем и Владимиром Всеволодовичем Мономахом воюет на стороне Польши в Чехии против чешского князя Братислава II (1061—1092, король с 1085 года), верного союзника Генриха IV. Кроме того (снова уточняя картину, рисуемую «Повестью временных лет»), становится очевидным, что далеко не все «именье» Изяслава было отобрано в Польше, раз его подношения могли произвести такое впечатление в Германии. Здесь что-то не так, и летописец представляет дело явно упрощенно, хотя, думается, не по своей вине. Недаром прочувствованные слова о судьбе Изяслава — «блудил по чужим землям, имения лишены» — вложены им, печерским летописцем, в уста самого

Изяслава. Последний в конце жизни был частым гостем в Печерском монастыре, и едва ли подлежит сомнению, что сведения о его зарубежных мытарствах восходят к его собственным рассказам. Князь мог, естественно, несколько сгущать краски. Не случайно этот же миф об отобранных сокровищах был им изложен и на другом конце Европы — Папе Григорию VII.

Изяслав, безусловно, понимал, что на реальную военную помощь со стороны Генриха IV рассчитывать не приходится, что ее может предоставить только польский князь. Но как изменить позицию Болеслава II? С германским королем польский князь в те годы враждовал, оставалось обратиться еще к одному авторитету — Папе Римскому, с которым Болеслав как раз вел переговоры о предоставлении ему королевского титула (что и состоялось в 1076 году). Уже из Германии, но не дожидаясь возвращения посольства Бурхарда, Изяслав отправил в Рим своего сына Ярополка со странным, казалось бы, предложением: принять Русь под покровительство папского престола, как в свое время Мёшко I отдал под покровительство Рима Древнепольское государство (сравните, впрочем, это с утверждением Сигеберта из Жамблу, будто Изяслав обещал подчинить Русь Генриху IV). Но чем еще можно было соблазнить Григория VII? Расчет оказался верным. Григорий похвалил Изяслава и сделал выговор Болеславу. Обо всем этом мы узнаем из двух посланий Папы Григория VII Изяславу Ярославичу и Болеславу II, датированных апрелем 1075 года.

«Григорий епископ, раб рабов Божиих, Димитрию, королю Руси (rex Ruscorum), и королеве, его супруге, желает здравствовать и шлет апостолическое благословение. Сын ваш, посетив гробницы апостолов, явился к нам со смиренными мольбами, желая получить названное королевство из наших рук в качестве дара святого Петра и изъявив поименованному блаженному Петру, князю апостолов, надлежащую верность. Он уверил нас, что вы без сомнения согласитесь и одобрите эту его просьбу и не отмените ее, если дарение апостолической властью обеспечит вам благосклонность и защиту. В конце концов мы пошли навстречу этим обетам и просьбам, кото-

рые кажутся нам справедливыми, учитывая как ваше согласие, так и благочестие просившего, и от имени блаженного Петра передали ему бразды правления вашим королевством, движимые тем намерением и милосердным желанием, дабы блаженный Петр охранил вас, ваше королевство и все ваше имение своим перед Богом заступничеством и сподобил вас мирно, всечестно и славно владеть названным королевством до конца вашей жизни, и по окончании этой войны испросил для вас славу вечную у Царя вышнего».

Послание выдержано в выражениях обтекаемых, и из него трудно уразуметь, что же именно произошло весной 1075 года в Риме. Это и понятно: для конкретных переговоров с князем о том, «чего нет в письме», Григорий VII направил к нему своих послов, один из которых был его (князя) известным и верным другом (следовательно, Изяслав не впервые имел дело с Римом?). В конце письма польскому князю среди общих моральных наставлений вдруг читаем: «... а среди прочего надобно вам соблюдать милосердие, против которого (как бы нам ни было неприятно говорить об этом) вы, кажется, согрешили, отняв деньги у короля Руси. Поэтому, сострадая вам, убедительнейше просим вас из любви к Богу и святому Петру: велите вернуть все, что взято вами или вашими людьми, ибо знайте, что по вере нашей незаконно похищающий добро чужого, если не исправится, имея возможность исправиться, никогда не удостоится Царствия Христова Божия».

Как отнесся польский князь к увещаниям Папы, сказать трудно. Открыто игнорировать их он, разумеется, не мог. Но его участие в возвращении Изяслава в Киев весной 1077 года могло объясняться и переменной политической ситуации — внезапной смертью Святослава в декабре 1076 года (ирония судьбы: князь пал жертвой не своих врагов, которых так опасался, а неудачной хирургической операции — «от резания желве», то есть опухоли, как замечает летописец). Так или иначе, но в 1076 году Изяслав, как можно думать, уже снова находился в Польше, ибо именно к этому времени, вероятно, относится надпись на покрове на раку святого Адальберта-Войтехы, подаренном Изяславом Гнезненскому собору: «Orationibus Sancti Demetrii coucedat omnipotens multos annos

*servo tuo Izaslaw duci Russia ob remissionem peccaminum et regni celestes Imperium. Amen. Fiat Domine in nomine Tuo*¹.

С пребыванием Изяслава Ярославича в Германии связано еще одно событие, политическая подоплека которого станет ясна только из дальнейшего. Мы уже говорили о пристрастии «Саксонского анналиста» к генеалогии. Чтобы лучше представлять себе, до какой степени детализации доходили иногда средневековые родословцы и как разбегаются в подобных случаях глаза у историков, приведем нужный нам фрагмент, не слишком его сокращая. В связи с сообщением о смерти в 1062 году тюрингенского маркграфа Вильгельма автор вдает в его генеалогию: «Марку получил его (Вильгельма) брат Оттон из Орламюнде. У них, то есть у Вильгельма и Оттона, был брат Поппон, у которого был сын Ульрих, женившийся на сестре венгерского короля Владислава (Ласло I Святой, 1077—1095), которая родила ему Ульриха-младшего, который женился на дочери Людвига, пфальцграфа Тюрингии... У Оттона же женой была Адела из Брабанта, из замка под названием Лувен, которая родила ему трех дочерей: Оду, Кунигунду и Адельхайду. Оду взял в жены маркграф Экберт-младший из Брауйшвайга, она умерла бездетной. Кунигунда вышла за короля Руси (*rex Ruzogum*) и родила дочь, на которой женился кто-то из тюрингенской знати по имени Гюнтер и родил от нее графа Сипло. После его (мужа) смерти она вернулась на родину и вышла замуж за Куно, графа Байхлинген, сына герцога Оттона Нортхаймского (в 60-х годах XI века Оттон был некоторое время герцогом баварским), и родила ему четырех дочерей. После же его смерти ее третьим мужем стал Виперт-старший. Адельхайда же вышла за Адальберта, графа Валленштедт» и так далее.

После некоторых колебаний историки нашли правильное решение: «королем Руси» и мужем Кунигунды был Ярополк Изяславич. После смерти в 1067 году Оттона Орламюндского Адела (Адельхайда) Брабантская вышла замуж за того самого Деди (вместе с ее рукой получившего и Тюрингенскую

марку), который опекал Изяслава Ярославича. Но в чем же был расчет Изяслава, женившего сына на падчерице маркграфа Деди? Или это был уже жест отчаяния? Ответ невозможно получить, не вникнув во внешнюю политику того времени, проводившуюся соперниками Изяслава на Руси — Святославом и Всеволодом Ярославичами. Прежде чем переходить к ней, познакомимся напоследок с памятником в своем роде исключительным, без которого круг источников, связанных с изгнанием Изяслава Ярославича, был бы далеко не полон.

Мы имеем в виду так называемый молитвенник Гертруды, жены Изяслава (это единственный источник, сообщающий имя княгини). Молитвенник записан на листах, приплетенных к принадлежавшей Гертруде «Псалтири», иллюминированной (то есть снабженной миниатюрами) рукописи X века трирского происхождения, и молитвенник не следует смешивать, как то иногда делают, с Гертрудиной или «Эгбертинской (по имени трирского архиепископа X века Эгберта) Псалтирью». Тексты молитв принадлежат, вероятно, самой дочери Мешка II (который, по некоторым сведениям, также отличался незаурядной образованностью) и обращены, помимо Христа и Богоматери, чаще всего к св. Петру (имя Ярополка в крещении) и св. Елене (очевидно, православным именем Гертруды было Елена). Княгиня молится за «нашего короля» (то есть, надо полагать, за своего мужа, князя Изяслава), но чаще — за Петра-Ярополка, которого называет своим «единственным сыном».

Кстати говоря, эти ее слова позволяют думать, что другой Изяславич — Святополк (будущий киевский князь) не был сыном от Гертруды. Так как Изяслав женился рано, а умер прежде жены, то неизбежен вывод: Святополк был от наложницы (случай в княжеском семействе не такой уж редкий). Впрочем, некоторые интонации молитв Гертруды также дают повод для догадок, что в семейной жизни Изяслава было не все гладко.

Молитвы за Папу и императора (!) позволяют условно датировать их временем изгнания Изяслава Ярославича (впрочем, тексты в конце молитвенника — всего молитв около девяноста — явно относятся уже ко времени княжения Ярополка на Волыни, к 1078 — 1086 годам). О том же, кажется, гово-

¹ «Молитвами святого Димитрия: даруй, Всемогущий, многая лета рабу Твоему Изяславу, князю русскому, во отпущение грехов и взыскание Царствия небесного. Аминь. Во имя Твое, Господи, буди».

рят и великолепные миниатюры, которыми, как и «Псалтирь», снабжен молитвенник; из них, по меньшей мере, две заслуживают упоминания в связи с нашей темой. Одна является словоно прямой иллюстрацией к визиту Ярополка Изяславича в Рим; на ней Гертруда (у ее фигуры — кириллическая надпись «М[ате]р[ъ] Яропѣл[ча]») припадает к стопам начальника апостолов св. Петра (преемниками которого в качестве римских епископов, как известно, считаются Римские Папы), а Ярополк обращен к нему в просительном жесте; за спиной Ярополка — его жена Кунигунда-Ирина. Другая миниатюра изображает Ярополка с его немецкой супругой, венчаемых Христом (довольно распространенный сюжет); рядом с князем и княгиней, предстательствуя за них, стоят их святые покровители св. Петр и св. Ирина.

Однако вернемся к официальной версии.

«В следующем, 1076 году Святослав и Всеволод выслали Болеславу на помощь против чехов вспомогательное войско под начальством своих старших сыновей, молодых князей — Олега Святославича и Владимира Всеволодовича Мономаха, прозванного последним именем в честь деда по матери, греческого царя Константина Мономаха. Известие о движении русской вспомогательной рати заставило чехов поспешить просить Болеслава о мире, который они и получили от него за тысячу гривен серебра, после чего Болеслав известил об этом Олега и Владимира, прося их возвратиться назад. Но по понятиям того времени, раз выступив в поход, возвратиться из него ни с чем считалось бесчестьем, а потому наши князья ответили Болеславу, что они не могут без стыда пред отцами своими и землей возвратиться назад, ничего не сделавши, и двинулись вперед, чтобы «взять свою часть». После четырех месяцев хождения по Чешской земле князь чешский запросил их о мире и также заплатил за него тысячу гривен серебра. Конечно, этот поход Олега и Владимира Мономаха был крайне не по душе Болеславу; между тем в том же 1076 году скончался великий князь Святослав от своей постоянной болезни — желвой, или опухолей на теле. Тогда Болеслав решил снова помочь Изяславу и дал ему несколько тысяч поляков, чтобы идти на Киев, где после Святослава сел Всеволод.

Всеволод с войском вышел против старшего брата, и они встретились на Воляни, но здесь вместо боя у братьев произошло самое сердечное примирение, после чего поляки были отпущены домой, Изяслав направился к Киеву, а Всеволод должен был сесть в Чернигове.

Это примирение двух оставшихся в живых сыновей Ярослава Мудрого не принесло, однако, мира Русской земле.

Усобицу подняли опять князья-изгои. Мы видели, что младшие сыновья Ярослава, Вячеслав и Игорь, недолго пережили отца, и волости, где они сидели, перешли по их смерти трем старшим Ярославичам. Теперь дети Вячеслава и Игоря, оставшись за смертью отцов изгоями, подросли и сами стали промышлять себе волости.

В то самое время, когда происходило на Воляни трогательное примирение старых князей Изяслава и Всеволода, молодой их племянник, сын покойного Вячеслава, Борис неожиданно напал с собранной им дружиной на Чернигов и овладел им. Затем, просидевши в нем восемь дней, он бежал в Тмутаракань к двоюродному брату Роману Святославичу, так как узнал о состоявшемся примирении Изяслава и Всеволода и, конечно, понял, что оба старых дяди, действуя вместе, не дадут ему удержаться в Чернигове.

Сев вновь после вторичного своего изгнания в Киеве, Изяслав, видимо, не мог забыть обид, нанесенных ему покойным братом Святославом, так как стал переносить свой гнев на его сыновей. Скоро Глеб Святославич был изгнан из Новгорода и погиб затем далеко на севере, в стране Чуди Заволоцкой, а Олег был выведен Изяславом из Владимира-Волынского, где сидел до этого».

Князь Глеб Святославич, пользовавшийся при жизни общей любовью, может служить наглядным примером многочисленных подвигов наших князей и того, с какой легкостью они переносились вместе со своими дружинами с одного конца Руси на другой. После того как князь Ростислав Владимирович вторично занял Тмутаракань, Глеб был посажен в Муроме, а потом в Новгороде, откуда совершил несколько удачных походов против мелких чудских племен. Здесь же он прославился особым подвигом; во время мятежа, поднятого однажды волхвом-кудесником, хулящим христианскую веру

Князь убивает волхва. Рисунок из Радзивилловской летописи

(причем толпа приняла сторону этого волхва и готова была растерзать епископа, вышедшего с крестом обличать его), Глеб смело вышел вперед, подошел к волхву и спросил его: «Знаешь ли, что будет сегодня?» — «Знаю, — уверенно ответил ему волхв, — я сотворю великие чудеса». Тогда Глеб быстро поднял топор, который он держал, и ударил им по волхву, тут же испутившему дух. Пораженная этим толпа сразу поняла, что имела дело с обманщиком, и мятеж тотчас же утих.

А. Нечволодов продолжает: «Тогда Олег пошел к дяде Всеволоду в Чернигов; он был очень дружен с сыном Всеволода — Владимиром Мономахом и был крестным отцом его старших сыновей Мстислава и Изяслава; к тому же и отец его Святослав жил до смерти в полном согласии с Всеволодом; все это давало полное основание Олегу рассчитывать на хороший прием в Чернигове. Однако Всеволод не хотел или не мог дать Олегу против воли Изяслава какой-либо волости, и вследствие этого, тяготясь жить в доме дяди без дела и в положении нахлебника, Олег также вскоре отправился к брату Роману в Тмутаракань.

Изгнав сыновей Святослава, Изяслав распорядился освободившимися волостями так: своего старшего сына Святополка он посадил в Новгороде, следующего за ним сына, Ярополка, в Вышгороде, а племянника, Владимира Мономаха, в Смоленске.

Князья-изгои, собравшись в Тмутаракани, не хотели сидеть спокойно; они деятельно готовились вступить в борьбу с дядями, и в 1078 году Олег Святославич и Борис Вячеславич, ведя с собой большие толпы половцев, направились к Чернигову против Всеволода. Всеволод вышел им навстречу, сразился и был побежден, причем половцы перебили в этой сече много знатных русских людей. Затем Олег и Борис вошли в Чернигов, а Всеволод отправился в Киев жаловаться Изяславу на свою беду.

«Брат, — отвечал ему Изяслав, тронутый его горем, — не тужи, вспомни, что со мной самим случилось! Во-первых, разве не изгнали меня и имения моего не разграбили? Потом, в чем я провинился, а был же изгнан вами, братьями своими? Не скитался ли я по чужим землям, ограбленный, а зла за собой не знал никакого? И теперь, брат, не станем тужить; будет ли нам часть в Русской земле, то обоим, лишимся ли ее, то оба же вместе; я сложу свою голову за тебя».

После этих слов Изяслав стал спешно собирать большую рать от мала до велика и выступил к Чернигову с сыном своим Ярополком из Вышгорода. К ним присоединился и Всеволод, к которому спешно пришел на помощь Владимир Мономах из Смоленска.

Когда Изяслав и Всеволод с сыновьями подошли к Чернигову, то Олега и Бориса в городе не было — они пошли собирать войско против дядей; однако черниговцы не пустили к себе Изяслава и Всеволода и затворились за городскими стенами, коих было две: наружная и внутренняя.

Скоро Владимир Мономах отбил восточные ворота и, пожегши дома, стоявшие между обеими стенами, стал готовиться к приступу внутреннего города, где укрылись жители. Но в это время пришла весть, что Олег и Борис приближаются с собранной ратью. Изяслав, Всеволод, Владимир и Ярополк рано утром сняли осаду Чернигова и двинулись навстречу племянникам. Те стали советоваться, что им делать? Олег был человеком смелым и воинственным, но при этом разумным; он говорил Борису: «Нельзя нам стать против четырех князей; пошлем лучше к дядям с просьбой о мире». Но на это пылкий Борис отвечал ему пренебрежительно: «Если ты хочешь, то стой и смотри только; я один пойду на них на всех».

После этого полки их пошли вперед, и 3 октября 1078 года они встретились с дядями на Нежатиной Ниве.

Сеча была очень злая. Неблагоразумный Борис был убит в самом ее начале, а затем пал и старый Изяслав; он стоял среди своих пеших полков, как вдруг один из неприятельских воинов наехал на него и нанес смертельный удар копьем в плечо. Несмотря на убиение двух князей с обеих сторон, битва продолжалась еще долго; наконец Олег побегал и едва мог уйти в Тмутаракань.

Когда тело князя Изяслава прибыло в Киев, то ему на встречу вышел весь город и провожал с великим плачем, искренне жалея покойного. Так окончил свой земной путь, полный превратностей, старший сын Мудрого Ярослава, исполнив в конце дней своих отцовский завет — помогать обиженному брату, и сложил при этом свою голову. Эта прекрасная смерть расположила к его памяти все сердца, тем более что Изяслав обладал многими хорошими душевными свойствами: был очень набожен и добросердечен, и только недостаток твердой воли был главной причиной его жизненных ошибок.

После Изяслава, по правилам лестничного восхождения, на великое княжение сел Всеволод.

Сохранилось предание, что Ярослав перед кончиной дал Всеволоду, бывшему его любимым сыном, особое благословение: «Благо тебе, сын мой, — говорил он ему, — что покоишь мою старость, и радуюсь о кротости твоей. Бог даст, займешь ты после своих братьев киевский великокняжеский стол — правдой, а не насилием.

*Всеволод Ярославич.
По «Титулярнику»*

Когда умрешь, пускай кости твои лягут рядом с моими, в Киве, у Святой Софии, потому что я люблю тебя пуше братии твоей». Благословение это оказалось пророческим — Всеволод действительно занял киевский стол правдой после братьев своих».

«Великое княжение его было одним из самых беспокоящих, так как все время не прекращались жестокие усобицы.

Как мы видели, все усобицы при Изяславе происходили из-за того, что осиротелые племянники не получали волостей и обращались в изгоев, причем Изяслав после вторичного своего возвращения в Киев превратил в таких же изгоев и сыновей Святослава, отняв у них волости, которыми они владели при своем отце. Конечно, это было сделано Изяславом под влиянием гнева на Святослава за вторичное свое изгнание из Киева, причем, разумеется, Изяслав имел полное основание считать достижение Святославом киевского стола незаконным, а потому и детей его лишенными права на дальнейшее участие в очередном порядке владения Русской землею.

Но несомненно также, что Всеволод, который сам помогал Святославу изгнать Изяслава и сел на киевский стол и который до самой смерти Святослава считал его законным великим князем, уже не мог после этого, севши на старший стол, выключить его детей из очередного порядка наследования.

Однако, несмотря на это, Всеволод, враждующий с молодыми Святославичами за недавнее изгнание из Чернигова, занявши киевский стол, также не хотел давать им части в Русской земле и тем, конечно, создал как для себя, так и для потомства своего новую большую усобицу.

Севши на великое княжение, Всеволод взял себе все принадлежащие к киевскому столу волости; сына Владимира Мономаха посадил в Чернигове, Ярополка Изяславича — во Владимире-Волынском, придав ему и Туров, а Святополка Изяславича — в Новгороде.

Обиженные племянники, все люди предприимчивые и воинственные, ненадолго оставили в покое своего дядю.

Первый ополчился на Всеволода сидевший до сих пор смиренно в Тмутаракани Роман Святославич Красный, прозванный так за свою красоту. Он нанял половцев и в 1079 году вошел с ними в Русскую землю. Всеволод вышел ему навстре-

чу, встал у Переяславля и успел заключить с половцами мир, склонив их на свою сторону, разумеется, золотом; заключив мир, половцы отступили, а когда Роман затеял с ними по этому поводу ссору, он был ими убит. Затем, вернувшись в Тмутаракань, половцы захватили Олега Святославича и отправили его в Грецию, где он был заточен на острове Родосе; вероятно, греческий император сделал это в угоду Всеволоду, женатому на греческой царевне. На место убитого Романа и заточенного Олега великим князем был отправлен в Тмутаракань посадник — боярин Ратибор.

Но Тмутаракань недолго оставалась без князей. На следующий год в нее явились и изгнали Ратибора: Давид, сын покойного князя Игоря Ярославича, и Володарь, один из трех сыновей князя Ростислава Владимировича, отравленного в Тмутаракани корсунским греком в 1066 году.

Однако и этим двум князьям удалось недолго посидеть в Тмутаракани. После двух лет заточения на острове Родосе, в 1080 году, Олегу посчастливилось бежать; он подступил к Тмутаракани и при помощи приведенных с собой людей овладел ею; затем, казнив всех, кого мог захватить из лиц, причастных к убийству брата Романа, предложил Давиду и Володарю выйти из Тмутаракани».

Игумен Даниил в своем «Хождении» называет «князя Олега-Михаила» между Давидом Святославичем и Панкратием-Ярославом Святославичем, то есть в окружении родных братьев — черниговских князей. Дополнительными аргументами в пользу того, что он был тмутараканским князем, могут служить определяемые временем княжения Олега Святославича в Тмутаракани серебряные монеты с изображением архангела Михаила и надписью: «Господи, помози рабу своему Михаилу», а также серия новгородских печатей, которую мы относим к сыну Олега Святославича — Николаю-Святославу Олеговичу. На этих печатях патрональное изображение самого Святослава (св. Николай) сочетается с патрональным изображением его отца (архангел Михаил).

Князь Олег-Михаил Святославич родился в середине XI века. Первое упоминание о нем в летописи относится к 1076 году, когда он выступает уже во главе войска. До этого времени он в течение какого-то периода (но не ранее 1073 года)

был волынским князем, около 1076 года его вывел из Владимира-Волынского Всеволод Ярославич. В 1078 году Олег ненадолго овладевает Черниговом, но после битвы на Нежатиной Ниве вынужден бежать в Тмутаракань. В следующем году он был увезен хазарами «за море» в Царьград и до 1083 года находился в Византии. Игумен Даниил в начале XII века слышал на Родосе рассказы местных жителей о пребывании среди них русского князя Олега в течение двух лет и двух зим. В 1083 году, по возвращении из Византии, Олег захватывает Тмутаракань и княжит там до 1094 года, затем осаждает Владимира Мономаха в Чернигове и возвращает себе черниговский стол. В 1095—1096 годах, во время войны с Мономахом, Олег подчиняет себе Муром и Рязань. По решению Любецкого съезда 1097 года за ним закрепляются в качестве вотчин Новгород Северский и Курск. Умер Олег Святославич в 1115 году.

Источники не сообщают подробностей ни относительно жены Олега Святославича, ни относительно времени рождения его пяти сыновей. В этой связи представляется правильным давать самую общую датировку по печатям Феофано Музалон (последняя треть XI — начало XII века).

Феофания Музалон называет себя в период владения Тмутараканью ее супруга, Олега Святославича Черниговского, архонтиссой Росии.

Говорят, что своей супруге Олег передал город Росия, что напротив Тмутаракани на Крымском берегу (именно там будет найден «Тмутараканский камень»).

На печати Олега-Михаила, когда он, обосновавшись на берегах Боспора, заключил антирусский союз с кочевниками и противопоставил себя коалиции русских князей, написано: «Архонт Матархи, Зихии и Хазарии». Это означает, что Олег был всехазарским ханом.

Связывая, вслед за А. В. Соловьевым, печать архонта Михаила с князем Олегом Святославичем, мы не можем не отметить своеобразие его титула, запечатленного в легенде буллы. Избрав этот титул, столь отличный от традиционного титула архонта России, Олег Святославич как бы поставил себя вне сообщества русских князей, подчеркнув особое положение своих тмутараканских владений в системе русских земель.

На 1094 год полностью прекращаются русские летописные сведения о Тмутараканском княжестве. Некоторые источники, освещающие наступивший после этой даты период, отражают весьма своеобразное состояние наследия князя Олега. Цитированное А. П. Кажданом письмо жившего на рубеже XI—XII веков болгарского архиепископа Феофилакта полководцу Григорию Тарониту недвусмысленно говорит о проникновении Византии в области, где в момент составления письма существовали «греческие города между рекой Танаис и Меотидским озером». Сообщение писателя первой половины XII века Нила Доксопатра свидетельствует о распространении церковной юрисдикции константинопольского патриарха «до Херсона, Хазарии, Готии, Халдии, Авасгии, Ивирии и Алании». И вместе с тем показания Идриси засвидетельствовали существование в Матрахе еще в середине XII века самостоятельной династии Олуабас. Исследователи с достаточным основанием предполагают в этих загадочных «Олуабас» наследников Олега Святославича.

Как видим, это двойственное состояние Боспора, при котором существование самостоятельной династии сочеталось с элементами значительного влияния со стороны Византии, уходит корнями в своеобразие Тмутараканского княжества времен Олега Святославича. Уже тогда своеобразная титулатура печати Олега-Михаила провозгласила самостоятельность его княжения и разрыв с традиционными формами русской княжеской организации. Вряд ли можно говорить о господстве Византии в Тмутаракани ранее второй половины XII века, однако рассмотренные материалы позволяют предположить, что в процессе постепенного усиления Византии на берегах Боспора не последнюю роль сыграли сепаратистские склонности черниговского князя Олега Святославича.

Но вернемся к киевскому князю Всеволоду.

Во времена княжения Всеволода с 1077 по 1089 год митрополитом Киевским был поставлен Иоанн, родом, вероятно, болгарин, причисленный к лику святых. «Никогда, — говорит летописец, — еще не было на Руси и не будет подобного ему».

Сохранилось его весьма любопытное письмо к Папе Клименту. Письмо это замечательно своей почтительностью и сердечностью по отношению к Папе.

«Я, самый меньший, — писал Иоанн, — приветствую и мысленно лобзаю священную главу твою. Будь счастлив. Да покрывает тебя Божественная, Всевышняя рука! Да даст благий и милосердный Бог тебе и твоим детям увидеть улучшение дел между вами и нами. Недоумеваю и не понимаю, как жестокий демон, злобный враг истины и благочестия, надделал все это, разрушил братскую любовь нашу и союз, соединяющий христиан. Не скажу, что все погублено. Мы знаем, что вы из начала христиане по благодати Божьей, и во многом мы одобряем вас...»

В 1093 году смерть уносит Всеволода.

Наступает время Владимира Мономаха.

Официальная версия по А. Нечволодову:

«Со смертью Всеволода в 1093 году окончилось поколение сыновей Ярослава; на смену их выступили теперь его внуки. Самым известным и любимым из них как в Киеве, так и вообще на Руси был Владимир Мономах. Он мог бы легко после похорон отца занять киевский стол, но он этого не сделал.

«Если сяду на стол отца моего, то будет у меня война со Святополком, потому что этот стол был прежде отца его», — размышлял, по рассказу летописца, Мономах после погребения Всеволода и, размыслив, послал просить на великое княжение Святополка Изяславича, перешедшего к этому времени из Новгорода в Туров, а сам отправился в свой Чернигов.

Несмотря, однако, на отказ от киевского стола, Мономах делается после смерти отца, благодаря свойствам своей светлой личности, так сказать, душой всей Русской земли.

Мономах. По «Титулярнику»

Вот некоторые черты из жизни этого замечательного князя. Владимир Мономах родился в 1053 году, за год до смерти Ярослава Мудрого, который, конечно, неоднократно брал в свои старческие руки малютку-первенца своего любимого сына Всеволода и призывал на него благословение Божие.

Проведя детство свое в Переяславской земле, где сидел Всеволод, Владимир должен был уже с ранних лет познакомиться с суровым воинским делом и грозным врагом Русской земли — половцами.

В это же время, конечно, по господствовавшим в те времена у князей обычаям, стал вырабатываться из него искусный и бесстрашный ловец зверей.

Вместе с тем он, несомненно, тогда же стал получать разностороннее образование под руководством своего высокопросвещенного отца.

Войдя в юношеские годы, Владимир женился на Гиде¹, дочери английского короля Гарольда, и с тех пор до конца дней своих не переставал служить примером образцового мужа и отца.

Начав, как мы видели, в самые молодые годы непрерывно ходить, по поручению Всеволода, во главе войска при многочисленных походах того времени, Мономах стал тотчас же проявлять замечательные военные дарования: мужество, решимость, сметливость и чрезвычайную быстроту при передвижениях. За все свои походы он был побежден только один раз при Треполи, и то только потому, как мы увидим это ниже, что не он был во главе войска, и бой был дан против его желания.

Будучи грозным и суровым воином на поле брани, Мономах отличался вместе с тем необыкновенной добротой, и с ранней молодости сердце его было доступно всем нуждающимся. Никогда не прятал он сокровищ, никогда не считал денег, но раздавал их обеими руками, а между тем казна его была всегда полна, потому что при своей щедрости он был и образцом доброго хозяина и находил время самому присмотреть за всем в доме.

Он всегда прощал обиды, нанесенные лично ему, но никому не позволял обижать бедняка или вдову и сам творил суд в своей земле.

¹ На Руси Гида приняла имя Анна.

Набожность его была изумительна; при этом он обладал особым благодатным даром: когда бывал в церкви и молился, то всегда слезы обильно текли из его глаз.

Благоговейно любя своим горячим сердцем Русскую землю и ясно понимая, что княжеские усобицы губят ее, Владимир Мономах тем не менее сознавал полную невозможность при существовавших условиях и понятиях того времени изменить порядок владения землей целым родом и передать власть над ней одному лицу.

Владимир был красив лицом, невелик ростом, но крепок и силен; имел большие глаза, рыжеватые и кудрявые волосы, широкую бороду и высокий лоб.

К большому для нас счастью, сохранилось замечательное «Поучение», написанное им своим детям.

Как он сам рассказывает, путешествуя однажды в далекую Ростовскую область, после того как им была только что уложена одна княжеская усобица, он был встречен в пути послами от двоюродных своих братьев, которые звали его против других князей. Владимир отверг это предложение, но весть о предстоящих на Руси новых раздорах наполнила его сердце глубокой печалью.

Прибегнув, как обычно в таких случаях, к Священному Писанию, чтобы найти в нем утешение, он развернул Псалтырь и попал на следующее место: «Зачем печалуешься, душа. Зачем смущаешься. Уповай на Бога, которого исповедуешь». Утешенный чтением этого псалма, Мономах тут же решил написать поучение своим детям о том, как должны жить русские князья. Вот некоторые отрывки из этого «Поучения», которое было в старину любимым чтением каждого русского человека:

«Дьявол, враг наш, побеждается тремя добрыми делами: покаянием, слезами и милостынею. Ради Бога, дети мои, не забывайте этих трех дел; ведь они не тяжки: это не то, что отшельничество, или иночество, или голод... Послушайте же меня, и если не всё примете, то хоть половину. Просите Бога о прощении грехов со слезами, и не только в церкви делайте это, но и ложась в постель. Не забывайте ни одну ночь класть земные поклоны, если вы здоровы; если же занеможете, то хоть трижды поклонитесь... Хвалите Господа за все созданное Им;

пусть Бог смягчит сердце ваше, и проливайте слезы о грехах своих, говоря: «Как разбойника и блудницу помиловал Ты, Господи, так и нас, грешных, помилуй!..» Когда едете на коне, вместо того чтобы думать бессмыслицу, повторяйте про себя «Господи, помилуй». Эта молитва лучше всех...

Главное же, не забывайте убогих и по силе, как можете, кормите их; сироту и вдову сами на суде по правде судите и не давайте их в обиду сильным...

В разговоре не клянитесь ни Богом, ни крестом. В этом нет никакой нужды. Но когда вам придется целовать крест, давая клятву, то сначала подумайте хорошенько, можете ли вы ее сдержать, а поклявшись, крепко держитесь клятвы, чтобы, нарушив ее, не погубить своей души.

Епископов, попов, игуменов почитайте; принимайте от них благословение, любите их по мере сил, заботьтесь — пусть молятся за нас Богу.

Пуще всего не имейте гордости ни в сердце вашем, ни в уме; ибо все смертны, — сегодня живы, а завтра в гробу. Все, что дал нам Бог, не наше, а только поручено на короткое время. В землю сокровищ не зарывайте — это великий грех.

Старика почитайте как отца, а молодых как братьев. В доме своем не ленитесь, а за всем присматривайте сами; не полагайтесь на управителя вашего и слугу, чтобы приходящие к вам не посмеялись над домом вашим и над обедом. Пойдя на войну, не ленитесь, не надейтесь на воевод; не предавайтесь много питью, ни еде, ни спанью; сторожевую охрану наряжайте сами; когда же всем распорядитесь, ложитесь спать среди воинов, но вставайте рано; и оружия с себя не снимайте, не удостоверившись, есть ли опасность или нет; от беспечности человек может внезапно погибнуть. Когда проезжаете по своим землям, не давайте слугам бесчинствовать и причинять вред ни своим, ни чужим, ни в селах, ни на нивах, чтобы не проклинали вас...

Когда приедете, где остановитесь, напоите, накормите бедного. Более всего чтите гостя, откуда бы он ни пришел, простой ли человек, или знатный, или посол. Если не можете почтить подарком, то угостите кушаньем и питьем... Больного посетите; покойника проводите и не оставляйте никого без привета, скажите всякому доброе слово.

Жен своих любите, но власти им над собой не давайте.

Что знаете полезного, не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Сидя дома, мой отец знал пять языков. Творите добро, не ленитесь ни на что хорошее, прежде же всего по отношению к церкви. Да не застанет вас взошедшее солнце еще в постели; так делал мой блаженный отец и все лучшие люди. Сотворив утреннюю молитву и воздав Богу хвалу, следует с дружиной думать о делах, или творить суд людям, или же ехать на охоту, а затем лечь спать. В полдень самим Богом присуждено спать и человеку, и зверю, и птице...»

Перечислив в «Поучении» подробно все свои походы, Владимир Мономах добавляет: «Выехав утром из Чернигова к отцу, я приезжал к вечерне в Киев (166 верст). Всех походов моих было 83 больших, а меньших и не упомяну.

Девятнадцать раз заключал я мир с половцами при отце и после его смерти. Более ста вождей их выпустил из оков (плена), а избито этих вождей в разное время около двухсот. А вот как я трудился на охоте и ловах: коней диких по 10, по 20 вязал я своими руками; два тура метали меня на рогах с конем вместе; олень меня бодал; два лося — один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь оторвал у меня меч с бедра; медведь у колена прокусил подвьючный войлок; лютей зверь вскочил ко мне на бедра и повалил коня со мною; а Бог сохранил меня целым и невредимым. Много раз падал я с коня, голову разбивал я два раза, и руки и ноги вредил себе в юности моей, жизни своей не жалел, головы не шадил. Что можно было поручить слуге, то сам я делал — на войне и на ловах, ночью и днем, в летний зной и в зимнюю стужу. Не давал я себе покоя, не полагаясь ни на посадников, ни на управителей, сам все делал, что надо; сам смотрел за порядком в доме; охотничье дело сам правил, о конюшнях, о соколах и ястребах сам заботился... За церковным порядком и службой сам присматривал...

Не осудите меня, дети мои, или иной, кто прочтет эти слова. Не себя я хвалю, а хвалю Бога и прославляю милость Его за то, что Он меня, грешного и худого, сохранял от смерти столько лет и сотворил неленивым и способным на все человеческие дела.

Прочитав эту грамотку, постарайтесь творить всякие добрые дела. Смерти, дети мои, не бойтесь ни от войны, ни от зверя, но творите свое дело, как даст вам Бог. Не будет вам,

как и мне, вреда ни от войны, ни от зверя, ни от воды, ни от коня, если не будет на то воли Божьей, а если от Бога придет смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут спасти. Божья охрана лучше человеческой...»

Таким был Владимир Мономах, уступивший в 1093 году киевский стол Святополку Изяславичу, чтобы не нарушать очередного порядка, хотя и знал, что киевляне и много лучших людей на Руси были бы за него».

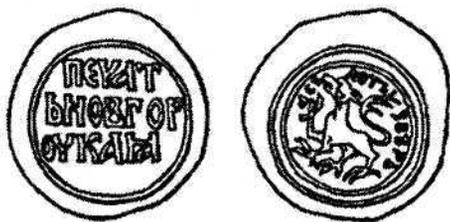
Лютый зверь, сбивший Мономаха с коня, — это лев.

О наличии в фауне России львов сообщает и Орудж-Бек Байат, объехавший в 1599—1603 годах всю Европу. Так вот, он сообщает (в начале XVII века): «Холмы по обоим берегам Волги очень высокие, и на них много поселений. Мы видели на этих холмах бесчисленных медведей, львов и тигров, а также многочисленных куниц». Изображения львов на воле имеются и на древнерусских миниатюрах.

И опять даем слово А. Нечволодову:

«Чтобы понять величину жертвы, принесенной Мономахом во имя мира в Русской земле, надо не забывать, что оба они со Святополком были однолетками (имея по сорока лет), а потому, конечно, Мономах имел весьма мало данных рассчитывать занять после него киевский стол, тем более что у Святополка были еще другие братья. Стало быть, отказавшись от Киева при тех крайне благоприятных обстоятельствах, при которых находился Владимир после смерти отца, он этим отказом сознательно обрек и своих детей на незавидную участь изгоев только из чувства долга перед родиной — не заводить усобицу из-за личных выгод.

Полную противоположность Мономаху представлял Святополк. Это был человек храбрый, но чрезвы-

На Новгородских печатях изображен лев и есть надпись: «ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ». Из книги В. Л. Янина «Актовые печати Древней Руси» (М., 1970)

Миниатюра из Радзивилловской летописи, л. 165

чайно легкомысленный, притом заносчивый, нетвердой воли, подозрительный и крайне корыстный.

Начало его великого княжения не замедлило ознаменоваться большими несчастьями.

Узнав о кончине Всеволода, половцы прислали к новому киевскому князю послов с предложением остаться с ним в дружеских отношениях; нет сомнения, что они рассчитывали быть при сем случае богато одаренными. Легкомысленный Святополк, не посоветовавшись с боярами отца и дяди, приказал посадить половецких послов в тюрьму. Конечно, половцы пришли в ярость, и сейчас же толпы их двинулись жечь и грабить пограничные области Киевской земли и осадили город Торческ, населенный торками. Тогда сам Святополк стал просить их о мире, но теперь они его отвергли. Оскорбившись в свою очередь этим отказом, Святополк собрал 800 человек и хотел идти с ними против половцев; благоразумные бояре еле-еле успели удержать его от этого похода с такими ничтожными силами, говоря: «Хотя бы ты пристроил и восемь тысяч, так и то было бы только впору; наша земля оскудела от рати и от продаж»; пошли-ка лучше к брату своему Владимиру, чтобы помог тебе...»

¹ «Земля наша оскудела от рати и от продаж». Князья постоянно уничтожали в междоусобной вражде простолюдинов, а которых не убивали на месте, тех продавали врагу.

Владимир, конечно, немедленно откликнулся на зов Святополка и послал сказать брату своему Ростиславу в Переяславль, чтобы тот тоже собрал свое войско. Приехавши затем сам в Киев, Мономах свиделся со Святополком в Михайловском монастыре, где у них состоялось совещание о том, что делать дальше.

Отлично зная половцев, Мономах видел, что успеха над ними в это время ожидать было нельзя, а потому, несмотря на свое испытанное мужество и глубокую вражду к ним, он настоятельно требовал, чтобы были употреблены все попытки заключить с ними мир. Но Святополк и слышать не хотел о мире и во что бы то ни стало рвался в бой. Это привело к жестокой расправе между князьями, причем, чтобы прекратить ее, Владимир наконец уступил, и войска обоих князей, к которым присоединился затем и Ростислав, пошли к Треполю.

Не переходя реки Стугны, в это время сильно вздувшейся от дождей, был опять собран совет. Владимир стал снова говорить: «Враг грозен; остановимся здесь и будем с ним мириться». К совету его пристали и все смышленные мужи. Но киевляне, пришедшие со Святополком, поддерживали своего князя, говоря: «Хотим биться; пойдем на ту сторону реки». Они осилили, и рать переправилась через Стугну.

Святополк вел правое крыло, Владимир — левое, а Ростислав шел посередине. Встреча с врагом произошла, когда прошли Треполь, причем наши, пустив вперед стрельцов, стали между двумя валами. Половцы обрушились, прежде всего, на Святополка. Он дрался с большим мужеством, но, когда побежали его люди, он должен был также покинуть поле сражения.

Потом половцы стали наступать на Владимира; сеча была лютая; наконец войска Владимира и Ростислава были также смяты; все в беспорядке бросились к Стугне. Здесь при переправе потонуло множество народа, потонул и юный Ростислав. Владимир, видя утопающего брата, бесстрашно кинулся за ним в воду, желая его подхватить, и едва не утонул сам.

Затем, потеряв большую часть своей дружины и всех своих бояр, печальный Владимир с телом нежно любимого брата возвратился в Чернигов. Он до конца своих дней не мог вспоминать без сильнейшего волнения об этом злосчастном

дне, когда единственный раз в жизни потерпел поражение и потерял брата.

Святополк с поля битвы бежал сперва в Треполь, а потом в Киев. Половцы пошли воевать по всей земле и продолжали осаждать Торческ. Торки сопротивлялись очень мужественно; наконец, изнемогая от голода, послали сказать Святополку: «Если не пришлешь хлеба, то сдадимся». Великий князь выслал им обоз с хлебом, но обоз этот не мог пройти скрытно от половцев в город. Десять недель стояли половцы под Торческом и затем разделились: часть их осталась продолжать осаду, а другие пошли к Киеву. Святополк вышел им навстречу и опять был наголову разбит при урочище Желвани, причем у него погибло народу еще больше, чем под Треполем, и он сам вернулся в Киев, где заперся. Торческ же после этого поражения, несмотря на мужественное сопротивление, должен был сдаться от голода.

Опустошение, производимое всюду половцами, было ужасное. Они жгли села и гумна; в пламени погибло множество церквей; жителей убивали, а оставшихся в живых уводили в плен; города и села пустели; пустели и поля, никем не обрабатываемые. Печальные, измученные голодом и жаждой, с осунувшимися лицами, почерневшим телом, нагие, босые, исколотые терновником, шли русские пленники в степи, со слезами рассказывая друг другу, откуда кто родом, из какого города или из какой веси. Кроме этого несчастья и другое бедствие посетило в тот злосчастный год нашу землю: появилась в огромном количестве саранча, до сих пор у нас еще невиданная, и то, что не было разорено половцами, было уничтожено ею.

При этих печальных обстоятельствах неразумный Святополк должен был наконец смириться и просить у половцев мира, конечно, за огромные деньги. Мало того, чтобы получить его, ему пришлось жениться на дочери главного половецкого хана — Тугоркана. Без сомнения, высокомерному Святополку должно было казаться крайне унижительным это необычное родство, хотя половецки, или «красные девки половецкие», как их называли, и отличались большой красотой.

Однако и брак Святополка с Тугоркановной не избавил Русской земли от половцев. В том же 1094 году они появились

опять в наших пределах. На этот раз их привел Олег Святославич.

Этот князь-изгой после поражения на Нежатиной Ниве в 1078 году, где пали князья Изяслав Ярославич и Борис Вячеславич, бежал, как мы помним, в Тмутаракань, уже отделенную в те времена от остальной Русской земли осевшими в степях половецкими ордами. Сидя в течение шестнадцати лет в Тмутаракани, Олег не забыл своих обид, зорко следил за всем, что делается в Русской земле, и, узнав о страшном поражении, нанесенном половцами Руси вследствие пагубной самонадеянности Святополка, решил воспользоваться обстоятельствами и вернуть себе и семье своей отцовские волости. Для этого нужно было поднять руку на своего старого друга и двоюродного брата Владимира Мономаха, сидевшего теперь на столе отца Олега в Чернигове, друга, с которым он был связан с раннего детства и у которого когда-то крестил двух старших сыновей. Но Олег слишком много вытерпел после смерти отца и, разумеется, находил достаточно оснований, чтобы искать себе и своему роду части в Русской земле.

И вот, видя наступление благоприятного для своих целей времени, он собрал большие толпы половцев, вошел с ними в Русскую землю и подступил под Чернигов, где осадил Мономаха.

Скоро окрестности города и монастыри были выжжены; восемь дней подряд билась дружина Мономаха с половцами и не пускала их в острог. Наконец Владимиру стало невыносимо жаль лившейся из-за него христианской крови и вида горящих сел и монастырей.

«Не хвалиться поганым», — сказал он и, отдав Олегу Чернигов, помирился с ним, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. Таким образом, во второй раз пожертвовал своими выгодами великодушный Мономах на пользу родной земли.

Он благополучно достиг с дружиной Переяславля только благодаря страху, внушаемому его именем половцам, так как Мономах мог вывести из Чернигова после огромной потери в людях на Стугне менее ста человек, считая в том числе жен и детей. «Когда мы шли мимо половцев, — рассказывает он про это в «Поучении», — то они облизывались на нас, как волки на овец».

Не посмевши тронуть Мономаха с горстью храбрецов, его сопровождавших, половцы продолжали страшно опустошать Черниговскую землю и после того как Олег утвердился на столе отца своего; очевидно, Олег противиться этому не мог, так как сам навел их, а уплатить им за оказанную услугу, кроме разрешения грабежей, он ничем другим не имел возможности.

«Это уже в третий раз, — говорит летописец, — навел он поганых на Русскую землю; прости, Господи, ему этот грех, потому что много христиан было погублено, а другие взяты ими и расточены по разным землям».

Так утвердился Олег на столе отца своего в Чернигове. Конечно, Олег имел право искать для себя и для семьи отцовских волостей; приводить с собой иноплеменные войска было тоже в обычаях времени. Но все же жестокое разорение земли, которое повлекло за собой искание Олегом своей части, не могло быть забыто на Руси. И насколько в народной памяти сохранился образ Мономаха как доброго страдальца за Русскую землю, настолько же Олег в народных преданиях изображается гордым, озлобленным и всюду приносящим с собой несчастье — Гориславичем.

Как мы увидим дальше, несмотря на благородную уступчивость Мономаха, ему предстояло еще принять от Олега немало горя.

Незавидно было житье Владимира в Переяславле. «Три лета и три зимы, — говорит он в «Поучении», — прожил я с дружиной в Переяславле, и много бед натерпелись мы от рати и от холода». Половцы непрерывно нападали на разоренную Переяславскую землю. Владимир, когда мог, отражал их и с неослабным рвением подготавливал свои силы, чтобы дать должное возмездие за поражение на Стугне и за все последовавшие затем беды.

Случай скоро к этому представился. В 1095 году пришли к Мономаху два половецких князька — Итларь и Китан — торговаться, много ли он им даст за мир. Итларь с лучшими своими людьми вошел в город, а Китан с войском стал за валами, причем Владимир дал ему в заложники сына своего Святослава за безопасность Итларя, стоявшего во дворе боярина Ратибора. В это время прибыл из Киева от Святополка боя-

рин Славата с каким-то поручением. Славата стал сейчас же убеждать Ратибора и его родню уговорить Мономаха согласиться на убийство Итларя, так как, по-видимому, Итларь и Китан самовольно, помимо главного хана, Святополкова тестя — Тугоркана, пришли вести переговоры о мире.

Владимир не соглашался. «Как могу я это сделать, давши клятву?» — говорил он им. Но те отвечали ему: «Князь, не будет тебе греха; половцы всегда дают тебе клятву и всегда ее нарушают — губят Русскую землю и пьют христианскую кровь». Наконец Владимир согласился и ночью послал отряд дружины и торков к валам; они выкрали сперва Святослава, а потом перебили Китана и всю его дружину. Итларь же был убит рано утром сыном Ратибора — Ольбегом, который выпустил в него стрелу и попал прямо в сердце. Этот поступок был единственным нарушением своего слова в жизни Мономаха.

После этого Владимир и Святополк выступили сейчас же в поход против половцев и пригласили с собой и Олега; он обещал идти вместе и действительно выступил, но не соединился, а держался поодаль. Святополк же и Владимир пошли на половецкие становища или вежи, взяли их, полонили скот, лошадей, верблюдов и привели в свою землю.

Уклончивое и недоверчивое поведение Олега, конечно, должно было оскорбить двоюродных братьев. После похода они послали сказать ему: «Ты не шел с нами на поганых, которые сгубили Русскую землю, и вот теперь у тебя сын Итларев; убей его либо отдай нам, он враг Русской земли».

Но Олег не послушался.

В следующем, 1096 году, с целью обсудить вопрос о совместной борьбе с половцами, Святополк и Владимир послали опять сказать Олегу: «Приезжай в Киев урядиться о Русской земле перед епископами, игуменами, мужами отцов наших и людьми городскими, чтобы после нам можно было сообща оборонять Русскую землю от поганых». На это Олег послал следующий высокомерный ответ: «Не пристало судить меня епископам, игуменам и смердам» (сельским жителям и мужикам).

Конечно, этот ответ еще более возбудил Святополка и Владимира против Олега, и они послали ему такое слово: «Если

ты не пошел на неверных и не приходишь на совет к нам, то, значит, ты мыслишь на нас худое и хочешь помогать поганым. Пусть Бог нас рассудит».

Так началась, несмотря на уступчивость Мономаха, новая междоусобная брань между князьями. Вместо того чтобы ударить соединенными силами на половцев, приходилось идти войной на своих. Когда князья подошли к Чернигову, то Олег вышел из него и затворился в Стародубе. Святополк и Владимир осадили Стародуб и стояли под ним тридцать три дня. Приступы были сильные, но из города крепко отбивались. Наконец осажденные изнемогли; тогда Олег запросил мира, который тотчас же был ему дан, но князья-союзники требовали от него, чтобы он непременно приехал в Киев, «к столу отцов и дедов наших; то старший город во всей земле; в нем надлежит нам собираться и улаживаться». Обе стороны целовали на этом крест. Это было в мае 1096 года.

Между тем раздраженные половцы продолжали свои набеги на Русь. Хан половецкий Боняк со своей ордой жег окрестности Киева, а тесть Святополка Тугоркан осадил Переяславль. Владимир со Святополком разбили его, причем сам Тугоркан пал, после чего Святополк привез тело тестя в Киев и похоронил на распутье между дорогами в Берестово и Печерский монастырь. В июне Боняк вновь подошел к самому Киеву и 20 числа утром ворвался в Киево-Печерскую лавру. Монахи, отстояв заутреню, почивали по кельям; поганые, выломав ворота, ходили по обители, брали, что им попадалось в руки, сожгли южные и северные церковные двери и, наконец, вошли и в самую Великую соборную церковь, таскали из нее иконы и произносили кощунственные слова над христианским Богом и законом. Тогда же половцы сожгли и загородный княжеский двор, построенный Всеволодом. Они увели с собой множество пленных.

Олег, несмотря на крестное целование, не думал исполнить договор и явиться в Киев. Вместо этого он стал деятельно собирать войско для продолжения борьбы и в конце лета направился к Мурому, бывшему его волостью, но которую тем временем успел занять его крестник, Изяслав, второй сын Мономаха, выступивший к Мурому из Смоленска без ведома и согласия отца своего. Подойдя к Мурому, Олег послал ска-

зять Изяславу: «Ступай в волость отца своего, а эта волость моего отца; хочу здесь сесть и урядиться с твоим отцом; он выгнал меня из отцовского города, а ты неужели и здесь не хочешь дать мне моего же хлеба?» Изяслав, однако, не послушался его, надеясь на свое войско, и 16 сентября 1096 года под стенами Мурома произошла злая сеча между крестным отцом и сыном, причем юный Мономахович был убит.

После этого Олег вошел в Муром и, оковавши людей Изяславовых, двинулся на Суздаль и Ростов, принадлежавшие Владимиру Мономаху. Захватив оба города, Олег сурово обошелся с их жителями, часть взял в плен, других рассеял по разным местам, понасажал своих посадников и стал брать дань с Муромской, Суздальской и Ростовской волостей.

Старший сын Мономаха, Мстислав, тоже Олегов крестник, сидел в это время в Новгороде. Новгородцы боготворили своего молодого князя — прекрасного по внешности и отличавшегося возвышенной и ангельски чистой душой; они готовы были принести для него всевозможные жертвы.

Сильная новгородская рать была собрана вслед за известием о гибели Изяслава. Но благородный Мстислав не хотел кровопролития. Он послал к своему крестному отцу следующее твердое, но высоко христианское слово: «Ступай из Суздаля в Муром; в чужой волости не сиди; а я с дружиной пошлем к отцу моему, и помирю тебя с ним. Хотя ты и брата моего убил — что же делать! в битвах и цари, и бояре погибают».

Упоенный своим успехом, Олег не хотел мириться, а думал взять и Новгород. Он двинул брата своего Ярослава в сторожах — вперед на реку Медведицу, а сам стал на поле у Ростова.

Тогда Мстислав перешел против Олега в решительное наступление. Шедший у него в сторожах Добрыня Рагуйлович прежде всего перехватил Олеговых сборщиков дани и заставил отступить Ярослава, который отошел назад к Олегу с известием, что Мстислав идет. Олег отступил в Ростов; Мстислав также подошел к нему; тогда Олег отошел к Суздалью; Мстислав двинулся туда же следом за ним. Олег зажег Суздаль и ушел к себе в Муром. Придя в Суздаль и освободив, таким образом, отцовские волости от Олега, Мстислав не пошел дальше, а опять послал к крестному отцу со следующим

словом: «Я моложе тебя; пересылайся с отцом моим, да выпустить дружину, а я во всем тебя послушаю». На Олега слова эти не подействовали; видя, однако, что ему трудно одолеть крестника силой, он решил прибегнуть к хитрости и для этого послал к Мстиславу с мирным ответом. Обрадованный, что ему удалось уговорить Олега, Мстислав распустил свою дружину по селам; но Олег только этого и ждал и внезапно появился со своим войском на реке Клязьме, думая, что племянник, застигнутый врасплох, побежит. Однако Мстислав не побежал. Неожиданное известие о наступлении Олега застало его во время обеда; он тотчас же разослал во все стороны распоряжения о сборе и в два дня сосредоточил всю свою рать — новгородцев, ростовцев и белозерцев, так что когда подошел Олег, то нашел крестника в полной боевой готовности.

Так простояли они друг против друга четыре дня. Мстислав, как и прежде, не желал боя, а потому его и не начинал, а Олег колебался, так как не был уверен в своем успехе.

На пятый день к Мстиславу подошли подкрепления, присланные Мономахом с сыном Вячеславом. В этот же день и Олег решил вступить в бой; он выстроил свои войска и повел их на Мстислава; узнав про это, Мстислав двинулся ему навстречу. Сеча произошла на реке Колокше. С обеих сторон бились очень упорно, как вдруг Олег и его войско увидели позади себя большой стяг Мономахов; они подумали, что сам князь Владимир прибыл и зашел им в тыл, тогда как это был только один из пеших отрядов Мстислава, при котором было и знамя Мономаха, прибывшее вместе с Вячеславом.

Ужас напал тогда на Олега и на войско его, и все бросились бежать. Победа Мстислава была самая полная. Он пошел следом за Олегом на Муром и Рязань, взял оба города, миролюбиво обошелся с жителями, освободив только содержащихся в оковах своих ростовцев и суздальцев, и в третий раз послал разбитому наголову Олегу следующее слово: «Не бегай больше, но пошли к братьям с просьбой о мире; не лишат они тебя Русской земли; а я пошлю к отцу моему просить за тебя».

Поставленный в безвыходное положение после поражения на Колокше, Олег должен был наконец принять великодушное слово своего крестного сына. Тогда Мстислав не замед-

лил отойти к Суздаю, а потом и к Новгороду, откуда послал к Мономаху просить за своего крестного отца. Мономах тотчас же согласился на мир с Олегом и послал ему замечательное письмо, показывающее, какими истинно благородными людьми и глубоко верующими христианами были он сам и славный сын его Мстислав.

Вот содержание этого письма:

«Пишу к тебе, потому что принудил меня к тому сын твой крестный; прислал ко мне мужа своего и грамоту; пишет: уладимся и помиримся, а братцу моему суд пришел; не будем за него местники, но положимся во всем на Бога: они станут на суд перед Богом, а мы Русской земли не погубим. Увидав такое смирение сына моего, я умилился и утрашился Бога, подумал: сын мой в юности своей и в безумии так смиряется, на Бога все возлагает; а я что делаю; грешный я человек, грешнее всех людей! Послушался я сына своего, написал к тебе грамоту: примешь ли ее добром или с поруганием — увижу по твоей грамоте. Я первый написал тебе, ожидая от тебя смирения и покаянья. Господь наш не человек, а Бог всей Вселенной, что хочет — все творит в мгновенье ока; а претерпел хуленье, и плеванье, и ударенье, и на смерть отдался, владея животом и смертью; а мы что — люди грешные: нынче живы, а завтра мертвы; нынче в славе и в чести, а завтра в гробе и без памяти; другие разделят по себе собранное нами. Посмотри, брат, на отцов наших: много ли взяли с собой, кроме того, что сделали для души своей? Тебе бы следовало, брат, прежде всего, прислать ко мне с такими словами. Когда убили дитя мое и твое пред тобой, когда ты увидел кровь его и тело увянувшее, как цветок только что распутившийся, как агнца закланного, подумать бы тебе, стоя над ним: «Увы, что я сделал! Для неправды света сего суетного взял грех на душу, отцу и матери причинил слезы!» Сказать бы тебе было тогда по-давидовски: «Аз знаю грех мой, предо мной есть выну!» Богу бы тебе тогда покаяться, а ко мне написать грамоту утешную, да сноху прислать, потому что она ни в чем не виновата, ни в добре, ни в зле; обнял бы я ее и оплакал мужа ее и свадьбу их вместо песен брачных; не видал я их первой радости, ни венчанья, за грех мой; ради Бога, пусти ее ко мне скорее: пусть сидит у меня, как горлица на сухом дереве жалующись, а меня

Бог утешит. Таким уж, видно, путем пошли дети отцов наших: суд ему от Бога пришел... Если бы ты тогда сделал по своей воле, Муром взял бы, а Ростова не занимал, и послал ко мне, то мы уладились бы; но рассуди сам: мне ли было первому к тебе посылать или тебе ко мне; а что ты говорил сыну моему: «шли к отцу», так я десять раз посылал. Удивительно ли, что муж умер на рати, умирали так и прежде наши прадеды; не искать бы ему чужого, и меня в стыд и в печаль не вводить; это научили его отроки для своей корысти, а ему на гибель.

Захочешь покаяться пред Богом и со мной помириться, то напиши грамоту с правдой и пришли с нею посла или попа: так и волость возьмешь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем жить, чем прежде: я тебе не враг, не местник. Не хотел я видеть твоей крови у Стародуба; но не дай Бог мне видеть крови и от твоей руки и ни от которого брата по своему попущению; если же я лгу, то Бог меня ведает и крест честной. Если тот мне грех, что ходил на тебя к Чернигову за дружбу с погаными, то каюсь. Теперь подле тебя сидит сын твой крестный с малым братом своим, едят хлеб дедовский, а ты сидишь в своей волости: так рядись, если хочешь, а если хочешь их убить, они в твоей воле; а я не хочу лиха, добра хочу братьи и Русской земле... Я к тебе пишу не по нужде: нет мне никакой беды; пишу тебе для Бога, потому что мне своя душа дороже целого света».

Письмо это подействовало. Между старыми друзьями детства состоялось примирение, по-видимому, искреннее и со стороны Олега.

Это примирение дало наконец возможность Мономаху осуществить то, о чем он давно мечтал, а именно: устроить общий княжеский съезд и на нем полюбовно решить все те вопросы, которые вызывали распри.

И вот в 1097 году в городе Любече собрались на съезд: великий князь Святополк Изяславич, Олег и Давид Святославичи, Владимир Всеволодович Мономах, Давид Игоревич и один из сыновей Ростислава — Василько, сидевший с братом Володарем в червенских городах. С князьями вместе приехали их дружинники, а также люди от земель.

Всем съездом руководил, разумеется, Владимир Мономах. Съехавшись, князья стали говорить друг другу: «Зачем губим

Русскую землю, поднимая сами на себя вражду? Половцы разоряют землю нашу и рады, что между нами усобица. Пусть же с этих пор будет у всех нас единое сердце и будем блюсти Русскую землю».

Затем они урядились между собой так: дети каждого из троих сыновей Ярослава берут себе те волости, в которых сидели их отцы; поэтому Святополк вместе с Киевом получил и Туров; Мономах — Переяславль, Смоленск и Ростовскую область; Святославичи — Олег, Давид и Ярослав — земли Черниговскую и Муромскую. Что же касается до бывших князей-изгоев — Давида Игоревича и двух Ростиславичей, то за ними было оставлено то, что дал им великий князь Всеволод в конце жизни, а именно: Давиду — Владимир-Волынский, а Ростиславичам червенские города: Володарю — Перемышль, а Васильку — Теребовль; эти части Давида, Володаря и Василька были выделены из Волынской земли, ранее полностью принадлежавшей отцу Святополка — Изяславу.

Наконец, за сыном Мономаха, доблестным Мстиславом, был оставлен Новгород, который также входил прежде во владения отца Святополкова — Изяслава, но куда Мстислав был посажен еще малюткой — дедом Всеволодом.

Но усобицы начались немедленно после съезда. Как мы знаем, к западу от Киева сидели по соседству друг от друга: Давид Игоревич во Владимире-Волынском и братья Володарь и Василько в червенских городах. Василько, князь Теребовльский, отличался необыкновенно предприимчивым духом; богатырь по виду, набожный и великодушный, связанный с Володарем самой нежной и глубокой братской любовью, при этом мужественный и воинственный, он горел желанием совершить великие дела на пользу родной земле. Уже в ранней молодости стал он известен своею ненавистью к Польше, на которую навел половцев; теперь он затевал новые, обширные походы, о которых мы скажем ниже, и на его зов шли толпы берендеев, печенегов и торков.

Прямой противоположностью Васильку был его сосед Давид Игоревич — человек недалекий и притом с низкими чувствами: завистливый, подозрительный и жестокий. Он еще до Любечского съезда злобился на Василька за то, что, по его мнению, тому досталась лучшая часть, чем ему. Приготовле-

ния же Василька к походу заставляли Давида Игоревича опасаться, что Василько собирается отнять у него Владимир. Эти опасения поддерживались и некоторыми мужами Давидовой дружины. И вот, немедленно же по окончании съезда, приехав в Киев, Давид начинает наговаривать Святополку, что будто Василько с Владимиром Мономахом тайно согласились захватить Волынскую и Киевскую области и поделить их между собой. «Кто убил брата твоего Ярополка?» — говорил Давид Святополку, намекая, что это сделали Ростиславичи, хотя, может быть, как мы об этом упомянули в предыдущей главе, именно Давид и был заводчиком этого убийства. «Если не схватишь Василька, — продолжал он, — то не княжить ни тебе в Киеве, ни мне во Владимире».

Святополк, человек недалекого ума и к тому же подозрительный и алчный, после некоторого колебания поверил Давиду Игоревичу и согласился схватить Василька, который в это время возвращался со своими людьми из Любеча и остановился на ночлег недалеко от Киева.

На другой день утром Святополк прислал к нему с просьбой — остаться в Киеве до его именин. Василько, который торопился домой, где собиралось его войско, отказался. Тогда Давид послал ему такое же приглашение от себя, добавив: «Не слушайся старшего брата». Но Василько решительно отказался остаться за недосугом.

На это Давид стал говорить Святополку: «Видишь, не хочешь тебя знать, находясь в твоей волости; что же будет, когда пройдет в свою землю? Увидишь, что займет города твои Туров, Пинск и другие; тогда помянешь меня; созови киевлян, схвати его и отдай мне». Святополк послушался и послал сказать Васильку: «Если не хочешь остаться до именин, то зайди хоть нынче; повидаемся и посидим вместе с Давидом». На это Василько согласился и уже сел на лошадь и поехал, как встретился ему один из его слуг и сказал: «Не езди, князь; хотят тебя схватить». Но Василько не поверил, вспоминая недавнее крестное целование в Любече, и продолжал свой путь. Когда он приехал на княжий двор, то Святополк вышел ему навстречу и ввел в избу, куда пришел и Давид. Святополк стал опять упрашивать Василько остаться на именины, но тот отвечал: «Никак не могу, брат; я уже и обоз отправил вперед». А Да-

вид во все время сидел, как немой. Потом Святополк начал упрашивать Василька хотя позавтракать у него; позавтракать Василько согласился, и Святополк вышел распорядиться. Василько стал разговаривать с Давидом; но у того от испугу не было ни языка, ни ушей. Посидевши немного, Давид спросил: «Где Святополк?» — и затем вышел со словами: «Я пойду за ним; а ты, брат, посиди». Не успел Давид выйти, как Василька схватили, заковали в двойные оковы, затем заперли и приставили сторожей на ночь.

На другой день Святополк созвал бояр и киевлян и рассказал им все, что слышал от Давида. На это бояре и киевляне ответили уклончиво: «Тебе, князь, надо беречь свою голову; если Давид сказал правду, то Василька должно наказать; если же сказал неправду, то пусть отвечает перед Богом».

Когда об этом узнало духовенство, то игумены стали прямо просить Святополка за Василька. Святополк заколебался и отвечал им: «Ведь это все Давид». Давид же стал упрашивать выдать ему Василька, чтобы его ослепить. «Если ты этого не сделаешь, — говорил он, — и отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Кончилось тем, что Святополк выдал Василька Давиду.

В ту же ночь пленника перевезли из Киева в Белгород на телеге в оковах и ввели в маленькую избу, где посадили.

Сидя тут, Василько увидал, что овчар Святополка, родом торчин, по имени Берендя, точит нож. Он догадался, что его хотят ослепить, заплакал и начал усердно молиться Богу. Затем вошли Сновид Изчевич, конюх Святополков, да Дмитрий, конюх Давидов, разостлали ковер по полу и, схватив Василька, хотели его повалить. Окованный Василько, собравши всю свою богатырскую силу, боролся так крепко, что те вдвоем не могли с ним сладить и позвали себе других слуг, при помощи которых им удалось наконец повалить Василька и связать. Тогда сняли доску с печи, положили ее на грудь лежащего, и по концам ее сели Сновид и Дмитрий, но не могли удержаться, так силен был поваленный и связанный Василько! Сняли с печи еще доску, приложили ее рядом с первой, и еще двое участников этого гнусного дела сели на ее концы. Тогда, наконец, затрещали кости в груди у несчастного Василька.

Торчин Берендя, отточив нож, подошел к связанному и поваленному князю и хотел ударить ему в глаз, но не попал и порезал ему лицо; наконец вырезал оба глаза, один за другим, и Василько обеспамятел. Его подняли вместе с ковром, положили на телегу как мертвого и повезли во Владимир-Волынский; по пути, во Вздвиженске, Сновид с товарищами остановились, сняли с Василька кровавую сорочку и отдали попадье вымыть, а сами сели обедать; попадья, вымывши сорочку, надела ее опять на Василька и стала плакать над ним, как над мертвым.

Василько очнулся и спросил: «Где я?» Попадья отвечала: «В городе Вздвиженске». Тогда он спросил воды и, напившись, совершенно пришел в себя; затем, прощупав сорочку, сказал: «Зачем ее с меня сняли; пусть бы я в этой кровавой сорочке смерть принял и стал перед Богом».

На шестые сутки пути Василько был привезен во Владимир. Приехал с ним туда и Давид, «как будто поймал какую добычу», по выражению летописца, и приставил к слепому узнику 30 человек стражи.

В ужас пришли русские князья, когда узнали о совершенном злодействе. Мономах заплакал... «Не бывало еще такого зла в Русской земле ни при отцах, ни при дедах», — воскликнул он и тотчас же послал сказать братьям Святославичам Олегу и Давиду, чтобы шли на Святополка и Давида Игоревича. «Исправим зло, какое случилось теперь в Русской земле в нашей братье; бросили между нами нож; если это оставим так, то большое зло встанет, начнет убивать брат брата, и погибнет земля Русская: враги наши половцы придут и возьмут ее!» Давид и Олег также сильно огорчились, плакали и, медленно собравшись вместе, соединились с Мономахом и послали сказать Святополку: «Зачем это ты сделал такое зло в Русской земле — бросил нож между нами? Зачем ослепил брата своего; если бы он был виноват, то ты обличил бы его перед нами и тогда по вине наказал его; а теперь скажи, в чем он виноват, что ты ему сделал?» Святополк, разумеется, все свалил на Давида. Но Мономах и Святославичи возражали: «Нечего тебе оправдываться тем, что Давид его ослепил; не в Давидовом городе его взяли и ослепили, а в твоём» — и на другой день стали переходить Днепр, чтобы идти на Святополка,

который уже собрался бежать из Киева. Однако киевляне не пустили его и, зная доброту Мономаха, отправили к нему посольство во главе с митрополитом и мачехой Владимира — вдовой князя Всеволода, которую он чтит как мать. Они держали князьям такое слово: «Если станете воевать друг с другом, то поганые обрадуются, возьмут землю Русскую, которую приобрели деды и отцы ваши; они с великим трудом и храбростью побороли по Русской земле, да и другие земли приискивали, а вы хотите погубить свою землю!»

Владимир расплакался и сказал: «В самом деле, отцы и деды наши собирали Русскую землю, а мы хотим погубить ее» — и склонился на просьбу мачехи и митрополита. Князья послали сказать Святополку: «Так как это все Давид наделал, то ступай ты, Святополк, на Давида, либо схвати его, либо выгони». И Святополк должен был согласиться исполнить их волю.

Между тем Василько продолжал содержаться под стражей во Владимире; там же находился в это время и какой-то монах Василий, который и оставил нам летописные известия об этих событиях.

«Однажды ночью, — рассказывает Василий, — прислал за мной Давид и говорит: сегодня Василько сказал своим сторожам: «Слышу, что идет Владимир и Святополк на Давида; если бы Давид меня послушал, то я послал бы боярина своего к Владимиру, и тот бы возвратился». Так вот, сходика ты, Василий, к тезке твоему Васильку и скажи ему, что если он пошлет своего мужа и Владимир возвратится, то я дам ему город, какой ему люб: либо Всеволож, либо Шеполь, либо Перемышль. Я пошел к Васильку, рассказал ему все речи Давидовы; он отвечал мне: «Я этого не говорил, но, надеясь на Бога, пошлю, чтобы не проливали из-за меня крови. Одно мне удивительно: дает мне свой город, а мой город — Теребовль; вот моя волость!» Потом сказал мне: «Иди к Давиду и скажи ему, чтобы прислал ко мне Кульмея, я хочу его послать к Владимиру». Но Давид побоялся поручить переговоры человеку, которого выбрал Василько, и послал сказать ему, что Кульмея нет. В это свидание Василько выслал слугу и начал говорить Василию: «Слышу, что Давид хочет отдать меня ляхам. Видно, мало еще насытился моей крови, хочет больше, потому

что я ляхам много зла наделал и хотел еще больше наделать, отомстить им за Русскую землю; если он выдаст меня ляхам, то смерти не боюсь; но вот что скажу тебе: вправду Бог навел на меня эту беду за мое высокоумье: пришла ко мне весть, что идут ко мне берендеи, печенеги и торки; вот я и начал думать: как придут они ко мне, то скажу братьям Володарю и Давиду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь; думал я зимой пойти на Польскую землю, а потом взять ее и отомстить за Русскую землю; потом хотел перенять болгар дунайских и посадить их у себя, а потом хотел проситься у Святополка и Владимира на половцев и либо славу себе найти, либо голову свою сложить за Русскую землю; а другого помышления в сердце моем не было ни на Святополка, ни на Давида. Клянусь Богом и Его пришествием, что не мыслил зла братьям ни в чем, но за мое высокоумье низложил меня Бог и смирил».

Узнав, что Мономах и Святославичи вернулись в свои земли, а наказать его поручено одному только Святополку, Давид, конечно, воспрянул духом. Он знал нерешительность и малую способность Святополка и полагал, что он не очень будет спешить наказывать своего соучастника преступления; действительно, усобица, возникшая из-за ослепления Василька, продолжалась с 1097 по 1100 год.

Весной 1098 года Давид выступил в поход, чтобы взять Василькову волость, но у города Бужска он был встречен Володарем. Давид не посмел стать против него в поле и затворился, а Володарь осадил его. Тогда Давид запросил мира, свалив все на Святополка. Володарь, горячо желая получить наконец в свои руки ослепленного брата, не стал с ним спорить, а послал сказать: «Про то ведает Бог, кто из вас виноват, а теперь отпусти мне брата, и я помирюсь с тобой». Давид обрадовался, помирился с Володарем, отдал ему Василька и был выпущен из Бужска.

Однако мир был непродолжителен, так как Давид не хотел возвращать городов, захваченных им во владениях Ростиславичей. Вследствие этого военные действия возобновились: Ростиславичи взяли на щит, то есть приступом, Давидов город Всеволож, причем в порыве ярости победители перебили всех его жителей. Затем братья подошли к Владими-

ру-Волынскому и, осадив здесь Давида, потребовали, чтобы он выдал им своих советчиков, подговоривших его на ослепление Василька. Давид имел низость передать их Ростиславичам, которые заключили затем с ним мир, а выданных советчиков повесили.

Только после того как Володарь и Василько одержали над Давидом Игоревичем верх, собрался в 1099 году Святополк наказать его, причем предварительно он заключил с Ростиславичами договор, поцеловал с ними крест на мир и любовь и затем отправился в город Брест для совещания с поляками, прося у них помощи против Давида. Узнав о прибытии Святополка в Брест, Давид испугался и сам кинулся искать помощи у польского короля Владислава Германа, который обещал ему свое содействие и взял за это пятьдесят гривен золота.

Таким образом, поляки опять сделались посредниками в борьбе русских князей между собой. Однако когда Святополк тоже дал Владиславу богатые дары и договорился с ним выдать свою дочь Сбыславу за его сына, то Владислав объявил Давиду, что никак не может оказать ему помощи.

Тогда Давид заперся во Владимире-Волынском. Святополк осадил его здесь и после семи дней осады выпустил на условия, что Давид передаст ему город Владимир. После этой передачи Давид ушел в Червень.

Одержав такой успех над Давидом, Святополк, несмотря на то что сам искал урядиться с Володарем и Васильком и недавно целовал с ними крест, пошел теперь на обоих братьев, желая овладеть и их волостями, так как нашел удобным вспомнить теперь, что волости эти входили когда-то в состав владений его отца Изяслава.

Но Ростиславичей трудно было вытеснить из их волости; они выступили против Святополка, взявши с собой и крест, который он целовал с ними, и встретили его на границах своих владений. Здесь, перед началом битвы, когда обе рати уже исполнились, слепой Василько выехал верхом вперед, поднял крест и закричал Святополку: «Вот что ты целовал; сперва ты отнял у меня глаза, а теперь хочешь взять и душу; так пусть будет между нами этот крест». И после ходила молва, что многие благочестивые люди видели, как над Васильком в воздухе возвышался крест во время боя.

Произошла жестокая битва, в которой Ростиславичи победили. Святополк побежал во Владимир, но Володарь и Василько не преследовали его; они хотели показать, что защищают только свое, а не ищут чужого, и сказали после битвы следующие благородные и гордые слова: «С нас довольно стать на своей меже».

Святополк, однако, прибыв во Владимир, и не думал оставлять их в покое; посадив здесь одного из своих сыновей — Мстислава, он послал другого, Ярослава, к венграм — поднимать их на Володаря, а сам ушел в Киев.

Давид Игоревич, видя, что теперь одинаковая опасность грозит от Святополка как ему, так и Володарю с Васильком, стал искать с ними прочного примирения — во имя общего дела — защитить себя от Святополка. Заклятые враги примирились, и Давид оставил жену свою у Володаря, а сам отправился нанимать половецкую орду, которой управлял воинственный и свирепый хан Боняк.

Вскоре к Перемышлю, где сидел Володарь, пришли венгры со своим королем Коломаном, наведенные Ярославом Святополковичем, и осадили город. На счастье Володаря, Давиду не пришлось далеко ездить за половцами; он встретил Боняка по пути и привел его к Перемышлю же.

Здесь, накануне ожидаемой битвы с венграми, Боняк, как рассказывает летописец, отъехал от войска в поле и начал выть по-волчьи. Ему стали отвечать голоса множества волков. Таково было половецкое гаданье. «Завтра, — сказал Боняк, — мы победим венгров».

И действительно — это гаданье сбылось. На следующий день утром Боняк двинул своего военачальника Алтунопу на венгров; тот подскакал к ним, пустил стрелы и побежал; венгры кинулись его преследовать, но этого только и ожидал хитрый Боняк; он зашел им в тыл, а Алтунопа повернулся назад, и затем Боняк, говорит летописец, «сбил венгров в мяч — как сокол сбивает галок».

Венгры бежали, и много их потонуло в реках Вагре и Сане. Половцы гнались за ними и секли их два дня, убили латинского епископа и много бояр; Ярослав, сын Святополка, бежал в Польшу, а Давид Игоревич, пользуясь победой, внезапно подошел к Владимиру-Волынскому, где Мстислав, старший сын Святополка, заперся со своей засадой, или, как те-

перь говорят, со своим гарнизоном. Давид начал делать приступы; стрелы сыпались дождем с обеих сторон; осаждающие закрывались подвижными вежами, или башнями, а осажденные стояли на стенах за досками; таков был тогдашний способ воевать.

Однажды Мстислав хотел сам выстрелить из лука, но неприятельская стрела проскочила через скважину доски и попала ему за пазуху; он умер в ту же ночь. Осажденные после его смерти терпели тяжелую осаду до августа 1099 года; наконец Святополк прислал к ним на выручку войско. Давид против него не устоял, должен был снять осаду и бежал к половцам. Но войско Святополково недолго праздновало победу. Скоро к городу Владимиру подступил опять Давид с новыми полчищами половцев, приведенных Боняком, и отнял у них Владимир.

Таково было положение дел, вызванное ослеплением Василька, к концу 1099 года. Благородное намерение Владимира Мономаха соединить князей в одно целое, чтобы бороться затем общими силами против половцев, для чего им и был собран после стольких стараний Любечский съезд, не только не привело к цели, но, наоборот, повело к четырехлетней кровавой усобице, во время которой враждующие стороны обращались за содействием к полякам и навели на Русскую землю венгров и половцев.

Но Мономах продолжал настойчиво преследовать поставленную себе высокую цель и в следующем, 1100 году достиг того, что между князьями состоялся новый съезд с целью окончания возникшей распри. 10 августа Владимир Мономах, Святополк, Олег и Давид Святославичи съехались в Витичеве, а через 20 дней, 30 августа, они снова сошлись на том же месте, и тогда с ними был уже и Давид Игоревич.

«Кому есть на меня жалоба?» — спросил он.

«Ты пришел к нам, — сказал Владимир, — объявить, что хочешь жаловаться перед нами на свою обиду. Вот теперь ты сидишь с братией на одном ковре. На кого у тебя жалоба?»

Давид ничего не отвечал.

Тогда князья сели на коней и стали врозь, каждый со своей дружиной. Давид же Игоревич продолжал сидеть особо. Князья рассуждали о Давиде: сначала каждый князь со своей

дружиной, а потом совещались между собой и послали Давиду от каждого князя мужей. Те держали ему такую речь: «Вот что говорят тебе братья: не хотим тебе дать стола владимирского за то, что ты вверг нож между нами, сделал то, чего еще не бывало в Русской земле; но мы тебя не берем в неволю, не делаем тебе ничего худого; сиди себе в Бужске и в Остроге; Святополк придает тебе Дубен и Чарторижск, а Владимир дает тебе двести гривен, да еще Олег и Давид дадут тебе двести гривен».

Потом князья послали к Володарю такое слово: «Возьми к себе брата своего Василька; будет вам обоим Перемышль. Хотите — живите вместе, а не хотите — отпусти Василька к нам; будем его кормить».

Таким образом, на Витичевском съезде Давид был наказан очень слабо, а Святополк, который был виноват в ослеплении Василька и во всей последующей смуте не менее Давида, получил только выгоду, так как приобрел владимирово-волинский стол вместо Дубен и Чарторижска; при этом он не сам приплатил Давиду за эту мену четырехста гривен, а заставил это сделать Владимира Мономаха и Святославичей. Очевидно, Святополк жаловался, что на Любечском съезде всех князей-изгоев наделили волостями из земель, принадлежавших прежде его отцу Изяславу и составлявших, стало быть, его вотчину; несомненно также, что, желая вернуть себе Теребовль, входивший прежде во владения его отца, тот же Святополк настоял на том, чтобы послать предложение Володарю ограничиться вместе с Васильком одним только Перемышлем».

Прервем рассказ А. Нечволодова об усобицах наших князей. Во-первых, их шалости, направленные на уничтожение народа, нам ныне вряд ли интересны, во-вторых, все эти сведения невозможно проверить независимыми источниками. Все «наши» дела этого времени известны только «нашим» же историкам.

Но весьма возможно, что сведения о распрях — истинная правда. Уж что-что, а разорять собственную страну для руководителей нашей страны — вещь вполне нормальная.

Сообщим только вкратце события, важность имеющие и получившие известность.

Князь Даниил. По «Титулярнику»

А. Нечволодов ошибается. Ясы (осетины) жили не на Северном Кавказе, а на Северском Донце. Так ошибка в представлениях о месте проживания племен в прошлом приводит к тому, что поход удлинился вдвое, а то и втрое.

Сыновья Владимира в 1116 году воюют с чюдью (эстонцами) и финнами (явь).

Юрий, посаженный отцом в Ростовской области, воевал в 1120 году с Волжской Болгарией, откуда вывел огромный полон.

Как сообщает «Сказание о зачатии преславного царствующего града Москвы, как сперва зачат, и коим великим князем и в коем месте, все то писано подлинно в сей и в коем году как было, выписано из летописца царских градографов», великий князь Данило Иванович «после Рюрика короля римского в четвертый год пришел из Великого Новгорода в Суздаль; тут родился у него сын Георгий. Он основал в Суздальской земле его имени город Юрьев-Польский, в том городе создал церковь каменную всю резную от подошвы до веру. По основании города в том же году поехал великий князь ис-

В 1113 году на киевский стол сел Владимир Мономах, которому в это время исполнилось 60 лет.

Нечволодов сообщает: «При Владимире Мономахе впервые начались на Руси преследования иудеев.

2 мая 1115 года состоялось перенесение мощей Бориса и Глеба (Давида и Романа).

Владимир посылает на Дон своего сына, который из похода привез себе жену с Северного Кавказа. Необыкновенной красоты дочь ясского князя».

кать места, где бы мог заложить город — столицу княжеству своему и наследникам. Взял с собою некоего гречина, именем Василия... Выехал он в темный и непроходимый лес, а там — болото, большое и топкое. Посреди болота на маленьком пригорке увидел великий князь огромного трехголового зверя. И спросил князь Василия, что это за удивительное и странное видение. Тот отвечал ему: «Князь великий! На этом месте создается город величайший, сильно распространится царство треугольное и умножатся в нем разных орд люди... А что на нем различные цвета, показывает, что в нем будут жить люди из всех стран».

Отсюда ясно, что Москва намного старше, чем принято считать, ибо все происходящее здесь относится к IX веку.

«Данило Иванович наехал на небольшой островок в лесу посреди болота, на нем хижина поставлена, в ней — пустычник, Букал по имени, отчего и хижина прозвалась Букалова. Теперь на том месте Царский Двор.

Затем князь великий с тем же гречанином Василием дня четыре спустя наехал на горы, где тоже нашли хижину, в ней человека, по имени Подон, римлянина родом. Полюбилось великому князю место, и захотелось ему построить себе здесь дом. Старец Подон сказал князю: «Не подобает тебе, князь, тут селиться, на этом месте созиждется храм Божий и будут жить архиереи, Бога вышнего служители».

Князь послушался и уехал с этого места.

Спустя некое время Данило Иванович приехал из Киева на место,

Георгий Данилович Долгорукий.
По «Титулярнику»

Герб Москвы XVII века — Перун на коне. Перун рисовался обнаженным. Позже его назовут «ЕЗДЕЦ», то есть «всадник». Ныне пытаются сделать из Перуна Георгия Победоносца, который якобы был патроном России, что неверно. Небесная покровительница Земли Русской — Пресвятая Богородица. Из книги П. П. Винклера «Гербы городов Российской империи...» (СПб., 1900)

где видел красивого зверя и, в шестой год, на хижине Букаловой заложил город, назвали его Москвою по реке. А в седьмой год, вниз по реке на Подонских горах, на хижине Подоновой, заложил церковь Спаса.

А на девятый год родились у него два сына, Алексей и Петр. Во имя Алексея поставлен город Алексин, к северу, на Оке».

Город Москву основал Данило, а слава основателя досталась его сыну Георгию Даниловичу Долгорукому¹.

Георгий Данилович Московский, получивший великое княжение от Орды, был женат на сестре хана Узбека Кончаке-Агафье.

По другой версии в 880 году «при княжении же своем Олг прииде на Москву реку, в яже текут Неглинна да Яуза, и по-

¹ Интересна легенда о происхождении прозвища Долгорукий. Рассказывают, что вначале Георгий был обыкновенным трактирщиком. И вот как-то зашел в его кабак царь Иван Васильевич Грозный (!) и о чем-то заспорил с Георгием. Размахнулся Георгий да и вдарил царя по уху. «Ишь ты, храбрый какой, из своего подвала да меня на троне достал. Видать, долгорукий!» — воскликнул Иван Грозный. Так это прозвище и закрепилось. Возможно, это и не совсем так. Если бы Георгий дал по уху Грозному, остался ли бы он жив? Это еще вопрос!

стави ту град и нарече Москва и посади ту князя, сродника своего» (Рукопись ПБ F IV № 226, л. 10).

«...и посади тут князя Юрья Володимировича, сродника своего» (Рукопись СБ № 963, л. 106).

Так что Олег построил град Москву в начале X века, посадив в нем своего родственника — Юрия. Какие сомнения? Иначе бы памятника Юрию Долгорукому напротив Моссовета не было.

«Великой нашей Русской Земле... же, премилостивый царю Христе, даждь дорости, яко младенцу, и величиться, и расширяться, и всюде пребывать в мужстве совершение и до славнаго твоего втораго пришествия и до скончания века сего. И возсия ныне стольный, преславный град Москва, второй Киев, не усрамлю же ся и не буду виновен нареши того и третий новый великий Рим, провозсиявши в последняя лета, яко великое солнце, в велицеи нашей Рустей земли во всех градах сих и во всех людех страны сея, красуясь и просвещаяся святыми многими церквами» (Полное собрание русских летописей. Т. 19. С. 205—206).

Владимир Мономах

«Византийский митрополит Неофит поднес Мономаху крест из животворящего дерева и чашу сердоликовую, принадлежащую славному римскому императору Августу.

Вместе с митрополитом прислал император царский венец, бармы и золотые цепи».

Об этом сообщает лишь «Степенная Книга царского родословия». Венец тот известен нам как шапка Мономаха.

К сожалению, до нашей святыни дотянулись руки противных профессионалов, которые развенчали нашего Мономаха, заявив, что шапка эта выполнена на полтысячелетия позже описываемых событий.

То даты не те, то события описаны не так.

По Якову Рейтенфельсу:

904 год. Игорь женился на Ольге.

958 год. Ольга отправилась в Константинополь к императору Константину Львовичу. Там она возбудила благород-

Шапка Мономаха. Рисунок из книги А. Нечволодова

ную страсть к себе в Иоанне Цимисхие. Но, приняв от него крещение, остроумным отказом отклонила от себя цепи супружества.

971 год. Император Иоанн звал под городом Доростолом Святослава на поединок, но тот не принял вызов, заявив, что он лучше знает, когда ему надо умирать. После поражения и заключения мира Святослав перенес свою столицу в Переяслав, отняв у болгар 80 крепостей.

978 год. Разгром печенегов. Но в другой раз Куря, князь печенежский и боссинский, предал его (Святослава) смерти и сделал себе из его черепа чашу (что точно так же сделал Крум, царь болгар, с головой императора Никифора), сделав надпись: «Ища чужого, потерял свое собственное».

Государство было разделено на три части между братьями, но Ярополк убил Олега, после чего и сам был убит Владимиром, который, презрев Киев и Переяслав, сделал столицей своей построенный им город Владимир. Он имел четырех жен и триста наложниц. Он первый был наречен царем.

В 1005 году Владимир представился и впоследствии был причислен к лику святых. После смерти Владимира между братьями началась борьба. И в это же время некий русский (по имени Хризохир), по свидетельству Кедрина, подошел со многими тысячами своих к Константинополю и, переплыв Пропонтиду, разбил римский флот, но потом был побежден у Лемноса и понес достойное за свою дерзость наказание.

Ярослав Владимирович, уже правя один уделами, первым стал называться «монархом».

В 1026 году он выступил против Константина, императора Востока, победил в единоборстве Редедю, вождя корсуний, хотя перед тем был разбит императором, метавшим в него огонь. В этот же промежуток времени прибыл в Россию святой Олаф, при помощи русских пытавшийся вернуть себе от-

чий престол, но был убит своими в самом начале этой попытки.

В 1053 году Владимир завоевал Каффу (Феодосию), свалив в единоборстве с коня Германа, правителя этого города. Снял с него тяжелую золотую цепь, унизанную жемчугом и драгоценными камнями. Позднее он завещал, чтобы этот символ его доблести русские цари при вступлении на царство торжественно надевали бы на себя, и присоединил к ней еще пояс и венец, унизанные золотыми бляхами и драгоценными камнями.

В 1075 году Димитрий, один из русских князей, принял римскую веру.

Заметьте, Святослав — князь весьма осторожный, не принимает вызова на поединок.

Владимир умирает на 10 лет ранее, чем ныне принято читать в тех же летописях.

Русской войны с римлянами наши летописи не знают. Редедю зарезал не Мстислав, а Ярослав Мудрый.

Вовсе никакого посольства от византийского императора не знают. Никакой шапки Мономаха никто Владимиру не приносил — он сам, как мы видим, захватил цепь и присоединил к ней «шапку».

Димитрий (Изяслав) живет у нас после Мономаха.

Бесконечная путаница. Но постепенно вырабатывается стройная система, когда каждый князь занимает нужное (для кого?) место.

Как это делается? Очень просто! Документы исправляются на основании «исторической правды».

Насколько можно верить источникам, показывает следующий пример.

В России трижды издавались труды Константина Багрянородного, византийского императора, встречавшегося с нашей княгиней Ольгой и писавшего о нашей Родине. Сравним тексты трех изданий:

- 1) Л а с к и н Г а в р и л . Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах» // Чтения ОИДР. 1899. Ч. 1;
- 2) Л а т ы ш е в В. В., М а л и ц к и й Н. В. Сочинения Константина Багрянородного «Об управлении государством» // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 91;

3) Л и т а в р и н Г. Г. Константин Багрянородный «Об управлении империей». М., 1982.

В первом издании читаем: «Однодревки внешней Руси, приходящие в Константинополь, идут из Новгорода (Немогардас), в котором сидел Святослав, брат Игоря, князя Руси. Есть и из Смоленска (Милинискан), и из Любеча (Телиоуцан), и из Чернигова (Гчернигоган), и из Вышгорода (Боусеграде). Все они спускаются рекою Днепром и собираются около города Киева, который получил прозвание Самбатас».

Во втором издании: «Однодревки, приходящие в Константинополь из внешней Руси, идут из Негогарды, в которой сидел Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Милиниски, из Телюци, Чернигоги и из Вышеграда. Все они спускаются по реке Днепру и собираются в Киевской крепости, называемой Самвата».

В третьем издании: «(Да будет известно), что приходящие из внешней России в Константинополь моносиклы являются одни из Негогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингоря, архонта России, а другие из крепости Милиниски, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас».

Несоответствия:

В первом издании Святослав — брат Игоря, во втором и третьем — его сын.

В первом Киев называется Самбатом.

Во втором Киев называют и Самватом.

В третьем только Кремль Киевский называют Самват.

В первом издании: «...выходят их князья со всеми россами из Киева и отправляются в полюдье, которое называется гирой, и именно в славянские страны тиверцев (Бербианон), дреговичей (Дроугоубитон), кривичей (Крибитцон), северян (Сербион) и остальных славян, которые платят дань россам».

Во втором издании: «...и отправляются в полюдье, то есть круговой объезд, и именно в славянские земли вервианов, другивитов, кривичей, севериев и остальных славян, платящих дань русам».

Из первого издания ясно, что полюдье у русов называется гирой. Второе издание дает нам лишь объяснение, что такое полюдье, и не более того.

В первом издании непонятно откуда взяты тиверцы, если из подлинника приводятся вервяне? Второе издание более правильно отражает названия племен, но откуда берутся северии (северяне), раз в подлиннике было сербии?

Еще интереснее третье издание: там сербиев нет уже даже и в греческом тексте. Исправлено на основании «исторической правды». Исправлен (читай: «фальсифицирован») текст подлинника, издаваемый Академией наук! На основании того, что издатель желает считать исторической правдой! И этот искаженный текст отныне студенты считают первоисточником!

И все же, возвращаясь к официальной версии, период раздробленности и усобиц прописан как будто бы весьма реалистично. Все вроде бы на своих местах, но... приведем слова из документа «Помяник князей», находящегося в «Любецком Синодик», изданного в «Трудах отделения древнерусской литературы» (т. 20):

«Помяни, Господи, благоверных великих князей Черниговских, Киевских и прочих.

Великого Князя Константина Мстиславича Чернеговского, создавшего церковь Святого Спаса, и Княгиню его Анастасию.

Великого Князя Николу, Святослава Черниговского и Княгиню Киликию. Великого Князя Михаила Чернеговского и Княгиню его Феофанну.

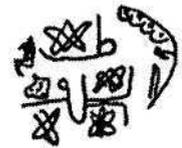
Великого Князя Георгия Киевского, во иноце Гавриила Всеволода.

Великого Князя Александра Киевского.

Великого Князя Романа Киевского.

Великого Князя Димитрия.

Великого Князя Василия Всеволода, в Святом Крещении нареченнаго Гавриила. Великого Князя Давида Чернеговского и Княгиню его Феодосию.

Надпись на монете: «Спаскаа монета Султана справедливого Джанибека ...Аллаху! Мухаммед султан». Из книги Э. К. Гуттена-Чапского «Удельные, великокняжеские и царские деньги Древней Руси» (СПб., 1875)

Великого Князя Николу Святослава Чернеговского и Княгиню его Анну. Великого Князя Святослава Чернеговского, в иноцех Гавриила, и Княгиню его Екатерину.

Великого Князя Ярослава Чернеговского, в иноцех Василия, и княгиню его Ирину.

Великого князя Феодосия Черниговского и княгиню его Евфросинью...»

И так далее и тому подобное.

Притом мы имеем в этом «Синодике» имена некоторых великих киевских князей, которых в наших официальных учебниках нет, да и места для них в истории тоже не уготовано¹.

Да что там потеря князей! У нас есть монеты тверские, московские, спасские, новгородские. Но где находилось княжество Московское, мы знаем. Тверское — тоже. А вот где находилось княжество Спасское, того никто не ведает.

Потерялось целое государство, хоть и небольшое. Что там князья какие-то!

Прервем наш рассказ для совершения неожиданного экскурса в греческую историю, которая, как мы увидим ниже, не такая уж и греческая...

Поход аргонавтов, Троянская история и Тмутаракань — страницы русской истории

Большой интерес вызывает сообщение Г. Ф. Турчанинова о памятнике колхидского (древнеабхазского) письма из района города Майкопа.

Относя этот памятник к XIII—XII векам до н. э. и считая его древнеабхазским, Г. Ф. Турчанинов переводит текст так: «Этот город, кому принадлежит, — царь великий, наш царь Амиран есть. Город Аа его собственность есть. Правитель ХЗ его соорудил в месяце Сева в 21 году на самой окраине Страны Гор»¹.

Город Эа — это то городище, на котором стоит современный Майкоп, а имя Амиран (весьма распространенное имя, которое переводится как «Дитя Солнца») носил отец Медеи. Именно сюда, на Северный Кавказ, в район Майкопа, и приплыли за золотым руном аргонавты.

Весьма интересны кавказские мифы об Амيرانе. В них говорится, что Амиран однажды решил побороть самого Бога и чуть было не победил в честном бою. Тогда Бог воткнул в землю посох и предложил Амيرانу выдернуть его из земли. Но как только Амиран взялся за него, на его руках оказались

¹ Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.

¹ Между прочим, согласно «Синодику», Ярославна никогда не была женой князя Игоря.

цепи, приковавшие его к посоху. Это было в одном из кавказских ущелий. Амиран целый год бил по цепям молотом, почти совсем разбивает их, но в определенный день года все кузнецы трижды стучат своими молотками по наковальням, и цепи вновь становятся целыми и невредимыми. Почему они так делают, к нашему рассказу отношения не имеет, но Амиран очень сердит на кузнецов, и если освободится, то непременно перебьет их всех. Пришлось Амирану пойти на хитрость: он то колотит по цепям молотом, то раскачивает посох в надежде вытащить его из камня, в котором тот прочно засел. Амиран почти добивается удачи. Но каждый год, весной, прилетает птичка трясогузка строить себе гнездо. И когда Амиран садится отдохнуть перед последним рывком, трясогузка присаживается на посох и начинает вертеть хвостом. Амиран в запальчивости, считая, что птичка над ним издевается, хватает молот и со всей силы бьет по птичке. Но та успевает упорхнуть, а вот посох вновь прочно вбивается в скалу. Вспыльчивость — не лучшее качество мужчины.

Памятник колхидского (древнеабхазского) письма из района города Майкопа. Рисунок из книги Г. Ф. Турчанинова «Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы» (Л., 1971)

То ли Амиран был прототипом сказания о прикованном Прометее, то ли наоборот, сказать не берусь, но кавказские мифы, вероятно, были известны древним грекам, как и греческие — кавказцам¹.

Аргонатов, совершивших поход на корабле «Арго», возглавлял Диомед, сын царя Фессалийского, чей брат Пелий (дядя Диомеда) захватил власть. В молодости Диомед обучался у мудрого кентавра Хирона искусству врачевания, за что впоследствии его прозвали Ясоном, то есть «Целителем». Когда Диомед вырос, Пелий, желая избавиться от него, послал его на Кавказ за золотым руном.

Золотое руно — это шкура барана, на котором Фрикс, сын Афамаза, орхоменского царя, спасся от преследований мачехи своей Ино. Фрикс, прибыв в Колхиду, принес это животное в жертву Марсу, а руно повесил в поле, посвященном этому богу (Марсово Поле), и приказал стеречь его Дракону, пожиравшему всех приблизившихся. Марс, довольный жертвой, даровал тому, у кого будет это руно, столько лет жизни сверх положенного срока, сколько при нем будет само руно. И никому не запрещал домогаться оно.

С Ясоном (именно так мы будем далее называть Диомеда, ибо под этим прозвищем он известен гораздо более) были Геркулес, Тезей, Кастор, Поллукс и другие, всего пятьдесят героев.

Имя строителя этого корабля, легендарного Аргоса, переводится с греческого как «сверкающий», «блестящий», «яркий». Некоторые же утверждают, что название кораблю дано не по имени строителя, а по месту постройки.

Как бы там ни было, Ясон и его спутники прибыли в город Эа к царю Аэту-Амирану² и потребовали возвратить им золотое руно.

Царь дал им задание: вспахать Марсово Поле, засеять зубами дракона и собрать урожай, а за труды обещал отдать им заветную шкуру. Ясон, когда еще только прибыл в Колхиду,

¹ Если вам интересно узнать, почему Амиран обижен на женщин и зачем кузнецы стучат по наковальне, прочтите книгу грузинского эпоса «Амираниани» «Сказания об Амиране».

² Аэт — значит: «царь города Аа».

постарался добиться любви волшебницы Медеи, дочери Аэта. И Медея сказала ему: «Когда взойдут всходы, брось в середину поля камень!» И вот наступил день пахоты. Выпустили быков Марса, огромных и страшных, из ноздрей которых вырывалось при дыхании пламя. Ноги и рога у них были медными. Ясон впряг их в ярмо и вспахал поле алмазным плугом. Вспахав 4 десятины земли (0,4 гектара), он засеял поле зубами дракона. И через некоторое время из земли стали вырастать грозные воины, одетые в латы и при оружии. Яростью пылали их лица. Не победить их всех Ясону. Вспомнил он про совет Медеи и поднял камень. Как только бросил он камень в самую гущу воинов, все они повернулись в сторону упавшего камня и в ярости стали истреблять друг друга. Урожай войны был собран.

— Отдавай руно! — сказал Аэту Ясон.

— Пойди и возьми его. Оно твое! — был ответ царя.

Увы! Как только Ясон приблизился к дереву, на котором висела шкура, Дракон проглотил героя. Однако Ясон нравился Медее, и та дала Дракону рвотное зелье. Дракон отрыгнул Ясона, которого Медея оживила своими волшебными снадобьями.

После этого Медея дала Дракону снотворное, и тот уснул. Взяла Медея руно и передала Ясону с условием, что Ясон

возьмет ее с собою на свою родину. Ясон убивает Дракона, забирает руно и вместе с Медеей отправляется на корабль.

Медея берет с собою своего младшего брата Абзирва. Придя на берег, Медея убивает брата, разрубает его на куски и разбрасывает по берегу и в прибрежные волны, дабы отец их, Аэт, подбирая части тела

*Аэт собирает останки сына.
Рисунок из книги аббата Лионне*

сына для захоронения, дал им время скрыться. (О времена, о нравы!)

Но Медея быстро надоела Ясону, и он женился на Глосее, дочери Креона, царя Коринфа.

Медея послала Глосее коробочку с заклятыми драгоценными камнями, в которых заключен был огонь, сжегший несчастную. Видя, что Ясон хочет ее наказать, Медея убивает двух своих сыновей, рожденных от него. Сама же спасается на колеснице, запряженной двумя драконами, которые доставили ее в Афины, где она вышла замуж за Эгея, от которого родила сына Меда.

Но, пожелав отравить Тезея, своего пасынка и наследника трона, вынуждена была бежать в Азию, когда покушение не удалось.

Ясон после жестокой мести Медеи пришел к своему кораблю «Арго», стоявшему тогда в Коринфе, и повесился на нем¹.

Руно, посвященное богу войны, хоть и золотое, не принесло счастья ни герою, ни предавшей родину Медее. Ибо ни он, ни она не ценили главного — любви к своей семье. Им нужны были подвиги и слава. Славу они заслужили, а счастье — нет.

Прообразом золотого руна послужило, как предполагают, растение омела.

¹ По другой версии Ясон после долгих скитаний прилег отдохнуть в тени старого «Арго» и был погребен под его обломками.

*Медея убивает своих сыновей.
Рисунок из книги аббата Лионне*

Омела — паразитическое растение, живущее на деревьях. Оно, по представлению наших предков, имеет огромную силу. Омела препятствует действию любого яда, помогает при эпилепсии, заживляет раны, способствует плодовитости, а также защищает от пожаров и от всякого колдовства — уникальное средство от всех бед. Однако если сорвать Омелу рукой, она потеряет свою волшебную силу. Ее надо срезать специальным золотым ножом, притом нельзя допустить падения растения на землю.

Обычно жрец в белом одеянии брал золотой нож, взлезал на дерево и, не прикасаясь к омеле, срезал ее. Когда растение падало вниз, то его на лету принимал другой жрец в полу своего белоснежного одеяния. После этого можно было пользоваться растением для приготовления настоек или порошка.

Но омела могла и погубить, ибо срезать ее мог только жрец. За омелой снаряжались целые экспедиции из тех мест, где она

почти не росла.

Описанием такой экспедиции у Гомера и является поход «за золотым руном». Омела стоила дороже золота. Пришли в Колхиду Ясон с командой, доказали, что они достойны сего дара, а дальше? «Пойди и возьми его! Оно твое!»

Так со смехом сказал царь Аэт. Но взять-то его может только жрец, а среди воинов жрецов нет. Вот почему понадобилась Медея. Только она могла снять с дерева «золотое руно» — священную омелу. Медея уходит с Ясо-

*Добывание золотого руна.
Рисунок из книги аббата Лионнэ. Видно, что художник был явно не знаком ни с омелой, ни со снятой с барана шкурой, ибо то, что он здесь изобразил, больше всего похоже на дохлую собаку*

ном. Омела выросла бы снова, а вот потеря профессиональной жрицы — утрата весьма значительная, и царь посылает погоню...

Вот какие трагедии разыгрывались всего лишь из-за растительных побегов.

Но вернемся в земли, называемые ныне Краснодарским краем. После отплытия Медеи с Ясоном часть команды (греки-ахейцы, которым весьма понравилась местная природа) обосновалась жить неподалеку от земель Аэта — в Адыгее, о чем сообщает Страбон (XI, 2,12). Бывшие с ними лаконцы заселили Гениохию.

У Стефана Византийского имеется сообщение, что место для основания Пантикапея¹ было предоставлено царем Агаэтом, сыном царя Аэта.

Впоследствии ахейцы смешались с зихами (адыгами) и стали именоваться адыхейцы. Так что адыгейцы и кабардинцы — потомки ахейцев Ясона (правда, нечистокровные).

Посмотрим, как отразились «ахейские места» на современной карте:

Сочи — город, названный по убыхскому племени шаше (реку Сочи древние авторы называли «Ахеус»);

Поселок Пшад южнее Геленджика — античная **Ахайя**.

Кубань — греческое «Антикитес», осетинское «Варудан» — «Варудон» — «широкая река»; осетины произносят «Уарах» — широкий (овраг?).

Тан — по-адыгски (и по-гречески) так называют Дон.

Спустя некоторое время часть северокавказских эллинов выселилась в междуречье Дона и Днепра, на реку, которую они прозвали Псел (название адыгское, так как к этому времени язык эллинов сильно перемешался с осетинским и адыгским). На новом месте они прозвались гелонами, или данайцами, то есть «эллинами» и «жителями Дона».

Из племени данайцев происходил знаменитый Ахиллей, более известный нам как Ахилл. С именем Ахилла связана ис-

¹ В переводе с иранского «пантикап» означает «рыбный путь».

тория войны донских казаков-гелонов против знаменитого города Трои.

Но о Трое надо рассказать подробнее.

Английский археолог-востоковед Е. Тиль, говоря о значении хронологии для исторической науки, высказал следующее мнение: «Хронология есть спинной хребет истории. Абсолютная хронология есть зафиксированный центральный стержень, вокруг которого должны быть правильно сгруппированы события, прежде чем они могут занять определенное место в истории и прежде чем их отношения могут быть правильно поняты». С этим можно полностью согласиться.

«Первый вопрос, который возникает в связи с сообщением о каком-нибудь событии, должен быть сформулирован так: когда это было? Или, по меньшей мере, когда это могло быть? Только после удовлетворительного ответа на этот вопрос можно говорить о правдоподобности данного сообщения, тогда только можно включить событие, о котором идет речь, в «историческую сетку», в систему других исторических событий, с ним связанных. Ибо история есть процесс, а не сумма беспорядочных «происшествий» (К р ы в е л е в И. А. Раскопки в «библейских» странах. М., 1965).

Остается решить одно: наша история — это возможный вариант событий или легенда о каких-то якобы бывших князьях? И начнем мы свое исследование со знаменитого события — Троянской войны, воспетой Гомером.

Яков Рейтенфельс на основании сообщений русских летописей и других доступных ему материалов сообщает о времени Троянской войны следующее: «2747 год от сотворения мира. В это же время приблизительно, когда тщетные усилия Троянской войны и безрассудный поход аргонавтов неустанно волновали честолюбивой борьбой столь многие племена, говорят, готоскифские цари близ Понта — Сагилл или Апенон, Пенаксагор, Телеф и Евтифил — вместе с амазонками оказывали помощь Трое. В 2866 году от сотворения мира скифы снова вторглись в Азию, и их примеру последовали фракийцы, месы, геты и бобрики и заняли в 2978 году почти всю Вифинию, поселив в Азии военные поселения».

Стало быть, Троянская война приходится примерно на 2750—2740 годы до н. э.

Л. С. Клейн в своей книге «Бесплотные герои» (1999) заметил: «Более ста лет назад известный антиковед У. Виламовиц писал: «Гомер в наше время уже не является много читаемым поэтом... Даже филологи знают его большей частью столь же плохо, как святоши — Библию». Констатируя факт малой читаемости Гомера, Виламовиц добавил: «Но гомеровский вопрос — популярен».

Сто лет спустя Гомера не стали читать больше прежнего (хотя издают часто). Поэтому я считаю уместным напомнить содержание «Илиады».

На свадьбу северногреческого царя Пелея с морской богиней Фетидой собрались все боги, но забыли пригласить богиню раздора Эриду. Разозленная Эрида подкинула богиням яблоко с надписью: «Прекраснейшей», но без имени («яблоко раздора»). Заспорили три богини, которая же из них красивее. Спор поручили рассудить царевичу Александру (называемому также Парисом¹), сыну троянского царя Приама. Чтобы склонить судьбу на свою сторону, каждая из богинь обещала вознаградить его: Гера — властью и богатством, Афина — мудростью и военными победами, а богиня любви Афродита — любовью самой прекрасной женщины мира. Парис объявил победительницей Афродите, и она возбудила пламенную любовь между ним и прекрасной Еленой — женой спартанского царя Менелая, у которого Парис гостил.

Влюбленные бежали на корабле в Трою (называемую в поэме также Илионом), а царь Менелай воззвал к своим родственникам, соседям и друзьям — царям других греческих государств. Собралось большое войско, чтобы отомстить обидчику и его укрывателям — жителям Трои, подданным Приама. В свою очередь, Приам позвал на помощь своих союзников со всей Малой Азии и из Подунавья.

Коалицию ахейцев (как тогда называли греков) возглавил старший брат Менелая царь златообильных Микен Агамемнон. С ним выступали знаменитые герои: непобедимый Ахилл (сын Пелея и Фетиды), царь небольшого северного цар-

¹ Парис (Порис) — фракийское слово, означающее «юноша, боец».

ства Фтии), не менее победоносный Диомед (царь южной Арголиды), хитроумный Одиссей (царь острова Итака), могучий Аякс (царствовавший на острове Саламин), одноименный с ним быстроногий Аякс из Локриды, старец Нестор (царь Пилоса) и другие. Среди героев выделяются не только цари, но и их сподвижники, например друг и наперсник Ахилла Патрокл и его же старый воспитатель Феникс. Войско троянцев и их союзников возглавил Гектор, брат Париса, а среди героев особо выделялись царь дарданов Эней и царь ликийцев Сарпедон. Ахейская коалиция приплыла на кораблях из Средиземного моря в Черное и осадила расположенную у берегов пролива Троя. Десять лет шла война...

Все это еще не содержание «Илиады». Эти события изложены в другой поэме — в «Киприйских песнях», или «Киприях», но знание этих событий необходимо для понимания того, что происходило в «Илиаде». Сюжет «Илиады» начинается не с началом войны, а охватывает только девять дней десятого года войны.

Так вот, по «Илиаде», на десятый год войны поссорились главные фигуры ахейской коалиции — самый сильный герой греков Ахилл и вождь всей коалиции Агамемнон. Ссора произошла из-за женщины. Агамемнон позарился на полонянку Брисеиду (то есть дочь Бриса, или Брисея), доставшуюся при дележе Ахиллу, и отнял ее. Обиженный Ахилл отказался участвовать в боях. Ахейцы стали терпеть поражения.

Однако когда троянцы оттеснили греков к самым кораблям, Ахилл не вытерпел: позволил своему другу Патроклу возглавить дружину и отразить натиск троянцев. В схватке Патрокл был убит Гектором, и это прервало бездействие Ахилла. Он воспылил желанием отомстить Гектору за милого друга. К тому же Агамемнон раскаялся и вернул Ахиллу полонянку. Ахилл возвратился в битву, нанес троянцам сильное поражение и убил Гектора.

Несчастный отец убитого Приам лично отправился в стан врага и умолил Ахилла выдать труп сына. Похоронами Патрокла и Гектора оканчивается поэма, а дальнейший ход Троянской войны и ее завершение (гибель Ахилла, падение Трои и возвращение греков) описываются в других поэмах Троянского цикла».

Итак, вывод, к которому приходишь, читая источники: Троя — город абхазов-колхов, племени, родственному адыгам. Вначале с ними имел дела Язон, которому позарез нужно было руно. Часть его людей-ахейцев поселилась в Ахейсеверокавказской (адыхейцы — их потомки, сменившие язык на адыго-абхазский). Часть племени затем выселилась из-за тесноты к северу — в Гелонию (на Дон), где, смешавшись со скифами, стали говорить на смешанном греко-скифском наречии. Их второе прозвище — «Жители Дона», или данайцы. Ахиллей был ахейцем-данайцем, вся его жизнь и деятельность связана с Черным и Азовским морями. Так как прошло много времени до того, как эти события были закреплены письменно, стали сомневаться: Троя — это Тана или же — Тмутаракань. Притом у Гомера смешались воедино две войны — Троянская с Парисом и Илионская с Александром (об этом подробнее смотри у Клейна, чьи познания в гомеровском вопросе во много раз превосходят наши)¹.

В поэме описывается, что ахейцев хоронили, сжигая и помещая урну с прахом под курган. Известен курган Ахилла под Троей.

В. Я. Петрухин и Д. С. Раевский пишут: «Большой Майкопский Курган, давший название целой культуре, в котором чрезвычайно богатый инвентарь свидетельствует о высоком социальном статусе захороненного здесь человека...»² Вероятно, этот курган принадлежит либо царю Аэту, либо самому Ахиллу. Некоторые утверждали, что герои войны, павшие у Трои, были похоронены на родине — в Гелонии (в пещерах Киева). Это оспаривалось позже не без основания, так как на самом деле герои были сожжены и захоронены в курганах Северного Кавказа и Подонья.

Сами гелоны жили не на своей земле, а на земле принявших их будинов, из-за смешения с которыми и был так сильно испорчен язык. Но еще в XI веке часть местного населения помнила греческий язык и даже оставила надписи по-гречески.

¹Троя — Тмутараканская Тана, Илион — холм Гисарлык в Турции.

²Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М., 1998. С. 60.

ки на стенах Софии Киевской. Хотя нельзя исключать и того, что греки могли довселяться в эти места многократно.

Киев же в древности назывался Самбатсион, то есть «город чтущих субботу», ибо основан он был еврейскими торговцами, о чем свидетельствует и название древнейшего квартала Киева — «У жидовских ворот».

Евреи поселились в городах Босфора (греко-адыго-скифских) — Пантикапее, Фанагории, Горгиппии — в начале новой эры. Об этом свидетельствуют памятники эпиграфики, в том числе надписи на стелах, повествующие об отпущении рабов, принявших иудаизм, на волю, «под опеку общины иудеев».

Древнейшая еврейская надпись датируется 51 годом новой эры. Славян еще нет и в помине, а евреи уже есть. Языком повседневным у них в то время был греческий, богослужебным — арамейский. Позднее евреи начнут употреблять тюркский в обиходе, в торговле — ханаанский (славянский), священный (арамейский) — в богослужении.

От них торговый (славянский) язык перейдет вначале к сарматам (как язык межнационального общения, затем к балтам и финноязычным племенам. Образуются соответственно украинский, белорусский и русский языки, а следовательно, и народы.

Так что мы смело можем обвинить евреев в том, что именно они навязали нашим предкам наш великий и могучий русский язык.

«С Северным Причерноморьем связаны мифы про супругу Ахилла Ифигению на острове Левка (Змеиный, напротив устья Дуная) и про Ахиллов Бег (сегодня — Тендровская коса). Змеиный — остров Блаженных, где жили души героев» (Л. С. Клейн).

От себя добавлю, что место нахождения «того света» по нашим мифам — на дальнем Западе «за морем». Левка (Змеиный) — • на западе Черноморья, правда, не «за морем».

«С этим островом связаны также мифы про Ахилла Понтарха — могучее божество, господина острова, покровителя Понта и его мореплавателей.

На Ахилловом Беге якобы было святилище Ахилла и священный лес, а название «Бег» (Дром) по одной из версий происходит от соревнований в беге, которые устраивал здесь Ахилл с друзьями в честь своих побед» (Л. С. Клейн).

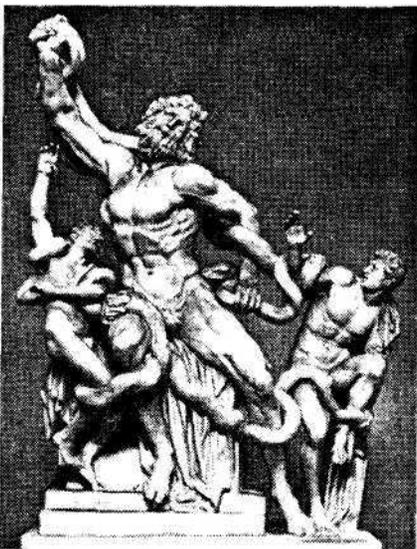
Итак, есть весьма устойчивые мифологические образы и крылатые слова, которые сейчас знакомы практически всем, хотя они и возникли много-много лет назад. К примеру, «Бойтесь данайцев, дары приносящих!», легендарный «троянский конь». Кто о нем не знает? И кто не добавит при этом, что придумал его хитроумный Одиссей из гомеровской «Илиады»...

Так-то оно так, но есть и варианты, и не договоренные до конца интересные детали.

Погибших и раненых в Троянской войне было несметное число с обеих сторон. Война стала тягостным делом. Тогда совет старейшин обратился к Одиссею, царю Итаки, считавшемуся докой в хитроумных делах. Сперва герой двух поэм Гомера похитил из главного троянского храма священный палладиум — деревянную статую божества, защитника города. Считалось, что, пока чудодейственный палладиум находится в храме, стены Трои будут неприступными. Однако это дерзкое похищение желанной скорой победы не дало. Сражения греков с троянцами продолжались, как говорится, с переменным успехом.

Тогда Одиссей предложил взять Троию с помощью военной хитрости. Надо было построить огромного деревянного — коня, внутри которого спрячутся хорошо вооруженные воины. Одиссей на совете детально изложил свой план: лошадь смастерить быстро, а затем поставить у стен Трои. Через подкупленных пленных сообщить защитникам города, будто деревянная лошадь сооружена исключительно в ритуальных целях, дабы умиловить богов Олимпа, которым на десятом году войны следовало решить — быть продолжению кровопролития или воюющие стороны мирно разойдутся...

Мудрый троянский жрец Лаокоон предостерегал защитников города, что греки хитры и коварны, что следует остерегаться их коня. Однако победило любопытство, на которое и рассчитывал Одиссей. Троянцы ночью перетащили деревян-

Лаокоон и сыновья. Скульптура была создана на Родосе Агесандром около 25 года до н. э.

ную лошадь в город, а утром из его чрева вышли ловкие «спецназовцы» и открыли крепостные ворота штурмовым отрядам греков. Троя была взята за один день, разрушена и разграблена...

Слова «бойтесь данайцев...» как раз и принадлежат Лаокоону.

Увы! Помогая врагам Трои, Нептун послал змей, которые удавили Лаокоона и его сыновей, когда те приносили жертвы богам.

Данайцы славились не только как воины, но и как умелые плотники.

Их главный «прораб»

Эней и руководил постройкой деревянного коня. Кстати, конь был сделан из липы... Так что подарочек-то был липовым.

Данайский дар погубил Троию. Так повествовал Гомер.

Древнегреческий рапсод, как уже говорилось, в основу «Илиады» положил циклы народных сказаний. По одной из старых легенд, дела с конем обстояли несколько иначе. Греки построили свою деревянную лошадь как дар богам, как просьбу о победе. Лазутчики доложили о загадочном сооружении царскому совету и военным властям. Правители по этому поводу ничего не решили, лишь задумались, а вот простые троянские солдаты сговорились между собой и ночью греческую диковинку втащили в осажденный город. Скорее всего, конь понадобился им на дрова, дефицит которых в условиях осады был катастрофическим. Лошадь была огромная, и пришлось разобрать часть крепостной стены. Утром греки заметили пропажу, разгорячились и через удобный проем проникли в город. Троя пала!

Кстати, и в этом варианте было серьезное предупрежде-

ние: деревянную лошадь ни в коем случае не трогать. Говорили не только жрецы и мудрецы, но и Кассандра, дочь троянского царя Приама. Дар пророчества подарил ей, между прочим, сам Аполлон. Но ей никто не поверил — и война была проиграна.

Добавим здесь, что среди греков сотни лет были популярны как поэмы Гомера, так и народные былины о войне за Троию. Их охотно и много комментировали философы, поэты, драматурги. Мудрец Дион Златоуст примерно две тысячи лет назад высказал мысль, что троянцы в случае с конем поплатились не только за свое легкомыслие и нежелание следовать пророчествам, но и за несправедное дело — кражу чужого имущества. Легкий трофей обернулся бедой. И римский поэт Вергилий в «Энеиде» тоже говорит о неосмотрительной краже троянцами ритуального коня, об опасности которого предупреждали ясновидцы.

Классен заметил, что «Эней троянский был не только славянин, но именно Русс». Классен не сомневался, что Троя находилась на русской земле.

Попробуем в этом разобраться.

Георгий Арнаутов писал: «Пожалуй, ни один человек в мировой археологии не наделал столько шума, как Генрих Шлиман — малоизвестный до того бизнесмен, не имевший археологического образования и вдруг осмелившийся утверждать, что бессмертная «Илиада» Гомера указала ему путь к развалинам древнейшего города Трои, которые он нашел. Это утверждение было принято с большим шумом, но и с сомнением.

Отец Генриха — деревенский священник, лишенный сана за неумный интерес к женщинам — не мог дать сыну систематического образования, но вызвал у него своими рассказами интерес к Древней Греции.

Подросток Генрих работал в лавке бакалейщиком, затем бухгалтером. Позже решил плыть кораблем в Венесуэлу. Попал в кораблекрушение. Чудом спасся и осел в Голландии. Здесь, работая бухгалтером, он изучил несколько иностранных языков, в том числе и русский. Ему повезло...

В 25 лет — представитель торговой фирмы в Санкт-Петербурге. Из России он уехал в Америку, в Лос-Анджелес, за

наследством умершего брата. Наследства не получил. Обогатился на золотоискательстве. Чуть не погиб, перебираясь через Панамский перешеек на пути в Европу. Вернулся в Санкт-Петербург коммерсантом, женился. Брак был неудачен, несмотря на то что чета имела троих детей. Только через 17 лет Шлиман решил развестись с русской женой и вынужден был сделать это в Америке, где условия развода были проще.

Будучи достаточно богатым коммерсантом, он решил осуществить свою юношескую мечту — стать археологом.

Он начал с того, что организовал экспедицию в Грецию, где откопал несколько ценных руин. В то же время он по письму старого друга познакомился со своей будущей второй женой — семнадцатилетней Софией. Она достойно оценила идеи своего уже немолодого супруга, одержимого поисками легендарной Трои.

Первые раскопки не увенчались успехом. Только через несколько лет рабочие, проводившие раскопки, натолкнулись на какой-то крупный металлический предмет.

— В связи с днем рождения объявляем праздник, — заявил Генрих — работа возобновится через несколько дней.

Вместе с Софией Генрих тайно откопал клад — в нем оказались сокровища легендарного царя Трои: там было свыше 10 000 предметов из золота: диадемы, браслеты, серьги, кольца, кубки, статуэтки...

Было ли это на самом деле? Многие ученые оспаривают сей факт, высказывая ряд аргументов. Клад откопан в слоях земли, на несколько сот лет отступающих от слоев, которые соответствуют событиям, описываемым в гомеровской «Илиаде». Кроме самого Шлимана и его молодой жены, не было свидетелей находки, клад мог быть заполнен предметами, за многие годы закупленными у антикваров. У Шлимана было достаточно денег на подобную фальсификацию, а авантюрный характер его мог смутить любого.

Находка троянского клада произвела эффект взорвавшейся бомбы и принесла Шлиману баснословную славу.

В один прекрасный день он стал всемирно знаменит. Его славу не смогли затмить ни споры ученых, ни судебные процессы с турецким правительством, подавшим на Шлимана в суд за незаконный вывоз сокровищ Трои в Грецию. Как го-

ворится, победителя не судят. Генрих Шлиман доказал главное — исторические легенды, мифы, фольклор опираются порой на подлинную историю человечества. Они могут стать основой для исторических исследований, археологических поисков, могут содействовать устранению белых страниц в книге истории.

Сокровища Трои пережили еще одно, второе рождение. В свое время они были экспонированы в Берлине, в Пергамон-музее. После падения Берлина и бомбежки города во время Второй мировой войны сокровища Шлимана исчезли.

Схема Конрада Мюллера: Восточная Европа по данным Идриси. Троя находится на северо-восток от Киева (Краткие сообщения Института археологии, вып. XLIII)

Прошло полвека, и вдруг выяснилось, что сокровища были вывезены советскими войсками в Россию. Долгое время они были недоступны для всеобщего обозрения. И лишь недавно впервые за последние полвека была организована выставка предметов из коллекции Шлимана.

Так родилось и возродилось «золото Трои», возможно состряпанное авантюристом, после которого ничего интересного в «Трое» найдено не было. Город был, но все, что можно было сохранить, сохранялось в одном-единственном кладе! Вы этому верите?

А теперь возвращаемся к «русской Трое».

Придя к власти, Ярослав, принявший титул «Владимир», принес в Киев главу Папы Римского Климента, построил Золотые ворота, сделал главным храмом Софию и распространил слух, что Киев — это бывшая Троя, предшествовавшая Константинополю.

«Как Господь, всесильный и щедрый, не поставил прекрасное Солнце на одном месте, чтобы оно оттуда с высоты освещало вселенную, но дал проходить ему и восток, и юг, и запад, славно установив порядок в похвалу Своему великому имени, так и это церковное солнце, Твой угодник, а наш заступник, священикомученик Климент, которого прославляю, сделал так, что пришел Христос Бог наш (по преизобразительной милости Своей) от Рима в Херсон, от Херсона — в нашу Русскую страну для спасения верных».

Рим — Херсон — Русская страна. В этом сложном сравнении, с которого и начинается русская часть «Слова на обновление», Климент уподобляется солнцу. Путь солнца очерчен: с востока — через юг — на запад; путь Климента (умышленно или нет, подчеркнуто противоположное направление движения, в то же время это соответствует реальному направлению) — с запада (Рим) — через юг (Корсунь-Херсонес) — на восток («Русская страна»), если брать за точку отсчета Киев. Все в этом мире движется, и движение совершается по воле Бога. В «Слове на обновление» перемещается и сам Христос — в своих учениках: Рим (но Рим христианский — Римская церковь) — Херсонес — Киев (а в Киеве опять Рим: Климент Римский). «Слово на обновление», таким образом, включает Русь

в христианский мир. Христианство перемещается из города в город, распространяется от Рима через Херсонес, до Киева (не менее значимого в определенном смысле, чем Рим).

Согласно «Слову на обновление Десятичной церкви», христианство утверждалось на Руси учеником апостола Петра Климентом и стараниями князя Владимира.

Но создать Третий, «украинский», Рим не успели. Усобицы и затем нашествие татар окончательно подорвали значение Киева. И Третьим Римом сделали Москву.

А как же с Троей, предшествовавшей «Риму»?

На Киевских горах имеются многочисленные пещеры, о которых сложено немало легенд.

Александр Гваньини (1581), итальянец по происхождению, позднее — начальник пехоты Войска Польского, а в годы войны Польши с Россией — комендант Витебска, сообщает, что в Киеве, «кроме остатков прошлого величия, есть обширные подземные пещеры, прокопанные под землей на большие расстояния, по утверждению некоторых, на 80 миль. В этих пещерах видны древние гробницы и тела давно похороненных знаменитых русских мужей, которые кажутся целыми, недавно положенными. Монахи русского обряда показывают их чужестранцам и пришельцам».

Описанные Гваньини «нетленные» тела позднее стали не менее загадочным явлением, нежели сами пещеры. Легенды о связи мощей со «святостью» людей и «святостью» места, в котором они похоронены, распространяли монахи Печерского монастыря, а многочисленные богомольцы разносили их по всей Европе.

Станислав Сарницкий в конце XVI века писал: «И как некогда римляне баснословили о северных и индийских уродах и диковинах, так русские теперь стараются уверить других в своих чудесах и героях, которых зовут богатырями, то есть полубогами. Они погребены, по русскому обычаю, в горных пещерах, которые будто бы как подземные коридоры тянутся на огромное пространство даже до Новгорода Великого. Только то несомненно и считается за чудо богомольцами, стекающими в Киев, что монахи показывают там нетленные тела князей, которые, благодаря какому-то там особому свой-

*Преподобный Илья Муромец.
Иконописное изображение*

гору, близ воды, находится сад, в котором есть большое подземелье или ямы, называемые у них печурками; они выделаны в горе, в слое чистой глины, направляясь во все стороны, со многими ходами, которые бывают в рост человеческий и выше, иногда же так низки, что надо нагибаться, широки, однако ж, настолько, что двое могут разойтись: в древности в них хоронили покойников, тела, лежащие там, большей частью еще нетленны».

Далее Лясота рассказывает о захоронении какого-то богатыря Чобитько. По преданию, на него напало множество врагов в то время, когда он надевал сапоги, и так как в спешке богатырь не мог отыскать оружие, то защищался сапогом, который еще не успел обуть. Так и победил всех врагов. С тех пор его и прозвали Чобитько (сапог по-украински — чобіт). Говорят, народ в XVI—XVII веках называл Чобитьком древнерусского богатыря Илью Муромца, который якобы был погребен в пещерах. Илья Муромец был огромного рос-

тву местности, остаются без всякого повреждения много лет. Киевляне относят это к религии и приписывают святости места».

Особенно поэтические легенды о киевских пещерах мы находим в дневнике Эриха Лясоты, славянина по происхождению, который по поручению немецкого императора Рудольфа ездил в 1594 году к запорожским казакам. На пути в Сечь Лясота остановился в Киеве.

«От этого монастыря (Печерского), — писал Лясота, — под

та — 177 сантиметров, умер в возрасте 45 лет. Останки его и до сего дня можно увидеть в пещерах¹.

А вот еще одна легенда, записанная Лясотой в Киеве, о двух друзьях, похороненных в каменной гробнице в пещерах. Еще при жизни они поклялись после смерти лежать в одной гробнице: один — слева, другой — справа. Случилось так, что один из друзей отправился в путешествие на длительное время, а когда возвратился в Киев, то узнал, что его друг умер три года назад. Живой пошел к гробнице и увидел, что покойник лежит не на своем месте, и попросил его передвинуться. Покойник выполнил просьбу друга. Тот лег рядом и тотчас умер.

В 40-х годах XVII века в Киеве неоднократно бывал инженер Войска Польского (француз по происхождению) Гильом Боплан. Он в деталях познакомился с городом и оставил потомкам ценные свидетельства о нем. Упоминает Боплан и о пещерах: «На полмилю ниже Киева лежит селение Печеры с большим монастырем. Близ монастыря, под горою, находятся пещеры, род подкопов, в которых (около 1500 лет) сохраняются тела, подобные египетским мумиям». Из разговоров с киевлянами Боплан узнал, что в этих пещерах еще в то время, когда на Руси официальной религией было язычество, первые христиане выкопали подземные церкви и совершали там богослужения.

В пещерах Боплану показывали знаменитого святого Иоанна, который по пояс находился в земле. Монахи рассказывали ему, что Иоанн, предчувствуя свой конец, выкопал для себя глубокую могилу; попросившись с братией, он опустил в нее, но по милосердию Всевышнего лишь по пояс, хотя она была значительно глубже.

Боплан сообщает также, что в пещерах сохраняют и показывают мироточивые головы в чашах: миро, исходящее из них, вылечивает многие болезни.

О «нетленных» телах Боплан пишет так: «Я со своей стороны не нахожу большого различия между этими телами и

¹ 177 сантиметров — такова длина самого большого костяка Киево-Печерской лавры. Наши предки в старину были весьма невысокого роста.

египетскими мумиями, кроме того, что они менее черны и менее тяжелы. Я думаю, что они сохранились неповрежденными в течение такого долгого времени благодаря природе тех гротов или мин, где находились. Пещеры эти песчаны и каменисты, сухи и теплы зимою, прохладны и совершенно сухи летом».

Через 13 лет после Боплана в Киеве побывал архидиакон Павел Алеппский. В одном из разделов своей книги о странствиях Макария Павел Алеппский рассказывает о Киеве. Это описание несколько тенденциозно, что объясняется солидарностью автора с духовенством Киева. Вот как он описывает посещение пещер: «Мы шли со множеством восковых свечей и видели мощи, все еще облаченные в свои отшельнические одежды, с узкими железными поясами; все они остались до сих пор в том виде, в каком постигла их блаженная смерть. Мы удостоверились нашими собственными глазами и были очевидцами и свидетелями поразительных чудес; ибо как же иначе объяснить, если не чудом, что тела их сохранились, как живые, в их естественном состоянии без всяких искусственных средств».

Знал ли Павел Алеппский, что тела сохранились вовсе не от «чуда»? Наверно, знал. Но, будучи служителем церкви, он пытался поддержать версию киевских монахов о «святости» пещер.

«Вдоль всего подземелья, — пишет далее Павел Алеппский, — идут маленькие кельи, годные быть жилищем разве для малых детей; в таких комнатках, где трудно было поворотиться, святые жили тем не менее целые года без хлеба, питаясь одними травами. Некоторые запирались навсегда в своих кельях и довольствовались пищей и питьем, которое им подавали через отверстия. Один зарыл себя в землю по пояс, в таком положении проводил жизнь и умер; он еще и теперь стоит там как живой».

Продолжая описание пещер, Павел Алеппский сообщает, что под землей, недалеко от келий монахов, находится красивая церковь с иконостасом, где монастырские священники и до сего времени проводят богослужения. В этом подземелье есть еще три церкви, и в каждой — иконостас. Он отмечает, что вблизи келий «святых» находятся деревянные столбы, к

которым привязывают юродивых, и они быстро поправляются. Сам по себе факт, отмеченный Павлом Алеппским, имел место в пещерах (упоминание о нем можно встретить и позже), а вот с тем, что юродивые излечивались таким образом, конечно, согласиться невозможно.

В трудах некоторых иностранных писателей и ученых конца первой половины XVII века, в частности польского писателя Флора, сообщалось, что киевские пещеры были основаны итальянскими купцами и проходили под Днепром вплоть до Чернигова, Смоленска и Москвы.

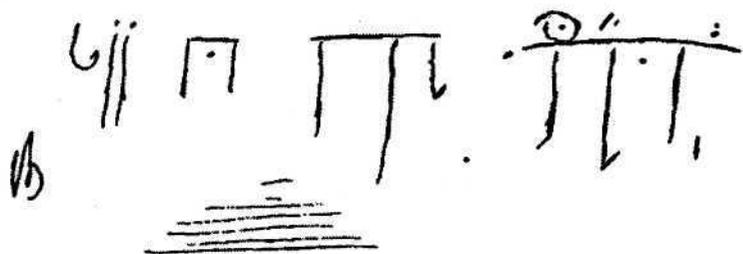
Подобные безосновательные фантастические утверждения встречаются в книге Андрея Целлария «Описание Польши» (1659). Со слов Пацева, одного из киевских пасторов августинского вероисповедания, Целларий рассказывает, что от Киева до Смоленска существуют подземные ходы, и та их часть, которая идет под течением Днепра, имеет литые своды, из чего можно сделать вывод, сколько труда и расходов нужно для подобного сооружения и каким великим было прошлое Киева.

Целларию, одному из образованнейших людей своего времени, и в голову не пришло критически отнестись к подобным сведениям.

Первые попытки научного подхода к изучению киевских пещер относятся к третьей четверти XVII века и связываются с деятельностью пастора города Вильно Иоанна Гербиния. Гербиний установил отношения с православными духовными учеными, в частности с архимандритом Киево-Печерского монастыря Иннокентием Гизелом. Последний, по просьбе Гербиния, пересылает ему материалы, которые легли в основу книги о подземном Киеве.

Опираясь на убедительные факты, Гербиний опровергает легенды о многокилометровой протяженности киевских пещер, доказывает их искусственное происхождение, рассматривает вопрос о времени сооружения и характере использования этих подземелий.

«Несправедливо мнение польского писателя Флора, — пишет Гербиний, — утверждающего, будто пещеры тянутся под руслом Днепра и простираются до Чернигова, Смоленска, Москвы и Печоры.

Знаки эти были начертаны каким-то острым орудием и прекрасно сохранились в твердом лессе. К сожалению, это было все, что удалось сохранить для науки, ибо самая пещера в настоящее время совершенно разрушена

Пещеры киевские не так глубоки, чтобы проходить под руслом Днепра; а наименованные города отстоят на таком пространстве от Киева, что поверить самой возможности существования подземного хода на таком протяжении — нелепо. Также невероятны и противны свидетельствам очевидцев уверения Флора и Фрелихия, что пещеры русские выложены медью. Ибо где же взять столько меди, чтобы выложить ею пещеры, простирающиеся на 100 немецких миль. Удивляюсь ученым мужам!»

По Гербинию, киевские пещеры выкопаны русскими монахами. Они имели разное назначение: были убежищем от язычников и татар; здесь проводили богослужения; хоронили умерших (катакомбные кладбища); служили они и жильем. В отдельных случаях подземные ходы выкапывали военные и использовали их как подкопы или потайные выходы — потерны — из крепостей и замков. При раскопках г. Хвойка в усадьбе Зайцева на высоте 23 саженей от уровня земли была открыта в слое лёсса небольшая (75 сантиметров в высоту) пещера, гладкие стены которой были покрыты какими-то надписями, продолжение которых было до прибытия исследователей уже уничтожено лопатами рабочих. Спустившиеся в пещеру господина Хвойка и Б. И. Ханенко успели скопировать оставшиеся знаки в последовательном порядке, получив ряд сочетаний.

Но на территории Киева есть и более древние пещеры — каменного века. Это пещеры Кирилловских высот. Им около

4000 лет. Поздненеолитическая эпоха. Существовало предание, что в одной из пещер лежат трупы героев Троянской войны. Но захоронений Гектора, Ахилла и остальных их сподвижников по Троянской войне ныне уже нет. Да, вероятно, никогда и не было, так как Киев — это все же не Троя.

Виленский пастор Иоанн Гербиний в 1675 году опубликовал исследование под названием «Religiosae Kyovenses cryptae sive Kyovia subterranean», где опровергает устоявшееся мнение, что Киев является легендарной Троей, и заявляет, что несправедливо утверждение, будто в пещерах лежат неповрежденные тела Гектора, Приама, Ахилла и других троянских героев.

Да и как можно было поверить русским, если Восточную Европу называли Великой и Холодной Швецией и писали о ней следующее:

«На севере живут великаны и карлики. От холода земля необработана. В южной части текла река Танаксвиль (рукав

Пещеры Киево-Печерской лавры. Рисунок из книги А. Нечволодова

Тана) — Танаис. На запад от Танаиса — Европа, на восток Асия. Столицей Азии был Асгард, где правил Один. В центре земли находился город Троя. Жители Трои придерживались обычая тюрков. Асгард (Тюрклянд) подчинялся Трое.

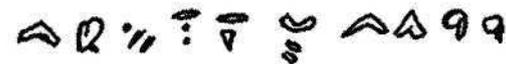
Выходит, Троя находится к востоку от Танаиса. На этом основании и оспаривалось мнение о том, что Троя — это Киев. На карте Идриси «Тройя» тоже указана, естественно, на восток от реки Тан-Альви.

О том, что Ахилл чуть ли не соплеменник Святослава Иго-ревича, писал еще Лев Диакон в своей «Истории»: «Говорят, что скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому обряду жертвы и совершают возлияния по умершим, научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса и Замолксиса, то ли у соратников Ахилла. Ведь Арриан пишет в своем «Описании морского берега», что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион, лежащего у Меотидского озера. Изгнанный скифами за свой дикий, жестокий и наглый нрав, он впоследствии поселился в

Изображение хеттского воина на стене гробницы фараона Хоремхеба (около 3400 лет тому назад). В отличие от Святослава хетт изображен безусым

Фессалии. Явными доказательствами скифского происхождения Ахилла служат покроя его накидки, скрепленной застежкой, привычка сражаться пешим, белокурые волосы, светло-синие глаза, сумасбродная раздражительность и жестокость, над которыми издевался Агамемнон, порицая его следующими словами: «Распря единая, брань и убийство тебе лишь приятны». Тавроскифы и теперь еще имеют обыкновение разрешать споры убийством и кровопролитием. О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинствен и могуч, [что] он совершает нападения на все

Печать Святослава. Рисунок из книги В. Л. Янина «Актовые печати Древней Руси» (М., 1970)

соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: «Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос».

«...А с катархонтом войска росов, Сфендославом, он решил вести переговоры. И вот (Иоанн) отрядил к нему послов с требованием, чтобы он, получив обещанную императором Никифором за набег на мисян награду, удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору, покинув Мисию, которая принадлежит ромеям и издавна считается частью Македонии.

...Ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды? Не упоминаю я уж о его [дальнейшей] жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев, он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое».

Итак, Лев Диакон был убежден, что Ингорь и Святослав — боспорские князья, наследники троянцев. Сохранилось описание Святослава, сделанное самим Львом Диаконом. Святослав был небольшого роста, коренастый, бороды не было, но усы были весьма длинные, на бритой голове «оселедец». Портрет Святослава можно увидеть в изображении любого запорожского казака. Однако оселедец носили еще древние хетты.

Интересно сравнить изображение хеттского князя с описанием внешности Святослава.

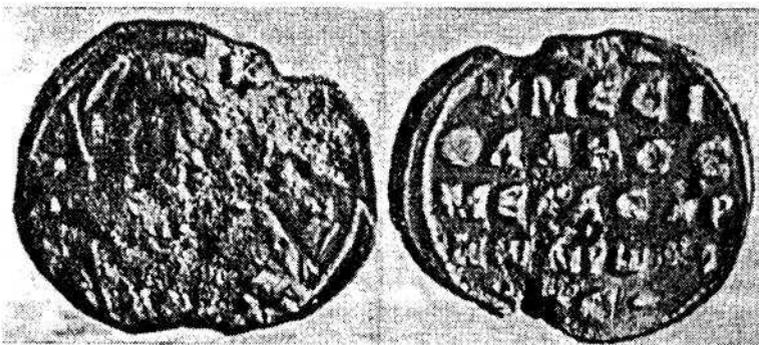
Хеттская печать

Если уж мы сравнили описание Святослава с изображением хеттского князя, сравним заодно и их письменность.

Похоже, что какие-то «хеттские» знаки Святослав употреблял вперемешку с греческими буквами. Хотя вероятнее всего, здесь случайное совпадение прорисовок «святославицы» и хеттских знаков.

Но вернемся на тропу Троянову. Как явствует из текста «Истории», Лев Диакон считал, что Игорь и Святослав — князья из племени рос, тавроскифы, и после своих набегов они должны возвращаться к себе, на свой Боспор. В свой родной город Трою. Именно этот город завещает Владимир Мечиславу Удалому, зарезавшему Редедю-Идара. Именно этот город отдал Святослав, предок Игоря из «Слова о полку Игореве», византийцам лет за 30 до похода Игоря в степи. Именно этим городом будет владеть Олег Черниговский, основатель династии Алуабас, и его супруга Феофания Музалон.

Это знаменитый город Тмутаракань.

Печать Мстислава. Из книги В. Л. Янина «Актовые печати Древней Руси» (М., 1970)

На приведенной здесь печати имеется надпись, выполненная по-гречески: «МЕСИСЛАВОС МЕГАС АРХОН РОСИАС». Об этом Мечиславе — великом архонте Росии — известно, что он, Константин Васильевич Красивый, был женат на Анастасии, сын которой — Евстафий — умер в 1033 году. Сам Мстислав (так позднее стали его называть) умер в 1036 году.

Константину Васильевичу от Владимира досталась в удел Тмутаракань, которая, правда, принадлежала адыгам.

В 1022 году Мстислав идет на касогов (адыгов). Узнав об этом, касожский князь Редедя выступил против него. И когда построились войска для битвы, сказал Редедя Мстиславу: «Зачем нам губить людей наших? Выйдем мы на бой одни, и если одолеешь ты, то все мое возьмешь себе — и жену мою и землю мою. Если же я одолею — то возьму все твое».

И согласился Мстислав. И съехались они. И предложил Редедя не оружием биться, а бороться. И начали они бороться, решив не пользоваться оружием. Долго они боролись, и стал изнемогать Мстислав, ибо Редедя был весьма силен. И взмолился Мстислав о помощи к Пресвятой Богородице и, вынув нож, ударил Редедю в гортань ножом. И был зарезан Редедя. Коварство и нарушение слова — нормальное явление у наших князей. И наложил Мстислав дань на касогов, забрав жену Редеди и детей его¹. И, войдя в Тмутаракань, построил храм в честь Богородицы.

В 1023 году пошел Мстислав с хазарами и касогами на Ярослава. «И в 1024 году, когда Ярослав был в Новгороде, пришел из Тмутараканя Мстислав к Киеву, но не приняли его киевляне, и сел он на столе в Чернигове».

Послал Ярослав послов за море. И пришел князь их Хакон Красивый² с варягами. И двинулся Ярослав с Хаконом на Мстислава. И выступил Мстислав против них к городу Ли-

¹ «Редедя» — это не имя, а должность. Адыгское слово «уэр-и-дада» означает «отец воинов», то есть «воевода». Имя же этого «редеди» — Идар.

² В летописи сказано, что «Якун был слеп», поэтому одни читают Якун Слепой, другие же указывают на то, что здесь, вероятно, должно быть «се леи», то есть красив. На самом деле «слепь» — это просто перевод имени Якун-Хакон, то есть «одноглазый, кривой».

ствену. Была осень. Северян поставил Мстислав во главе войска против варягов, а дружину свою во флангах. И наступила ночь. Гром, молнии, дождь. И сказал Мстислав дружине своей: «Пойдем на них?» И пошел Мстислав на Ярослава. И вступили в бой северяне с варягами. И произошла страшная сеча. Поняв, что побеждает Мстислав, бежал Ярослав с Хаконем. Ярослав — в Новгород, Хакон — за море.

Увидав наутро поле боя, сказал Мстислав: «Кто этому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а своя дружина цела!»

И послал Мстислав к Ярославу посла, передав ему: «Сиди ты на столе своем в Киеве, поскольку ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона». То есть разделил Мстислав Русь по Днепру. Правобережье отдал Ярославу, а левобережье закрепил за собою. Но Ярослав не отважился идти в Киев, сам сидел в Новгороде, а в Киев послал своих людей. Мстислав же сидел в Чернигове. В 1026 году замирились братья окончательно, а в 1036 году Мстислав умер.

Выходит, до 1036 года Ярослав в Киеве не бывал. Согласно сагам, в Киеве сидел брат наших героев Вратислав, на службу к которому переходит Эймунд, получив в лен Полоцк. К сожалению, русские летописи вообще ни слова не говорят про Братислава, так что, почему Киевская земля досталась именно ему, непонятно.

А вот в 1036 году Ярослав уже в Киеве и закладывает Святую Софию. Стало быть, ни Мстислава, ни Эймунда, ни Братислава уже нет.

Кабардинский князь Шора Бекмурзин Ногмов в своей «Истории Черкесии» приводит повесть о князе Идаре и уничтожении Тмутараканского княжества (не дошедшую до русских бытописателей):

«Предание сохранило нам занимательное повествование о внуке знаменитого Инала, князе Идаре. Как выше упомянуто, Инал был женат три раза. От третьей жены у него осталось два сына: Унармес и Кирмиш, которые женились на адыхских княжнах. Унармес оставил сына Тохтамыша, владевшего Кабардой. Кирмиш умер, оставив беременную жену, которая была взята в дом к родителю своему Хамишеву. Будучи у него, она родила сына, которого называли Идаром. Он воспи-

тывался у матери до совершеннолетия. За его хороший характер и отличные способности дед его, Хамишев Бжедужский, князь Эльжеруко и весь адыхейский народ, несмотря на юные его лета, страстно его любили и питали к нему особенное уважение. Все находили в нем по приветливости и добродетелям великое сходство с князем Иналом. Когда же он возмужал, то стал помышлять о покорении соседственных народов и с этой целью собрал войско из кахов и чапсогов и повел его на Тамтаракайское княжество и Хазарское царство.

Судьба благоприятствовала его предприятиям: он возвратился с богатой добычей и множеством пленных. Дед его, Эльжеруко Бжедужский, и могучий великан Редедя. сопутствовали ему в набегах. Не было в адыхейском народе никого, кто бы мог устоять против силы Редеди; почему современники прославили его в следующей песне: «Ой Ридадя, о Ридадя махо ореда, о Ридадя махо!», то есть «Редедя, Редедя, многосчастливый Редедя!» Эту песню и ныне поют во время свадьбы, жатвы или сенокоса, когда народ бывает в сборе.

Долгое время адыхейцы жили спокойно, не тревожимые никакими нашествиями от врагов внешних. Князь Идар с Эльжеруко Хамишевым и Редедеем, собрав кахов, хагаков и воинов из других адыхейских племен, пошли на Тамтаракай. Тамтаракайцы вышли к ним навстречу со своим ополчением; когда обе армии сблизилась, Редедя, по обычаю тогдашних времен, захотел решить участь войны единоборством. Он стал просить у тамтаракайского князя бойца и говорил ему: «Сить сшха дгакодра набжегухер дыд дзехарик тлиик сшха иткутира», то есть «Чтобы не терять с обеих сторон войска, не проливать напрасно крови и не разрывать дружбы, одолей меня и возьми все, что имею». Князь тамтараканский согласился и не стал искать в своем войске единоборца, а пошел сам на вызов великана. Противники сняли с себя оружие, положили его на землю и начали борьбу, продолжавшуюся несколько часов. Наконец Редедя пал, и князь поразил его ножом. Происшествие это прекратило войну, и адыхейцы возвратились в отечество, более сожалея о потере лучшего воина, чем о неудаче предприятия. Спустя несколько лет после этого похода адыхейцы собрали значительное войско с намерением отомстить за смерть Редеди, а вместе с тем завоевать тамтара-

кайскую землю. Для увеличения своих сил они просили помощи у опсов, и те им прислали до 6000 отборных людей, с которыми отправились в Тамтаракайское княжество; несколько тысяч неприятелей вышло к ним навстречу. Много было сражений кровопролитных, много погибло людей, много разорено жилищ, много истреблено имущества, но намерение адыхейцев было непоколебимо: отомстить жестоко за смерть Редеди и уничтожить Тамтаракай.

Война продолжалась несколько времени с величайшим упорством с обеих сторон. Наконец адыхейцы победили своих врагов и разорили всю область Тамтаракайскую. После этой победы они возвратились в отечество с богатой добычей и множеством пленных. С того времени ведется пословица у адыхейских племен: «Тамтаракай ухуньме», то есть «Да будет тебе участь Тамтаракая». Еще говорят вместо брани: «Тамтаракай ух!» — «Будь ты Тамтаракаем!» Так же говорят и татары: «Тамтаракай бал», что имеет то же значение.

Без сомнения, тамтаракайский князь есть русский князь Мстислав, княживший в молодости своей в Тмутаракани. История сохранила повесть о его единоборстве с Редедеем, совершенно схожую с нашим преданием. В русских летописях имя Тмутараканского удела исчезает в XII столетии с совершенной неизвестностью о той войне, которая стерла с лица земли одно из княжеств Русской державы. Но предание и в особенности пословицы, оставшиеся в народе, без сомнения, доказывают, что это событие совершено нашими предками. Русские называли их вообще косогами, по названию одного из наших племен (кегехов), которые жили всех ближе к Тмутараканскому княжеству».

Редедя, о котором выше шла речь, в «Слове о полку Игореве» назван «тмутараканским болваном». Болван, или палван (Пехлеван), означает то же самое, что и рыцарь или богатырь. Богатырь (Бахадур) — слово тюркское, палван — иранское. Однако ныне не всякого богатыря болваном называют.

В этом месте не помешает упоминание о «Тмутараканском камне». В 1793 году войсковой дьяк Егоров приехал в Санкт-Петербург и рассказал, что П. В. Пустошин нашел так называемый Тмутараканский камень, в коего честь Львов-Ни-

кольский соорудил памятник с надписью: «Свидетель веков прошедших послужил Великой Екатерине к обретению исторической истины, найденный в 1793 атаманом Головатовым. Свидетельство его свету сообщил граф Пушкин. Из былия изверг Львов-Никольский 1803:4:7: при начальстве майора Васюренцова при пастырстве протоиерея Павла Демешко».

Надпись эта была найдена на камне цоколя памятника в честь первых казаков, высадившихся на Черноморье.

Екатерина велела произвести дознание о камне и выяснила, что в конце XVIII века, уже после завоевания Россией Крыма, начались территориальные споры между казаками. Для разграничения владений была послана команда геодезистов для проведения работ по картографии местности. И из Санкт-Петербурга (возможно, самим Мусиным-Пушкиным) через Головатого Мокею Гулику, который работал с камнерезами и землемерами, ставившими межевые знаки, была послана бу-

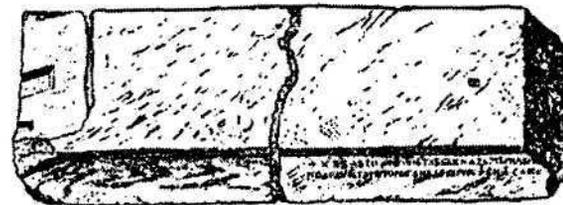

Рисунок Вакселя

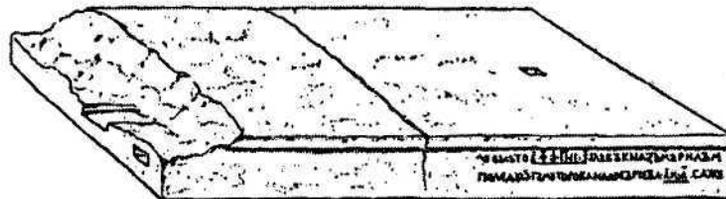

Рисунок Наллиса

лѣто. зѣфоз
инді[кта] Т (6) глѣбъ. князь мѣриль
мо[ре] по льду от тьмутороканя до
кърчева. тидѣ (10 000 і 4 000) сяже[нѣ].

Тмутараканский камень. Дата на камне: 1068 год.
Хранится в Эрмитаже

мага-трафарет с надписью. Камнерезы по этому трафарету из сугубо патриотических чувств и изготовили этот памятник старины.

Удивительно, но камнерезы расположили надпись на боковой стороне, причем выполнили ее, абсолютно точно копируя трафарет на бумаге, сделав его не по всей длине боковой стороны, а в две строки.

Было бы естественно, если бы надпись нанесли на широкую, свободную от каких-либо надписей или изображений сторону, однако камнерезы подошли к делу формально и расположили надпись явно неудачно.

Посмеявшись над проделками графа Мусина-Пушкина, Екатерина велела оставить камень на месте его изготовления — в Тмутаракани. Однако позже сей патриотический памятник все же был (из политических соображений) доставлен в Санкт-Петербург и удостоен места в Эрмитаже. И хотя это фальшивка, но в том числе и на его основе разработана палеография древнерусских надписей.

Надо заметить, что и специалисты, изучающие наш язык, имеют претензии к языку надписи. Мусин-Пушкин не очень хорошо владел древнерусским диалектом и написал так, как должно было быть согласно его личному пониманию истории языка. Но это уже мелочи.

Интересный документ, касающийся нашего Киева и относящийся ко временам князя Игоря, был найден в Каире (Египет). Этот древнейший киевский документ — так называемое «Киевское письмо».

Перевод письма: «Тот, кто первый среди самых главных, тот, кто украшен диадемой «Конечный и Первый», тот, кто слышит шепчущий голос и слушает громкую речь и язык — да хранит их как зеницу (ока своего) и позволит им жить, вознесясь высоко, подобно Нахшону, как первым людям правды, презирающим выгоду, дарующим любовь и доброту, представляющим милостыню, стражей спасения, чей хлеб всегда доступен каждому страннику и прохожему, святым общинам, разбросанным по всем уголкам (мира): да будет воля Владыки Мира (покоя) дать им возможность жить, как корона мира (покоя)! Теперь, наши князья и господа.

Мы, община Киева, (этим) сообщаем вам о трудном деле этого (человека) Мар Яакова бен Р. Ханукки, сына (добрых людей). Он был тем, кто дает, а не тем, кто берет, до того времени, пока ему не была предreshена жестокая судьба, и брат его пошел и взял деньги у иноверцев: этот (человек) Яаков стал поручителем. Его брат шел по дороге, и тут пришли разбойники, которые убили его и взяли его деньги. Тогда пришли кредиторы и взяли этого (человека) Яакова. Они наложили железные цепи на его шею и кандалы на его ноги. Он находился в таком положении целый год (...и после...) этого мы поручились за него. Мы заплатили 60 монет, и теперь еще осталось 40 монет; поэтому мы послали его по святым общинам, чтобы они могли оказать милость ему. И теперь, наши господа, поднимите ваши глаза к небесам и поступите в соответствии с вашим добрым обычаем, вы, кто знает, как велика добродетель милостыни, как милосердие избавляет людей от смерти. Но мы не те, кто предостерегает, а те, кто напоминает, и будет милость для вас перед Владыкой, Вашим Богом. Вы будете вкушать ее в этом мире, и ее присутствие останется для мира грядущего. Только будьте сильными и обладайте мужеством добра, и не бросайте слова наши себе за спину; и пусть Всесущий благословит вас и восстановит Иерусалим в ваши дни, и спасет вас и также нас с вами.

А(минь?) А(минь?) А(минь?) BQZ [.]
 Авраам Парнас (...)эльбар МАНАС
 ГОСТЯТА бар КУВР Коген
 Иуда, по прозвищу SWRTH

Реуенбар
 Самсон
 Ханукка
 бар Моисей
 МАНАР
 бар Самуил Коген
 Синай бар Симуил

QWFYN бар Иосиф

Иуда бар Исаак Левит
 Исаак Парнас

(руническим письмом): HWQWRWM «Я прочел (это)».

Как видим, в X веке в Киеве жили не только благочестивые иудеи, но и разбойники-иноверцы.

Ал-Масуди в своей работе «Muruj aldahab» (около 943—947 годов) сообщает данные о постоянной наемной армии ха-

зарских царей. Командующий этой армией был отмечен титулом «вазир». Текст и перевод этого отрывка таков: «В этой хазарской стране мусульмане являются преобладающей силой, потому что они составляют царскую армию. Они известны в этой хазарской стране, как a'l'arsiya (Арсийя), и они пришельцы из страны Кваризм. В древние времена, вслед за появлением ислама, появились в их странах засуха и мор, и поэтому они пришли к хазарскому царю. Они были людьми сильными и смелыми, и хазарский царь полагается на них в своих войсках. Они остались жить в его стране на определенных условиях.

Первым условием было то, что они могут открыто исповедовать их религию, иметь мечети и возможность созывать молящихся.

Кроме того, им принадлежала должность вазиров. В настоящее время (как и обычно) вазир один из них. Его имя Ахмад б. Куйа. Далее, когда хазарский царь воюет с мусульманами, они (арсийя) не должны сражаться с единоверцами. Но они совместно с царем сражаются против всех неверных. Сейчас около 7000 из них скачут с царем; лучники с нагрудниками, шлемами, в кольчугах. Некоторые из них имеют копья, оснащены и вооружены, как мусульмане-копейщики.

Они (арсийя) имеют также мусульманских судей...

Никто из царей Востока в этой части света не имеет наемной армии, кроме царя хазар.

Все мусульмане в тех странах известны по имени этих людей: Arsiya».

Ал-Масуди продолжает далее, что после 300 года хиджры (912 год нашей эры) около 500 судов руси, каждое из которых может нести 100 человек (всего около 50 000 воинов), прибыло ко входу в Керченский пролив, и у хазарского царя попросили разрешения проплыть вниз по его реке и таким образом достичь Каспийского моря. Хазарский царь, не имея собственного военного флота, согласился при условии предоставления ему половины добычи. Русы разграбили Азербайджан, Гил и Дайлам.

Арсийя и другие мусульмане, проживающие в хазарской земле, узнали, что сделали русы, и сказали хазарскому царю: «Дай нам возможность разделаться с этими людьми. Они напали на земли наших мусульманских братьев и пролили кровь,

а также поработили их женщин и детей». Хазарский царь был не в состоянии противостоять им. Он послал сообщение к руси о решении мусульман сражаться с ними.

Мусульмане собрались, пошли навстречу им вниз по реке.

Когда два войска встретились, то русы высадились со своих судов. Мусульман же было 15 000 на конях и с оружием — и сверх того с ними были христиане, живущие в городе Атиль. Битва длилась три дня, и Бог помог мусульманам. Русы были поражены мечом, убиты и потоплены. Всего убитых мусульманами на берегу хазарской реки насчитывалось 30 000. Только 5000 человек из них бежало и смогло вернуться на суда, достичь другого берега реки Атиль, который находится по дороге в страну буртасов».

Из текста Ал-Масуди ясно, что начальник наемных войск, занимавший пост вазира, был, используя современную терминологию, министром вооруженных сил Хазарии. В его руках была оборона страны — конечно, ее северных и западных границ — от врагов-немусульман. Поэтому мы можем принять версию, что этот хазарский вазир основал или укрепил гарнизоны на Днепре в качестве меры предосторожности после падения Аварской державы. Эта катастрофа должна была потрясти соседей. Внезапно исчезло могущественное политическое и экономическое образование, существовавшее в течение почти 250 лет.

Уже было указано выше, что холм рядом с основной Киевской крепостью, Берестово, в летописях называется «Угорское». Русское слово «угрин» происходит от старой формы *ongur, которая связана с именем хорошо известного кочевого народа оногур (Onogbr). Подобным же образом киевско-русское «угрин» — «венгр» также произошло от той же самой исходной формы *onogur.

Хазары пользовались в быту не «священным» письмом,

Надпись на камне Маяцкого городища, выполненная степными рунами. Из книги Г. Ф. Турчанинова «Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы» (Л., 1971)

ивритом, а степными рунами. Так, на одном и камней Маяцкого городища найдена надпись «БЕН АТЫФ» — «сын милостивого».

Хазария была крупной торговой державой. «Находки куфических монет Верхнего Поволжья, Оки, Верхнего Поднепровья более древние по составу, чем киевские. Основное направление восточной торговли в VIII—IX веках не захватывало Среднего Поднепровья. Торговые связи Киева и Среднего Поднепровья со Средней Азией начали развиваться тогда, когда Волжский торговый путь уже начал хиреть и значение его стало падать. Находки византийских монет IX—X веков в Киеве тоже крайне редки (их всего штук 40 против сотен восточных дирхемов). Малое число монет Византии свидетельствует о незначительных связях с Византией»¹.

Торговый путь шел «из варяг в хазары» — в Скандинавии обнаружено более 40 000 арабских дирхемов, византийских же монет всего 200, то есть 0,5%.

В Киеве IX—X веков никаких следов христианства не обнаружено. Отмечается также ничтожно малое количество византийских предметов до XI века.

Л. В. Алексеев в книге «Полоцкая земля» (М., 1966) пишет: «Современные данные археологии и топонимики показывают, что в эпоху раннего железа Восточную Европу населяло три крупных группы племен. Первая, ирано-язычная, занимала Крымский полуостров, Кубань, Нижний Дон, Нижний Днепр и доходила на севере до водораздела Сейма, Десны и Оки... Вторая, финно-язычная группа, охватывала все Верхнее Поволжье, бассейн Средней и Нижней Оки, на западе доходила до озера Эзель и оставила так называемую Дьяковскую культуру. Третья, балто-язычная, охватывала все Верхнее Поднепровье (включая Киев, правобережье Сейма, верхнюю Оку) и уходила на запад в Прибалтику».

Топонимика это полностью подтверждает.

«Каким образом славяне одновременно появляются на громадной территории и притом без каких-либо признаков

массового переселения в эти территории нового для них народа?» — спрашивает М. И. Артамонов¹.

А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным койне стал славянский.

Этот же язык был и языком торговцев-рахдонитов, большей частью венедов и евреев. От них и нахватались.

Ох уж эти симиты! Даже наш язык нам навязали — из вредности!

В связи с тем подлым фактом, что шведские бандиты и торговцы-симиты навязали нам наш великий и могучий русский язык, сообщу кое-что и о самих симитах.

Я долго изучал проблему происхождения симитов, «свалившихся на нашу голову». И вот что выяснил. По русским летописям, первый человек родился в Москве — это был Адам, прародитель всех людей. Но он не был симитом. Не было еще народностей.

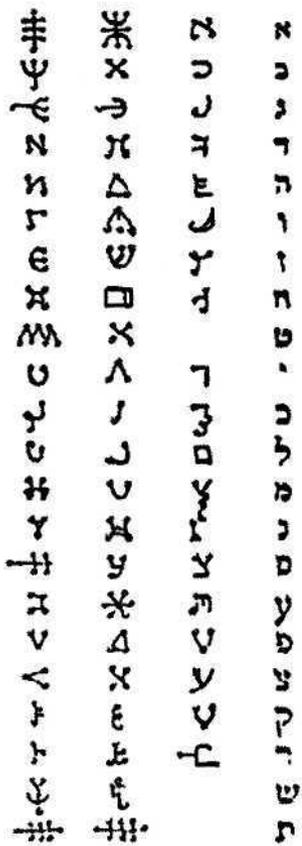
Симиты² — это потомки Сима. Они вышли из Египта. Тогда они назывались не симитами (так их обзовут позднее), а аборигенами. И бог их первых обучил искусству письма. И стали они единственным цивилизованным народом на земле. Затем аборигенов бог Сатурн переселил в Беотию к царю Янусу. Так они стали европейцами по желанию божию.

О переселении евреев из Италии от священной горы Везувий (где, как указывает Элизе Реклю, Иисус спускался в ад к грешникам) по западному берегу полуострова в Швейцарию и Австрию, затем на Балканы, а оттуда — на Ближний Восток (в Великую Армению) — сообщает Священное Писание евреев — Тора. С Ближнего Востока часть еврейского народа переселилась на юг России, образовав Новый Израиль — Хазарию, куда учиться мудрости приезжал сам Мефодий, обучившись именно здесь русской грамоте, как о том свидетельствует Русская церковь. Стоит сравнить еврейскую письмен-

¹КСИИМК. №6. С. 4.

²Потомки Хама — хамиты, Яфета — яфетиты, Сима — симиты (естественно). Хотя почему-то принято писать «семиты».

¹Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. С. 124—125.

«Ангельские» алфавиты.
Рисунок из *Краткой
еврейской энциклопедии*
(Иерусалим, 1976)

ность с глаголицей, и станет ясно: некоторые знаки есть в еврейской, но их нет в греческой письменности.

Как известно, ангелы, сидящие незримо у нас на плечах, записывают добрые и злые наши дела. При этом они пользуются каким-то алфавитом. Мне известно три ангельских алфавита, которые и приведены на нашем рисунке. Рядом для сравнения приведен еврейский алфавит, как один из самых близких к «ангельским». Письменности евреев обучил сам бог Сатурн, хоть и не ангел, но все же небожитель.

Н. А. Морозов в своем знаменитом труде «Христос» писал: «Через сорок лет (со времени бегства из Миц-Рима, то есть из окрестностей Везувия) в первый день одиннадцатого месяца (января) Избавитель сказал народу: «Громовержец, наш бог, говорил нам на горе Опустошителя (ХРБ)¹: «Полно вам жить на этой горе. Отправляйтесь в путь и пойдите (проповедовать единобожие) в родные горы и ко всем соседям в равнинах, горах и долинах, и в Южном крае, и на берегу

Генуэзского моря и на Монбланских горах вплоть до великой реки Прута (Дуная).

Но так как мне одному было непосильно улаживать все ваши затруднения и распри, то я взял из вас мудрых и известных мужей и сделал их над вами тысяченачальниками, сотни-

¹ Гора Опустошитель — Везувий. По-еврейски «Хариб», что дало русское «Хорив», «Хоривица».

ками, пятидесятниками, десятниками и надзирателями. Мы отправились от горы Опустошителя и шли по всей этой великой и страшной степи по Флегрейским полям и дошли до Умбрийских гор (ХРЕ-АМРИ), которые дает вам Громовержец, ваш Бог, и дошли до Кадикса на Роне».

Здесь автор, по-видимому, называет Кадиксом на Роне современную Женеву, так как далее говорит об очень страшных горах.

«Мы повернули в пустыню по дороге к Краевому морю, — говорится во второй главе, — и много времени кружились около Чертова хребта (Diablegeux в верхнеронской долине за Женевским озером), но Громовержец мне сказал: «Полно вам обходить эти горы! Обратитесь к северу и идите мимо границы ваших братьев, сынов Эсу, живущих на Чертовом хребте, но не начинайте с ними войны, потому что я отдал им эту гору. Все съестное покупайте у них на серебро».

И мы шли мимо наших братьев на пути, идущем по равнине от Айлта и Эцин-Гебра, потом повернулись и пошли по дороге к равнине. Там Громовержец мне сказал: «Не вступай здесь во вражду с жителями, потому что я отдал Эр (Юру) во владение латинам. Прежде жили там амиены (АМИМ — великий и многочисленный народ, высокий как англы, ЭНКН — янки)¹. Они прежде считались рафами (РФА), как и англы; туземцы же называют их амиенами, а на Чертовой горе прежде жили геры (ХР), но дети Эсу (Рима) прогнали их и поселились вместо них. А теперь идите в долину Зард (ЗРД)».

И мы шли от Кадикса на Роне (КДШ В-РНЭ) до долины Зард 38 лет, пока не вымерли все наши совершеннолетние мужчины, сожалевшие о прежней жизни».

Затем автор, позабыв, что он перед тем говорил об амиенах и энках, опять повторяет буквально то же самое через несколько строк и заканчивает: «Встаньте же и перейдите реку Арно (АРИН), я передаю в ваши руки Сихона (СИХН), царя Козней (ХШБУН), и его землю (по-видимому, Геную).

Я послал к нему послов из восточной равнины с мирными словами, но он вышел сражаться против нас со всем своим народом при Иеце. Мы завоевали все его города от Эрера на

¹ «ЭНК» — корень слова «Англия» (ЭНГ-ЛЕНД).

берегу Арно, до Холма Свидетельства (ГЛЭД), только к земле Эмов (ЭМУН — вероятно, французов, называвших друг друга «ami») мы не подходили по побережью потока Ивка (ИБК).

Здесь мы повернули назад и пошли по дороге к Васану (город Bassano в Ломбардии). Но царь этой страны Ог (Эуг) вышел против нас на сражение при Адрии (которая до сих пор существует под этим именем, близ устья реки По, а река По у древних латинских авторов называется Иорданом — Eridadus — соответственно библейскому начертанию Ирден). Мы поразили его и завоевали все его многочисленные города, укрепленные высокими стенами, порогами и запорами (Верона, Падуа, Феррара, Болонья, Парма, Модена; нигде не было в Средние века столько больших городов), всю Арговскую область (АРГБ), от потока Арно до Германских (ХРМУН) гор (Тироля), которые венецианцы называют ШРИН, а умбры (ЭМРИ) называют ШНИР (или ШНИГ).

Только Ог один остался из всех рафов. И вот гроб его железный, вот он в Равенне (РВЕ) у умбров, длина его девять мужских локтей, а ширина четыре» (Гробница Теодориха готского — 454—526 годов в Равенне). «Желал бы я увидеть и ту добрую землю за Эриданом, Венчанную Гору (Monte Rosa?) и Монблан (ЛБН — белая гора, Албион), но Громовержец разгневался на меня за вас и сказал мне: «Полно! Не говори мне более об этом. Взойди на вершину Пасги (ПСГЕ), подними глаза твои к западу, и к северу, и к югу, и к востоку, и дай наставление Иисусу, потому что он введет народ во владение землею, которую ты увидишь».

Затем рассказывается, как Избавитель начал делать наставления тут же в долине около дома Пасги (ПЭУР)...

Храните свои души, чтобы не забыть вам о том дне, когда вы стояли перед Громовержцем, вашим богом, у горы Опустошителя (Хориб — horribilis), а **гора горела огнем до самых небес при мраке, облаке и туче**, и говорил вам Громовержец из среды огня, и вы слышали его голос, но не видели его фигуры. Он вывел вас оттуда, из Миц-Рима, из железоплавильной печи, чтобы вы были его избранным народом».

«Слышал ли какой-нибудь народ голос Громовержца, говорящего из среды огня и остался ли после того жив? Пытал-

ся ли какой-нибудь бог избрать себе народ из среды другого народа знамениями и чудесами, и испытаниями, и войною, и великими ужасами, как сделал это Громовержец, наш бог, в Миц-Риме перед нашими глазами? С неба дал он слышать вам свой голос и на земле показал вам свой великий огонь, и вы слышали его (громовые) слова посреди огня.

— Так, — прибавляет рассказчик, — говорил Избавитель на берегу Эридана, когда его сторонники овладели землею на восток от Эрэра на берегу реки Арно до горы Сиан (ШИАН), то есть Германской (ХРМУН), и до моря равнины при подошве Пасги».

Какое же это Море Равнины при подошве горы Пасги?

Пасгой названа в Библии вершина какой-то горы Небу (НБУ). Тут все еще дышит грохотом извержения Везувия, и потому я только пробую перенести место действия из Палестины, где все это явно неприемлемо с географической точки зрения, в Италию и ее окрестности.

Я признаю за моим читателем полное право найти что-либо лучше того, что я предложил ему гипотетически в предыдущих строках. «Ищите и найдете», — говорил евангельский учитель, но только искать надо с разумением, а не как попало, иначе вы можете ткнуть пальцем на карте во что-нибудь не многим лучшее, чем Мертвое море. По отношению к огнедышащей горе, на которой, по библейским книгам, были расслышаны Избавителем в раскатах грома десять заповедей, не может быть другого выбора, кроме Везувия. Город Адрия, куда Избавитель привел беглецов из опустошенной Везуием цветущей местности, здесь назван прямо; народ умбры назван умры (или эмры) город Бассано к северо-западу от Венеции назван прямо по имени: Вассан. Город Масса (Исход, 17, 7), где Моисей извлек воду из скалы ударом своего посоха, существует и теперь к северо-западу от Феррары. Город Реховот, где царствовал Саул над Эдемом (Римом) (Бытие, 36, 37) и теперь называется Реджио, к востоку от Пары — библейско-го Парана (Второзаконие, 33, 2 и Числа, 10, 12).

Значит, поток Арно и есть итальянская река Арно, а гора Ливан есть Альбион-Монблан, так как оба слова значат на своих языках одно и то же: «Белая Гора». Гора Сеир значит Чертова гора, и действительно, в верхнем течении Роны, рань-

ше, чем она впадает в Женевское озеро, есть Чертовы горы. Кроме того, и Флегрейские поля заслуживают такого же имени; и современная река По действительно называется у латинских авторов Иорданом (Эриданом). Остается только отождествить и другие библейские названия с именами, находящимися на современных картах Италии и близких к ней стран».

Итак, внимательно исследовав библейские тексты, господин Морозов пришел к выводу, что вся история еврейского народа протекала вначале не на Ближнем Востоке, а в Италии, откуда он переселился из-за природных катаклизмов вначале в Центральную Европу, затем прошли через Балканы на Ближний Восток и в южнорусские земли.

Как мы уже знаем, на территории нынешнего СНГ в VI—VII веках жили балты, угро-финны и иранцы. Ни одного русского или белоруса еще не было. Нигде. Так что топонимику славянскую здесь искать бесполезно. Западнее балтов — Одера топонимика кельтская. «Неман» — имя кельтской богини. Висла — «текущая» (по-кельтски). Дубна — «глубокая» (по-кельтски). Моравия и Богемия — это тоже кельтские наименования.

Южнее Дуная — иллирийская и фракийская топонимика.

Территория антов — Буг, Днестр, Тибр — иранская топонимика. Славянской же вообще нет. Славянам нет места на карте.

Но не с неба же славяне свалились? Оказывается, после нашествия гуннов большая часть иранцев вынуждена была выселиться из милых их сердцу степей в зоны лесостепи и заселить венгерские, чешские, польские и восточногерманские земли. Здесь они вынуждены были перейти с отгонного животноводства на содержание в стойлах. Меняется уклад их жизни. Многим навыкам пришлось обучаться у местного населения, с которым пришлые племена начали интегрироваться в единый этнос, и постепенно на основе вендов-балтов и иранцев-сарматов образуется племенное единство — венецкие сарматы — саки-винды — склавины.

Они-то и послужили той основой, которая дала позднее славянский народ, образовавшийся из конгломерата балтов, иранцев, кельтов, германцев и иллирийцев. Языком у них был

сильно испорченный иранцами балтский, с примесью германской лексики. Этот общепонятный жаргон и стал основой великого и могучего русского языка, а заодно белорусского, украинского и польского.

Итак, в III веке север Восточной Европы был заселен финноязычными племенами. Южнее их в лесной зоне живут племена, говорящие на балтских диалектах. Степь и лесостепь занята сарматскими племенами — аланами или ясами, говорящими на языках иранской группы (на древнеосетинском диалекте). Кроме них лишь в предгорьях Кавказского хребта и по побережью Азовского моря кочевали адыги, говорящие на языке адыго-абхазской группы.

Но стабильная жизнь длится не вечно. Страшным испытанием для народов Европы было гуннское нашествие, обрушившееся на донские степи в 70-е годы IV века. Вероятно, вместе с гуннами прибыли и тюркские племена, в частности булгары. Они всколыхнули степь, не задев жителей лесных районов, лесной ландшафт был им чужд. А вот степнякам, прежде всего сарматам-аланам, пришлось потесниться, и под давлением вновь прибывших масс людей значительная часть иранских племен устремилась на запад — в Центральную Европу. Пройдя по степям Венгрии, сарматы дошли до Восточной Германии, где им пришлось менять уклад жизни. Отгонное скотоводство в лесной и лесостепной зонах было невозможно. Пришлось вести оседлое скотоводческое хозяйство, заготавливая для скотины корма на зиму, а также заниматься охотой, рыболовством, сеять просо и ячмень. Началось активное смешение с местным населением Центральной Европы — кельтами, германцами, фракийцами, балтами и иллирийцами.

Стал возникать новый пограничный этнос, язык которого вырабатывался на основе балтского, но под сильным влиянием древнеосетинского. Этот новый этнос, сармато-венецды, впоследствии получил название «славяне».

Вопрос становления языка весьма непростой — совершенно непонятно, по крайней мере мне, как и почему образуются новые языки? Почему римляне в Галлии завоевали кельтов, и кельтское в основном население приняло навязанный им меньшинством новый язык — вульгарную латынь? Затем сюда же

пришли германоязычные франки — и все вместе стали говорить не по-гальски, не по-германски, а на французском? Почему им не понравился германский?

Однако оставим этот запутанный вопрос языковедам и подчеркнем лишь результат — придя в Центральную Европу, изначально ираноязычные племена сармат-харват, сармат-сербов, русов-алан (роксолан) и русов-ясов (русьяска), смешавшись с покоренными ими балтскими племенами венедов-виндов, образовали новую этническую общность, став славянами-хорватами, славянами-сербами, славянами-русью.

Лишь часть племени роксолан, поселившаяся среди германских племен на реке Шельде, постепенно огерманилась и перешла на германский язык, закрепив за собой имя «рос».

Неизвестно, сколько времени занял этот процесс, но уже к V веку, как считают, в Центральной Европе славяне выделились из балтской и иранской группы племен. Однако никаких доказательств существования славян до VII века мне неизвестно. Многие считают, что термин «сакалиба» или «скловене», встречающийся у восточных и западных писателей, относится именно к славянам. Может быть, да, а может быть, и нет. Ибо «сакалиба» с таким же правом могло быть сарматским названием — так называлась столица саков, в которой правила царица Зарина. Да и в названии «скифы» тот же корень «сак», и «сколоты» — тоже не скловене-славяне, а племя иранское, скифское. Так что под термином «скловене» могут скрываться «сколоты-венеды», ирано-балты, уже не иранцы, но еще и не славяне либо просто еще не славяне. Хотя, несомненно, их потомки действительно стали славянами. Безусловно лишь то, что в IX веке славянский язык уже существовал — примеры этому приводит Константин Багрянородный. Это уже факт. Итак, в какой-то период времени с V по VIII век произошло важное (для нас) событие — на земле появился славянский язык.

Наиболее известным предводителем гуннов был Аттила, правитель гигантской империи, который жил в V веке. После его смерти погибла держава гуннов, распавшись вновь на племена. Консолидация степных племен шла медленно и завершиться не успела — в середине VI века в наши степи вторгся очередной поток восточных племен — авары, народ, родствен-

ный то ли эвенкам, то ли маньчжурам, то ли кетам. Но, вероятно, с ними шли и другие племена, например тюрки или монголы.

Не будем гадать, но к IX веку в наших степях жили хазары, народ угорского происхождения, но говоривший на тюркском языке, принявший в качестве государственной религии иудаизм.

В Хазарский каганат входили сами хазары, народ, живущий оседло в дельте Волги; барсилы, живущие в Восточной части Северного Кавказа, болгары. Соседями и союзниками их были сарматские племена Северного Кавказа и Подонья — аланы, предки осетин, бургасы, предки казаков и татар, ясы или степные ясы (русы) — предки казаков и левобережных украинцев. Их государство носило название Русьяска, то есть «Степная Осетия».

Слово «Русь» иранского происхождения, означает оно «светлый, степной». Те, кто жил в степи, назывались «русью», то есть «степняками» (полями).

В лесах, «в тени», жили другие иранцы — «теневики», «савары», от «сав» — «черный, темный». Может быть, «савроматы» тоже жили в лесостепи? Саваров наши летописи именуют «северянами», однако на севере они никогда не жили.

Союзником Хазарии была Волжская Булгария, где местные финноязычные племена смешались с ираноязычными бургасами и тюрками-булгарами, дав начало татарскому народу¹.

Моисей Каганкатвацци сообщает о внешности хазар и тюрок — они носили длинные волосы. Угры и авары заплетали волосы в косы. Третий тип причесок — бритые головы — принадлежали, как мне кажется, иранцам-сарматам, чьи потомки, украинские казаки, брили головы, оставляя лишь оселедец, еще не один век.

Надо сказать, что и сарматы, и авары, и болгары, и тем более хазары имели письменность, у них было свое руническое письмо — степная руника, в настоящий момент она известна и в принципе читаема, хотя, к сожалению, работы по тюркской рунике остаются малоизвестными нашим читателям, ве-

¹ Племя татар к татаро-монголам по своему происхождению относится ничуть не больше, чем рязанцы или чуваша.

роятно, потому, что неприятно праздновать изобретение русской азбуки, одновременно сообщая, что все остальные народы нашей страны к этому времени давно уже были грамотными. Надо бы просто признать, что наши предки были грамотными еще до того, как стали славянами, и вопрос был бы исчерпан.

Но вернемся в X век. На севере живут финноязычные племена, которых в скандинавских сагах называют финнами (в Финляндии), чудь (в Кирьяланде-Корелии), биармы (жители Биармии — Перми, от «пере мяя» — «земля позади»), квенны (в Квенугардии — Кенугардии, которую часто путают с Киевом, уж очень хочется как можно больше сведений найти о Киевской Руси), а также меря и мурома. Южнее финнов живут балты: в Пруссии и Литве (включавшей и Белорусские земли). Еще южнее (южнее Смоленска и Каширы) находилось государство Гардарики, населенное ясами (северянами и полянами).

Еще южнее Печенигия и Хазария.

X век — самое интересное время в нашей Истории — это век образования Древнерусского государства, как гласит предание.

Однако на территории современной Украины в X веке еще не звучала славянская речь. Не было больших городов. Не было своих летописцев. Для того чтобы появились свои историки, необходимо иметь достаточно развитую городскую культуру. Когда такие условия появляются, начинается работа по восстановлению своего прошлого. Поэтому монахи-летописцы пользуются простым приемом: они собирают все сведения, которые, как им кажется, могут относиться к их городу, их народу, их стране. Кое-что добавляют от себя, и все это выдается за факты истории. Теперь и вы держите в руках книгу таких фактов. Теперь и вы можете разобраться в том, как сочиняется история. Все в ваших руках! Дерзайте!

Содержание

От автора.....	3
Вместо введения:	
Легенды и факты нашей истории.....	5
«От Адама до Гостомысла».....	7
Буривой.....	29
О Боге и летосчислении.....	33
Андрей Первозванный.....	46
Рассказы о русских князьях.....	49
Родоначальник русский Гостомysl и Рюрик.....	74
Вадим Храбрый.....	80
Вещий Олег и Одд-Олег.....	81
Игорь Отважный.....	105
Ольга.....	135
Святослав.....	165
Владимир и его братья.....	207
Ярослав и его братья.....	253
«Аз буквы вети».....	295
«1000-летие крещения Руси», или Какую веру принял князь Владимир Святой.....	310
И снова о русских князьях.....	337
Период княжеских усобиц. Сыновья Ярослава Мудрого. . . .	337
Владимир Мономах.....	391
Поход аргонавтов, Троянская история и Тмутаракань — страницы русской истории.....	397

Научно-популярное издание

Алексей Александрович Бычков

**КИЕВСКАЯ РУСЬ.
Страна, которой никогда не было?**

Редактор *Е. В. Сатарова*
Компьютерная верстка *М. С. Анашко*
Корректор *Г. И. Иванова*

ООО «Агентство «КРПА «Олимп»
121151, Москва, а/я 92
www.rus-olimp.ru
E-mail: olimpus@dol.ru

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва,
пр. Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.